
В.Л.Телицын, Е.Н.Козлова

**РОССИЙСКАЯ
КОМПАНИЯ:
ЧТО ЭТО БЫЛО**

Очерки

СОБРАНИЕ

Москва • 2009

УДК 338+316/42(47+57)(091)
ББК 63.3(2)6
Т31

*Книга издается
в авторской редакции*

ISBN 978-5-9606-0084-2

© Телицын В.Л., Козлова Е.Н., 2009
© Оформление. ООО «Издательство «Собрание», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
Явление кооперации	11
Что такое кооперация?	18
Кооперация: теория политических иллюзий	25
Что такое кооперация? (Продолжение)	44
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	46
Кооперация, как «памятник идеологической борьбы»	46
Кооперация как технология социализма	50
Идея ассоциации Н.Г.Чернышевского, как составная часть теории социализма	66
Кооперация и государство	79
Принципы Ф.В.Раффейзена и Шульце-Делича: два взгляда	102
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	105
Кооперативное воспитание новой личности	105
Кооперация и интеллигенция	124
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	141
Первый Всероссийский кооперативный съезд	141
1917 год и чрезвычайные съезды российских кооператоров	145
Союзное строительство, как система кооперации	165

ЧАСТЬ ПЯТАЯ	177
Кооперативный закон и его предыстория	177
Аграрная программа кооператоров	180
Продовольственная программа кооператоров	196
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	207
Рабочая кооперация	207
Армейская кооперация. Экономические общества — первый институт социальной защиты российских офицеров	214
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	226
Наемный труд и кооперация	226
Многолапочные кооперативы	230
Московский союз потребительных обществ	238
Земледельческая производственная община «Криница»	252
Что такое кибуцы	261
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	264
Политический портрет российских кооператоров ...	264
Николай Петрович Гибнер (1858–1924) и его «Система кооперации»	270
Масоны — кооператоры	277
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ	283
«Власть народа» («Родина») — газета демократическая и социалистическая	283
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ	304
Новая экономическая политика и кооперация	304
Рочдель или Москва?	307
ПРИМЕЧАНИЯ	315

ВСТУПЛЕНИЕ

«Прошлое не может сказать, что нам
делать. Но оно может предупредить,
чего нам не делать».

Хосе Ортега-и-Гассет

Кооперация, в общепринятом понимании — объединение мелких собственников (трудовой союз собственников), обобществивших процесс производства или сбыта для решения какой-либо экономической задачи. Российские деятели, идеологи и пропагандисты кооперации рассматривали ее с нескольких позиций.

В *социальном* плане — как средство социализации общественных отношений, борьбы с частным капиталом. «Кооперация старается преобразовать общество постепенно: путем *конкуренции* с капитализмом и частным капиталом! Победит тот, кто лучше»¹. Кооперация «несет с собой преобразование современного жизненного уклада. При этом свою преобразовательную работу она начинает не с разрушения, а прямо с положительного творчества. В рамках наличного общественного строя она прямо возводит новые социальные формы. Она не стремится свалить жизненный уклад ударами сверху или сбоку. Вместо того она пропитывается своими новыми началами все внутренние ткани существующего общественного организма, приводя его этим к органическому внутреннему переждению»².

В *политическом* плане кооперация — организованное мирное общественное движение, признающее экономические и культурные методы работы (впрочем, как показала практика, политические также не исключались). По формулировке 1918 г., «вся кооперативная работа целиком проходит в круге общей борьбы трудящихся за социализм»³.

В *экономическом* плане кооперация — составная часть социалистической теории, средство организации труда, коммунальных форм общежития, обобществления капитала, «новая форма» экономических отношений, «основа» идеального светлого будущего. «Кооперация идет мирным путем и обладает только культурными способами экономических отношений различные группы сельскохозяйственного населения, служит связующим цементом между

дифференцирующими элементами»⁴. Кооперация «дала возможность демократическим массам учиться на практике, путем конкретного, ясного всем опыта, труднейшей науке управления своим собственным народным хозяйством»⁵. Кооперация мыслилась как целая социальная и народно-хозяйственная система⁶.

Кооперация может рассматриваться не только как социально-экономическое или политическое явление, но и как *этико-философское* понятие, как некая система взглядов, средство воспитания коллектива, «внедрения» идеальной социалистической доктрины, мечты об устройении совершенного общества, «нового порядка». В этом смысле можно говорить о ней как об упрощенной идеологии общинно-государственного толка, движении в общем строю к придуманному светлому будущему. Организовывать массы в кооперативные колонны, вдохновленные простой и заманчивой идеей, призвана была интеллигенция.

История человечества есть *исключительно* история частной собственности. В идее *ассоциации (кооперации)* изначально не было ничего социалистического. Она была основана на частной собственности, т. е. по сути своей была идеей либеральной. Либерализм придерживается принципа эволюционного преобразования существующих экономических структур, провозглашая незыблемость частной собственности перед лицом государственной власти. Либерализм декларирует свободу тех видов деятельности, которые направлены на укрепление частной собственности, причем «поддерживает всякую инициативу и все виды социальных предприятий, поскольку он видит в них проявление и обогащение человеческой личности, развитие сил и способностей человека». Но если либерализм будет «навязывать» существующей системе «схемы извне, он всегда будет в этом перекрыт и побит социализмом»⁷.

Общественные и политические течения в России начала XX в. постепенно утрачивали либеральную краску, приобретая отчетливые социалистические оттенки. Это произошло и с идеей кооперации. Кооперация теоретически рассматривалась как форма коллективизма, как община, не нуждающаяся в частной собственности. По мере того, как социалистическая идеология побеждала в общественном сознании радикальной российской интеллигенции, различные политические партии и движения обращали все более пристальное внимание на кооперативную идеологию. Российский кооперативизм эклектичен, его корни общинно-утопичны; как один из вариантов учения о социализме, в XX в. он предстает уже не только как некий союз интеллигенции и кооперированной массы, но и как явление тоталитарной государственной жизни. По-

литические партии Европы тоже тяготели к кооперации. Например, в Германии социал-демократы были близки к потребительным структурам, либералы — к сберегательным кассам, консерваторы — к кредитным товариществам. В России эсеры обращали основное внимание на аграрный сектор; кадеты — на потребительную, а социал-демократы — на производственную кооперацию. Февраль 1917-го ознаменовал победу социал-демократических идеалов.

Слабость русского либерализма, «размытого напльвами социалистических настроений умеренного толка», объясняет тот факт, что в Учредительном собрании были представлены в основном умеренные социалисты. Участие в выборах в Учредительное собрание «кооперативной партии» означало, что нарушен принцип политического нейтралитета кооперации и она открыто втягивается в политические игры. Власть оказалась волею судеб в руках социалистических партий. «Социалистические идеи насыщают общественную атмосферу нашего времени», вопрос в том, «в какой мере социализм может быть осуществлен в ближайшем будущем..., в какой мере совершенно новый общественный строй... может, наконец, превратить все... утопии в будничную повседневность», — размышлял один из теоретиков кооперативизма М.И. Туган-Барановский⁸.

«Союз потребителей», его идеологический центр (Секретариат) — позже объединенные в единый, координирующий центр всей Российской кооперации (Совет ВКС), поставили цель — выработать теорию, обосновывающую объединение всех видов кооперативного движения в единую систему. Временное правительство, проводя политику постепенного огосударствления социальной жизни и хозяйственной деятельности, содействовало созданию благоприятных условий для осуществления кооперативной программы. В политических построениях новой власти усматривалось стремление к единству государственной кооперативной политики.

Слияние кооперативного интереса и государственного начала, по сути, есть отказ от личного в пользу общественного, т. е. один из постулатов социалистической идеологии. «Каждое отдельное лицо отказывается от своих прав в пользу правительства, которое берет на себя обязанности обеспечить каждому приличное и достаточное существование», — принцип, уходящий своими корнями в Великую Французскую революцию. Кооперация в руках государства становится механизмом, экономической моделью, ячейкой построения нового строя, разрушения старых отношений, средством обобществления производства и потребления, орудием социальной политики. «Нужно сделать так, чтобы наше народное

хозяйство было *всенародным достоянием*. Демократия через кооперативные организации, органы местного самоуправления и представительные государственные органы должна получить право руководства народным хозяйством и общественного контроля над ним. Каковы бы ни были политические условия, в которых будет жить наша страна, — без организованной кооперации теперь не обойдется ни один строй», — писал Прокопович, один из разработчиков кооперативного законодательства⁹.

Теория «особой модели», «особого пути» развития российской кооперации получила развитие в трудах М.Н.Соболева, В.Ф.Тотомиянца, А.Н.Анцыферова, В.В.Сухомлина, К.А.Пажитнова и других исследователей, считавших себя сторонниками социалистического выбора. Появлению этой теории способствовали не только отсталость и неразвитость экономических отношений в России, но и неверное определение предмета политической экономии. Русские экономисты, как правило, рассуждали с позиций не научного подхода, а политического мировоззрения. Н.Г.Чернышевский утверждал, что наука «должна признавать естественным только то, что выгодно для человека вообще». «Новая теория» идет по пути поиска учреждений, которые давали бы «наивыгоднейшее для общества распределение ценностей», «теория трудящихся не принимает воззрений о выгодах одиночного хозяйства». Необходимой формой для производства «теорий трудящихся есть товарищество». Вопрос экономической эффективности, рациональности существования этого института не ставится. «Я этого не знаю и не хочу знать... и потому говорю, что производство должно иметь форму товарищества трудящихся», — вот основные положения «научного» подхода теоретика социализма. Своеобразный план государственного преобразования на новых экономических началах хозяйствования Чернышевский предлагал в статье «Капитал и труд»¹⁰: пропагандируемый им принцип ассоциации (товарищества) основан на «законодательном определении экономических отношений». Чернышевский предстает одним из теоретиков идеи ассоциации, примеряя ее к идее социализма и ставя задачу «преобразования экономического устройства искусственным образом».

Какая структура собственности является наиболее оптимальной для экономического развития общества? Вопрос этот стал камнем преткновения для российской интеллигенции уже в силу ее места в социальной структуре. Н.А.Бердяев определял интеллигенцию как «особое» духовно-социальное образование, не «социальный класс», а «идеалистический класс, класс людей, целиком увлеченных идеями, готовых к жертвам и лишению во имя этого»¹¹.

Надолго оказавшись в плену доктрин, основанных на утопических убеждениях, интеллигенция не смогла трезво взглянуть и на кооперацию как на коллективную форму хозяйственной деятельности, основанную на *личном* интересе. Кооперация рассматривалась с позиций реализации «инстинктов общественности», выхода «народной энергии», жажды «коллективного строительства», «возможности демократическим массам учиться... науке управления своим собственным народным хозяйством»¹². Таким образом, обобществление хозяйственной жизни воспринималось не как средство, а как цель кооперации. Российские теоретики — проповедники теории кооперативного социализма — вышли за рамки потребительской кооперации. М.И.Туган-Барановский в работе «Социальные основы кооперации» (1916) говорил о кооперации как о «хозяйственном предприятии», новом «свободном хозяйственном строе». Теория кооперативного социализма положила начало теории перехода общества из одной общественно-экономической формации в другую. Экономист-народник Н.П.Макаров отводил «кооперативной системе» промежуточное место между двумя социальными системами¹³.

Туган-Барановскому и Макарову противостоял Литошенко: «Самое историческое значение кооперация получает лишь при законченной системе кооперативных звеньев, начиная от самого низа и кончая самым верхом; если она осуществляет социальную борьбу классов, то свою социально-ударную силу она получает лишь при достаточном развитии своих союзных форм; последние же немыслимы без кооперативов первой степени... Кооперация мыслится как *целая социальная и народнохозяйственная система*, в которой каждая часть выполняет свои особые *технические функции*, но свое значение получает лишь в общем содружестве всех частей»¹⁴.

Известный теоретик кооперации социалист А.Меркулов после Февральской революции, когда «господами положения в России оказались социалистические партии», предлагал «кооператору внимательно и беспристрастно оценить общественно-историческое значение кооперации, попытаться оформить кооперативную концепцию общественной эволюции». Признавая кооперацию «одной из ветвей общественного движения, подготовляющих социалистический строй», он считал, что «сущность кооперации — борьба с торговым, промышленным и финансовым капиталом и постепенное обобществление самых разнообразных отраслей народного хозяйства...». Кооперация, непрерывно видоизменяя жизнь в процессе самой жизни, «осуществляет постепенное вытеснение отживших или общественно-нецелесообразных форм новыми, более совершенными».

ми»¹⁵. «Обобществление народного хозяйства остается всегда для людей, не ослепленных догмой, лишь средством. А цель — достижение царства социальной гармонии, отдаленным маяком для всякого социального реформатора всегда будет служить образ гармоничного человека»¹⁶.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Явление кооперации

«Чтобы судить о состоянии общества, нельзя делать заключений по одним только мнениям дурных людей. Гораздо вернее раскрывается это состояние, если знаешь идеалы общества, если судишь по тем мнениям, которые открыто выражают, по тем делам, которые позволяют себе те люди, которых считают хорошими в общем мнении, а, пожалуй, даже и лучшими».

Н.В.Басаргин

«Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем, чем угодно, но только не буржуазно ограниченными».

Ф.Энгельс

«Что же такое, в самом деле, кооперация?.. Кооперация вращается, прежде всего, в сфере хозяйственных отношений. Преследование хозяйственных целей составляет коренной и необходимый признак кооперативной организации, отличающей ее от благотворительных обществ и всякого рода других видов взаимопомощи».

А.Н.Анцыферов

Кооперация стара, как сама история. Каковы истоки и движущие начала этого явления, какими путями развивались кооперативные формы, что реально представляет собой кооперативная система в общепринятом ее понимании?

Термин «cooperatio» в переводе с латинского означает «сотрудничество» в широком смысле, различия существуют только во внутреннем смысле и характерных особенностях хозяйственного сотрудничества¹⁷. «Всякая кооперация есть, конечно, сотрудничество, — утверждал известный в прошлом экономист К.А.Пажитнов, — но не всякое сотрудничество есть кооперация».

В середине XIX в. «кооперация» как форма коллективного хозяйствования вошла в российскую действительность. Впервые определение этому понятию дал еще словарь 1803 г., широко толковавший понятие «ассоциация» как «коалиция», т. е. союз единомышленников¹⁸. Кооперация, основанная по принципу *самопомощи* (идея соединения труда и капитала), вошла в историю под именем *ассоциации*. Этот термин имел хождение до вытеснения его новым словом *кооперация*. Понятие «ассоциация» изначально обозначало любую форму объединения отдельных лиц, направленную на достижение общей цели — политический клуб, духовное братство, орден¹⁹. Но наибольшее распространение оно нашло в экономической сфере²⁰.

«Под «кооперацией» разумеется всякое сотрудничество нескольких лиц для достижения какой-либо общей цели. В области хозяйственной деятельности люди могут соединяться для совокупного приобретения предметов потребления, или же, наконец, для достижения обеих этих целей одновременно», — говорилось в Энциклопедическом словаре 1895 г.²¹ «Новый энциклопедический словарь» (конец XIX в.) сообщал, что разнообразные по своему «экономическому значению и юридической организации» формы кооперативных объединений «не могут быть охвачены одним общим определением».

Родиной кооперации, в современном смысле этого понятия, стала Англия. Идеи кооперативных форм трудовых взаимоотношений зародились там еще в середине XVII в. в эпоху формирования рыночных принципов и связанных с этим периодом социальных потрясений, развития торгового капитала, крушения феодальных связей и отношений и подготовки почвы для развития капитализма. Буржуазная революция (1642–1649), давшая импульс развитию общественно-политической мысли в Англии, — явление Нового времени, времени зарождения современного буржуазного мира, поиска и юридического закрепления новых форм экономических взаимоотношений.

Большое распространение в период английской революции получили идеи так называемых левеллеров (уравнителей) во главе с Джоном Лильберном (1614–1657). Левеллеры осуждали абсолю-

тизм, пропагандировали принципы свободы и равноправия, выступали за республиканскую форму правления, налоговые и политические реформы, не покушаясь, однако, на частную собственность. Идеологию нарождавшейся буржуазии прекрасно выразил Даниэль Дефо. Он считал, что среднее положение в обществе наиболее благоприятствует расцвету всех добродетелей и всех радостей бытия: мир и довольство — слуги его; умеренность, воздержанность, здоровье, спокойствие духа, общительность, приятные всевозможные развлечения, всевозможные удовольствия — его благословенные спутники.

Эта же эпоха стала и временем заката меркантилизма и становления политической экономии: накапливался материал, были брошены на благодатную почву ценные мысли. Архитекторами политической экономии изначально становились предприимчивые люди — кушцы, «практики жизни». Автором теории торгового капитала («Сокровища Англии во внешней торговле, или Баланс высшей внешней торговли») явился крупный купец Томас Лен (1571–1641). Вильям Петти (1623–1687), предприимчивый сын бедного ремесленника, врач, ловкий царедворец, землемер, математик, кораблестроитель, торговец и политик, стал автором «политической арифметики» — теории трудовой стоимости. Либерал Джон Локк (1632–1704) внес в политическую экономию методы исследования естественных наук. Он был теоретиком конституционной системы, в которой активную роль в государственном управлении отводил третьему сословию, ибо промышленный «буржуазный рассудок есть нормальный рассудок». Локк провозгласил природное равенство людей, право каждого человека на собственность, приобретенную трудом, свободу, равенство перед законом, человеческое достоинство. На основе теории «естественного права» Локка складывался и новый взгляд на происхождение государства: «гражданское общество» есть «общественный договор между народами и правителями». «Сам человек и общественная жизнь подвластны естественным, разумным и неизменным законам, которые надо обнаружить, записать и добиться точного и всеобщего исполнения. Цель образования государства — охранение свободы и собственности». Дарлей Норс (1611–1632), крупный торговец, рассматривал экономику как естественно развивающийся процесс с имманентно присущими ему законами и выражал враждебное отношение к государственному вмешательству в эту сферу. Норс определил философию экономической политики: «Никакой народ не разбогател через государственные мероприятия, но только мир, трудолюбие и свобода создали торговлю и богатство»²².

Предприимчивые люди провозглашали гибель старого порядка, мир обогащался новыми открытиями. Роберт Гук (вторая половина XVII в.) — физик, биолог, геолог, «праотец» закона тяготения — вел ожесточенную полемику с Исааком Ньютоном, выпускником Манчестерского университета, где закладывались основы материалистической философии, научного естествознания, обосновывались научные истины.

XVII век — это период, когда «с Библией соперничал гресбук», когда образование было востребовано временем. Состоятельные люди ввели принцип кооперации в область субсидирования образования. Лавочники, ремесленники поддержали идею «акционерных предприятий» в обустройстве общеобразовательных школ. Английская проза становилась способом выражения духа времени, средством рассмотрения причин общественных бедствий, приобретала идеологическую форму утопических мечтаний.

В ряду социальных реформаторов XVII в. особое место занимает Корнелиус Питер Ван Плокхай, голландец по происхождению, который в 1659 г. представил английскому диктатору Оливеру Кромвелю проект «Предложение способа сделать бедняков той или другой нации счастливыми путем объединения известного числа подходящих и удобных для того людей в общее хозяйство или маленькую республику, средство избавить ту или иную нацию не только от левых, дурных или испорченных людей, но также и тех лиц, которые искали и нашли способы жить за счет других». На фоне морально устаревших религиозно-общинных идеалистических устремлений («восстановить снова любовь, справедливость, братское единение», «страхнуть иго светских и духовных фараонов») автор проекта утверждал черты новой экономической эпохи: паевое товарищеское производство на рынке сбыта, наемный труд, конкуренция с частным предпринимателем для капиталистического преуспевания (получение дивиденда), право сохранения частной собственности на имущество. Выступал он и сборником оптовой закупки и крупного производства. Идея уменьшения социальной напряженности в обществе сводилась к созданию *хозяйственного паевого товарищества* — «маленькой республики», где *пай* (земля, деньги, движимое имущество) оставался бы собственностью членов, вступивших во временный союз, а размер пая не должен был служить основанием для начисления прибыли. Основой вознаграждения членов-пайщиков являлся труд, обеспечивавший высокую производственную прибыль (шестичасовой рабочий день пайщиков и двенадцатичасовой — наемных рабочих), а также выпуск дешевых товаров при оптовой

закупке сырья, совместное проживание и экономное ведение хозяйства.

Английский писатель-квакер Джон Беллерс (1654–1725) в 1695 г. выступил с «Проектом учреждения рабочего колледжа всех полезных ремесел и сельского хозяйства». По форме этот колледж представлял собой товарищество ремесленников. Проект опирался на незыблемое право частной собственности. Распределение дохода в «рабочем колледже» предполагалось по труду и капиталу. Особенность проекта состояла в том, что при отсутствии паевых средств у участников «колледжа» расчет шел на ссуду у состоятельных заимодателей при условии выплаты дивиденда на внесенный ими капитал по истечении срока, нужного для становления предприятия. Здесь прослеживается параллель с будущими утопическими мечтаниями Р.Оуэна и Ш.Фурье о добровольных пожертвованиях средств в пользу предприятий. Мерилом ценностей, истинным богатством Беллерс считал труд, денежный эквивалент которого он отрицал. Планомерное хозяйство товарищества ремесленников предполагало распределение средств на производство, удовлетворение потребностей членов общины, выделение запаса, расширение общины, образование и воспитание детей, распределение остаточной части прибыли между участниками общины. Проект Беллерса, опубликованный Оуэном, который считал себя его учеником, получил распространение в рабочих кругах, способствовал развитию идеи создания коллективных предприятий. Лишь отсутствие средств у Беллерса не позволило осуществить задуманное.

Как видно, в основу проектов кооперативного предприятия, задолго до практического его воплощения, изначально была положена либеральная мысль о соединении труда и капитала, гарантии права личности и собственности. Проекты стали выражением потребности времени, нашли свое продолжение и развитие в новой экономической ситуации.

Литературное движение как зеркало жизни отражало острые социальные конфликты переломной эпохи. Даниэль Дефо²³ одним из первых в Англии взглянул на старый мир «проницательными глазами современного человека». Трехтомник Дефо «Путешествия по всему острову Великобритания» (1724–1727 гг.) — экономическое исследование, подробнейший путеводитель по стране. Профессиональный журналист, политэконом, купец и политик Дефо подвел итог гибели старого мира и стал провозвестником становления нового. Философию нового времени сформулировал Локк, ее психологию — Дефо. XVIII век в Англии — время укрепле-

ния торговли как «основы могущества и богатства страны». В центре государственной стратегии колониальная политика. Дефо — делец и предприниматель, сторонник мировой торговой политики, с младых ногтей втянутый в торговые операции, купец-оптовик, владелец оптовых складов в торгово-финансовом центре Лондона, страховой маклер торгово-купеческих судов. Но он не был циником, в «разгул всеобщего эгоизма» уважал труд людей, защищал интересы гражданина и религиозную свободу. Его идеал — умеренность во всем, честная прибыль.

В начале XVIII в., во время борьбы между палатами парламента, политиками всех мастей, раздора прессы по поводу новой войны с Францией, Дефо опубликовал свой знаменитый памфлет «О верховных правах английского народа», один из лучших политических трактатов, ясное и логическое изложение основ английской конституции. Защищая демократические права народа и свободу выбора, он выступал против войны, напоминал парламентариям об их обязанностях служить интересам народа: в свободной стране «англичане никогда не будут рабами не только короля, но и парламента». В 1713 г. Дефо издал памфлет о благах свободной торговли, в котором утверждал, что сокращение и упразднение торговых пошлин должно способствовать расширению торговли, удешевлению всех необходимых предметов потребления и повышению уровня всеобщего благосостояния. Выбор темы романа Дефо — «Жизнь, необычные и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719) — не случаен²⁴. Это роман о скитаниях заблудшей души, совершившей «первородный грех» — неповиновение родительской воле. В конце повествования блудный сын приходит к простой, не терпящей суеты мудрости: «Удивительно, что почти никто не задумывался над тем, какое множество мелких работ надо произвести, чтобы вырастить, сохранить, собрать, приготовить и выпечь обыкновенный кусок хлеба.»

В 1698 г. Дефо написал одну из самых знаменитых своих книг — «Опыт о проектах», столь же удивительную по смелости и новизне идей, сколь беспримерную по широте успеха. Здесь автор наметил целую социально-экономическую программу для Англии: учреждение государственного и национального банка с отделениями в провинции — «план грандиозной банковской системы»; проект устройства больших общественных дорог с подробностями их сооружений и содержания, который представлял «неисчислимыя выгоды улучшенных путей сообщения как самого доходного источника общественного благосостояния»; страхование разного рода (от огня, морской стихии); совето-

вал «для обеспечения торговых отношений смягчение законов против частного банкротства и тем большую строгость против доказанного обмана»; защищал права женщин на образование (проект учреждения «Академии высшего образования»); ратовал за создание бесплатных государственных лечебниц (домов) для душевно больных, почитая это «одной из важнейших забот великой человеческой семьи».

Дефо подробно развил программу государственного социального страхования — проект кооперативных товариществ для взаимной помощи «в случае постигшего их члена бедствия и нищеты», а также пенсионную программу — проект устройства по всей Англии пенсионных касс, в которые бедные люди вкладывали бы небольшие суммы для получения пособия в случаях болезни и увечья, а также пенсионера по старости. Дефо шел в ногу со временем: его по праву считают не только организатором первого потребительного общества, но и автором множества трактатов и эссе по экономике, коммерции и политике, богословию, по глобальным и частным проблемам, в том числе «Всеобщей истории торговли», торгового кодекса (специальное наставление купечеству), проникнутого джентльменским духом. Он — сторонник укрепления положения среднего сословия, формирования *этики* рыночных отношений, когда деловитость заняла место дворянской чести. Основой декларируемых этических принципов Дефо провозглашал *честный бизнес, продажу качественных товаров полным весом и мерой, отказ от погони за прибылью любой ценой*. Проекты Дефо произвели неизгладимое впечатление на Бенджамин Франклина, что имело дальнейшее развитие — учреждение в 1752 г. в Филадельфии кооперативного страхования жилых домов.

Дефо — типичный представитель среднего класса, интеллект, создающий представление о здоровой национальной жизни. В его понимании город, деревня, земля, промышленность — гармоничные части единой экономической системы. Он одним из первых взглянул на старый мир глазами современного человека. А Англия одной из первых в Европе встала на путь новых экономических отношений. Состоятельные люди ввели здесь принципы демократической кооперации в области субсидирования образовательных школ, «акционерных предприятий», ассоциаций. Жизнь не стояла на месте, ставила новые проблемы, требовала их решения.

Что такое кооперация?

«Были и есть у русской кооперации ее проповедники и ее теоретики».

В.Махновец

«Кооперация составляет субстанцию жизни русского народа, — восклицает П.Кропоткин, — Россия не знает примеров кооперации, возражают казанские практики... Но это два полюса мнений... Более осторожные люди и выражаются осторожно, хотя от этого ни сколько не легче ни читателю, ни исследователю».

А.Николаев

Идея кооперации (ассоциации) занимает одно из центральных мест в общественной мысли Европы с середины XIX в. По словам Шарля Фурье, кооперация «является основанием всей хозяйственной жизни», зародыши которой «рассеяны во всем социальном организме». Российские теоретики кооперации в этом вопросе пошли еще дальше: так, для Н.П.Баллина кооперация — «звезда надежды», «внутренняя человеческая потребность, задача всего человечества, всего космоса! Она развивается везде и во всем»²⁵.

В России термин «кооперация», сменивший понятие «ассоциация», вошел в лексикон в 1860-е гг.²⁶ Что такое кооперация? Ответ на поставленный вопрос пытались найти многие деятели кооперативного движения. О трудностях, которые возникали при решении этого вопроса, писали известные экономисты. Ответы различны: под кооперацией не всегда понималось одно и то же. С одной стороны, кооперация рассматривается как социальная форма хозяйствования, как совокупность собственно кооперативов — предприятий и хозяйственных организаций, функционирующих по известным демократическим принципам. С другой стороны — как особый социальный строй (новая социально-экономическая общность, во многом отличная от капиталистической), кооперативное общество, так называемое «социетарное общество» Фурье, «новый нравственный мир» Оуэна, «кооперативное общество» или «кооперативный социализм» Жида и проч.

Развиваясь в нескольких ипостасях, идея кооперации в практическом воплощении предстает как новая хозяйственная форма, но как теоретическое учение о будущем некапиталистичес-

кого общества она не получила законченного воплощения. Наиболее точно подобное двуединство выразила Британская энциклопедия: «Кооперация, понимаемая... в техническом смысле, занимает середину между доктринами коммунистов и социалистов, с одной стороны, частной собственностью и свободой индивидуального труда и предприимчивости — с другой».

Какое содержание вкладывали в это понятие теоретики и практики кооперативного движения в России? «Когда появляется надобность определить ближе — а что такое кооперация, — то не просто получить ясный, а тем более однообразный ответ», — констатировал Гибнер²⁷. М.И.Туган-Барановский отмечал, что теория кооперации не делает успехов «и до настоящего времени не существует ничего похожего на общепринятое определение сущности кооператива и общепринятую классификацию кооперативов»²⁸. «Есть реально в жизни существующее кооперативное движение, но исключительно скудно развернута и разработана кооперативная идеология», — вторит ему Макаров²⁹.

В обширной кооперативной литературе непросто найти определение, которое можно было бы назвать общепризнанным. Проблема эта остается актуальной и в наши дни и вполне могла бы послужить темой для дискуссии, поскольку, как и ранее, «среди самих деятелей кооперативного движения нет определенного представления» по этому вопросу³⁰. В законе о кооперации 1917 г., принятом Временным правительством, понятие «кооперация» сформулировано как общественное движение. А в законе, принятом в СССР в мае 1988 г., оно слишком размыто, не получили адекватного отражения и принципы ее деятельности. Спорными были и многие другие вопросы: о прибыли в кооперации, о ее взаимоотношениях с правительственными органами, о ее политическом нейтралитете и независимости и, наконец, о специфике и характере кооперативной собственности.

«Первый вопрос, который возникает перед каждым исследователем кооперативного движения, это вопрос об объеме, о конкретных границах его исследования: какие экономические образования должны быть отнесены к числу кооперативных форм хозяйственной жизни, и в чем состоят основные признаки кооперативных учреждений, в противоположность некооперативным. Разрешить этот вопрос, значит, дать определение понятий кооперации», — писал С.Н.Прокопович³¹. Ввиду существования в России разнообразных, в том числе и примитивных форм кооперации, Прокопович говорил о борьбе двух начал — общинного (коммунистического) и кооперативного.

А.В. Чаянов, разделяя историю русской кооперации на два периода, писал, что в первый период, продолжавшийся до 1913 г., кооперативная жизнь представляла собой «продуманное логическое построение» и «кооперативная теория далеко опережала кооперативную фабрику, когда многое теоретически предвиделось, о многом мечтали, но не имели ни сил, ни возможности воплотить теоретические построения в жизнь»³². Во второй период «наблюдающий и обобщающий мозг не успевает поспевать за практической жизнью, и теория плетется в хвосте практики», кооперация становится «одной из важнейших слагающих нашей народно-хозяйственной жизни и превращается в стихийное массовое движение», «мало завися от каких-либо планов социальных архитекторов и часто не только не подчиняясь их воле, но, заставляя их следовать своему развитию». В этих условиях, замечает Чаянов, кооперативное строительство «происходит далеко не столь сознательно, как бы это хотелось»³³. Когда широкое кооперативное движение «входит в самую толпу народного хозяйства и делается одной из неотъемлемых его основ — начинают проявляться классовые и иные противоречия, и идеологический мираж рассеивается, как дым»³⁴. «Если раньше вопросы кооперативной идеологии были в большей мере вопросами теоретического своего значения, то теперь их нормативное жизненно-практическое значение неустанно растет», — подчеркивал и Макаров³⁵.

В 1927 г. Чаянов отмечал, что мы не имеем «законченной и общепризнанной общей теории кооперации» и «мы должны, прежде всего, яснее установить, как понимается нами в данном случае само понятие “кооперация”, какое организационное и экономическое содержание мы в него вносим и по каким признакам отмежевываем ее от всяких других образований. Ввиду самой широкой распространенности в нашем быту слова “кооперация” эта задача кажется элементарно простой. Однако это далеко не так, и можно, пожалуй, признать, что понятие это принадлежит к числу самых расплывчатых и неясных...»³⁶.

В дискуссии о сущности кооперации, прошедшей на страницах журнала «Вестник кооперации» (ред. Туган-Барановский), выступали многие ее идеологи и практики: М.Хейсин, Э.Левин, В.Пекарский и др. В.Ф.Тотомианц предложил отложить «до будущего времени создание единой теории кооперации»³⁷. Хейсин писал, что Россия, как и Западная Европа, располагает богатой литературой по кооперации, однако до «научного изучения кооперации мы не дошли». Он призывал к созданию общества изучения кооперации, считая это одной из насущных задач кооперативного

движения, и возлагал осуществление решения этой задачи на Совет Всероссийских кооперативных съездов — центральный орган российской кооперации³⁸.

С первых шагов существования кооперации в ее деятельности просматривалась тенденция распространить свое влияние за пределы явлений экономического характера, придать ей некую функцию социального движения — могучего средства социализации общественных отношений.

Первая попытка внедрения кооперации в российскую действительность не увенчалась успехом, поскольку либеральные народники рассматривали ее как универсальное средство народного благополучия³⁹. Спустя 50 лет, когда руководить кооперацией стали представители российской социал-демократии, движению отводится новая роль, ставится вопрос о разработке кооперативной теории. От старой кооперации осталась идея универсальности. Теории отводилась функция некоего руля, направляющего движение, «ибо только последняя может направить движение... на верную дорогу, выработать надлежащие средства для достижения намеченных им целей и установить правильное взаимоотношение с другими формами социального движения»⁴⁰.

В призыве «расширять свои владения», «укреплять позиции», «сделать ряд новых завоеваний» кооператоры-радикалы не были одиноки. Туган-Барановский замечал, что «теория кооперации не только не делает успехов, но почти не существует», хотя сама кооперация «как крупнейшая демократическая организационная сила может и должна принять более непосредственное участие в политической жизни, беря на себя такие функции, которые обычно выполняются политическими организациями». Однако он предлагал не смешивать политическую и экономическую деятельность кооперации, предполагающие свои организации, «специально приспособленные для этих целей»⁴¹. Пажитнов считал, что «вопрос об отношении кооперации к политике и политическим партиям принадлежит к числу весьма сложных вопросов и в разное время разрешается различно, в зависимости от условий, места и времени»⁴². Меркулов признавал возможность участия кооперативных организаций в политической жизни, но при условии, что они не нарушают своей нейтральности, поскольку «политика не имеет ничего общего с какой бы то ни было кооперативной деятельностью»⁴³.

Напротив, целый ряд общественных деятелей и публицистов отстаивали политическую роль кооперации. Например, Е.Д.Кускова отмечала, что для своей успешной работы коопе-

рация должна не замыкаться в собственных рамках самодовлеющих задач, а устанавливать связь с другими организациями, общественными силами: «Наибольшей силы развития достигли потребительские кооперативы рабочих, опирающиеся на поддержку политических и профессиональных организаций рабочего класса»⁴⁴. Кускова придерживалась мнения, что кооперация лишь тогда начнет выполнять свои задачи, когда изменятся условия, мешающие развитию всех других организаций, связанных с ней неразрывными нитями.

От констатации идеи «борьбы с эксплуатацией» теоретики российской кооперации делали шаг в сторону участия ее в политической жизни, создания собственной программы. Фортунатов, говоря о двух формах современных социальных движений — политических партиях и экономических организациях — относил к последней и кооперацию. Оба движения — политическое и кооперативное — стремятся к общей цели — новому общественному строю, социализму, но делают это по-разному. Подчеркивая двойственную природу кооперативов, Туган-Барановский писал: «Кооператив — не социалистическая община, а хозяйственное предприятие... Но предприятие не капиталистического типа. Как ни был близок кооператив по своему внешнему облику к капиталистическим предприятиям, под этой капиталистической оболочкой скрывается совершенно иное содержание. Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохновлена социалистическим идеалом. По своей форме кооператив может быть неотделим от капиталистического предприятия, но все же внутренняя социально-экономическая природа того и другого столь различны, что в реальной жизни капиталистические предприятия и кооперативы никогда не смешиваются в один общий поток, но всегда живут совершенно особой жизнью»⁴⁵.

Если кооперация ведет борьбу с частнокапиталистическим хозяйством его же оружием, то ее существование и развитие должно быть обеспечено интенсивным созиданием новых, более совершенных экономических структур этого хозяйства. При этом экономическое творчество в кооперации спаяно с социальным возрождением, в этом она одновременно решала задачи экономического и социального преобразования. Таким образом, кооператив, прежде всего «предприятие, это хозяйственная единица, хотя и единица коллегиальная». Частный капитал в кооперативной организации трансформируется в общественный и создает *неделимое социальное достояние*. Главная хозяйственная роль принадлежит личности, обеспечивающей общественное благополучие. Капитал выступает не в

положении хозяина, а в положении слуги, предназначен служить инструментом, «находящимся в распоряжении труда»⁴⁶.

Кооперативные общества преследуют двоякую цель: «1) передать в руки потребителя полную и всестороннюю организацию производства и 2) дать ему общественное воспитание, научив его пользоваться своей властью в духе справедливости и солидарности, научив его также отличать то, что дурно, от того, что хорошо»⁴⁷. Кооперация устранила противоречие труда и капитала, нашла формулу — «все для потребителя, через его труд, потребление, как цель, труд как средство — вот идеология кооперации»⁴⁸. Несмотря на внешние различия видов, вся кооперативная система — «могучее орудие социализации общественных отношений и школа демократической общественности». Кооперативы, «кроме непосредственной практической пользы, которую они приносят членам, особенно важны теми хозяйственными принципами, которые положены в их основу, и всеобщее распространение и применение которых содействует преобразованию капиталистического строя»⁴⁹.

Председатель II отдела Петербургского отделения Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах М.С.Ермолаев возлагал надежды на то, что «именно в кооперации имеются на лицо данные, могущие произвести переворот экономических отношений, подчинить производство потреблению»: автор рассматривал кооперацию как элемент плановой экономики, переходную форму к высшим промышленным организациям, которая сообщает знание, приобщает к дисциплине⁵⁰. К.Г.Воблый видел в кооперации возможность для «бесшумного, глубокого переворота в области народного хозяйства», благодаря которому «индивидуальное начало уступает место» и «вырабатывает привычку к коллективному труду»⁵¹. Кускова проводила связь в развитии кооперации и рабочего класса: «Там, где сильны союзы или его рабочая партия, там сильны и кооперативы, причем взаимная поддержка этих организаций только способствует развитию каждой из них», причем «едва ли можно верить в России в нейтралитет кооперации»⁵². Публицист А.С.Изгоев полагал, что опора кооперации «не в филантропической поддержке лиц или учреждений», а в том, что, окрепнув экономически, кооперация «выступит как демократическая и... национальная сила»⁵³ профессор В.Г.Бажаев отмечал, что «вовлекая [обывателей] в сферу своего влияния во имя грубо утилитарных целей, кооперация совершенно незаметно перевоспитывает сторону их взаимоотношений»⁵⁴. Особой точки зрения придерживался А.П.Мертваго, отмечая консерватизм кооперации⁵⁵.

Во всех приведенных выше точках зрения прослеживается разброс мнений о сущности и предназначении кооперации. В послеоктябрьский период отношение к кооперации со стороны властных структур менялось, причем кардинально. Само понимание кооперации, ее концепция существенно изменились, преемственность традиций с европейской и российской кооперацией была насильственно прервана. На смену «старым кооперативным вождям» пришла новая сила. На III-м кооперативном съезде (декабрь 1918 г.) отмечалось, что рабочая кооперация полностью стала на путь сотрудничества с государством и проведения основ коммунистической политики. С принятием ряда декретов (март 1918 — январь 1920 г.) российская кооперация прекратила свое существование как независимая и демократическая сила. Кооперация не вписывалась в плановую систему управления экономикой и людьми. Без демократии нет и кооперации. Новая государственная кооперативная политика выражала классовую идеологию. Появилось новое понятие — «советская кооперация». «Старая кооперативная литература в настоящее время отжила свой век, большая часть ее должна быть сдана в архив истории», — таково было мнение новых идеологов кооперации, которое от имени партии выразил Н.Мещеряков⁵⁶. «Для Ленина, исходившего из реалий дореволюционной России, кооператив — предприятие социалистическое, он находится на социалистической стороне горизонта. Для коммунистического Советского Союза он кажется шагом к капитализму», — таковы итоги «Урока кооперации», которые подвел современный исследователь В.Ленглер⁵⁷. Возникает правомерный вопрос: возможно ли считать кооперативом кооператив ленинского типа, втиснутый в жесткую государственно-распределительную систему, подчиненную классово-идеологии, где выхолощено само понятие кооперации?

Ленин никогда не считал нэп путем развития социализма. Для него это было *временное отступление*, а значит, и относительно кооперации должно было существовать особое мнение: «Свобода и права кооперации... означают свободу и права капитализма. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением»⁵⁸. «...Отступать хотя бы и далеко назад, но в меру, отступать так, чтобы вовремя приостановить отступление и перейти опять в наступление»⁵⁹. «Этот весенний переход к новой экономической политике, это наше отступление к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма — оказалось ли оно достаточным, чтобы мы, приостановив отступление, стали уже готовиться к наступлению? Нет, мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальней-

шем перейти, наконец, в наступление»⁶⁰. Тактика отступления для дальнейшего наступления — это и есть «новая экономическая политика», чтобы «разбежаться и сильнее прыгнуть вперед», это есть «переход к новым приемам решения задачи»⁶¹, это и есть особое отношение к кооперации.

Находясь под прицелом партий и общественных движений, кооперация в новый период истории приобретала новое лицо, изменялась ее концепция, с ней увязывалась реализация политических амбиций. Вряд ли кооперация того стоит! Ведь и в политическом, и в экономическом отношениях она — тупиковый путь развития общества.

Кооперация: теория политических иллюзий

«Разрушительные силы природы не только уступают со временем созидательным, но, в конечном счете, сами служат построению целого».

Иоганн Готфрид Гердер

«Способность создавать богатство бесконечно важнее самого богатства».

Ф.Лист

«Социалисты и коммунисты прошлого времени зашли слишком далеко в одностороннем применении ассоциативного начала».

Русский энциклопедический словарь. Изд. проф. И.Н.Березиньым. СПб., 1874. Т. 2. С. 322–324.

Процесс разложения государственного абсолютизма — показатель кризиса общества. Гражданская свобода на основе юридического равноправия, неприкосновенность основ общественного благосостояния и частной собственности, удовлетворение общественных и духовных потребностей — такова идеология либеральной эволюции. А вопрос о собственности находится в центре всех политических течений.

Проекты социальных утопистов XVI-XVIII вв., несмотря на известные различия, во многом схожи. Они базировались на идее общей собственности на средства производства и предметы

потребления, где не осталось места товарному производству, денежным отношениям. Плановое производство, нормированное уравнительное распределение есть основа потребления, составная часть утопических иллюзий. Выступая с критикой капиталистического общества, утописты ставили вопрос о замене капиталистического производства социалистическим. Заслуга утопистов, по мнению К.Маркса, состояла в опровержении «экономики в более или менее экономической, утопической, критической и революционной форме». Развитие идей утопического социализма в кооперативной форме рассматривалось применительно к организации труда и собственности.

Лорд-канцлер Томас Мор (1476–1535) — основоположник утопического социализма, воплотил мечту об идеальном государстве, основанном на принципах товарищества, только в романе-трактате «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». В романе звучала резкая критика времени, когда «овцы поедают людей», выказывалось презрение к деньгам, предполагалось, что золото станет материалом для цепей преступников и ночных горшков, а семейно-ремесленные системы — уровнем организации производства. «По-моему, там, где есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-нибудь возможно успешное течение государственных дел», — был убежден Томас Мор.

Утопия Томазо Кампанеллы (1568–1639) «Город солнца», «Завещание» Жана Мелье (1664–1729) долго волновали воображение проповедников социализма⁶². Философию эпохи выразил Френсис Бэкон (1561–1626), бывший основоположником теории научного познания, построенной на наблюдении и эксперименте. В его учении гуманизм и натурфилософия эпохи Возрождения принимают новую форму, обращенную к практике. Цель Бэкона — достижение «*regnum hominis*» («царства человека») на земле. «Новая Атлантида» Бэкона — идеальное царство будущего, где происходит подъем национального богатства и укрепление государственности, где почти сказочные условия для развития науки. Бэкон писал под влиянием идей Монтеня о неизбежности установления монархии как формы развития национального государства.

Пропагандист и защитник коммунальной идеи Джерард Уинстэнли, член общины диггеров⁶³, инициатор движения строительства сельскохозяйственных коммун, олицетворяющих борьбу за свободное право совместной обработки земли, также осуждал частную собственность. Социально-политическое произведение Уинстэнли «Новый закон справедливости» (1649 г.) отражало про-

грамму диггеров: «Внутренний свет» разума и справедливости победит тьму засилья, «завоюет мир любовью». Уинстэнли сформулировал «закон свободы» — проект будущей утопической республики. «Новый закон справедливости», как и «закон свободы», облекался в религиозную форму, совершенно неприемлемую для большинства — как правило, малообразованного населения. Автор отвергал реальный мир рыночных отношений, считал торговлю законом завоевателя, связывал богатство с торговлей и частной собственностью. Уинстэнли считал, что первичная производственная ячейка в ремесле и сельском хозяйстве — семья, которая не вправе была торговать продуктами своего труда, обязана передавать продукцию на общественные склады, служащие источниками бесплатной раздачи продуктов для производства и потребления.

Обращение к идеям социальной справедливости было не случайным, член палаты общин Голис считал в 1642 г.: «Стоны бедняков достигают неба, их заставляют кричать нужда и голод, перед которыми бессильны каменные стены»⁶⁴. 1642–1643 гг. отмечены появлением «клубменов» — отрядов людей, вооруженных дубинками, 1647 г. — диггеров: и те, и другие отстаивали идеи борьбы против частной собственности и за всеобщее обобществление имущества. Идеи радикальных уравнительных социальных проектов в форме добровольных объединений производителей (небольших общин) поддержали социалисты-утописты Уоллес (1761-?) и Чарльз Болл (1745–1825), идеолог анархической системы, призывавший к уничтожению власти и законодательства и полагавший, что собственность, как и государство — зло; веривший в постепенное исчезновение собственности Томас Спенс (1750–1814); пользовавшийся особым вниманием В.Г.Белинского и Н.Г.Чернышевского Уильям Годвин (1756–1836).

Проект Спенса (1775) предполагал создание нового общества путем организации равноправных общин, владеющих собственностью на коммунистических началах. Огильви в произведении «Опыт о праве на земельную собственность» (1780) представил проект «аграрного закона», который должен был обеспечить каждому гражданину право владения землей. И Спенс, и Огильви находились под влиянием коммунистических идей Мабли⁶⁵ и Морелли⁶⁶.

Презирая «торгашеский мир лавочников и фабрикантов», утописты противопоставляли реальной действительности иной мир, иных героев: здесь истоки мирозерцания Р.Оуэна и его последователей, общественный идеал которых — «распределение средств равномерным и справедливым способом... возможное только с уничтожением частной собственности». Идеологи социализма

усматривали в «Утопии» Мора «элементы рациональной идеологии», которые являлись составной частью марксистской идеологии. Справедливо, в этой связи, замечание о том, что «не Коббет и не Оуэн “изобрели” политическую, профилактическую и кооперативную форму борьбы, сами рабочие в отчаянных попытках улучшить свое положение нашли способы и методы, противопоставили индивидуальной силе капиталистов организованную силу масс...». Когда же нашлись люди, решавшиеся отдать свои знания и энергию делу пролетариата, они убедились, что начало уже положено, организации созданы, и им оставалось только «усовершенствовать их внутреннее строение, углубить и расширить сознание рабочих масс, создать печатную и устную пропаганду»⁶⁷.

«Патент» на очень оригинальную трактовку слова «кооперация» принадлежит Роберту Оуэну (1771–1858). Идеолог тайны «мировой гармонии» придал кооперации, экономическую основу которой составляла благотворительная помощь, утопический смысл. Единственно важным делом Оуэн считал полное преобразование общества. Им было произнесено более тысячи публичных речей, написано более 500 воззваний и 2 тысячи статей, в которых понятие «кооперация» соседствовало с понятием «социализм», а частная собственность была предана анафеме. Организующая и материальная сторона утопического проекта была рассчитана на помощь государства, правящий класс, филантропии и сознательность масс. Оуэн считал, что государство станет главным субъектом, а кооперация будет рассматриваться в качестве механизма социализации общественных отношений. В 1814 г. Оуэн сформулировал основные положения своей системы в работе «Новый взгляд на общество или опыт об образовании характера». А в «Книге нового нравственного мира» (1817) он представил план мирного переустройства общества, суть которого заключалась в создании производственных ассоциаций, эти «ячейки нового общества». Оуэновское движение 1827–1834 гг., насчитывавшее до 500 потребительных обществ, созданных для накопления средств для ремесленных товариществ, несмотря на материальную и моральную поддержку их создателя, потерпело, как и производительные ассоциации, полный крах. Социальная система «нового нравственного мира» изначально была обречена на поражение, поскольку не учитывала особенностей человеческой психики, его — человека — тяготения к «частновладельческим» аспектам своего бытия.

Потерпев неудачу на пути строительства коммунальных общин в Америке, Оуэн возвратился на родину. Базу пропаганды своей системы идей он ищет в новых формах рабочего движения,

принимает деятельное участие в просветительных и кооперативных рабочих организациях, пропагандируя идеи ассоциации. Цель последней для Оуэна и его последователей ясна: ассоциация — средство осуществления социализма, ячейка новой системы общественного сосуществования. По мнению М.И. Туган-Барановского и других российских теоретиков социалистического толка, современное кооперативное движение базировалось на идеях Оуэна: «Коммунистический идеал Оуэна был тем семенем, из которого выросли... кооперативные организации»⁶⁸. Того же мнения придерживался Маркс⁶⁹.

Ученик Оуэна Уильям Кинг первым попытался теоретически обосновать кооперативное движение, развивая теорию потребительной кооперации, оказавшей влияние на кооперативную практику. Впервые Кинг изложил свою теорию в журнале «Кооператор». Выступив в роли социального реформатора, Кинг считал, что уничтожить наемный труд, освободиться от эксплуатации поможет *кооперация* труда и капитала. Средством для образования совместными усилиями общественного фонда накопления — *капитала*, по мнению автора, должны служить кооперативные лавки. Кинг сформулировал социально-экономическую цель потребительной кооперации: устранение прибыли частных торговцев, накопление капитала в руках потребителей. Процесс вытеснения посреднического капитала, по мнению Кинга, пойдет снизу, в виде кооперативного движения потребителей. Кинг явился идейным вождем движения «Союзных лавок» (1828–1832), зародившегося в Брайтоне. Выступая против благотворительности оуэновских общин, отстаивая экономическую независимость, Кинг все же оставался утопистом: предполагая отдавать всю прибыль, поступавшую от кооперативных лавок, на создание коммун, он тем самым не сумел привязать интересы масс к кооперации, не обеспечил ее устойчивым и прочным рынком. Потребительная кооперация, пропагандируемая утопистами, служила лишь средством для построения социальной общины. Утопические мечтания, не подкрепленные практикой жизни, неизбежно обречены на крах. Еще в 1832 г. Оуэн начал издание журнала «Кризис», посвященного пропаганде кооперации, где выступал с идеей создания меновых базаров, освобождающих от посредников торговцев. Затем он приступил к реализации этой идеи. К кооперативам, тред-юнионам, к меновому базару, к всеобщему рабочему союзу Оуэн подходил как к средствам осуществления своей социальной системы. Более ценной формой в кооперативном движении он считал не потребительные общества, а производительные, — как более отвечающие коммунистической

организации производства. Потребительные лавки были для его учеников важны лишь как способ накопления капитала для закупки земли для трудовых коммун-колоний.

В 1841 г. Оуэн изложил свои взгляды в исследовании «Развитие принципов и плана устройства кооперативных общин». Конечная цель осуществления его плана — ликвидация капитала. Только социалистическое общество — совершенное общество, ячейкой которого должна стать община; разумное, социалистическое общество есть итог познания истины — такова позиция мыслителя. В 1839 г. Оуэн, ранее активный участник общественно-политического движения, отошел от политики и кооперации, оставаясь активным пропагандистом своих идей. Ученики и последователи Оуэна продолжили его дело: Уильям Томпсон (1785–1833) — автор работы «Практические указания для быстрого и экономического устройства общин»; Дж. Митчел (1828–1895), основатель общества оптовых закупок. Примкнув к рочдельцам, придерживаясь принципа «потребление — основа кооперации» (потреблением все создается и определяется), Митчел рассматривал кооперацию как средство накопления капитала в целях постепенного захвата всего производства.

В период экономического становления кооперация претерпела влияние идей христианских социалистов. Последующая волна чартистского движения смыла остатки утопических общин, брайтеновских лавок, а вместе с ними и стремление к конструированию общин. «Системой логики», основой знаний становился опыт — жизненная практика, а не утопические устремления.

«Разве опыт веков не против него? — вопрошал Риккардо, член комиссии по рассмотрению социального проекта Оуэна, представленного в правительство, — он ничего не может противопоставить этому опыту, кроме одного или двух малодоступных обществ»⁷⁰.

Истинными кооператорами были не те, кто создавал под влиянием Оуэна нежизнеспособные структуры, а рабочие Англии и Шотландии, строившие свои взаимоотношения на экономических принципах.

«Троица зол» — частная собственность, религия и брак — ставалась в центре критики Оуэна, сторонника общественных форм управления и сосуществования, ратовавшего за мирное переустройство общества на социалистических началах. По мнению Энгельса, «решение общественных задач... пришлось изобретать»⁷¹. «Кодекс общности» — основа коммунистической системы — незыблем и поныне. В центре этого умунастроения — идея ассоциации

как первостепенной ячейки общества. Утверждаемая А. де Сен-Симоном (1760–1825) идея всемирной ассоциации народов и всеобщего мира при стирании национальных границ и другие принципы (обязательный труд, единый хозяйственный план, первенствующая роль государства в управлении и организации производства, обеспечение благополучия «самого бедного и самого многочисленного класса», как главная цель общества) нашли своих последователей. Программу создания общества социальной справедливости Сен-Симон изложил в работах: «Трактат о домашней и земледельческой ассоциации» (1822) и «Новый промышленный и общественный мир» (1828), где представил будущее общество в виде «всемирной ассоциации трудящихся», опирающейся на планомерную организацию производительных сил. К.Маркс рассматривал это учение, наряду с доктринами Фурье, Оуэна и других мыслителей, как «собственно социалистические и коммунистические системы».

За отмену частной собственности и развития производства на коллективных началах во Франции выступали: социалист Буассель (1728–1787), коммунист-утопист Гракх Бабеф (1760–1792), «изобретатель» схемы выхода человеческого общества из социального хаоса посредством «Всемирной ассоциации “Гармония”» Шарль Фурье (1772–1837). Ассоциацию Фурье рассматривал и как средство устранения посредника⁷². Основу социалистической общины он видел в государственном финансировании. Интересы личности в обществе, по его мнению, должны были совпасть с интересами коллектива; особая роль отводилась воспитанию личности во взаимодействии с коммунальными формами труда и общежития.

Бюше, ученик Сен-Симона, организатор производительных ассоциаций, считал, что путем постепенного накопления общественного капитала, создаваемого ассоциациями, трудящиеся смогут последовательно овладевать одной отраслью производства за другой мирным путем. Ассоциация рассматривалась как путь к обобществлению капитала, т. е. как социализация общественных отношений. Идеи Бюше продолжил Луи Блан (1813–1882), лидер движения по созданию артельных мастерских при государственной поддержке. В книге «Организация труда» (1839) он возлагал надежды на товарищества, основанные на принципах взаимопомощи. Особую роль Луи Блан отводил государству место «регулятора» по снабжению кредитом, ценообразованию, производству, распределению прибыли, списанию убытков, определению размеров производства, приспособлению его к запросам потребления. Ассоциация рассматривалась как средство освобождения труда. Блан выступал за «сотрудничество классов».

П.Ж.Прудон (1809–1865) — французский публицист и идеолог анархизма — полагал, что так называемый «проект прогрессивной ассоциации» лежит в основе всей системы экономических построений. Реформистские антиреволюционные идеи Прудона, высказанные в «Философии нищеты» (1847), вызвали критику Маркса («Нищета философии»), особенно идеи создания при государственной поддержке «народных банков», которые с помощью «дарового кредита» помогут беднейшим слоям обзавестись собственными средствами производства и стать ремесленниками. Прудон выступал также автором идеи «обменного банка» для «справедливого» сбыта продуктов труда, мирного переустройства общества путем реформы кредита и обращения. Осуществление этого плана он предполагал возложить на правительство, несмотря на свои анархические позиции по отношению к государству.

Этьен Кабе (1788–1856) — французский публицист, представитель утопического коммунизма, член тайного общества карбонариев, активный деятель революции 1830 г., редактор газеты «La Populaire», автор утопического романа «Путешествие в Икарию» (1840) — был сторонником социалистических идей, общности имущества, противником частной собственности. По совету Оуэна он создал в Америке коммунистическую колонию «Икария» (вскоре она, правда, распалась). Известность в обществе приобрел спор Кабе с Консидераном (1808–1893), французским социалистом и последователем Фурье, по вопросу о том, — какая из двух «партий» — «икарийцы» или «фаланстерийцы» — более облагодетельствовала человечество. Кабе даже предложил организовать публичные прения, чтобы узнать, «где будет слаще пить и есть — в Икарии или в Фаланстерах?»⁷³

Внимание социалистов, проявлявших интерес к кооперативному движению, было направлено в основном на ассоциации. «И Оуэн, и Сен-Симон, и Фурье придумывали, изобретали новый общественный строй так, как механик изобретает новую машину», — писал М.И.Туган-Барановский⁷⁴.

Уже упоминавшийся Бюше выработал в 1830 г. устав производительного товарищества, по которому треть чистой прибыли отчислялась в «неделимый капитал» с тем, чтобы снабдить орудиями производства новых членов и обеспечить организацию новых ассоциаций. Благодаря развитию ассоциаций, считали теоретики социализма, пролетариат должен был овладеть производством и вырвать его из рук капиталистов. Ассоциации Бюше не привились и во Франции, а те, что сохранились, трансформировались в замкнутые колонии.

Промышленный бум сделал очевидным тот факт, что победить капитал «жалкими средствами» невозможно. Французский социалист Луи Блан выдвинул идею производительных ассоциаций на средства государства. Революция 1848 г. дала ему возможность осуществить идею на деле. В 1848 г. Центральный комитет производительных ассоциаций был преобразован в Общество объединенных рабочих коопераций, которое создавало по округам Парижа свои комитеты, устанавливавшие связи с «национальными мастерскими» — своеобразной «организацией труда посредством ассоциаций, ликвидирующих эксплуатацию человека человеком». Но созданные национальные мастерские потерпели полное фиаско, они были изначально — в силу оторванности от реальной экономики — обречены.

С окончанием первого мирового экономического кризиса (1860-е гг.) увеличиваются масштабы хозяйственной деятельности городской и сельской кооперации. Кооперативные принципы, закрепленные в уставах, способствовали увеличению масштабов хозяйственной деятельности, и кооперация становится притягательной для рабочих, стремившихся получить финансовую подпитку от государства.

В год основания Английского общества оптовых закупок (1863) немецкий философ Фердинанд Лассаль (1825–1864) опубликовал свое знаменитое письмо, адресованное комитету Лейпцигского конгресса, в котором утверждал, что потребительные общества совершенно не способны улучшить положение рабочего класса. Лассаль призывал рабочих к политической борьбе как средству заставить правительства приступить к планомерной организации производительных ассоциаций. Лассаль положил начало социал-демократическому движению в Германии, став одним из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863–1875), развивая идею производительной ассоциации и возлагая большие надежды на кооперативные объединения. Основной пункт программы Лассалья — мирный парламентский путь общественной эволюции, с помощью создания производительных товариществ и государственное кредитование последних. Последний вопрос Лассаль поставил перед германским канцлером Бисмарком. Политические партии Германии участвовали в образовании рабочих артелей, кооперативных, ссудных, потребительных и производительных обществ, ведущих, по мнению их созидателей, к освобождению труда от «господства капитала».

На конгрессах I Интернационала выдвигалась идея организации кооперативов и в национальном масштабе. На Женевском

конгрессе Генеральным советом Интернационала была предложена составленная Марксом резолюция о кооперации: «Мы рекомендуем рабочим заниматься гораздо больше производительными товариществами, чем потребительными лавками. Эти последние касаются лишь поверхности современного экономического общества, тогда как первые подкапывают самые основы его».

Программа Интернационала оказала влияние на социально-экономические мероприятия Парижской Коммуны, руководители которой попытались осуществить ее применительно к кооперативному производству, в частности, используя возможности Комиссии труда, промышленности и обмена. Лео Франкель, возглавлявший комиссию, руководствовался теорией научного коммунизма и советами Маркса и, согласно Декрету Коммуны от 16 апреля 1871 г., передавал бездействующие предприятия в руки кооперативных обществ.

В 1872 г. Гаагский конгресс Интернационала говорил о расколе в рабочем движении. Он коснулся и кооперативного движения. Н.П.Гибнер писал, что с середины XIX в. кооперативы Франции, Германии, Италии, Бельгии распались на разные политические, отчасти религиозные партии и движения, причем непонимание доходило до открытой вражды.

Внимание социалистов и коммунистов переносится на политическое движение пролетариата, отмечая возможность использовать кооперативные ресурсы. Во Франции, «обетованной земле производительных ассоциаций», гедисты (сторонники идеолога социализма Жюль Гёда) привели на социалистическом конгрессе (Марсель, 1879 г.) резолюцию против кооперации, возлагая большие надежды на партийную борьбу и революцию. В 1899 г. ганноверский партийный съезд социал-демократов вынес резолюцию: «Партия заявляет, что по вопросу об учреждении кооперативных обществ она остается нейтральной, она считает, что учреждение этих обществ, поскольку для этого имеется благоприятная почва, может улучшать материальное положение своих членов, она видит в этих обществах, как, впрочем, и во всякой организации рабочих для защиты своих интересов, школу, в которой рабочие могут научиться вести самостоятельно свои предприятия. Но она отказывается признать за ними самостоятельное значение для освобождения рабочих от цепей наемного рабства».

Между тем, развитие потребительской кооперации шло быстрыми темпами: было основано Общество оптовых закупок в Гамбурге (1894), создан французский кооперативный союз (1885), образована биржа социалистических кооперативов (1895). В Ан-

лии в этот период почти все потребление рабочего обслуживалось кооперацией. Р.Вильбрант рассматривал потребительные общества как «социализм без классовый борьбы», мечтал сделать «из потребительных обществ социал-демократическое дело», придавал этому явлению «национальное движение»⁷⁵.

Известный швейцарский кооператор Б.Коллин утверждал, что «в деле постепенного преобразования общества, великой помощницей в хозяйственной области является ассоциация..., во... всеобщем потребительном обществе лежит корень свершенного переворота и изменения наших хозяйственных отношений. Работник, производящий полезное для своих близких, должен иметь средства жить, а не нуждаться в необходимом», однако «он не должен односторонне обогащаться за счет самых необходимых потребностей. Вот где центр тяжести вопроса о потребительных обществах»⁷⁶. Коллин, страстный поклонник Р.Оуэна, рассматривал потребительные общества как некое универсальное средство, посредством которого можно перевернуть мир. Подобную позицию поддерживал Стефан Гиевинд (1855–1904), видевший в кооперации средство решать социальный вопрос: перейдя в руки потребителей, кооперация, как рассчитывал Гиевинд, встанет на почву создания промышленных предприятий, чья прибыль пойдет на социальные нужды и возвратный капитал.

Мощное развитие потребительной кооперации и недостаточно внимательное отношение к ней со стороны социал-демократии вызвало появление «школы чистых кооперативистов», которая видела в потребительной кооперации панацею от всех зол, самодовлеющее средство для уничтожения наемного труда, путь в обетованное царство кооперативизма — нового социального строя, основанного на началах солидарности, братства и любви. Основатель Нимской школы Ш.Жид (1847–1932) — выступил на международном конгрессе потребительных обществ в Париже с речью «Кооперация как экономическая программа», положив тем самым начало кооперативизму, а с 1886 г. возглавил «Союз потребительных обществ Франции». Движущей пружиной экономического производства кооперативизм признавал прибыль, которая пошла бы на расширение производства, а не извлечение (прямое распределение) прибыли. Секрет экономической «революции» Жид видел в переходе управления капиталом, а кооперация выступала средством уничтожения экономических и торговых конфликтов.

Генрих Кауфман (1864–?), с 1900 г. возглавивший Общество оптовых закупок, редактор «Еженедельного бюллетеня», а с 1903 г. Центральный союз потребительных обществ, рассматривал эти

последние как силу, способную преобразовать современный хозяйственный строй. Он признавал независимость кооперативного движения от профсоюзного и политического, уделяя большое внимание идеологическому воспитанию членов кооперативов.

На кооперацию с надеждой взирали и лидер правых германских социал-демократов Э.Бернштейн, и крайне левая Р.Люксембург, рассматривая ее как непосредственный путь к социализму, как социалистическую ячейку, развивающуюся в капиталистическом обществе. Еще в 1860-е гг. рабочие кооперативные организации Франции под влиянием I Интернационала (руководителями его кооперативной секции были Эжен Варлен и Бенуа Малок) стали очагами социалистической пропаганды. Среди них выделялись потребительное общество «Домашнее хозяйство», сеть кооперативных столовых «Котел», производственные кооперативы переплетчиков. Через тридцать лет, в 1894 г., во Франции действовало 942 кооператива (300 тыс. человек), которые рассматривали себя не иначе, как «рассадниками социализма».

Цезари де Поп, один из основателей Бельгийской социалистической партии, отстаивал идею о том, что рабочая кооперация является одним из средств социалистического переворота и социалисты должны участвовать в создании кооперативных ассоциаций.

В 1890-х гг. в связи с обострением социального вопроса интерес к кооперации вновь возрос. Между правыми и левыми социалистами развернулась настоящая борьба за руководство кооперацией. В начале XX в. в ней победили правые социалисты и представители так называемого «кооперативного социализма», отвергавшие принципы классовой борьбы, смотревшие на кооперацию как на средство, дающее возможность мирным, парламентским путем преобразовать капитализм в общество «всеобщего равенства».

Под руководством социалистов кооперация все теснее переплеталась с профсоюзным и рабочим движением, становилась инструментом в политической борьбе. Социалист признает существование любого явления внешнего мира в той мере, в какой способен оправдать свое представление о нем. Провозгласив главным пунктом своей программы свободу, социалист не в состоянии осуществить ее, не признав частной собственности, отчего никакой вид социализма не может дать свободы. Либерализм, напротив, защищает *все виды* собственности.

Еще в 1880-е гг. шел поиск средств к проведению в жизнь принципа коллективной собственности на средства производства.

В 1878 г. рабочий конгресс, состоявшийся в Лионе, в условиях развернувшейся борьбы между сторонниками коллективизма и кооперативизма, предложил рабочим организациям найти средства к проведению в жизнь принципа коллективной собственности на землю и орудия труда. В 1879 г. конгресс *коллективистов* (т.е. социалистов) в Марселе принял лозунг «Земля и все орудия труда должны принадлежать обществу и коллективу», отвергнув лозунг *кооперативистов*, отстаивавших право независимой собственности — «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!» Позже большевики осуществили на деле лозунг коллективистов об общественной (государственной) собственности на средства производства.

Еще участники I Интернационала отмечали: для того, чтобы кооперация могла достигнуть своей цели — освобождения всех работающих масс, — необходимо, чтобы все виды земли и капитала превратились в коллективную собственность. Первый шаг — кооперация, второй — национализация. До тех пор, пока этого не будет, кооперация будет «раздавлена всемогущей конкуренцией больших капиталов и большой поземельной собственностью». Случайные же ее успехи можно рассматривать как результат удачи коллектива счастливых. Выгода же кооперации в том, что она приучает работников объединяться, организовываться и учиться управлять собственными делами.

В теории и на практике исторически сложились два подхода к определению роли кооперации. Ярким выразителем этого разделения явился Ф.В.Раффайзен (1810–1888), заложивший в основу кредитной политики сельскохозяйственного населения принципы взаимопомощи, круговую поруку, спонсорский капитал, локальность группы, бесплатный труд в товариществе. Г.Шульце-Делич (1808–1883), основатель кредитования ремесленных единоличных предприятий, напротив, делал ставку на заинтересованность отдельных людей (принцип «самопомощи»), творческих производителей.

М.А.Бакунин дал свою оценку состоянию кооперации в Европе. Отказывая будущему кооперации в России, он подчеркивал, что и в Европе рабочие не должны обманываться насчет ее результатов, а среди сельского населения они будут «как песчинки в степи, как капли в море»⁷⁷.

Международный конгресс социалистов в Копенгагене (1910) открыл новый этап во взаимоотношениях социализма и потребительской кооперации. Были высказаны разные мнения (Жорес и Эльм, например, рассматривали кооперацию как элемент «социального преобразования», признавали ее нейтралитет и независимость от революционных партий). Конгресс провозгласил коопе-

рацию «третьей составной частью рабочего движения», признав, что потребительные общества помимо непосредственных материальных выгод, имеют и более важные цели:

- увеличение силы пролетариата путем уничтожения посредников и создания собственного производства, зависящего только от организованных потребителей;

- улучшение условий жизни рабочих;

- воспитание в рабочих организаторских навыков и, таким образом, помощь им в подготовке демократизации и социализации средств производства и обмена.

Конгресс принял во внимание, что кооперация сама по себе не в состоянии осуществить цель, преследуемую социализмом, — завоевание политической власти для коллективного присвоения орудий труда. Поэтому он приглашал всех социалистов и всех членов профессиональных союзов к совместному участию в кооперативном движении, чтобы развить в нем коллективистский дух и помешать уклонению кооперативов от их истинных задач. Проект резолюции российской социал-демократической делегации копенгагенского конгресса о кооперативах призвал: «Неустанной социал-демократической пропагандой и агитацией внутри союза содействовать распространению идей классовой борьбы и социализма среди рабочих масс»⁷⁸.

Итак, потребительская кооперация в лице социалистов добилась признания.

Резолюция международного социалистического конгресса в Копенгагене — программный документ, определивший отношение социалистических партий к рабочей кооперации. Последующие партийные документы признали кооперативное движение в деле защиты и обслуживания экономических интересов как одну из форм массовой организации пролетариата и стояли за использование кооперативных организаций в качестве опорных пунктов легальной социалистической работы, «пока власть не завоевана».

В России формулы копенгагенской резолюции подверглись значительному видоизменению. Первый пункт резолюции о «Задачах и принципах рабочей кооперации», принятой I Всероссийским съездом рабочей кооперации (1–7 августа 1917 г.) гласил: «Рабочая кооперация, не являясь формой нового социального строя, не уничтожая противоречия интересов между объединенными рабочими потребителями, с одной стороны, и классом собственников-предпринимателей — с другой, является одной из основных форм международного движения в его стремлении к социализму». Следует отметить, что нигде в мире не существовало отдельно рабочей

кооперации, этим объяснялась подмена понятия «кооперация» «рабочей» кооперацией, которая и объявлялась «третьей формой рабочего движения».

Международный кооперативный конгресс в Гамбурге (1910), прошедший под знаменем идеологических устремлений, записал в уставе Международного кооперативного союза (пункт 5), что кооперативы «кроме непосредственной практической пользы, которую они приносят своим членам, особенно важны теми хозяйственными принципами, которые положены в их основу, и всеобщее распространение и применение которых содействует преобразованию капиталистического строя». Секретарь союза Ганс Мюллер отмечал «внутреннее духовное родство между интернациональным рабочим движением и интернациональным кооперативным движением, поскольку последнее воплощается в Союзе неоспоримо. Не может быть также более речи о том, чтобы кооперативный интернационал принципиально противопоставлять Интернациональному социализму рабочих организаций, как это первоначально имели в виду...»⁷⁹ На первых конгрессах нередко раздавались речи, направленные против социализма, и сам союз рассматривался как противовес против увлечения широких масс последним.

Значение потребительной кооперации возросло к 1909 г., и «эта эволюция еще далеко не закончилась и после войны, предстоят изменения в области внутренней организации в отношении характера деятельности», писал десятилетие спустя К.А.Пажитнов⁸⁰. В 1913 г. в столице Шотландии Глазго состоялся самый многочисленный на тот момент форум — IX кооперативный конгресс. Кооперативные организации, созданные в идеологических целях, показали полную несостоятельность, однако руководимая политизированным Международным союзом кооператоров европейская кооперация, как считает ряд современных исследователей, еще долго оставалась в «плени идеологических устремлений».

В рядах российских кооператоров не было единства взглядов на движение, но большинство придерживалось мнения, что оно есть форма социальной борьбы, «социальное движение современности». Такие элементы традиционализма, как соборность, артельность и коллективизм (характерные для русской кооперации), оказались особенно привлекательными для российской интеллигенции, пораженной вирусом социалистических экспериментов и рассматривавшей кооперацию как некий альтернативный капитализму путь развития экономики и общественных отношений. Еще в 1848 г. В.А.Милютин писал, что «формула, при-

думанная пролетариатом, все его теоретические и практические попытки развития и осуществления ее составляют единственную сущность европейской истории XIX в., и что *экономической ассоциации* предстоит сделаться представительницей всех общественных интересов и поглотить в себе все то, что выражалось до сих пор формулой государства»⁸¹.

Оценивая положительное значение потребительной кооперации как проявления самостоятельности и активности рабочих, Маркс предупреждал о крайней ограниченности возможностей кооперации, делая вывод, что важнейшей задачей рабочего класса, его «великой обязанностью», является завоевание политической власти. Он подверг критике мысль о том, что к социализму можно прийти через кооперацию⁸², хотя и соглашался с утверждением, что значение кооперации возрастает по мере активизации общественного движения. Поэтому Маркс определял социалистический строй как результат революционных завоеваний, как строй объединенных кооперативных товариществ, которые «организуют национальное производство по общему плану». Энгельс рассматривал кооперацию как промежуточное звено, где «собственность ассоциированных производителей» составляет фундамент социалистического строя, развивал мысль Маркса, указывая, что «потребительские и производственные кооперативы доказывают на практике полную возможность», что «производство в крупных размерах... осуществимо при отсутствии хозяев»⁸³.

Ленин придерживался того же мнения: «Пока власть остается в руках буржуазии, до тех пор потребительные общества — жалкий кусочек, никаких серьезных перемен не гарантирующий, никакого решительного изменения не вносящий, иногда даже отвлекающий от серьезной борьбы за переворот»⁸⁴. Отношение Ленина к кооперации было переменчивым — в зависимости от политической ситуации. Изменение оценок шло параллельно с критикой народников, меньшевиков и эсеров — за проповедь некапиталистического пути России к социализму через кооперацию, за подмену классовую борьбу кооперативным строительством, за придание кооперативам революционной роли⁸⁵.

Согласно ленинскому пониманию основ кооперации, она — очаг пропаганды, одна из форм «организации трудящихся в борьбе против капиталистического строя». «Социал-демократы должны содействовать устройству различных рабочих обществ, например, потребительных, заботясь об этом неуклонно в том, чтобы всякие рабочие общества служили очагом *именно* социал-демократической пропаганды, агитации, организации»⁸⁶. «Навыки, приобретаемые

рабочими в потребительных обществах, очень полезны, спора нет. Но поприще для серьезного приложения этих навыков может создать лишь переход власти к пролетариату»⁸⁷. До свершения революционного переворота кооперация рассматривается как школа коллективизма.

Программным документом, определившим отношение пролетарской партии к рабочей кооперации, стала ленинская статья «Вопрос о кооперативах на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене». В соответствии с политическими установками разрабатывались документы и установки партии относительно кооперации.

Резолюция V Лондонского съезда РСДРП (1907) раскрыла роль кооперативов в деле защиты и обслуживания экономических интересов рабочих масс. ЦК РСДРП (март 1908) принял резолюцию о кооперативах, где потребительные общества признавались одной из форм массовой организации пролетариата. VI Всероссийская конференция РСДРП (Прага, 1912) проголосовала за использование кооперативных организаций в качестве опорных пунктов легальной социал-демократической работы.

«Все участники, все работники потребительных обществ состояли на учете охранки, — писал один из корреспондентов «Союза потребителей». — И она оправдывала подобное отношение, ибо кооперативное движение является одним из обходных способов использовать легальные возможности. И стоит ли теперь спорить с этим. Пожалуй, взгляд охранников на кооперативное дело является правильным»⁸⁸.

В 1916 г. Департамент полиции Министерства внутренних дел направил местным жандармским управлениям «Записку о кооперативном движении», где сообщалось, что «среди возникших повсеместно кооперативных учреждений сгруппировались представители... левых партий, которые всемерно вовлекают кооперативы на путь политической борьбы».

За несколько лет до появления этой «Записки», в 1908 г. состоялся I Всероссийский съезд кооператоров, который социалисты попытались превратить в «трибуну» для критики существовавшей в России политической системы⁸⁹. Недаром среди делегатов съезда «засветились» будущие «столпы» социалистического направления российских оппозиционеров и его радикального крыла — большевизма: Ларин, Скворцов-Степанов, Малиновский, Посников, Чернов, Соколов, Прокопович, Кускова, Поссе и пр. В 1913 г. на II Всероссийском кооперативном съезде социалистические лидеры выступили со своей классовой программой.

После захвата власти большевики обратили свой взгляд на кооперацию как на аппарат распределения. «Большой аппетит» на кооперацию пришел, когда Россия захлебнулась от голода в результате радикальных большевистских экономических и политических экспериментов. Кооперация использовалась как средство социалистических преобразований, а кооперирование населения рассматривалось как форма общественных отношений. «Социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно организованным производством для потребления», — указывал Ленин⁹⁰. Это была искусственная попытка внедрения кооперативного начала в экономику. Кооперативные предприятия являлись социалистическими, «если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу»⁹¹; кооперация превратилась в орудие социалистического строительства, предназначение которого — «превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива», — такова была установка вождя революции⁹².

В 1920-е годы при Коминтерне по инициативе большевиков была создана кооперативная секция. Таким образом, оформилось революционное коммунистическое направление кооперативного движения. III Конгресс Коминтерна (Москва, 1920) поставил перед революционной кооперацией две задачи: 1. Помощь трудящимся в их революционной борьбе за завоевание политической власти; 2. Помощь в деле социалистического строительства там, где власть уже захвачена. «Кооператив, если он охватывает все общество, в котором национализированы фабрики и заводы, есть социализм»⁹³.

Так утопическая идея мировой экономической борьбы эволюционировала в революционную. Состоявшаяся в Москве в 1924 г. II Международная кооперативная конференция поддержала идею создания при руководящих органах коммунистических партий Германии, Норвегии, Франции, Чехословакии, Швеции, Швейцарии отделов, предназначенных для работы коммунистов в кооперации. В том же году левые (революционные) кооперативы объединились в союз и приступили к изданию «Кооперативной газеты».

Вывод о возможности и целесообразности использования кооперации для социалистического преобразования сельского хозяйства, организации производства и обмена признавали не только большевики. Умеренные социалисты считали кооперацию «новым организационным началом» народно-хозяйственной системы (Н.П.Гибнер), верили, что совокупность их усилий «даст в будущем

торжество воодушевивших их идей» (Н.П.Баллин), что душу кооперации «вдохнул» социалистический идеал, а ее «характер... определяется общественным строем»⁹⁴.

В представлении социалистически настроенной интеллигенции учение о всеобщей уравнительности тесно переплелось с кооперативной мыслью, которой были посвящены работы социалистов-утопистов Оуэна, Фурье, и др. «Под западной цивилизацией понимается чаще всего системы, уже отвергнутые западной наукой, и факты, наиболее прискорбные в западной действительности», — признание это принадлежит Н.Г.Чернышевскому, страстному проповеднику и защитнику идеи ассоциации⁹⁵.

Вопрос о переносе идей кооперации и социализма из плоскости теории в область практики был решен уже Февральской революцией. Первый же послефевральский кооперативный съезд одобрил «вхождение представителей кооперации во Временное правительство “для налаживания продовольственного вопроса” и образование “внепартийных” советов крестьянских депутатов».

В послеоктябрьский период российские теоретики кооперации пересмотрели свои прежние представления о социализме, дали сравнительный анализ отечественной кооперации на разных этапах ее развития, подтвердив тем самым старый тезис: «Только случайность совпадения развития ассоциации в Западной Европе с политическим движением придала им беспокойный щекотливый характер»⁹⁶. Поставили они и вопрос о разграничении понятия «кооперация» в радикально-утопическом (социалистическом) и либеральном толкованиях⁹⁷.

Основной мотив российских кооперативных теорий — «стремленность в социалистическое будущее». До Февраля 1917 г. у кооперативной теории не было прямой и непосредственной связи с хозяйственной практикой (исключение, пожалуй, составляли земледельческие общины типа «Криница», эти островки социализма с принудительной внеэкономической структурой, влачившие жалкое существование). Однако после нее ситуация изменилась. Создание Совета Всероссийских кооперативных союзов, мощного идеологического центра и управленческого аппарата в лице Центросоюза — центра российской кооперации, выступление российских кооперативов с политической программой во время выборов в Учредительное собрание, их экономический и политический союз с Временным правительством — тому свидетельство.

Что такое кооперация? (Продолжение)

Кооперация — форма осуществления личных и одновременно коллективных интересов. Социальное значение ее в творческой деятельности человека и общества огромно. Государство же должно определить свою меру участия в организации этого коллективного процесса, и, прежде всего, в законодательном признании существования этой формы *самоорганизации*.

Первое потребительное общество было создано еще в 1696 г. Даниэлем Дефо. Он был не только создателем потребительных обществ, но и автором других смелых по новизне идей: плана грандиозной реформы банковской системы, создания страховых обществ, осуществления программы государственного социального страхования, проекта развития кооперативных товариществ для взаимной помощи, пенсионных касс и проч. «Торговый кодекс» Дефо — специальное наставление купечеству, проникнутое джентльменским духом, провозгласившее принципы частного бизнеса, отказа от прибыли любой ценой. Эти наставления стали составной частью, так называемых «рочдельских кооперативных принципов».

В 1769 г. в Фенуике, в 1777 г. в деревне Гован и в Бирмингеме были созданы потребительные общества; в 1795 г. в Гулле возникло первое кооперативное предприятие, получившее — 16 лет спустя, юридические права.

В 1775 — 1815 гг., с разрешения и при поддержке властей ряда английских городов, были созданы кооперативные мельницы и хлебопекарни. Это движение было вызвано эксплуатацией интересов покупателей пищевых продуктов со стороны предпринимателей и мелких торговцев. Как писал один из знатоков английского кооперативного движения, «с появлением многочисленного населения вокруг фабрик Ланкашира и Йоркшира, рудников и гончарен северных графств и Мидлэнда... предпринимателю пришла мысль распорядиться расходами «рук» рабочих... Он сделался домовладельцем и лавочником, стал назначать цены съестных припасов и насмную плату за помощь, вычитая то и другое из недельного заработка рабочего». Кооперативные объединения, таким образом, возникли как форма экономической защиты, причем задолго до того, как теоретики и филантропы пришли к идее использовать кооперацию в идеологических целях. Потребительные общества продемонстрировали свою жизнеспособность и превосходство над производительными ассоциациями.

«Не Коббет и не Оуэн “изобрели” политическую, профилактическую и кооперативную форму борьбы, сами рабочие в отчаянных попытках улучшить свое положение нашли способы и методы, противопоставили индивидуальной силе капиталистов организованную силу масс», — писал М.Ромм⁹⁸. Налет идеологии в этом мнении налицо, однако с ним сложно не согласиться. Прав он и в том, что «когда же нашлись, наконец, люди, решившиеся отдать свои знания, энергию и влияние делу пролетариата, они убедились, что начало уже положено, организации созданы, и им оставалось только усовершенствовать их внутреннее строение, углубить и расширить сознание рабочих масс, создать печатную и устную пропаганду»⁹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что предшественниками их в этом деле были не те кооператоры, которые вызвали под влиянием Оуэна кооперативную волну 1827–1834 гг., а рабочие Англии и Шотландии, основавшие между 1769–1815 гг. потребительные лавки и мукомольни, которые строились на принципах потребительной кооперации и предвосхищали тот путь, каким она пошла на основе практического опыта.

В свою очередь, движение 1827–1834 гг. породило 800 кооперативных объединений, а «позвоночным столбом этого движения являлись потребительные общества», служившие источником накопления средств ремесленным товариществам для приобретения сырья и орудий производств. На этом движении, наряду с утопизмом Оуэна, лежал отпечаток цеховых устремлений ремесленников. Параллельно с появлением в 1827–1834 гг. огромного количества потребительских обществ, стремительно развивалось и столь же стремительно погибало движение, направленное на создание производительных ассоциаций.

Зародившись в середине XVIII в., потребительная кооперация очень медленно и равномерно развивалась до так называемой «эпохи рочдельцев». Без поддержки богатых филантропов, без идейного руководства образованных идеологов, получая насмешки, она медленно, но неуклонно развивалась, будучи подлинным «плодом» самодеятельности масс.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кооперация как «памятник идеологической борьбы»

«Социал-демократические партии в России по тактическим соображениям сочли полезным использовать кооперацию, как полезное орудие для достижения своих целей, и превратить ее в прислужницу социализма».

А.Н.Анцыферов

«Грандиозные успехи потребительных обществ привели многих социалистов к мысли, что потребительные общества должны разрешить и весь великий социальный вопрос современности».

М.И.Туган-Барановский

Идея социализма как явление мировой истории, зародившись в Европе (где общественные отношения стояли на новых, капиталистических, экономических основаниях), не имела больших последствий для России XIX в. В 1825 г. социальные вопросы в России не были, как в Европе, доминирующими. Однако к началу 1840-х гг. идеи социального утопизма (под маской более конкретного термина «ассоциации») стали модной темой в кругу немногочисленной тогда еще разночинной интеллигенции. Но в первой половине XIX в. почвы для постановки эксперимента в России не существовало. Лишь реформа 1861 г. остро поставила вопрос о социальных преобразованиях. Экономическая жизнь направлялась в новое русло...

Социалистические идеи витали в воздухе, внедрялись российской интеллигенцией в общественное сознание, отягощенное общинным образом жизни и менталитетом. «Социалистические идеи насыщали общественную атмосферу», — подчеркивал

М.И.Туган-Барановский¹⁰⁰. Кооперацию рассматривали как новое явление в экономической науке, как универсальное средство решения всех социальных вопросов. Однако огромная роль государства, отсутствие гражданского общества, социальное неравенство — все это тормозило построение новой системы экономических отношений. Лишь с началом столыпинских реформ кооперативное строительство в России становится одним из факторов экономической и общественной жизни: расширились теоретические представления о сфере хозяйственной деятельности, кооперация как общественное явление становится все более притягательной для политизированных умов.

В преддверии революционной ситуации, общественных схваток и столкновений идеологий лидеры российской кооперации возлагали надежду на то, что «перевес и победу получит исключительно экономическая сила, рационально собранная, социально дисциплинированная, общественно-кооперативно воспитанная», — это признание российского экономиста Л.М.Пумпянского в эмиграции выглядит достаточно откровенным: кооператоры в лице ее руководителей ввалились к власти¹⁰¹.

I. Революционные демократы (1840–1860-е гг.)

Идея общинного социализма и перехода к нему посредством крестьянской общины получила широкое распространение в 1840–60-х гг. Сторонники теории крестьянского социализма — А.И.Герцен и Н.П.Огарев — сформировали основные постулаты новой идеологии: сочетание отечественных традиций самоуправления с западными достижениями, идеей социализма и политической демократией. Община, согласно рассуждениям Герцена и Огарева, — это живая организация помощи слабым, ограничивающая возможности сильных. Общинный социализм — самоуправление организованных в общины тружеников при посредничестве чиновников: «Начинается третья фаза христианства — истинная, человеческая — фаланстерство» (из переписки Герцена и Огарева).

В центре теорий общинного социализма — идея ассоциации. Община — переходная форма к ассоциации, а от ассоциации шел прямой путь к социализму — новой системе хозяйствования. Союз капитала и труда рассматривался сквозь призму социалистических воззрений.

Тайная революционная общерусская организация «Земля и воля» выработала программный документ «Что нужно народу?»,

определила пути к его осуществлению. Опорой в утверждении идеи ассоциации стала надежда на мощное крестьянское движение. Артели и кооперативные мастерские рассматривались как залог будущего социального преобразования России, как первооснова коллективной собственности и коллективного труда — «общества взаимного вспомоществования».

II. Революционные народники (1870–1880-е гг.)

В народнической теории идея ассоциации занимала главенствующее место. Производственные сельскохозяйственные кооперативы и промысловые кооперативы рассматривались как экономическая организация жизни нового общества, а крестьянская община — как зародыш социализма. Путь достижения поставленных задач — свержение самодержавия, народное правление, перевоспитание личности на коллективистских началах «взаимопомощи».

Пробуждение социалистических инстинктов у русских крестьян — стихийных социалистов, испокон века делающих все «обществом», было заложено в программу, разработанную теоретиком анархизма П.А.Кропоткиным и поддержанную террористкой-индивидуалисткой Софьей Перовской.

III. «Либеральные» народники (1890-е гг.)

Они отказались от революционной борьбы. Путь к некапиталистической индустриализации они усматривали в развитии «мелкого народного производства» (кустарной промышленности), кредитных учреждений, сбытоснабженческой кооперации, предполагая, тем самым, закрыть капитализму вход в Россию.

Идея артельности вылилась на этом этапе в практику кооперативного движения. Артель рассматривалась «как подготовительный материал для развития высших форм ассоциационного труда и отношений»¹⁰².

Идея артельности развивалась в трудах многочисленных представителей «либерального народничества» (В.В.Воронова, Н.А.Карышева, Н.К.Михайловского, С.Н.Кривенко, Г.П.Сазонова, П.А.Соколовского, Н.Ф.Даниельсона, В.П.Воронцова, Ф.А.Щедрина, А.А.Николаева, А.А.Исаева, позже — А.В.Меркулова, С.С.Маслова). «Общинники» — экономисты Воронцов, Карышев, А.С.Посников почитали крестьянский «мир» за идеал. Артельная форма рассматривалась как производственная ассоциация: семейная артель — как тип «кустарно-производительной ассоциации», «коопе-

рация» — как способ объединения усилий отдельных хозяйств и образования «крупных производительных сил»¹⁰³.

IV. Либеральные демократы (1870–1880 гг.)

Эти представители либеральной российской элиты (А.В.Яковлев, князь А.И.Васильчиков, братья Лугинины) рассматривали кооперацию как некое универсальное средство в деле улучшения жизни крестьян и трудящихся масс вообще. Позже Яковлев писал: «У нас развитие ассоциаций было многими ошибочно возведено в идеал, и мы, увлекаясь примером Западной Европы, стали заимствовать ассоциацию, думая, что можем взять ее как цель. Проповедуя ассоциацию, мы думали, что если достигнем устройства ассоциаций, то достигнем высшей степени благосостояния и поставим народ на идеал экономического счастья. Но если бы мы хорошо вникли в вопрос, что такое западноевропейская ассоциация и что такое артель, то мы убедились бы, что как ассоциация, так и артель суть только средства. Если бы мы обратили внимание на это, то не прошло бы столько лет бесплодной пропаганды ассоциации, пропаганды, не имевшей никаких положительных результатов, кроме некоторых весьма печальных увлечений»¹⁰⁴.

Либераль-кооператоры (С.В.Маракуев, А.С.Изгоев, Л.М.Пумпянский) рассматривали ассоциации как мирное движение к улучшению положения рабочего класса.

V. Кооперативные социалисты (1900-е гг.)

Идея кооперативного социализма — «гегемонии потребителя» — была выдвинута Э.Пфейфером (1865) в Германии. Далее эти мысли развил Ш.Жид (так называемая «Нимская школа», 1900), который утверждал, что в экономической жизни должен властвовать потребитель, потребительную кооперацию надо рассматривать как важнейший вид кооперативного движения.

Последователями Пфейфера и Жиды можно по праву считать Б.Лаверна и Э.Пуассона, отстаивающих лозунг: «Все для потребителя, все через посредство потребителя», автора «аграрно-кооперативной модели социализма» В.В.Сухомлинова, сторонников русского кооперативного социализма В.Ф.Томомианца и К.Пажитнова.

Кооперация как технология социализма

«Теория хозяйственной организации есть лишь техника социализма».

С. Франк

«Развитие капитализма ведет к концентрации производства и пролетаризации населения, а соответственно, растет значение пролетарских кооперативных организаций. Поэтому грандиозные успехи потребительных обществ привели многих социалистов к мысли, что потребительные общества должны разрешить и весь великий социальный вопрос современности. Теперь потребительные общества являются огромной экономической и социальной силой».

М.И. Туган-Барановский

«Кооперация prepares политический путь к социалистическому строю... Требования кооперации по всем вопросам общественного и политического строительства государства не могут разниться от соответствующих общих программ социалистических партий».

А.В. Чаянов

Кооперативная идеология, получив развитие в Европе в первой половине XIX в., постепенно, как составная часть идеи социализма, приобретала социальное содержание. Надежды возлагались на способность человеческого разума решать все проблемы на путях «социальной инженерии» с помощью механизма социального администрирования, посредством установления уравнительно-экономического строя. Утописты отстаивали идеи торжества уравнительных хозяйственных интересов, равновесия производства и потребления, прав и обязанностей. На бескомпромиссной критике существующего социального устройства радикалы выстраивали теорию социализма на кооперативной основе.

Российское осмысление кооперации сводилось к убеждению о возможном разрешении всех социальных проблем на путях коо-

перативного строительства. Сторонники этой точки зрения оставались во власти социального идеализма, идеей мирного вживания в новую хозяйственную систему. Идеализм их отчасти базировался на убеждении, что «человечество дошло до сознания, что социалистическая форма общежития есть лучшая форма»¹⁰⁵. Западная кооперативная идея с «русским акцентом» стала составной частью философии народнической интеллигенции, опирающейся на «организованный общественный разум». Произошла подмена понимания кооперации как сочетания капитала и труда, где «кооперативный принцип не противоречит политической экономии» (Ч.Марриот), пониманием ее как некоего «социального идеала»¹⁰⁶, о котором говорили, как о модели будущего общественного устройства.

Идея социализации общественных отношений заняла одно из центральных мест в российской общественной мысли под именем «ассоциация» (кооперация). Уравнительные идеи, предполагавшие незамысловатые решения сложных общественных проблем, обладали притягательной силой. Какими факторами определяется общественное развитие? Общественная жизнь отличалась большей сложностью, нежели частная, и потому, по мнению Г.В.Плеханова, «в ней еще более заметна относительность понятия о причине и следствии»¹⁰⁷. Общество не способно измениться, если изменения не подготовлены экономически, психологически и культурно.

«Социал-демократические партии в России по тактическим соображениям сочли полезным использовать кооперацию как полезное орудие для достижения своих *собственных* целей», — писал А.Н.Анцыферов, исследуя природу и сущность кооперации¹⁰⁸. Основной источник любой социалистической доктрины — утопическая вера в возможность идеального справедливого общественного устройства путем организации всеобщей системы управления. «Кооперация» — не самоцель, а средство, метод достижения поставленной задачи светлого будущего», однако «абстрактная возможность еще не есть конкретная вероятность» (Г.В.Плеханов).

Культ декабристов, отрицательное отношение к самодержавию, единение с маргиналами, оппозиционные настроения, — вот та духовная атмосфера, тот нигилизм, который порождал неспособность к творческой созидательной деятельности, культивировал социально-политические воззрения российской интеллигенции.

Борцы за «народное счастье» боготворили эфемерное будущее, презирая настоящее, в центре их ненависти — материальные ценности и те, кто их создает. Пренебрежение к нормальной, естественной жизни — естественная черта российских радикалов.

«Вся Россия читала с удивлением во время процесса каравозовцев, что подсудимые, владевшие значительным состоянием, жили по три, по четыре человека в одной комнате, никогда не расходовали больше, чем по десяти рублей в месяц на каждого, и все состояние отдавали на устройство кооперативных обществ, артелей, в которых сами работали. Пять лет спустя тысячи людей, цвет России, поступали так же», — отмечал П.А.Кропоткин¹⁰⁹.

Такие кооперативные общества, создаваемые для пропаганды идей социализма, не имели ничего общего с истинной кооперацией, в основе которой лежит идея создания, преумножения «обычных» материальных благ.

Утопические изобретения Запада, подхваченные в России, не прижились в Европе. Заслоном им стала здесь позитивность мышления западноевропейского обывателя, прагматический подход к жизни, его внутренняя уравновешенность, способные обеспечить естественное понимание хозяйственных целей. Европа твердо стояла на позициях демократии и рыночных отношений. Российская же политизированная интеллигенция не освоила азов хозяйственного мышления, не была готова к рациональному построению основ экономики. «Обожествление будущего», презрение к настоящему, к порядку, зашоренность в рамках «иллюзии собственной роли» — таковы специфические черты «интеллектуально» портрета российского радикала, никогда не выражавшего интересы большинства. Радикально настроенная часть интеллигенции испытывала потребность в массе как в участнике общественного спектакля. Народу отводилась роль массовки в деле достижения поставленной цели.

* * *

Содержание понятия «кооперация» по-разному трактовалось социалистами и практиками кооперативного движения. Социалистические построения в Европе ограничились экспериментами Оуэна, Фурье и ряда других утопистов, не слишком сведущих в вопросах экономики и политики. Российский опыт участия кооперации в политических играх также не мог дать положительного результата.

В XIX в. под социализмом понимали все, что угодно. Герцен почитал его основой нового строя с опорой на русскую общину, живую организацию помощи слабым, ограничивающую своеволие сильных. Общинный социализм рассматривался и как свободное самоуправление организованных тружеников.

В 1849–1850 гг. были оформлены принципы народнической идеологии — сочетание отечественных традиций самоуправления с «западными достижениями» — идеями социализма, политической демократией. В 1860-е гг. Чернышевский прямо призывал: «Мы требуем заведения общественных фабрик, мы требуем заведения общественных лавок» («Молодая Россия»). «Товарищества трудящихся», «вот что нам нужно», они — прототип русской общины, основные ячейки общества, совокупность которых должна составить общинную Русь.

Экономическая практика воплощения идеи социализма имеет печальную историю. Если политическая экономия есть наука о народном богатстве, то главный принцип кооперации — отказ от прибыли — весьма привлекателен для уравнилельной теории социализма.

Неудивительно, что развитие кооперативной мысли проходило под знаменем утверждения социалистической идеи. Это была одна из попыток внедрения утопических воззрений в экономическое учение. Кооперативная теория предполагает переход от одной общественно-экономической формации к другой мирным путем. Это — одна из попыток связать социологию с экономикой.

В 1900-е годы была предпринята попытка осуществить идеи кооперативного идеализма в рамках экономических исследований (А.И.Чупров, В.П.Воронцов и др.), объединив усилия ученых и политиков с целью подведения «экономического основания» под т. н. «кооперативизм». Параллельно шел поиск алгоритма деятельности бюрократического аппарата управления всей хозяйственной жизни, программы новой системы хозяйствования, планомерной организации труда на всеобщую пользу. Правда, еще либеральные демократы 1860–70-х гг. первыми сделали практическую попытку обозначить путь мирного социального развития (В.Ф.Лугинин, кн. А.И.Васильчиков, А.В.Яковлев, Н.П.Колюпанов). Либеральная доктрина, как и народническая, искала опору своим действиям в экономическом и правовом содействии государства, что порождало психологию социального иждивенчества.

Основу экономической формы социалистической идеи ассоциации (кооперации), наряду с артельной и общинной, составляла общественная собственность, идея планового производства и потребления, так называемая «народно-общественная экономика». «Политэкономия трудящихся» предлагалась на смену «теории капитализма». Н.Г.Чернышевский тщетно пытался доказать преимущество новой системы хозяйствования, экономического превосходства нового строя над старым. Вопрос о научности социализма

с точки зрения экономики его слабое звено. Факт этот признавал сам Энгельс, оговариваясь, однако, что ситуацию нельзя исправить, не взяв в руки механизм действия. Таким «рычагом действия» и была объявлена кооперация.

Стержень экономики — рации, здравый смысл, этот простейший социальный элемент личности — был отброшен социалистами, которые желали управлять от имени идеи. В мировой истории известны два способа управления: внеэкономический и «рыночный». Критерий рации — практика жизни. Социализм — антиэкономическая категория, как форма человеческого сосуществования она — нежизнеспособна, поскольку не признает объективной истины: форма государственной власти, законодательный процесс теснейшим образом зависят от экономики. «Население все погибнет от экономически безрезультативного труда». (А.Платонов), а «закон господства — экономический закон» (немецкая поговорка). Кооперативный идеал с позиции русского социализма отличался разнообразием форм, которые можно рассматривать как попытку подвести новые экономические отношения под старые основания. Разномастность понимания явления кооперации и ее идеала можно усматривать в сочетании традиционализма (соборность, артельность, коллективизм) и элементов капиталистической системы (рынок, товарно-денежные отношения, индивидуальное паевое участие). Роль кооперации рассматривалась с разных позиций — экономических, социальных и политических. Отношение же к кооперации вытекало из всей системы (часто противоречивой) экономических взглядов представителей того или иного политического течения. Ключевым был при этом вопрос, является ли кооперация средством борьбы с надвигающимся капитализмом¹¹⁰.

Организационно-хозяйственная школа экономической мысли представляла кооперацию как форму хозяйствования. Идея «овладения рынком», «обобществления капитала» вытекала из общих представлений об организации хозяйства при социализме. Слияние мелких производителей и потребителей в единую «систему кооперации» на пути социализации общественных отношений должно было, в теории, помочь «овладеть массами» (так считали социалисты).

Кооперативные идеи, согласно социалистическому подходу, не могли иметь самостоятельного содержания, «оплодотворялись» социалистическим идеалом; а частный капитал кооперативной организации должен был трансформироваться в общественный и создавать *неделимое общественное достояние*. Капитал выступал не в положении хозяина, а в положении слуги, предназначенно-

го «служить инструментом, находящимся в распоряжении труда» (В.Пекарский). Как считали в начале XX века, «путем кооперации перестраивается экономическая мотивация, и подготавливаются элементы более совершенного экономического строя на началах общности» (М.Соболев). «Кооперация — не то одна из хозяйственных форм, не то нечто вроде “антильва”, возникающая исключительно против той или иной “имманентной хозяйственной формы”», — замечал В.Вольский, критиковавший установки социалистов¹¹¹.

В разных концепциях социалистического толка — аграрно-кооперативной, артельной, организационно-производственном направлении, трудовой теории народников, и проч. — кооперации отводилась роль орудия борьбы, ячейки будущей системы, «белого коня социализма» для вхождения в общество социального равенства.

Новый термин «кооперативизм» получил в Европе значение не только как средство осуществления некоторых улучшений, но и как программа общественного обновления. По своему содержанию он был близок к социализму первой половины XIX в. Основателем новой системы являлся Ф.Бюше, который не ставил радикальной цели — замены существующей системы, не стоял на позиции создания совершенно новых отношений, а полагал, что образование своеобразных кооперативных ячеек в недрах капиталистической системы приведет к улучшению жизни беднейших слоев общества. Отвергая классовую борьбу, Бюше рассматривал кооперацию как мирное средство обезвреживания капитализма. Ш.Жид, который был последователем Бюше, писал, что кооперативизм «начинают употреблять те, кто в кооперации видит не только средство осуществления некоторых улучшений, но и целую программу общественного обновления»¹¹². Из этого следует, что кооперация рассматривается как некий эволюционный путь движения общества к социальной уравнительности. Сходство кооперации с социализмом заключается в *недовольстве современным экономическим устройством*. Восприятие кооперации как третьего пути между социализмом и капитализмом — «свободного мирного пути построения социально обустроенного общества эволюционным путем из недр капитализма» — также шло от непонимания самой ее сути, поскольку конечная цель кооперативизма и в этом случае сводилась к замене капиталистического строя «более разумным и спокойным» порядком.

Сторонниками подобных идей в России выступали Пажитнов и Тотомиянц. Пажитнов занимался разработкой теоретического основания, ставшего базой для объединения всех видов «ко-

оперативного движения» в «единую социально-экономическую» систему¹¹³. Он же определял кооперативизм как научную теорию, изучающую тот своеобразный мир, который родился и существует в недрах капиталистического строя в виде многих десятков тысяч кооперативных ячеек, и те изменения, которые последние производят в этом строе¹¹⁴.

Какова суть идеологии, которой была проникнута кооперативная мысль России на разных этапах ее становления? Идеалами ее оставались Оуэн и Чернышевский. В кооперативной прессе, а также на обложках многих отчетов потребительных обществ печатались портреты вождей кооперативной утопии, указывающих на будущее «царства кооперации».

«... Ты хочешь видеть, как будут жить люди..., — смотри, вот новая Россия! Видишь, все пространство с севера уже кипит молоком и медом!»¹¹⁵. «С вершин мысли и знания увидишь чужие страны, широкие дали»¹¹⁶. Устремленность в будущее и жертвенность — не экономические категории. Неудивительно, что кооперативная идеология развивалась в отрыве от практики. Причина подобного рода социального зашоривания крылась не только в отсутствии точного и всеобъемлющего понимания кооперации. Последняя привлекала своей общественной средой, близостью самой идеи улучшения социальных отношений.

Российская кооперативная мысль, представлявшая широкий спектр оценок и мнений, как признавал уже в 1927 г. Чайнов, не создала, однако, *единой теории кооперации*¹¹⁷.

Общее направление российской кооперативной мысли, ее стержень, можно определить как *социализацию общественных отношений*. В.Хижняков (дореволюционный деятель кооперации, товарищ министра внутренних дел Временного правительства, позже сотрудничавший с большевиками) писал: «Кооперация, развиваясь, приближает социализм, образуя потребителей и производителей, постепенно вытесняет посредников капиталистов и на место частного капитала ставит общественный капитал, организует потребление и производство на общественных коллективных началах., являясь для трудящихся средством борьбы с эксплуатацией капитала, она при соответствующих политических условиях служит путем к новому справедливому хозяйственному строю — к социализму»¹¹⁸.

Кооперативная идеология претерпела мало изменений, она всегда оставалась эстетически оформленной идеей мирного вживания в социализм, в общество, окрашенное идеями социального равенства и братства с централизованной системой управления.

В этом плане небезынтересен анализ взглядов на кооперативную идеологию ряда экономистов, «исповедующих» социализм. М.И.Туган-Барановский вводил вопрос о кооперативном идеале в русло теоретического исследования, утверждая, что «наука и утопия... не являются противоречащими понятиями».

Путь в утопию, *в никуда*, представлялся путем в будущее *с позиции науки*. «От утопистов Маркс получил (не говоря уже об остальном) самое важное и ценное — социальный идеал. И лишь в свете этого идеала Маркс мог выработать свое замечательное учение о законах капиталистического развития», — писал Туган-Барановский¹¹⁹. Чуть ранее, в 1898 г., в своем докладе «Статистические итоги промышленного развития России» он утверждал, что русская действительность вполне соответствует схеме Маркса.

А.А.Исаев (1851–1919) — сочувствовавший социализму экономист, социолог, статистик, возлагал надежды на реформы и переход к мировому равенству, минуя капитализм. Идеал Исаева был близок к народническому направлению экономической мысли (А.И.Чупров, И.И.Иванюков, Н.А.Каблуков и др.). Социализм в понимании Исаева оставался совокупностью свободных кооперативных хозяйств. Выступая защитником общины как «драгоценной принадлежности русского народного хозяйства», он решительно высказывался за промысловые артели, промышленные товарищества и кооперативы, предполагая, что формы мелкого народного хозяйства облегчат мирный переход к социализму, который он понимал не как определенный общественно-государственный строй, а как наиболее приемлемую форму хозяйствования.

Конечной целью кооперативной деятельности, по мнению другого теоретика, А.В.Меркулова, является социалистическое общество. Задачей же социализма, по мнению Меркулова, является «реорганизация всего социального уклада, цель которого — уничтожение рабства, насилия, угнетения, нищеты и несправедливости, идеал которого — царство Божие на земле, светлое царство труда, гармонии и любви». Весной 1917 г., когда в России рухнула монархия, Меркулов призывал кооператоров «внимательно и беспристрастно оценить общественно-историческое значение кооперации, попытаться оформить кооперативную идеологию общественной эволюции». «Кооперация, — настаивал он, — является одной из ветвей общественного движения, подготавливающих социалистический строй. Сущность кооперации — борьба с торговым, промышленным и финансовым капиталом и постепенное обобществление самых разнообразных отраслей народного хозяйства... Если кооперация, не-

сомненно, является частью социалистического движения, то в чем же ее основная особенность, отличавшая ее от социализма партийно-политического?... отличительная особенность кооперации — ее творческий характер и органичность... Объект деятельности кооперации — сама жизнь, всю свою работу она изменяет не только формы, но и самое существо, самое содержание социального уклада».

В отличие от радикалов, веривших в социальный переворот, совершаемый путем захвата власти, Меркулов идеализировал «творчество жизни и эволюционный характер ее изменения», полагая, что именно в них — «сущность кооперации, берущей новые позиции лишь тогда, когда почва для завершения деятельности действительно готова...»¹²⁰.

Еще один теоретик кооперации А.А.Николаев усматривал в кооперативном движении новую социальную силу, «создающую новые социальные отношения и озаряющую социальные массы новыми свойствами. Кооперация нередко рассматривается не только как орудие, при помощи которого достигается хотя бы частичное переустройство современного общества в его капиталистических рамках, но и как могучее средство, при помощи которого в будущем реализуется социалистическое общество»¹²¹. Николаев готов согласиться с утверждением одного из мэтров русской революции в том, «что уже самый факт уничтожения частной собственности на орудия труда (земля, фабрики, пути сообщения, капиталы и проч.) должен заставить общество выступить на совершенно новый путь, что он должен вызвать полный переворот во всем производстве — как в его целях, так и в его средствах, что как только земля, машины и все остальное станет считаться общей собственностью, все *ежедневные отношения между людьми должны будут подвергнуться существенному изменению*»¹²².

Теория кооперативного реформизма представляла собой «широкий социальный взгляд», ставила целью создание общества социальной гармонии и любви. Кооперация же росла количественно и качественно, перекрещиваясь с различными идейными течениями, а потому ключевой становилась проблема единства кооперативного дела. В этом вопросе выделялись две стороны: материально-организационная и идеологическая. Первая предполагала необходимость связать кооперативные ячейки «в единую систему кооперативных учреждений» — дело очень трудное. Вторая задача — единство кооперативной идеологии, когда «в ярком свете единой, общей и всеобъемлющей идеи кооперации покажутся совершенно неважными существующие различия и противоречия

классовых, видовых и областных интересов». Один из тормозов на этом пути усматривался в националистических настроениях ряда регионов, усматривающих в попытках объединения «централистическую каверзу», отмечал в 1917 г. «Союз потребителей», публикуя отзывы своих корреспондентов. «Нет единой общей идеологии кооперации, настолько устойчивой и убедительной, чтобы захватить в свой круг и разнообразие интересов, и в то же время переварить, ассимилировать разнородные течения социально-политической мысли, далекие друг от друга, как небо от земли...»¹²³. Так, программно, определялись цели и задачи кооперации в связи с отношением русского общества к революциям, реальным и гипотетическим.

Истинное действующее лицо кооперации — народ — не всегда понимало роль интеллигенции в кооперативном деле. Усаживая интеллигентов «на почетные места за большой стол», мужик все же полагается на практическую сметку в хозяйственных вопросах, «со вниманием выслушивает, что она говорит и советует, но далеко не во всем следует этим советам», — заметил как-то один из старейших русских социалистов Н.В.Чайковский¹²⁴.

«Любовь к дальнему» в кооперативной идеологии имеет большее значение, чем «любовь к ближнему», — в этом интеллигенция видела одну из причин недопонимания народом усилий кооператоров — и теоретиков и практиков.

Суммируя высказывания теоретиков кооперативного дела, можно провести итоговую черту: «Все народы сольются в одном кооперативном хозяйстве..., любовь и братство будут царить на земле, и дети в кооперативных школах с удивлением будут изучать в истории, что когда-то вражда и ненависть разъединяли народы, что еще совсем недавно была возможна мировая война» (из журнала «Объединение», 1915). Мечта о мировом господстве кооперативной культуры, «по крайней мере, в теории приобретала очерченные контуры: повсюду наступит время, когда труд перестанет быть рабом капитала, а станет хозяином мирового хозяйства»¹²⁵. «Кооперативные организации... являются одновременно эмбрионами и школой социализма для трудящихся», они должны войти в социализм усовершенствованными и приспособленными механизмами к требованиям социализма в совокупности с другими формами организации для осуществления функций, отведенных им в социалистическом обществе, «кооперация в области учета и распределения явится краеугольным камнем для построения экономических отношений в социалистическом государстве», — так рассматривал кооперацию К.И.Морозов¹²⁶.

Несмотря на все нюансы определения целей кооперации¹²⁷, само разнообразие оценок и мнений, как и втягивание в политические выступления, преувеличение роли кооперации в социальном преобразовании бесплодно распыляло ее силы, а попытки обоснования единой концепции приводили к противоречиям между взаимоисключающими доводами.

В практической же работе кооперация все более испытывала идеологическое влияние власти своего «Секретариата».

Е.Н.Трубецкой, наблюдая рост кооперации в Калужском уезде, отмечал, что будущая Россия растет и крепнет вместе с ростом кооперации: «Мы присутствуем при росте будущей буржуазно-демократической России», «по своему существу и складу одинаково чуждой как идеалам объединения дворянства, так и социалистическим мечтаниям. Крестьяне приобщаются к благосостоянию и собственности, им есть, чем дорожить, что охранять. Эта сила будет неизбежно совершенствовать общественный строй, проводить радикальные социальные реформы в обществе, обманув при этом ожидания как правительства, так и социалистических партий»¹²⁸.

Характеризуя кооперацию как «важнейшее из всех современных общественных движений», Трубецкой отмечал, что крестьянство, улучшая с ее помощью свое благосостояние, защищало собственные интересы, которые не имели ничего общего с интересами различных партий.

Экономист и знаток кооперативного дела И.В.Емельянов писал, что тепличные условия совершенно разложили кооперацию, а планетарные цифры видимых успехов вскружили голову ее руководству. Пришлый элемент после марта 1917 г. поспешил добить кооперативное дело «навязав ему функции аппарата для переустройства старого мира на социалистический лад». Емельянов придерживался мнения, что кооперация как организация — структура хозяйственная, не должна быть подвержена политическим увлечениям, «ее функции — удовлетворение хозяйственных нужд и потребностей своих членов». «Принято думать, — писал он, — что кооперация ведет к изменению существующего строя, к замене его социалистическим, по мнению одних, или чем-то средним между социалистическим и кооперативным, по мнению других. Это род политической пропаганды, но не научное обоснование положения». Типичными образцами политической пропаганды кооперации Емельянов считал мировоззрение Туган-Барановского, Прокоповича и Чаянова. Критикуя использование кооперации в политических целях, Емельянов предлагал сконцентрировать внимание

исключительно на экономике. Поэтому он подходил к кооперации как к хозяйственному феномену:

Кооперация — «здание экономической политики. Она строится на индивидуальности и частной собственности, социализм же отрицает индивидуальную и частную собственность». Кооператив — это объединение хозяйств, вызванное необходимостью приспособления к условиям рыночного хозяйства.

Кооперативное же движение — воплощение идей утопического социализма, предназначенного уничтожить существующий хозяйственный строй. По сути своей оно — орудие политической деятельности и пропаганды¹²⁹, ничего общего не имеющее с экономикой.

Интерес к кооперации как к экономическому и общественному явлению Емельянов объяснял желанием осмыслить пути выхода из сложной социально-экономической ситуации, как в хозяйственной, так и политической сфере. Он был одним из немногих, кто не поддавался увлечению построения социализма или поиска третьего пути. Интерес Емельянова находится в точке соприкосновения капитализма и идей сотрудничества. На этой позиции стоял и Ф.Г.Тернер (1828–1906), рассматривавший ассоциацию как «уравновешивающий элемент социального развития»¹³⁰.

Осознание, что «никакое хозяйство, а тем более социалистическое, не может быть построено на политических лозунгах», вело к поиску экономических моделей его построения¹³¹. На кооперативы возлагалась при этом воспитательная роль: они «приучают не только к ведению хозяйственных дел, но и воспитывают сознание, что в будущем строе... кооперативы... будут определять характер и размеры производства»¹³².

Величайший вопрос российских теоретиков кооперативного социализма заключался в следующем: имеет ли кооперация тенденцию трансформировать, путем постепенного перехода, капиталистическое общество в социалистическое или нет? Они исходили при этом из представления о классовой сущности кооперации. Но это был изначально ошибочный подход. *Кооперация — лишь форма социального вспомоществования в условиях рыночной экономики, хозяйственный механизм.* Оттого «идеи кооперации, если и прививались немногочисленным народным группам, то оставались в их представлении как идеи, или же, в лучшем случае, воплощались на практике в учреждении общества потребителей и других кооперативных организаций, не имеющих между собой спайки, не руководимых какой-то одной общей идеей перестройки капиталистического хозяйства в некое иное — социалистическое»¹³³.

Экономика связана с культурой, но ей чужды утопии и фантазии. Социальная утопия не в состоянии преодолеть организационно-технических барьеров. Мало желания построить дом, надо обладать практическим знанием: невозможно организовать жизнь общества по заранее просчитанной схеме. Здесь не может быть места утопии, а эксперимент чреват тяжелыми последствиями, ибо связан с человеческим фактором.

Но идеологи российской кооперации все более втягивали ее в политическую борьбу, не свойственную этому движению. Они с восторгом приветствовали революцию 1905 г., пытались манипулировать I кооперативным съездом 1908 г. Создание продовольственного комитета (1914), было ни чем иным, как попыткой средствами кооперации реализовать социальный идеал: государственное регулирование процесса распределения. Восторженно был встречен кооператорами Февраль 1917 г.: «От демократических преобразований — к социалистическому творчеству. Эта конечная цель направляет движение трудящихся, раскрывает его верховный смысл»; «Да здравствует кооперативно — объединенный труд! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!»; «Задача кооперативного движения» в результате революционных событий расширялась «под влиянием требований жизни»¹³⁴, — под такими лозунгами кооперация двинулась к власти.

«Конечно, знаменит социалистических партий кооперация водружает не в праве, будучи движением нейтральным. Это не мешает ей расчищать дорогу к социализму своим делом. В действительности всегда будет существовать, при условии оздоровления партийной работы, взаимодействие — *кооперация* между кооперативным и политическим социализмом, — писал А.В.Меркулов¹³⁵. «И в самом деле — кому же, как не социализму... надлежит взяться за этот великий подвиг?»¹³⁶.

Февральские события бросили власть к ногам социалистических партий. «Когда в конце 1917 г. свершилось падение старого строя, господами положения в России, оказались социалистические партии. Все партии, группы, течения и классы, не исповедовавшие социалистического символа веры, с самых первых дней революции оказались на положении подозреваемых в будущем заговоре против свободы, оттеснялись — чем далее, тем быстрее — не только от власти, но и от всякой общественной работы, и все бремя переустройства страны, на новых началах, ее обновления и возрождения в момент потрясений мировой войны приняли на свои плечи социалистические партии, — продолжал Меркулов¹³⁷, — с уверенностью можно сказать, что и кооперация в их числе».

В чем выражалось это участие? Какие задачи ставила кооперация, увлеченная «силой вещей и логическим ходом событий в деле организации политической борьбы за демократическую республику, деле местного самоуправления за экономические требования социалистической программы...?»¹³⁸.

Красноречивы заголовки статей кооперативной печати: «Отклонение кооперации в политику», «Политические выступления потребительской кооперации», «Потребительская кооперация и политика», «Государство и потребительская кооперация»¹³⁹.

А обзор кооперативной печати за 1917 г. достаточно полно раскрывает позицию лидеров российских кооператоров: «потребительская кооперация обладает и является носителем резко выраженного *социалистического* содержания..., подлинная работа коллективизма, социализма, коммунизма совершается только в стране социалистических партий. Отсюда и кооперация, лишь становясь под руководство партий, может действительно превратиться в силу порядка, социалистического, прямо устремленной к созданию нового мира»¹⁴⁰.

Ускоренными темпами готовились кадры для новой системы хозяйствования в духе идей социализма. Поразительными по своей идеологической подоплеке были курсы, читавшиеся теоретиками кооперативизма: «Социализм как новая система хозяйства» (Туган-Барановский, Народный университет им. Шанявского, март-апрель 1918); «Кооперация и социализм» (Туган-Барановский, Высшие кооперативные курсы, июнь 1918; Курсы для подготовки работников в кооперативных союзах, март 1918); «Рабочее движение и кооперация» (М.Л.Хейсин), Курсы для подготовки работников в кооперативных союзах, март 1918; Высшие кооперативные курсы (июнь 1918).

«Социализация, национализация, регулирование народного производства, организация производства, организация потребления и распределения — разве не к тому же стремится кооперация? Да, но кооперация идет к этому своим путем, и только свой путь, путь самостоятельности масс, путь свободного творчества и постепенного эволюционного строительства считает единственно правильным, достигающим цели. И с этого пути она не должна сойти», — определял кооперативный путь «Союз потребителей»¹⁴¹.

Однако недостатки и просчеты социалистического учения обнаружили тотчас, как только его проповедникам судьба дала шанс «ответственно взяться за государственное строительство». «Российская революционная интеллигенция на деле оказалась не в состоянии построить самого бедного здания Государственности.

Для этого у нее не оказалось ни реального плана, ни практического умения строителей, ни правильной оценки располагаемых материалов и рабочих сил. Это резкое несоответствие между поставленной задачей и располагаемыми средствами, понятное для атмосферы подполья, повлекло полное банкротство интеллигентской идеологии, когда ей пришлось ответственно взяться за государственное строительство», — писал тонкий знаток российской действительности В.И.Гриневецкий¹⁴².

Государственное регулирование снабжения сырьем и топливом стало основой экономической политики Временного правительства в переходный период обустройства России на новых экономических принципах. Кооператоры приняли самое деятельное участие в работе хозяйственных органов этого правительства, поскольку считали, что «работа кооперативов должна сейчас в интересах демократии вестись не только под углом зрения своих чисто хозяйственных интересов, а в направлении удовлетворения общегосударственных, т. е. общенародных интересов»¹⁴³. Кооператоры стояли на позиции социализации общественных отношений как единой государственной политики, провозглашая: «государственное собирание и распределение всех жизненных благ», «государственную связь классов», «конец господству капиталистической прибыли», «твердую ценовую политику в области продовольственных закупок и промышленных товаров», полную поддержку программ на социализацию в земельных отношениях, поддержку Советов крестьянских депутатов («наказ 242»), национализацию промышленных предприятий.

Исследуя состояние российской экономики на конец 1917 г., Гриневецкий пришел к выводу, что революционное разложение промышленности захватило постепенно все отрасли управления экономикой, подтвердив совершенную несостоятельность централизованного регулирования. Эксперименты Временного правительства он рассматривал, как извращение общественно-хозяйственной действительности, которое привело к падению производства всех отраслей промышленного сектора, развалу железнодорожного транспорта — артерий экономического кровообращения. «Мы побеждены не силой оружия, не мощью врага, а собственной политической незрелостью, некультурностью и духовной слабостью», — писал он. — На ходе всей революции Россия должна была убедиться, что социальное *regretium mobile* также неосуществимо, как и механическое».

«Малы и даже отрицательны социалистические достижения социальной революции, отныне эта идеология должна быть

изжита. Наряду со многими проблемами, стоящими перед Россией, есть чрезвычайно трудная — восстановить представление экономики в умах не только темных масс, но и более ответственных слоев населения»¹⁴⁴, — подводил черту Гриневецкий.

Октябрьский переворот стал естественным следствием экономического и политического банкротства, попыткой продолжить революцию уже штыком и декретами при диктатуре пролетариата.

Последовавшие после Гражданской войны голод и разруха вновь заставили большевиков обратить внимание на кооперацию: ей отводилась роль стимулятора в деле оживления хозяйственных связей. Большевистское понимание кооперации сводилось к классовой справедливости, уравнительности в потреблении (как синтезу социалистического идеала и общинной практики), и оценка ее как средства на пути к более радикальным целям. Кооперативная идея вновь совмещалась с учением о социализме и коллективизме¹⁴⁵. Рыночные отношения рассматривались как временное явление — «шаг назад, чтобы разогнаться». На практике идеи «чистого социализма» подчиняли себе остальные его модификации. «Ленинский кооперативный план был развит и победоносно воплощен в жизнь Сталиным, — с оптимизмом утверждала Большая советская энциклопедия. — Перейдя на систему работ по договорам с государственными органами, советская кооперация вместе с государственными предприятиями составляет социалистический сектор экономики СССР»¹⁴⁶.

Однако идеология, даже кооперативная, не в состоянии была разрешить наболевшие социальные проблемы. «Нужно понять, что великие социальные достижения даются народам только через накопление громадной социальной энергии в виде культуры, общественных навыков и высокого развития производительных сил», — писал В.В.Макаров¹⁴⁷.

Экономика, составляющая жизненный базис, определяет жизнь во всех сферах человеческого существования — саму общественную систему, право, культуру, мораль. Опору государства составляет социально активная часть населения, для которого и должны создаваться условия труда. От этого зависит судьба государства. Утопия — это антикультура, насилие над природой, отрицание созданных культурой институтов: человеческих прав и свобод, собственности, семьи. Утопия — это разновидность слепоты.

Идея ассоциации Н.Г. Чернышевского, как составная часть теории социализма

«Принцип служения науки практике, преобразованию общества является у Чернышевского выражением революционного подхода его к задачам науки».

*История русской экономической мысли.
Т. 1. Ч. 2. М., 1958. С. 603.*

«Страсти русских выкроены по мерке древних народов; все у них напоминает ветхий завет; их чаяния, их муки велики, как их государство».

Де Кюстин

Николай Гаврилович Чернышевский... В душе этого человека переплелись взаимоисключающие мотивы, эклектический подход к истории России порождал отрицательные результаты. Это прекрасно иллюстрировал интерес Чернышевского в 1840-е гг., например, к вопросам философии, эстетики и литературы, или его попытка защитить диссертацию на тему «Эстетическое отношение искусства к действительности», которая не имела успеха¹⁴⁸.

По окончании университета Чернышевский преподавал русский язык и литературу в Саратовской гимназии, затем с середины 1850-х гг. он сотрудничал в «Отечественных записках», став с 1854 г. одним из постоянных сотрудников отдела критики и библиографии журнала «Современник».

Ап. Григорьев характеризовал «Современник» как журнал, «в котором сегодня позволено ругать, то, что вчера расхваливалось, в котором сегодня скажет дельное слово г. Дружинин, а завтра может быть, г. Чернышевский напишет тьму безвкусных и безобразных литературных ересей»¹⁴⁹. До конца 1850-х гг. Чернышевский был мало известен российскому читателю.

В преддверии реформ, оживления общественной жизни, с окончанием Крымской войны, в центре дискуссий о путях развития России, волновавших все слои российского общества, стоял крестьянский вопрос. Чернышевский не занимался аграрной проблематикой: в дни своего детства, протекавшего в доме саратовского протоиерея, он практически не соприкасался с крестьянами¹⁵⁰.

Вообще, его представления о российской действительности были поверхностны, ограничены забором, стоящим вокруг родительского дома. А потому основным направлением публицистической мысли в статьях Чернышевского 1857–1861 гг. явилась критика капиталистической системы обустройства России и провозглашение новых принципов. Осуществить их должны были «новые люди», появившиеся в российском обществе в середине XIX в.

«Современник» занял «левую позицию». Под влиянием агитации «Современника» в 1862 г. сложилась революционная организация «Земля и воля». Однако усиливающиеся нападки на либерально-демократическое течение, на умеренный «буржуазный» либерализм, даже на взгляд Герцена были резки, бестактны и несвоевременны.

Главный источник нищеты и бедствий народа Чернышевский усматривал в «несправедливом и дурном» распределении благ, а также в нежелании власти улучшать народный быт¹⁵¹. Отношения распределения Чернышевский признавал главной проблемой экономической науки, выступая в этом вопросе учеником «мыслителей-коммунистов» Р. Оуэна и Л. Блана¹⁵². Осуществление идеи равенства, по его мнению, заключалось в единомыслии — «союзе и братстве» — людей, «соединенных в общества, имеющих общий интерес». Идея общинного братства тесным образом увязывалась с идеей ликвидации собственности, являющейся стержнем теории Чернышевского: «В земледелии братство должно это выразиться переходом земли в общинное пользование; в промышленности — переходом фабричных и заводских предприятий в общинное достояние компании всех работающих на фабрике, на этом заводе»¹⁵³.

В условиях развернувшихся в России реформ начала 1860-х гг. встал вопрос о собственности (в первую очередь — земельной). Важнейшим способом его решения радикалы признавали общественную базу производства, базирующуюся на государственной собственности. При этом сохранение общинной собственности они связывали с понятием ассоциации: «Введение начал ассоциации в экономическую жизнь» при общинном землевладении — форма государственного устройства, обеспечивающая юридическую справедливость прав отдельной личности как «стремление к союзному производству и потреблению»¹⁵⁴.

Утверждаемый Чернышевским «принцип ассоциации», уживался в его представлении со всякой формой государственного устройства. Ассоциация рассматривалась как некая социально-экономическая категория, «чуждая политических пристрастий». Община — переходная форма, длительный путь «перевоспитания

личности», к ассоциации (с государственной собственностью при общинном землепользовании), к общинному братству, воплощающему социализм¹⁵⁵.

Считая, что проведение в жизнь нового порядка «сдерживается привычками целого народа», Чернышевский предлагал «путем разумного убеждения перевоспитать целые народы», «вселить новое убеждение, и не только вселить его, но и утвердить до такой степени силы, чтобы оно взяло верх над обычаями и привычками». Цена этого перевоспитания — «гигантский труд» и «огромное время».

Община рассматривалась им как переходная форма к принципу ассоциации, поскольку, в отличие от Запада, в России представление «о могущественном народном обычае нашего сельского быта не должно быть утрачено». Право частной собственности, являющееся «существенным содержанием западноевропейской истории», в представлении Чернышевского имеет «вредные следствия...» для «великих источников народного благосостояния» — земледелия и промышленности¹⁵⁶.

По мнению публициста, русская крестьянская община — реальная возможность сократить исторический путь приобщения к социализму, минуя частноправовую культуру капитализма. Суть «общинного братства» радикалы видели в «экономическом соединении производителей для труда и потребления», настаивая, что только так «может быть доставлено массе населения материальное достояние». Способ введения «лучшего порядка» требует братской жертвенности. Не в том препятствие «нового экономического принципа», изобретенного в Европе, «что новая экономическая теория еще недостаточно сформулирована наукою: общий принцип ясен для всех, кто хочет делать его», технические подробности никогда не определяются теорией, они делаются практикой, «самим исполнением дела и местными условиями». Введение нового порядка «чрезвычайно затруднено в Западной Европе безграничным расширением юридических прав отдельной личности», предубежденностью против общинных форм¹⁵⁷.

Отвергая рациональные принципы экономики — целесообразность, логику, «владычество конкуренции» — Чернышевский тем самым отвергал «естественный экономический порядок, который входит в общество сам собою» и ставил задачу «преобразования экономического устройства искусственным образом». Он отдавал предпочтение «именам знаменательным», «мыслителям действительно великим», например, Оуэну, имеющему сподвижников и продолжателей, «достойных стоять с ним рядом и по гениальности и по благородству стремлений»¹⁵⁸.

В своих исследованиях, посвященных книгам А.Гакстгаузена¹⁵⁹ и Л.Тенгоборского¹⁶⁰, он выступал с «новой обстоятельной апологией общинного землепользования», которое якобы «более благоприятствует успехам сельского хозяйства, нежели частная поземельная собственность». Тем самым Чернышевский силился доказать преимущества общинного производства и потребления в ответ на утверждение либералов о том, что «личная выгода — могущественнейший двигатель всех улучшений, ибо... собственник пользуется всеми выгодами от производимых им улучшений, потому... у собственника больше интереса производить там улучшения, следствия которые долговечны, то есть самые важные улучшения».

Общинное землевладение в представлении Чернышевского — идеал поземельной собственности российского народа. Государству при этом отводилась самая почетная роль в «избавлении своих землевладельческих классов от бедности и бездомности», и, как бы значительны ни были экономические преобразования, замечал Чернышевский, — «не дерзнем мы посягнуть на старинное пользование землями».

Итак, «все, чем владеет и что возделывает для себя поселянин по общему праву, должно быть государственной собственностью и общим владением». Государство в роли собственника выступает гарантом земли, выделяемой каждому гражданину, готовому потесниться с принятием новых членов — «они не ропщут», так как получили землю законным порядком.

Для людей «особенно даровитых» нация оставляет простор на поприще частной деятельности, где они могут выдержать конкуренцию, могут рисковать, где «все предоставлено счастью»¹⁶¹. Земли, возделываемые по принципу частной собственности, выделяются из общего владения пустопорожных, городских, казенных земель, «не состоящих ныне в пользовании крестьян», без права передачи в аренду. Государство здесь владелец, «заимодатель», распределитель общественной земли.

Чернышевский продолжал разрабатывать идеал общинных форм хозяйствования¹⁶², говоря о необходимости оградить поселян от земледельческой эксплуатации¹⁶³.

«Противоядием от болезни» (новых капиталистических отношений, наступавших на Россию), Чернышевский признал общинное владение «без раздробления на отдельные участки», когда раздел земли заменяется разделом жатвы на поле, «где никто не потерпит обиды». В деле «хозяйственного преобразования» большие надежды он возлагал на «мудрость правительства», охраняющего общинное владение.

Отстаивая принцип общинного владения, Чернышевский считал его не только лучшим способом хозяйствования, но и свойством национального быта русской нации¹⁶⁴.

Пропагандируя общинный социализм, Чернышевский решал дилемму: или радикальная реформа «сверху», или крестьянская революция. Отдавая до 1859 г. предпочтение первому пути, он признавал, что «прозорливость законодателей предупреждает ход событий», связывал надежды на реформы¹⁶⁵, увенчанным «счастьем одному начать и совершить освобождение своих подданных»¹⁶⁶. Тогда, во второй половине 1850-х, Николай Гаврилович считал революционный способ слишком дорогим для государства: счастлива нация, когда прозорливость ее правителей предупреждает ход событий.

На этом этапе Чернышевский «протягивал руку славянофилам», призывал объединиться на основе протеста против крепостного права¹⁶⁷. Чуть позже Чернышевский искал точки соприкосновения с либералами¹⁶⁸, выступив сторонником идеи К.Д.Кавелина о гармоническом примирении интересов враждующих сословий. «Неистощимую, вечно живую и свежую почву всех возможных улучшений представляет наше общинное владение землею; неистощимый запас национального благосостояния и государственного процветания находится в нем. Одно только нужно, чтобы началось для нашего царства время невиданного на земле в обширных размерах, в таком стройном порядке общего благоденствия великой державы и всех детей ее: нужно только одно... да идет наша держава по пути экономических улучшений, и да свершит Александр II дело, начатое Александром I и Николаем I»¹⁶⁹, — подводил черту Чернышевский.

Однако по мере приближения умеренно-либеральных реформ, характер его публикаций все больше склонялся в пользу революционных методов, хотя поначалу эта позиция была непоследовательной¹⁷⁰. При этом полемический стиль публикаций Чернышевского носил иногда «желчный и глумливый характер», а особенно язвительные выходки были направлены против И.В.Вернадского¹⁷¹ — представителя «старой» (т.е. либеральной) школы экономистов.

Социалистические воззрения Чернышевского вызвали полемические отзывы со стороны славянофилов. Редактор «Русской беседы» А.И.Кошелев отмежевывался от радикальных идей: «С подобострастным расположением к западным ассоциациям г. Чернышевский смотрит на нынешнюю нашу общину как на ступень к другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями; туда... мы следовать не расположены»¹⁷².

С зимы 1859–1860 г. на первый план в работах Чернышевского выдвигаются условия для осуществления идеи социализма — крестьянская революция, народовластие. В октябре 1859 г. он писал: «Кто берется за дело, тот должен знать, к чему поведет оно, и если не хочет он неизбежных его принадлежностей, он не должен хотеть и самого дела. Политические перевороты никогда не совершались без фактов самоуправства, нарушавшего формы той юридической справедливости, какая соблюдается в спокойные времена. Перевороты волнуют народное чувство, взволнованное чувство забывает о формах... надобно взвесить добро и зло, и вам кажется, что в сущности дел хорошо, не смущайтесь тем, что есть в нем стороны дурные..., будьте тверды, не будьте флюгером...»¹⁷³.

Тема «реформа и революция» возникает в комментарии Чернышевского к многотомному труду Ф.К.Шлоссера¹⁷⁴. Путь грядущего экономического переустройства он видит в необходимости замены принципа «соперничества» принципом «ассоциации», и в добровольном отказе от борьбы за прибыль¹⁷⁵. «Значительные реформы могут быть проведены только настоятельным требованием публики, только (ее) сервезный гнев может победить сопротивление враждебных существующему благу интересов». Роль «публики» отводится трудящимся массам, заинтересованным в кардинальных общественных преобразованиях, в «сознательной теории трудящихся».

«Политическая экономия, — считал Чернышевский, — достаточно разъясняет ту истину, что реформы могут быть производимы только теми классами, для которых они выгодны». Он ставил вопрос: какой путь преобразования выгоден трудящимся? И отвечал: «Мирный спокойный путь развития ассоциации через общинное землепользование или революция»¹⁷⁶. Свою задачу он усматривал в том, чтобы дать «надлежащее направление к порыву», к разработке теории и возбуждения общественных масс¹⁷⁷. Крестьянская революция, подготовленная организацией революционеров при содействии интеллигенции, рассматривалась им как путь к народовластию¹⁷⁸. Чернышевский ищет доказательств классовой теории. В «Очерках» он противопоставил буржуазной «смитовской школе», политическую экономию социализма, именуемую им «экономической теорией трудящихся». Чернышевский силился «переделать» Милля в Прудона, применяя «путь научного исследования» для обоснования своей теории, проповедуя теорию социализма, «доведенную до крайних результатов, т.е. до коммунизма» (В.Костомаров).

Критику капиталистических форм хозяйствования Чернышевский завершил обоснованием созданной им «экономической теории трудящихся». Статья «Капитал и труд» (критика на книгу И. Горлова «Начала политической экономии») ¹⁷⁹, содержит изложение своеобразного плана государственного преобразования на новых экономических началах ¹⁸⁰.

Позволим себе процитировать: «Теория трудящихся... главное свое внимание обращает на задачу о распределении ценностей». Дух распределительных учреждений сообразуется с экономическими интересами лиц, которым служит новая теория. Новое «понятие» — государственная экономия, отвергая свободу действий в существующей системе политической экономии, ставит задачу «преобразования экономического устройства искусственным образом». «Наука... должна признавать естественным только то, что выгодно для человека вообще, когда предлагает общие теории... выгодные для большинства ее членов». «На какой фабрике больше производится продуктов: на фабрике, принадлежащей одному хозяину-капиталисту, или на фабрике, принадлежащей товариществу трудящихся? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, [что] производство должно иметь форму товарищества трудящихся».

«Экономическая необходимость» заставляет трудящихся «искать взаимного союза» с предпринимателем, посредством вступления в товарищества, создаваемые для «экономического производства и потребления в новых социально-экономических условиях».

Резкая критика Чернышевским политической экономии, основанной на принципе свободы конкуренции, вызвала возражение в либеральном лагере: «это слишком резко, слишком одномерно» ¹⁸¹.

Понимание ценности капитала, усвоенное Чернышевским, пришло в его работы из господствовавшей теории, признающей «элементом производства» оборотный капитал, «без которого невозможно приложение труда к материи». Чернышевский меняет лишь акценты: капитал — государственный (обобществленная собственность), труд — коллективный; таковы правила «здорового смысла».

В конце концов Чернышевский окончательно отошел от первоначальной идеи мирного пути к новым формам хозяйствования, изменил свой взгляд на общину как на рычаг эволюционного пути, отверг саму возможность успешного общинного производства, не только в связи с отсутствием контроля, но и с точки зрения экономической выгоды.

Новая «теория» Чернышевского проводила «принцип товарищества для каждой группы трудящихся». Товарищество рассматривалось как форма «самого успешного» общественного производства, «при котором возможно удовлетворение стремления трудящихся к самостоятельности». «Новый способ» экономического порядка, по мнению автора, «зависит от обстоятельств государственной жизни» и нравов народа: «экономическая необходимость» заставляет трудящихся «искать взаимного союза» вступлением в товарищество для экономического производства и потребления, идеал устремлен к союзному производству и потреблению. Чернышевский критически относился к распределению в соответствии со способностями индивидуума. Он считал, что мерилом производства и распределения служит планирование — «принцип надобности». Общинное пользование землей — основа «законодательного» определения экономических отношений в товариществе при условии государственной собственности на землю.

Какая роль отводилась государству в содействии по организации обустройства товарищества? Принцип ассоциации (товарищества) облекался в форму коммун-общины, организованной при административной поддержке. Кооперативные предприятия можно считать социалистическими, «если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» — такое определение дано в одном из учебников эпохи социализма. Государственный чиновник выступает в роли организатора товарищества, само же государство (владелец капитала) — в роли кредитора. Казна получает процент, постепенно возвращая выданный капитал, «она (казна) тут жертвовательница, казна здесь посредница между биржей и трудящимся классом». Расчет товарищества с трудящимся тот же, что и между фабрикантом (домовладельцем) и — работником (жильцом).

Взаиморасчет товарищества, таким образом, строился на принципах классической экономии, где государство — владелец капитала, трудящийся — наемный рабочий. Товарищество в «новой теории» Чернышевского есть форма организации труда для взаимодействия государства — хозяина средств производства (капитала) и трудящегося, члена товарищества, лишённого этого капитала. Чернышевский переставил акценты, перенес центр тяжести капитала из частных рук в руки государства. Обезличенный капитал в руках государственного чиновника лишил экономику главного двигателя — принципа личного интереса. Государство выступало уже не только владельцем капитала, но и регулятором и строителем нового способа хозяйствования и образа жизни. Товарищество рас-

смаatrивалось как сложение сил, при котором производство должно достигнуть наибольшего успеха, как более высокий социальный тип общественного хозяйствования. Создание товариществ, по сути — коммуна-общин, требовало теоретической подготовки и государственной поддержки. Теория товарищества — путь будущего экономического развития социалистического общества.

Критику книги Милля, признанной экономистами «лучшим, самым верным и глубокомысленным изложением теории, основанной А.Смитом», Чернышевский использовал для пропаганды своих социалистических воззрений. В «экономических делах, — отмечал он, — характер, направление, общий смысл и подробности... должны определяться нашими понятиями о том, что хорошо само по себе, независимо от своей осуществимости в данное время в данной стране»¹⁸². Чернышевский противопоставляет политическую экономию Смита политической экономии социализма. Однако Милль призывал не путать социальную науку с политической экономией. «Политическая экономия занимается только теми явлениями общественного состояния, которое порождается стремлением к богатству..., рассуждает вполне отвлеченно от всякой другой человеческой страсти»; в социальной же науке «явления общества не зависят в существенных чертах от какой-нибудь одной силы, или от одного закона человеческой природы». Такова логика Милля: «Богатства стран при нынешнем устройстве возрастают: зачем же переделывать экономические учреждения...»¹⁸³.

Чернышевский не проявлял настойчивости, говоря о сроках установления «новой системы», (т.е. социализма): «Мы не думаем, чтобы и самый социализм скоро приобрел господство в экономической жизни»; «сколько же времени понадобится, чтобы приобрел господство в исторической жизни простой народ, которому одному и выгодно, и нужно устройство, называемое социализм! По всей вероятности, это будет история очень длинная»¹⁸⁴.

В подстрочных примечаниях к исследованию Милля Чернышевский отмечает, что «капитал и труд по своей сути дела должны быть соединены неразрывно»¹⁸⁵, и пытается соединить государственный капитализм и труд производителем. В этом суть толкования Чернышевским понятия ассоциации.

Между тем, в случае общественного поземельного хозяйствования при государственной собственности на землю, капитал отделен от труда производителя, трудящийся становится батраком государственного чиновника, заложником системы.

Итак, экономическая предпосылка социализма, по Чернышевскому — общественное поземельное хозяйство. Коллективная

форма хозяйства община, артель, товарищество (коммуна-община) — ячейка социалистического общежития. Общественный сектор в экономике страны рассматривался как совокупность реорганизованных общин. Государство возвышается над общинником, оно — верховный собственник в национальном масштабе. Община — клеточка общества, которая должна была гарантировать полное единение индивида с коллективом, опосредовав собой все то, чем пользуется каждый. Общинник — лишь временный пользователь обрабатываемого им надела и получаемого им продукта в рамках гарантированного уравнительного распределения продукта. Общинник — по сути, раб, действующий в рамках отведенной ему ячейки. Подобный способ хозяйствования Маркс определял как азиатский способ производства.

Большинство российских историков и теоретиков кооперации расценивало Чернышевского как фигуру «первой величины», как «первого и убежденнейшего и талантливейшего теоретика и пропагандиста идеи кооперации»¹⁸⁶. Но, как справедливо было замечено, «русская история стала искажаться задолго до коммунистической власти, страстная радикальная мысль в нашей стране перекрашивала русское прошлое соответственно целям своей борьбы»¹⁸⁷.

В общественном сознании российской интеллигенции победу одержало общинное сознание — социалистическая идеология.

После появления книги «Что делать?» всей России стал «сниться» «четвертый сон Веры Павловны», а от нигилизма различные недоучки перешли к бомбометанию. Между тем, значение трудов Чернышевского в области экономической мысли было, мягко говоря, очень сильно преувеличено. Что касается идеи ассоциации (кооперации), то стол, авторитетный ученый как Туган-Барановский утверждал, что его «увлечение идеей ассоциации, в сущности, имеет неглубокий характер», и признавал Николая Гавриловича автором идеи возможного развития России по социалистическому пути, отправным пунктом которой являлось общинное землепользование (или первобытный коммунизм)¹⁸⁸. Туган-Барановский считал, что в радикальном плане преобразования России по Чернышевскому фигурировало нечто вроде ограниченной национализации земли, а не ассоциация, где государство санкционирует крестьянское землепользование из государственного запаса, выступает охранителем права каждого на землю (в рамках общины).

Каким образом подобная форма организации хозяйства вписывается в понятие ассоциации в общепринятом понимании?

Туган-Барановский отмечал, что «кооперация есть свободная хозяйственная организация, стоящая на почве частной собственности и преследующая частнохозяйственные выгоды своих членов». Если бы предположить «осуществление социалистического строя, то внутри этого строя для кооперативных предприятий места бы не нашлось». Объясняет это Туган-Барановский в первую очередь тем, что кооперация является одним из видов хозяйственной организации собственников. Если кооперация есть «своеобразный орган организма капиталистического хозяйства», то «социализм есть отрицание капитализма, — и потому кооперация ни малейшим образом не является социализмом»¹⁸⁹.

Современник Чернышевского Ф.Г.Тернер в работе, посвященной кооперации, дав обстоятельный анализ таким понятиям, как социализм и кооперация, разграничил содержание политической науки и социальной:

«Социализм и ассоциация сходятся в том, что они требуют соединения разрозненных сил для совокупности производства», но «социализм доводит это соединение до того, что совершенно отрицает частную собственность и делает это соединение обязательным, подчиняя его регламентации», а ассоциация, напротив, «не только не допускает, но даже требует существования частной собственности», предоставляя «самое соединение частных средств свободной воле каждого собственника, не подчиняя ее никакой обязанности, и не стесняя ее никакой регламентацией». Тернер пояснял, что «из общинного владения может выработаться со временем земледельческая ассоциация... не иначе, как через посредство частной собственности. Общинное владение должно прежде распасться на частную собственность, чтобы... создать необходимые элементы ассоциации. Этого перехода ей ни в коем случае миновать нельзя»¹⁹⁰.

Бесспорно то, что ассоциация «применима с пользой к сельскому хозяйству». Это вытекает из самой сущности ассоциации, выражающейся «в соединении частных средств... Там, где нет частной собственности, не может быть соединения частных средств»¹⁹¹.

Идея ассоциации, в которой социальные реформаторы увидели мощное орудие освобождения наемного труда от капитала, не имела в работах Чернышевского конструктивного значения. Ассоциация без собственности (капитала), по Чернышевскому, есть средство подчинения трудящегося государственному капиталу.

Как человек идеи, Чернышевский неуклонно шел в принятом направлении — к социализму. Известный и очень популярный

в середине XIX века публицист Шелгунов отмечал эту непримиримую верность раз избранному пути.

Начавшиеся весной 1861 г. пожары и погромы отрезвили многих здравомыслящих почитателей радикального «Современника». Кавелин в письме к Герцену (6 августа 1862 г.) писал: «Аресты меня не удивляют, и, признаюсь тебе, не покажутся возмутительными... Чернышевского я очень, очень люблю, но такого брульона, бестактного и самонадеянного человека я никогда не видел. И было бы за что погибать! Что пожары в связи с прокламациями — в этом нет теперь ни малейшего сомнения»¹⁹².

В 1867 г. Чернышевский был арестован и судим «за злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятые меры к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания...». Приговорен к 7 годам каторжных работ. С 1864 по 1871 гг. находился в ссылке в Вилюйске, с 1873 г. — на поселении в Астрахани, затем — в Саратове.

А что же Россия?

Реформа 1861 г. поколебала общественно-экономический строй, началось распространение свободных хозяйственных отношений, а община, радетелем которой являлся Чернышевский, стала тормозом на пути прогресса. Покушение 1866 г. на Александра II остановило поступательное движение либеральных реформ.

«Скажу тебе одно, — писал Чернышевский жене в 1853 г., — наша с тобою жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут всех, что жил в одно время с нами...». Николай Гаврилович мечтал войти в историю добрым учителем людей.

Оценки его трудов не однозначны и носят отпечаток социалистической идеологизированности. По признанию Ленина, Чернышевский являлся его *любимейшим писателем*, «перепахавшим его мировоззрение». Исследователь и поклонник политических взглядов Чернышевского Н.С.Русанов писал, что «социально-политические взгляды Чернышевского окрашены тенденциями, которые лучше всего можно было бы охарактеризовать словом «бланкизм».

Интеллигенция представляла движущую силу переворота¹⁹³. «Солисты и актеры... в великой исторической драме» нуждались в поддержке их оркестром и могучим хором из «народа». Народ — это крестьяне, реформой быта которых и была озабочена интеллигенция.

Ссылка не изменила политических воззрений Чернышевского. В.Г.Короленко, вспоминая о своих встречах с ним, писал,

что Чернышевский «остался в основных своих взглядах тем же революционером в области мысли со всеми прежними приемами умственной борьбы. Он смеялся только над своими попытками практической деятельности»¹⁹⁴. Величайшую заслугу Чернышевского большевики усматривали в том, что он «не только показал, что всякий, правильно думающий и действительно порядочный человек, должен быть революционером», но и каким должен быть революционер»¹⁹⁵.

Каким было влияние Чернышевского, этого «главы радикального оркестра», «коновода юношей», на общественное мнение или ход проводимых в 1860-е гг. реформ? Публикации «Современника» адресовались широким кругам столичных и провинциальных читателей, которые и составляли «общественное мнение» в стране. «На формирование этого общественного мнения Чернышевский и действовал, воспитывая в своих читателях тот оппозиционный дух, который в это время все увеличивался»¹⁹⁶. Социалист по убеждению, он был главным заправилою той безумной агитации, которая уже тогда начиналась в среде русской молодежи»¹⁹⁷, — так писали современники.

Оценка экономическим работам Чернышевского и русской экономической науке вообще, была дана на юбилейном заседании Вольного экономического общества: «Русская экономическая наука и до сих пор еще не представляет существенного значения для Запада. Русские ученые разрабатывали специальные русские вопросы, но мировая наука мало заимствовала идей у русской? и западноевропейцев, не зная взглядов Чернышевского, не может считать, что потерял очень много... Когда мы говорим об истории науки в целом, то для Чернышевского там не может быть особенно выдающегося места»¹⁹⁸. Это не Маркс, не Риккардо и не Адам Смит... Западная Европа не знает Чернышевского и ничего не теряет, многое и даже большая часть теперь уже не принадлежит к интересам дня»¹⁹⁹.

А.С.Посников также отмечал, что примечания Чернышевского к политической экономии Милля не имеют серьезного значения.

Публицистика Чернышевского, таким образом, подвергалась критике со стороны ведущих экономистов, его современников. Философские понятия Чернышевского воспринимались как «наглое шарлатанство, выдаваемое за высшую современную философию», когда автор «тоном шарлатанской иронии» говорил о русских экономистах, выдавал «бессмыслицы», публикуемые в «Современнике», за «глубокую мудрость.., почерпнутую со дна таинственного кладезя»²⁰⁰.

Не менее жесткую характеристику бунтаря-теоретика дал Н.Валентинов: «Чернышевский мне представляется в образе какого-то Третьяковского»²⁰¹, подвизающегося в политической экономии»²⁰².

Кооперация и государство

«Кооперация требует от государства только права свободного проявления и беспрепятственного расширения организованной самопомощи».

Союз потребителей. 1915. № 29. С. 1.

«Кредит портит отношения».

Поговорка.

Во все времена взаимоотношения личности и государства рождали противоречия. Столкновение общественного и личного интересов — проблема правовая, экономическая и социальная.

С одной стороны, государство пытается гармонизировать общество, наделяя личность как субъекта общества определенными правами. Ярким примером такого регулирования явилась Англия периода становления капитала. С другой стороны, само общество рождало новые формы экономической и социальной защиты в виде тред-юнионов, ассоциаций и различных социальных организаций.

Кооперация предложила решение одной из сторон общественной проблемы в рамках старой системы *мирными экономическими методами*, через новую форму трудовых хозяйственных отношений, не ставя задачу замены политической системы, соединив личный и общественный интересы путем слияния капитала и личного участия в процессе труда. «Не разрывая пуповины» с обществом его породившим, поставив во главу угла интерес конкретной личности, кооперация взялась мирно совершенствовать свои принципы, свободно проявляя себя эволюционным путем в области взаимоотношений труда и капитала, используя экономические и культурные методы, гармонизировала отношения личности и общества.

Экономическая и социальная свобода — главные достоинства кооперации, предполагающей солидарность общего и частных интересов.

Сочетание личных и общественных интересов — основа функционирования и развития любого кооператива. Свои взаимоотношения с государством кооперация строит на началах экономической независимости, гармонии, свободы в рамках существующего законодательства. В этом случае кооперативные идеалы не противоречат государственной политике. В стремлении к общественному благополучию кооперация отвергает политическую борьбу, приобщается к трудовым ценностям, выработанным человечеством. Экономика и нравственность — это и есть основа политики кооперации.

«Кооперативы по своему существу суть учреждения — аполитические; по методу своих действий — культурные»²⁰³.

Кооперация определила свой путь к социальной справедливости, как «целая социальная и народнохозяйственная система». Она «требовала» от государства лишь права «свободного проявления и... расширения организованной самостоятельности». Такая форма «согласованной» поддержки позволит кооперации выполнить «огромную полезную работу» (Чаянов), «ибо кооператив обращается, прежде всего, к хозяйственному интересу человека» (Туган-Барановский). Кооперация — это форма существования общества, в котором свобода и равенство взаимно уравновешены на уровне личности и государства.

Опыт существования демократических государств «исходил из представления о личности и общества, как о двух взаимообразных началах». Человечество трудится в поиске «лучших форм общежития, в которой могли бы получить истинное свое выражение родственные, взаимно-сочувственные стихии того и другого начала. Кооперация открыла истину, «что личность и общество по существу своему — вовсе не враждебные друг другу начала, что они способны к гармонической координации в области экономических интересов... Свойства этих двух начал для этого проявления требуют соответствующей общественно-экономической организационной формы. ...Кооперация открыла такую форму в виде добровольно-свободного соединения личностей в общественный союз», без всякого насилия, — усматривая в этом свойстве жизнеспособность кооперативного движения»²⁰⁴.

Расцвет кооперативного движения в Европе коренился, прежде всего, в том, что в самой сущности идеи кооперации заложены элементы жизнеспособности. Кооператоры, полагал Н.П.Гибнер, нашли формулу в соответствии с поставленной задачей, «прорезая особый путь» к «новому виду организации труда, более культурному, справедливому и отвечающему современной обстановке»²⁰⁵.

Экономическое мышление наиболее интенсивно развивалось в промышленно развитых странах, с наиболее высоким уровнем правовой культуры. Российские же кооператоры усматривали в кооперации и идеологический аспект: «На почве целесообразного порядка удовлетворения материальных потребностей кооперация разрешает наглядно, основательно и прочно вековую проблему гармоничного сочетания и примирения двух начал изначально, взаимно враждующих стихий, личности с ее стремлением к свободному самоопределению с его наклоном к подчинению личных интересов требованиям общего блага, где в рамках наличного общественного строя... (кооперация) прямо возводит новые социальные формы»²⁰⁶.

Вопрос о взаимодействии кооперации и государства не являлся чем-то новым в истории кооперативного движения. Он неоднократно обсуждался на международных кооперативных форумах. IV Международный кооперативный конгресс в Гамбурге (1910) предполагал, что вмешательство государства будет «умеренным и временным». Ранее, на Международной конференции в Будапеште (1904) ставился вопрос об опасности влияния государства на кооперативную политику, о последствиях государственной помощи. Международный социалистический конгресс в Копенгагене (1900), признавая необходимость полной свободы кооперации, *принципа самостоятельности и независимости*, призвал ее идти своей собственной дорогой. Тема «государство и кооперация» прозвучала вновь на заседании Исполнительного комитета Международного кооперативного альянса в Копенгагене, в сентябре 1978 г.

Противоречит ли государственная помощь независимости кооперации, принципу самопомощи? Социал-демократы считали возможной солидную денежную помощь со стороны государства. Кооперативные деятели либерального толка придерживались иного мнения, выражая солидарность с Шульце-Деличем²⁰⁷, который считал ее недопустимой, не отвергая при необходимости фабричного законодательства и государственного страхования. Государственная поддержка ожидалась в форме освобождения кооперативных организаций от всех препятствующих их деятельности стеснений и тягот. Напротив, Раффайзен²⁰⁸, отрицая всяческие паи, полностью полагался на государственное финансирование и филантропическую помощь. Истинная кооперация, построенная на рочдельских принципах, не обращалась к государственной помощи, не уповала на изменение социального строя. Конгресс социалистов в Лионе (1886) объединив социалистическое и кооперативное движения, постановил, «что, не прибегая к помощи

государства и революции, можно создать могучее экономическое движение путем соединения потребителей, которое приведет к уничтожению наемного труда».

Н. Чернышевский, экономисты социалистического толка — Пекарский, Пажитнов, Туган-Барановский и др. — считали не только возможным финансовое «сотрудничество» с государством, но и отводили государству регулиющую и руководящую роль в деле кооперативного строительства.

Пекарский, решая вопрос «об организации содействия кооперации», ставил вопрос: «Каковы источники содействия кооперации для дружной социально-экономической работы?» В «демократическом» государстве сотрудничество, по его мнению, возможно в двух направлениях: на уровне исполнительных и законодательных учреждений, учреждением Совета съездов и представительной группы в законодательных органах. Пекарский полагал, что потребительским, жилищным, производительно-сельскохозяйственным кооперативам, имевшим ярко выраженный трудовой характер, необходимо добиваться открытого, широкого и льготного государственного кредита. Он вообще предполагал широкое сотрудничество кооперации с органами городского муниципального самоуправления в жилищном вопросе, потребительской кооперации — посредством участия во всеобщих потребительских общества паями, льготами при поставках в город и по обложению потребительных обществ налоговыми сборами, выдачей в аренду помещений, в сфере развития городского и пригородного сообщения, просвещения, выдачи земельных участков в собственность с рассрочкой, льготными кредитами на строительство. Пекарский рассматривал кооперацию в ее «антикапиталистическом значении», а «демократическое государство» — как источник содействия «для дружной социально-экономической работы в противоборственном направлении». Формы экономического сотрудничества кооперации с государством он выстраивал не только на основе требований открытого широкого льготного кредитования, но и в области кооперативного просвещения на государственные средства (подготовка инструкторов по кооперации, внешкольное распространение кооперативных знаний, устройство кооперативных программ в школах, коммерческих училищах, институтах с обширным кооперативным отделом). Сотрудничество кооперации с государством предполагало «потребительский характер» со стороны кооперации, и «спонсорский» — со стороны государства, что делало кооперацию зависимой от государства и экономически? и морально, делало ее — государственно-кооперативным сектором.

Итак, сотрудничество кооперации с государством, по схеме Пекарского, предполагало создание особых «тепличных» условий для кооперации, лишая ее тем самым инициативы и энергетики.

Вопрос сотрудничества кооперации с земством широко обсуждался на страницах кооперативной печати начала XX в., был довольно широко разработан в кооперативной литературе и развит на практике. Позиции двух сторон в этом вопросе не всегда совпадали. Финансовая помощь земства кооперации, по сути, та же государственная помощь, так как земства считались государственным органом. Вечным камнем преткновения служил вопрос о мере этой помощи и форме ее выражения. Кооператоры придерживались мнения, что земская помощь должна быть направлена на пропаганду кооперативных идей, просвещение народа в области кооперативной идеологии, подготовки кадров, а не на конкуренцию в сфере хозяйственной деятельности: «необходимо поднять вопрос, чтобы земства не допускали земских предприятий, конкурирующих с существующими кооперативами, и, напротив, поддерживали их культурно и кредитом». Важным вопросом, по мнению Пекарского, является объединение усилий кооперации, земства и правительства. Для ученого, считавшего кооперативные формы хозяйствования *нормальной экономикой*, «успешное развитие кооперации обеспечено, ныне она все более развивается и захватывает прочное положение во всех областях экономической жизни».²⁰⁹

Представитель «социалистической экономической мысли» Туган-Барановский полагал, что кооперация может и должна принимать помощь со стороны государства только в том случае, если эта помощь не приведет к подрыву ее свободы: «Государство и его местные органы могли бы брать на себя организацию тех родов труда, которые мало привлекают добровольных рабочих, могло бы открывать возможность образования разного рода свободных трудовых кооперативов». При условии «защиты законодательным путем жизненных интересов», она «*может и должна участвовать в политической жизни*».²¹⁰

Кооперативные предприятия в России зародились, используя богатый западноевропейский опыт. Первым кооперативным центром в России стал «Комитет содействия кооперации», образованный при Московском обществе сельского хозяйства (его программа была утверждена 6 октября 1871 г.). Комитет брал на себя функцию распространения кредитной кооперации. В том же году открылось его Петербургское отделение, которое представляло интересы кредитной кооперации в российской столице, возбуж-

дало ходатайства о нуждах мелкого кредита в правительственных кругах. Общество получало ежегодные субсидии от Министерства государственных имуществ. Деятельность Петербургского отделения по содействию кредитной кооперации продолжалась в 1880–90-х гг.

В 1870-х гг. на путь содействия кооперации встали земства. Финансовая, юридическая и иная помощь оказывалась ссудо-сберегательным товариществам, сыроваренным и кустарным артелям. Но, все же, помощь земств в попытке оживить работу касс не привела к кардинальным успехам. Для развития мелкого кредита и кредита вообще требовались перемены экономического характера, самодеятельность населения, тогда как стремление к постоянному руководству и опеке над кооперацией со стороны земских касс отзывалось губительно на кооперативном движении. Известный теоретик и практик кооперативного дела А.Кульжный писал, что «такая деятельность земских касс может задержать внутренний рост кооперации, рост ее самодеятельности и надолго оттянуть дело развития и укрепления союзных организаций...»²¹¹.

Наиболее распространенной и устойчивой формой кредита являлись ссудо-сберегательные товарищества — смешанные учреждения кредита, с обязательным наличием паев и бесконтрольным использованием средств. Они получали льготную ссуду из государственного банка (но под контролем инспекторов). Именно это делало их особенно привлекательными для пользователей, не несли никакой материальной ответственности за полученные средства. Попытка насаждения кооперативных форм хозяйственной деятельности сверху явилась причиной распада молочной и кредитной кооперации, возникших при материальной поддержке земств по инициативе энтузиастов одиночек. Не расплатившись с долгами, пришли в упадок кассы мелкого кредита. Все это наглядно демонстрировало как слабую подготовленность населения к новым формам хозяйствования, так и отсутствие условий для существования.

С середины 1890-х гг. участие в кооперации со стороны государства выразилось в принятии Положения о мелком кредите (1895) для оказания материального содействия вновь образуемым кооперативам, в организации надзора и инструктирования. Правительством насаждались кредитные товарищества райффайзеновского типа, которым инспектора Государственного банка оказывали содействие. Во второй половине XIX в. кооперативные образования возникли в среде, наиболее подготовленной для их развития (армейская кооперация — 1892 г., транспортная — 1893 г.). Иници-

атором и организатором кооперации в армии и на железных дорогах выступило руководство ведомств.

Первые заводские и фабричные потребительские общества, учредителями которых выступали сами работодатели, как? Впрочем, армейская и транспортная кооперация, были зависимы от руководства.

Содействие кооперации со стороны государства проявилось после 1904 г. и было связано с учреждением «Управления по делам мелкого кредита», усилившего темпы финансирования. С проведением закона о выдаче ссуд из средств государственных сберегательных касс был создан значительный штат инспекторов мелкого кредита (более 500 человек). Государственные чиновники проводили периодические ревизии в кредитных кооперативах, наблюдали за их деятельностью. Кредитные (по форме) сельскохозяйственные кооперативы являлись одновременно вспомогательными учреждениями Государственного банка. Обострялась борьба между государством и кооперацией, не желавшей опеки и контроля над финансовым состоянием кооперативных образований. Под знаком этой борьбы прошло все последнее предреволюционное десятилетие.

В 1890-х гг. создается специальный центр содействия потребительной кооперации в виде Постоянной комиссии по делам потребительных обществ при Петербургском отделении Комитета содействия кооперации. После 1905 г. число структур при крупных сельскохозяйственных, оказывающих содействие кооперации, растет, расширяется их деятельность: Туркестан, Сибирь (Красноярск), Прибалтика, Польша.

Экономическую устойчивость и независимость российская кооперация обретает с созданием финансового центра всей кооперации — Московского народного банка (1915).

В 1907 г. были организованы социальные органы содействия кооперации — земские кассы мелкого кредита, а к 1915 г. их насчитывалось уже 250. Шло усиление «пропаганды и инструктирования». К 1 января 1915 г. земских инструкторов, которые занимались вопросами оказания помощи кооперации, насчитывалось более 200 человек. Такого рода деятельности не знала европейская кооперация, что составляло особый предмет гордости российских кооператоров.

Содействие земства кооперации раскрывает различие природы кооперативных (ссудо-сберегательных товариществ) и земских (кредитных товариществ) учреждений. Имея близкие задачи (помощь и социальная защита, содействие мероприятиям, спо-

собствующим экономическому развитию региона) они были глубоко различны по своей природе.

Оценив народнохозяйственное значение кооперации, земство стремилось решать проблему кооперативного движения путем создания организованной системы предоставления кредита.

Учреждениями мелкого кредита ведал Госбанк, контролировавший деятельность товариществ. Почти все кредитные кооперативные учреждения открывались на заемный у государственной казны капитал. Кредит, как правило, был краткосрочный — до 9 месяцев. В 1911 г. на всю Россию приходилось 6000 учреждений мелкого кредита, разбросанных неравномерно по всей стране и делавших сельскохозяйственное население совершенно беспомощным. Слабая эффективность касс проявлялась в недостатке средств и в преобладании краткосрочных займов. Кооператоры полагали, что эту проблему поможет решить не только кредитование, но и возможность развития посреднической деятельности по хозяйственным оборотам членов кооперативных учреждений мелкого кредита. Товарный отдел Московского народного банка выступал «посредником операций кооперативов».

Кулыжный считал, что народному банку должна принадлежать еще и объединяющая роль до тех пор, пока для этих целей не будут образованы центральные кооперативные организации, объединяющие деятельность районных Союзов. Он же ставил вопрос о содействии правильной постановке посредничества в кооперативах (как при закупках, так и при сбыте), а посредническую деятельность кредитных кооперативов рассматривал как одно «из главных условий правильной постановки в них ссудных операций, так как при хорошей организации посредничество кредитных кооперативов может избавить население от недобросовестных приемов мелких посредников-торговцев»²¹².

Кредитные товарищества пользовались успехом у населения в силу доступности паевых взносов. Вступление в ссудо-сберегательные товарищества было затруднено, так как необходимы были наличные средства. Но именно это обстоятельство обеспечивало им более быстрое образование капитала, меньшую зависимость от Госбанка, привлечение вкладчиков. Ссудо-сберегательные товарищества, основанные на кооперативных началах, оказались более устойчивы, наличный паевой, а не дармовой капитал подталкивал инициативу.

Земские кассы не являлись, однако, учреждениями, построенными на кооперативных началах. Ссуда, выданная под более низкий процент, чем в ссудо-сберегательных товариществах, тормози-

ла организацию так называемого «народного кредита», уменьшая стимул в расширении экономической деятельности товарищества.

Кооператоры возражали против вмешательства земства в их хозяйственную жизнь, оставляли земству поле деятельности в области пропаганды, содействия в организации, инструктировании, подготовке кооперативных работников, ревизии, организации кооперативного кредита, посреднического оборота, содействии правильному взаимоотношению между кооператорами, исследованиям условий деятельности, изучению и обобщению опыта деятельности кооператоров.

«Первое условие, — писал Чайнов, — чтобы всякая работа была социально рентабельна, и затраты денежные и моральные давали наибольший эффект, и второе положение, что никакое учреждение не может взять на себя задачу экономического подъема, а создать этот подъем может только само население»²¹³.

Вопросы организации хозяйствования и кооперативного воспитания стали важнейшим предметом обсуждения на земских собраниях. «Для кооперации и через нее, — писал Хижняков, — стало лозунгом хозяйственной деятельности, с которым начало второе 50-летие российское земство»²¹⁴.

Исключительно на почве пропаганды идей кооперации мыслилось многими и взаимодействие кооперативного движения с государством. Так, Гибнер писал: «Я думаю, что в области сельскохозяйственной кооперации открывается в настоящее время обширное поле для планомерной деятельности и государства, и земств, и интеллигенции, которая может пробудить живые силы в массах малограмотного пока деревенского населения»²¹⁵. Ученый настаивал на ее независимости, причем как от государственных структур, так и от политических партий; он же выдвинул общие задачи разных отраслей кооперации, однако подчеркивал, что условия совместной их деятельности не должны затрагивать самостоятельность «собственной организации» кооперации. «Если бы допустить противоположное, — отмечал Гибнер, — то мы логически пришли бы к выводу, что вся будущая организация труда в области обмена и производства может быть передана государству и земству, а не определяться самостоятельностью населения, что, очевидно, будет утопией»²¹⁶.

Возражая против «отживших приемов государственного попечения о народном кредите», он энергично выступал против деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, организации мелкого кредита на сословных началах с подчинением органам администрации: «Кредит может

быть продуктивен и может поднять интенсивность народного труда только в том случае, если он основан на принципах самостоятельности, самоуправления заинтересованных в этом кредите групп населения»²¹⁷.

Но кооперативные структуры жили своей жизнью и не отвергали общественное содействие. Примером последнего являлась помощь Петербургского отделения Комитета о ссудно-сберегательных и промышленных товариществ при Московском обществе сельского хозяйства (с 1871 г.). Формы содействия определялись Уставом комитета: «способствовать» распространению и развитию кооперативных товариществ — ссудо-сберегательных, кредитных, производительных и потребительных. Достижению этих целей служили правильные понятия о кооперации, содействие учреждению товариществ и союзов в составлении уставов, проектов и договоров; содействие в разработке правил и форм счетоводства, помощь на местах; сбор и разработка статистических сведений о кооперативных товариществах; помощь в делопроизводстве, издание периодики, посвященной вопросам кооперации; устройство совещаний; выдача медалей, почетных отзывов, денежных премий; исполнение разовых поручений; ходатайство по вопросам, касающихся организации и деятельности кооперативных товариществ²¹⁸.

Официальный правительственный взгляд на кооперацию выразил министр финансов В.Н.Коковцев: «Кооперация есть тот «фундамент», из которого необходимо начать постройку здания народного благосостояния».

Для укрепления проекта о единовременном кредите из государственных средств сберегательным кассам выдавалось до 20 млн руб. и, кроме того, ежегодный кредит в размере 10% при росте вкладов в сберегательные кассы. Тем самым правительство шло на встречу кооператорам, их требованиям о возвращении населению средств в виде мелкого кредита. Соответствующее решение было принято на I Всероссийском съезде мелкого кредита: «Секция признает необходимым извлечение народных сбережений, собираемых государственными кассами, к оборотам учреждений мелкого кредита»²¹⁹.

На Западе государственные и муниципальные сберегательные кассы, являясь учреждениями народного кредита, имели характер банков. В Италии, к примеру, государственные сберегательные банки создали и саму кооперацию.

Какие формы государственной помощи считали возможными для себя российские кооператоры?

Российская потребительская кооперация, бедная избыточным капиталом, считала желательной помощь оптовым союзам с целью закупки товаров, а также готова была принять помощь, выделяемую для кооперативной пропаганды и кооперативного просвещения. Такого вида помощь российские кооператоры считали желательной.

Кооператоры высказали мнение, что они только выиграют от принятия предложения правительства об участии фонда сберегательных касс в составлении основных капиталов кредитных кооперативов.

Кредитная кооперация, искусственно выращенная, не принесла тех результатов, которые она могла дать при сознательной, самостоятельной и активной хозяйственной деятельности. Потребительная же кооперация решительно отвергла государственную помощь, что позволило ей встать твердо на ноги. «Борцом» за независимость выступил МСПО (Московский союз потребительных обществ). Его позиция на международном совещании в сентябре 1915 г. была оппозиционной, когда министерство торговли и промышленности, сулившее большие выгоды, пыталось подчинить потребительную кооперацию своему контролю.

В 1916 г. представитель МСПО на межведомственном совещании о трудовых артелях возражал против всех попыток стеснения самостоятельности артельного движения. В вопросе защиты свободы кооперации союз потребительских обществ на многочисленных совещаниях отстаивал свою позицию²²⁰. Однако в марте 1917 г. МСПО поступил самовольно кооперативными принципами ради интересов Временного правительства.

Каковы условия для равноправного и независимого с другими формами хозяйственного существования кооперации? С экономической точки зрения, по мнению Гибнера, кооперация, «наравне с прежними системами, может развиваться при разных политических направлениях, лишь бы они создали твердый правовой порядок гражданского обихода»²²¹. Необходимость кооперативного законодательства, по мнению кооператоров, вытекала из особенностей кооперативного дела, но не предполагала особых привилегий. Внутренняя сторона кооперативной жизни регулировалась уставами разных кооперативных групп. Кооперативы были далеки от требований каких-либо преимуществ, направленных в ущерб «благоприобретенным правам других»: «Мы не хотим привилегий и субсидий, мы, безусловно, признаем нашу обязанность нести государственные тяготы — сообразно существующим общим принципам обложения. Словом, политически мы заинтересованы

в соблюдении и лояльном применении государственной властью тех положений, которые установлены кооперацией каждого современного *правового государства*, — такой видели в настоящем и будущем кооперацию ее творцы²²².

Кооперативная организация — институт свободных людей, требующий свободы для экономической деятельности. Свобода личности есть не только высшая духовная ценность, но и основа рентабельного способа организации общественной и экономической жизни. Кооператоры должны сами намечать и выполнять широкую и гибкую программу действий. От государства кооператоры требовали принятия законодательства, которое позволило бы организовать и руководить предприятиями в соответствии с основными принципами и методами деятельности, а так же защиты и помощи от государства в содействии образования кооператива в соответствии с законом, основанном на демократических принципах.

Российские кооператоры внесли в Государственную думу проект обще-кооперативного закона, выработанного и одобренного кооперативным съездом.

Европейское законодательство решило вопрос взаимоотношения государства и кооперации еще в середине XIX в.: в Англии (1852), Франции (1867), Пруссии (1868), Бельгии (1875), Румынии (1876), Италии (1882), Швейцарии (1881), Германии (1889).

В России кооперация была «разбросана» по различным ведомствам и министерствам. Потребительская находилась — в ведении Министерства внутренних дел, сельскохозяйственная — Главного управления землеустройства и земледелия, кредитная и ссудо-сберегательная — Межведомственного губернского комитета по земельному кредиту с подчинением Госбанку. Процесс регистрации кооператива в государственных структурах был долгим, приводил к путанице и неразберихе в порядке ведомственного подчинения.

Общий кооперативный закон был принят в марте 1917 г. Он определил заявительный характер регистрации, создал представительный и организационный орган всероссийской кооперации²²³. Один из вопросов, поставленных революцией перед представителями кооперативной общественности, — вопрос о финансировании кооперации: не противоречит ли финансовая помощь одному из основных начал кооперации? Для Временного правительства, пользовавшегося поддержкой со стороны административной верхушки кооперации (представители которой вошли во властные структуры на правах товарищей министров), вопрос создания особого пра-

вительственного института для финансирования кооперации был предreshен. В Петрограде, по распоряжению министра финансов, был создан особый правительственный институт-комиссия — (председатель Туган-Барановский) взамен упраздненного правительством кооперативного центра (по закону от 21 июня 1910 г. правительство снабжало кредитную кооперацию ссудами). Суть создания комиссии заключалась в том, чтобы организовать при государственных кассах единый орган — «Центральный комитет по финансированию народного труда», объединяющий все источники государственного кредитования. Идея была не новой. Еще в 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности было создано совещание, на котором обсуждалась возможность широкого кредитования из средств правительства, при условии жесткого контроля со стороны правительственной инспекции. Проекты подобного рода были неоднозначно восприняты кооператорами. Один из оппонентов писал: «Независимость потребительной кооперации необходима для роста ее самостоятельности, но и для закрепления строгости и чистоты основных путей в борьбе за социализм»²²⁴.

В «Центральный комитет по финансированию народного труда» вошли представители от Совета ВКС, МНБ, Всероссийского союза городов, Всероссийского земства, Петроградского отделения комитета о сельских и ссудно-сберегательных и промышленных товариществах, Вольного экономического общества, служащих Управления по делам мелкого кредита. В Комитет поступило два проекта: первый — от Управления государственными сберегательными кассами, снабжавшего кредитную кооперацию ссудами на основные капиталы, предлагавшего кредитовать все виды кооперации из государственных касс; второй — от бывших сотрудников Управления по делам мелкого кредита, упраздненного правительством, предлагавшего выдачу ссуд под ответственность, определенную уставом, выяснение потребностей, а не автоматическое снабжение ссудами производить через Особый отдел Госбанка. Разница состояла в форме финансирования.

Часть кооператоров поддерживала слияние государственной (в лице Временного правительства) и кооперативной деятельности.

Сила российской потребительской кооперации заключалась в ее независимости. Проведенное правительством в 1915 г. совещание о помощи потребительской кооперации не смогло провести идею государственных кредитов. Даже Временное правительство, оказывая помощь кооперативному движению, вправе было требовать отчетности, поскольку государство, содействуя развитию ко-

операции созданием условий для ее беспрепятственного развития (законодательно), развивая народную инициативу и творчество просветительством, созданием общих условий для проведения своих промышленных программ, вправе ставить вопрос о целевом расходовании средств. Таков деловой и творческий союз государства и кооперации, ибо: «как скромны задачи правительственных учреждений ни были, они имеют специфический эгоизм, государственный институт будет стремиться к расширению своего влияния»²²⁵.

Развивая мысль о взаимодействии кооперации и представительных органов власти, российский экономист Н.Макаров писал: «Государство или муниципалитет могут вмешаться в социальные экономические общества, и, вмешиваясь, они могут национализировать или муниципализировать лишь хозяйственную деятельность, достигшую высокой степени концентрации; как области наименее и позже других затрагиваются кооперативным движением; и в то же время здесь наиболее легко осуществимо сотрудничество публично-правовых хозяйственных организаций с кооперативными системами, сохраняя самостоятельность каждой из них»²²⁶. Автор, таким образом, отбрасывал идеалистические желания кооператоров создать единую кооперативную систему хозяйствования: «Исторически мало вероятно, чтобы кооперативная система покрыла собой исчерпывающе всю сферу хозяйствования; исторически, наоборот, индустрия, и в особенности в области производства средств производства, остается вне сферы непосредственного воздействия кооперации»²²⁷.

Учитывая западноевропейский и собственный опыт, российская потребительская кооперация осторожно относилась к государственному кредиту. Журнал «Союз кооператоров», выражая мнение определенной части практиков кооперативного дела, отмечал: «Не противодействие, а взаимодействие двух начал — государственно-принудительного и вольно-кооперативного — являются очередной задачей» в деле возрождения производительных сил России. Однако, «достигнув права контроля над кооперацией, кто может поручиться, что оно, опять-таки исходя из понятных им известным образом “пользы и нужд государства”, — не попыталось бы направить по определенному руслу кооперативное творчество?»²²⁸.

«Государственное финансирование и субсидирование, конечно, — что и говорить, весьма заманчиво, на первый взгляд, для кооперации.

Трудно, конечно, отказаться от того золотого потока, который как будто течет к нам навстречу. Но отказаться необходимо, иначе этот поток может захлестнуть кооперацию.

Отрицательное отношение к государственному кредиту именно возникает, поскольку он дешевле рыночного, поскольку он носит характер льготы, добросовестной опеки. Этим самым он тормозит развитие самостоятельности, парализует в известной степени *хозяйственный расчет*», — писал М.Ширман²²⁹.

Предупреждение практиков-кооператоров не было услышано. Совет ВКС — руководящий идейный центр всей российской кооперации, разрабатывавший все вопросы ее деятельности с научной точки зрения, заполнили политики. Наряду с хозяйственной деятельностью большое внимание уделялось политической работе по просвещению обывателя. «Работа кооператоров должна сейчас вестись, не под углом зрения своих чисто хозяйственных интересов, а в направлении удовлетворения общегосударственных, общенародных интересов, исполнение хозяйственных операций должно быть возлагаемо продовольственными управами по возможности на кооперативы», — такие мысли высказал В.Н.Зельгейм в докладе на кооперативном съезде (март, 1917 г.), посвященном участию кооперации в продовольственном деле²³⁰. Кооперативный съезд одобрил принятие ответственности за организацию продовольственного дела, признал необходимым «скорейшее образование Министерства труда, опирающегося на рабочие организации и работающего при их помощи». Сближение государственных и кооперативных структур было после Февральской революции 1917 г. обоюдным; но российская кооперация вступила в смертельно опасную для ее существования политическую игру. Е.Кускова, призвав кооператоров к участию в Учредительном собрании, к созданию в деревнях, селах, уездах, городах «культурных центров для распространения агитационной литературы, устройству митингов, подготовки ораторов, выработки приемов агитации и организации демократии»²³¹, поставила на сугубо экономической практике кооперативов жирный крест.

Мартовский съезд 1917 г. поддержал идею государственной монополии на хлеб и твердых цен на продукты сельского хозяйства, посчитал губительным возврат к свободной торговле²³². Таким образом, кооператоры подошли к политике полного слияния интересов с политикой государства.

Знаток российской экономики Гриневецкий, анализируя правление Временного правительства, писал: «Война и революция, как бы устранили на время самое понятие и регулирующее влияние экономики из жизни страны, обнаружили банкротство социалистической идеологии. Революционная интеллигенция ставила осуществление поставленных задач не экономическими средствами.

Эта идеология должна быть изжита — не столько перестройкой социально-политических систем, сколько способами подхода к делу и постановкой лишь реально осуществимых целей практической политики.

Октябрьский переворот явился как следствие экономического и политического банкротства интеллигентской идеологии»²³³.

Новое понятие — «советская кооперация», как и «советская наука», «советский образ жизни» и другие демонстрировали принудительное регулирование, которое не вписывалось ни в какие социально-экономические законы развития мирового сообщества. Существование тех или иных форм государственной организации, подчиненной бюрократической системе, определяющей политической линией большевистской партии, руководствующейся примитивной догмой. Произошло разрушение органики слаженного механизма саморегулирования, нарушилась связь социальных процессов и заинтересованность их участников. «Национализация кооперации — смерть кооперации»: ленинская декретная политика завершила крах российской кооперации.

Определенное противостояние государственной опеке кооперация осуществляла в дореволюционной России, чем и сумела сохранить свою экономическую независимость и черты, присущие кооперативным формам. Сложнее обстояли отношения между низовыми ячейками и Центросоюзом, стремившимся подчинить интересы рядового потребителя интересам центра. Политические деятели социалистического толка составили основной костяк руководства кооперации, а потому лозунг «Централизация потребления» путем «добровольного» объединения стал набирать популярность после Февраля 1917 г. «*Направление кооперативной деятельности всегда было социалистическим*», — так утверждала один из лидеров кооперации Е.Кускова²³⁴. Изъявляя желание развивать свою деятельность в контакте с властью, кооперация предполагала «*идти к социалистическому строю своим путем, сохраняя свою хозяйственную организацию*», — писал корреспондент «Союза потребителей»²³⁵.

В годину голода и разрухи В.И. Ленин заинтересовался: «Осталось ли что-нибудь у нас от кооперации?». А.Д. Цурюпа, возглавлявший главную распределительную контору Народного Комиссариата по продовольствию, обещавший взять «на учет» все «до последней морковушки», ответил, «нам нечего волноваться, ибо кооперации уже нет», что это «бублик с дыркой», причем и бублик съели, осталась одна дырка²³⁶.

Кооперативная пресса среагировала на вопрос своеобразно: «Брать в руки можно все. Вопрос в том, все ли можно в них удержать или сделать действительно полезным... Бывают случаи, когда взятое просто рассыпается между пальцев, как песок...»²³⁷.

Динамика развития «советской кооперации» — зеркальное отражение решений пленумов, партийных съездов — главных регуляторов всей идеологической и хозяйственной жизни страны. В результате получили то, что имели: «кооперацию» без кооперативных принципов, хлеб из-за океана, разоренные деревни. Пожинали плоды претворения в жизнь принципа человеконенавистнической политики. Даже при нэпе командные высоты управления кооперацией оставались целиком в руках правящей партии.

Искусственное регулирование хозяйственных структур, основанное на надуманных теоретических вывертах коммунистических идеологов, разрушило тонкий хозяйственный механизм, опирающийся на самостоятельность населения. Экономика стала заложницей политики в обществе, где главенствующее место принадлежало идеологии. Печальный опыт истории взаимоотношения государства и кооперации по пути полного огосударствления превратил ее в некоего «мутанта», в придаток системы распределения, лишенной побудительных мотивов к воспроизводству.

К какому типу общества и экономики наша страна будет тяготеть исторически (смешанной, частной, кооперативной, государственной) в новых условиях товарно-денежных отношений? Политическая стратегия должна идти не от схемы, а от жизни. Попытка насаждения западноевропейской модели кооперации в России «по схеме» в начальный период (1860–1900 гг.) потерпела неудачу. Сказалась неразвитость социально-экономических условий, неподготовленность общества к восприятию кооперативных идей. Жизнь и творческая работа коллектива невозможны сами по себе вне хозяйственного развития общества, и кооперативы также не могли существовать вне времени и пространства. Самоуправление делает каждого причастным к собственности, объединяет для совместного труда, создает гармонию между человеком и обществом, причем необходимым элементом здесь выступает степень цивилизованности общества.

«Кооперация — наиболее легкая идея, наиболее понятная, прозрачная, которую надо нам внедрять, если мы идем к рыночной экономике», — таково мнение леворадикального российского политика Т.Карякиной. Эта мысль понятна, но пугает большевистский термин «внедрять». Кооперацию невозможно «внедрять», надо помогать населению в устройстве кредитов для покупки сель-

скохозяйственных машин, оборудования и проч., в распространении сельскохозяйственных знаний, культуры земледелия, организации землепользования и сбыто-снабженческих кооперативов в сельской местности. Россия это уже проходила. Россиянам вновь предстоит пройти путь возрождения отечественной кооперации в соответствии с общепринятыми принципами. То, что 70 лет именовалось этим термином, вовсе не являлось кооперацией в общепринятом понимании этого явления. Составители Закона о частном предпринимательстве (1988) по неведению отечественной истории и истории мировой кооперации именовали его «кооперативным», чем ввели в заблуждение общественное мнение.

Ш. Жид, основатель так называемой теории «кооперативной республики», на лекции в Русской Высшей школе общественных наук в Париже (1905) выделил два вида экономии: социальную и политическую. «Социальная экономия не то же самое, что и политическая». Они, как две родных сестры, должны «признать взаимно права на самостоятельное существование»²³⁸.

Предмет политической экономии — «*homo economicus*». Политическая экономия действует по своим законам; экономика и прибавочная стоимость — неразделимые понятия. Она «силой абстракции» оторвана от чувств, это абстракция закона, необходимая для научного построения. «*Homo economicus*» не существует как конкретная личность.

Социальная экономия «не доверяет свободной игре естественных законов для обеспечения счастья человека», в известном смысле, — это «наука о страдании». Если «политическая экономия созерцательная, то социальная — деятельная». Социальная экономия утверждает, что мир можно улучшить». «Вместо спроса и предложения» она стремится внести в экономическую жизнь новое понятие «альтруистическая экономика». К ней тяготели христианские социалисты, профессиональные ассоциации, кооперация. Социальная экономия, в известном смысле — наука о страдании человека. Она не привлекала в свои ряды представителей революционного социализма и марксизма (что по сути одно и то же)²³⁹.

Социальная экономия принесла свои плоды: рабочее законодательство с регламентацией труда, различные виды страхования рабочих, бесчисленные ассоциации. Из трех указанных форм социальной деятельности индивидуальная инициатива имеет свое преимущество. Кооперация, по мнению Жиде, принадлежит к тем учреждениям, которые поддерживают социальную экономию». Исследователь отметил, что на всемирной выставке 1900 г. доклад на русской секции (наряду с немецкой) был одним из лучших. Русская

секция состояла почти исключительно из правительственных и патронажных учреждений (кредитные учреждения, комитеты трезвости, и проч.), «превращенные в средства борьбы против ростовщичества и мало помалу — против мирового прогресса». Жид выразил надежду, что «учреждения социальной экономии постепенно преобразуют Россию и лучше, чем это могли бы сделать какие бы то ни были фабрики или железные дороги. Они сознательно приблизят день, когда великий российский народ станет, наконец, и счастливым, и свободным»²⁴⁰.

Безусловно, кооперация — не панацея. К учреждениям социальной защиты Жид относил также школы, кассы взаимопомощи, медицинские кассы, детские сады, пенсионные и больничные кассы. «Кооперативное движение — есть общественное движение, цель которого — путем образования экономических объединений на основе самопомощи своих членов — защитить интересы труда в народном хозяйстве»²⁴¹.

Кооперация заняла свое место в экономической и социальной жизни мирового сообщества трудящихся. В октябре 1980 г. впервые в Москве прошел XXVII Конгресс альянса, подтвердивший, как и на первом Конгрессе в 1896 г. в Лондоне, верность рочдельским принципам. Резолюция московского конгресса внесла небольшую корректуру в соответствии с временем, перенесла акцент деятельности с потребительской на производственную кооперацию: «Совместное производство товаров объединяет людей гораздо тесней, нежели совместное приобретение тех же товаров. Человек как производитель — труженик по своей природе — гораздо больше подготовлен к сближению со своими близкими, производящими рядом с ним товары, нежели как потребитель этого товара в своей кооперативной лавке»²⁴². Международный кооперативный альянс (МКА) включал на июнь 1989 г. 192 национальных союза из 72 стран.

Кооперация может найти применение и сегодня, стать заметным фактором в экономике, основываясь на нуждах и потребностях городского населения.

МКА усматривает будущее развитие кооперации в комплексном обслуживании больших масс населения путем организации разнообразных услуг по месту жительства, *но ни в коем случае не по образу и подобию общин Оуэна*. Широкий комплекс экономических и социальных услуг, представленных пайщикам, по мнению МКА, найдет применение в жилищной, кредитно-сберегательной, медицинской, снабженческой сферах, в вопросах питания, производства и продажи товаров повседневного спроса, детских яслей и садов, ремонтных и производственных мастерских, электробытовых

приборов, ателье по пошиву и ремонту одежды, обуви, химчисток, хлебопекарен, парикмахерских, ремонту машин и пр. По месту жительства, пайщики могли бы найти применение своим способностям в часы досуга. По мере дальнейшего развития кооперации возможно строительство клубов и Домов культуры для совместного отдыха, создание библиотек и читален, танцклассов. В условиях крупного современного города с его кварталами — «спальнями» и отсутствия в городском бюджете средств на строительство культурных учреждений это было бы большой самопомощью в вопросах культуры быта. В сельской местности

культурные центры могут стать местом отдыха и общения. В дореволюционной России создание сельских театров, читален, чайных, школ имело место в рамках культурной программы потребительных обществ.

Московский съезд МКА выработал отдельные конкретные предложения и рекомендации:

1. Особое внимание сосредоточить на разрешении мировой проблемы производства и снабжения потребителя.
2. Создание производственных и промышленных кооперативов на основе новых взаимоотношений.
3. Потребительская кооперация должна не просто конкурировать с капиталистической торговлей, но и стать особым видом предприятия для услуг исключительно пайщиков.
4. Образование различных видов предприятий для обслуживания городского населения по месту жительства на основе кооперации.

Кооперация и государство могут выгодно сотрудничать в области коммунальных услуг, взаимно дополняя друг друга. Примером разумного, полезного и ненавязчивого сотрудничества может служить государственная помощь Министерства сельского хозяйства США сельскохозяйственным кооперативам, которая не тяготеет над ними. Факты свидетельствуют, что в изменившихся условиях кооперативное движение — самое социально-экономическое движение современности — насчитывает 550 млн. человек-членов кооперативов. На принципах кооперации организуются общества для оказания определенных услуг, управляемые держателями. Распространение кооперативных принципов хозяйствования не ограничивается только сектором чисто кооперативного производства. Многие страны мира на практике внедряют кооперативные принципы самоуправления и соучастия рабочих в распределении прибыли. Акционерные фирмы все активнее внедряют различные формы рабочего участия.

Авторитетные деятели английского кооперативного движения на заре его становления считали производственные кооперативы нежизнеспособными в силу недостатка дисциплины среди артельщиков, низкой коммерческой грамотности, медленного внедрения передовой техники. Помехой эффективности считался также принцип выборности руководства, неэластичность хозяйственной организации. Подобного мнения придерживался и известный российский общественный деятель А.П.Мертваго, относивший кооперативное движение не к области «проявления человеческого творчества, а его консерватизма», считавший, что «задачи кооперации — не наращивание новых культурных качеств в человеке, а сохранение уже ранее приобретенных. В истории человечества все учреждения, вне зависимости от их качества, кроме выполнения своей консервативной задачи служили лишь оселком, на котором оттачивается острие творчества нации. Сохранить благосостояние, отказаться от беспокойного творчества ради спокойного консерватизма позволяет кооперация.

Все формы коллективов (государство, община, кооперация и т.д.) только формально участвуют в творчестве тем, что охраняют (консервируют) творчество, которое им, как коллективу, стало уже понятно и полезно.

Всякое иное творчество они стараются побороть как нарушающее покой и борются с ним до тех пор, пока оно само не обратиться в объект проявления консерватизма»²⁴³.

Коллектив, будь он связан насилием, договором или просто «сложным устройством», не изменяет культурного уровня отдельных членов, входящих в него с присущими им в данный момент характеристиками. Современные исследователи считают частную коммерческую деятельность мобильнее (право на риск, самостоятельность в принятии решения и проч.), экономической деятельности государства. Того же мнения придерживался и Гибнер: «Как бы хорошо ни были устроены общества, они, очевидно, самостоятельно никогда не могут даже близко подойти к тем широким полноправным конкурентам организованного капитала»²⁴⁴.

Однако кооперация, как способ хозяйствования, продемонстрировала определенную устойчивость в конкурентной борьбе с частным капиталом. Пример тому, работа объединения «Мандрагора» (21 тыс. членов), выпускающего продукции на 5,4 млрд долларов в год. На севере Испании был создан Центр повышения квалификации менеджеров, в который входят 120 различных кооперативных фирм, объединенных в 15 групп по отраслям²⁴⁵, где проходят «шлифовку» руководящие кадры объединения.

Совершенствование системы управления с учетом современной обстановки помогает кооперативным объединениям успешно трудиться. Самоуправляющихся предприятий, где производители являются собственниками средств производства, в США более 5 тыс. Развитие этих форм самоуправления получило развитие после принятия в 1974 г. поправки к налоговому законодательству о предоставлении льгот фирмам, акции которых распределяются между работниками по кооперативному признаку «один работник — один голос».

В 1982 г. сталелитейная фирма «Weizton Steel» (филиал фирмы «National Steel») добровольно и полностью передала свои активы рабочим. То же произошло в 1982 г. и в торговой корпорации «A and P», имевшей 79 магазинов, два из которых были переданы кооперативам, состоявшим из рабочих этих магазинов с выборным директором и наемным управляющим (менеджером)²⁴⁶. Это — единичные примеры, которые все же могут свидетельствовать, что капитал поворачивается в сторону социально ориентированного общества. Новая социально-экономическая и морально-этическая система формируется постепенно, «не устранив старого, а вырастает рядом с ним и пойдет дальше него»²⁴⁷.

Экономический прогресс немыслим без экономической эффективности, являющейся ориентиром производительной деятельности, побудителем инициативы. Предпосылкой для частной инициативы являются рыночная экономика и свобода предпринимательства. Гарантией социальной защищенности от частного капитала вновь, как в XIX в., в середине XX в. выступает кооперация — как общественная организация, движущей силой которой является сочетание личного и общественного интереса. Однако, как показала практика жизни, сами кооперативные принципы (коллегиальность и демократизм в управлении, принцип распределения прибыли, отказ от прибыли и проч.) в жестких рамках рыночных отношений стали тормозом экономической конкурентоспособности. Однако, отказ от них подрывает гармоничную стержневую формулу единения труда и капитала. Жизнь требует иного подхода в соответствии с условиями времени.

«Эпоха гармонии между трудом и капиталом» наступила в США благодаря развитию науки об организации и управлении — менеджмента²⁴⁸. Менеджеры, т. е. управляющие успешно увеличивают общую экономическую эффективность предприятия²⁴⁹. Служба менеджмента устранила недостатки ассоциативных форм организации труда, коллегиальность, некомпетентность. Система управления, поставленная на научную почву, обосновала и усвоила

основной принцип функционирования и развития любого кооператива — сочетание интересов, является движущей силой экономического прогресса. Кооперация труда и капитала, построенная в соответствии с современными экономическими требованиями на принципах ассоциации — гарантия экономической и социальной свободы ее участников. Опыт Запада подтвердил, что акционерные общества — наиболее эффективная форма кооперативных образований.

Эффективно работают кооперативные объединения в Голландии, девятнадцать типов охватывают практически все хозяйства. Каждый фермер — член нескольких кооперативов. (Голландия вторая после США страна-экспортер сельскохозяйственной продукции). Фирма «Рабобанк» объединяет 922 местных кооперативных банка, по размерам капитала это второй банк страны.

В Италии Национальная лига кооперативов объединила 5 млн пайщиков (16 тысяч предприятий). В Лигу вошли плотники, строители, пекари, транспортники, торговцы, архитекторы, механики, страховые агенты и др. Кооперативные предприятия и организации вкладывают средства в культурные программы, создают театры, библиотеки, кинозалы и пр.

Государство, заинтересованное в развитии производительных сил страны, должно подняться до уровня интересов кооперации, ибо кооперация обращается, прежде всего, к интересам человека.

Социальные блага общества и каждого его члена добываются не штыком и декретом, не манифестацией под красным знаменем, а трудом. Общество, тяготеющее к даровым социальным благам, обречено на гибель. Труд — основа жизни общества, он является побудительной инициативой расширения производства. В земном мире нет ничего значительнее конкретного человека, делающего свое дело, достигающего цели, человека, наделенного правом свободы выбора форм трудовой деятельности. Каждый гражданин вправе выбирать для себя условия труда в равной свободной конкуренции. Цивилизации невозможно достигнуть революционными скачками, она базируется на бережном отношении к культурным и нравственным ценностям. Государство должно найти свою меру участия в организации этого коллективного процесса, и, прежде всего — в законодательном признании этой формы *самоорганизации*.

Принципы Ф.В.Раффейзена и Шульце-Делича: два взгляда

«Было бы ошибочно думать, что основание кредитных товариществ и улучшение ими сельского кредита явилось конечной целью Раффейзена. Нет. Он рассматривал эти товарищества, как средство и основание для достижения высшей цели, а именно реформы общественных условий на основе живого христианства. Товарищества, по мировоззрению Раффейзена, должны служить эталонами на пути у организации братско-христианского общежития».

В. Ф. Тотомианц

Начальный капитал — необходимое условие самостоятельности, независимости и экономической устойчивости любого хозяйственного предприятия. Для кооператива начальный капитал играет едва ли не первостепенную роль. И здесь первостепенное значение получает организация кредита. Эта новая отрасль кооперации возникла в Германии по инициативе Шульце из Делича (1808–1883). «Самодетельность», собственные усилия, внутренняя организация, — вот характерные черты кооперации, которые были положены Шульцем-Деличем в основу создаваемым им «комитетов помощи». В 1850 г. в среде городских ремесленников было организовано первое ссудо-сберегательное товарищество. Используя кредитоспособность работающих, пайщики как бы принимал и на себя ответственность по долям своего общества, а прибыль шла в пользу членов кооператива, приток же капитала регулировался величиной процента. Шульце отвергал помощь государства, считая, что это приносит вред самосознанию рабочих-пайщиков, убивает энергию, поскольку благотворительность несовместима с понятием кооперации.

Шульце-Деличские ссудо-сберегательные товарищества заняли достойное место в ряду существовавших тогда кооперативных предприятий (потребительные общества, ссудо-сберегательные, складочные и производительные товарищества), построенных на принципах *сапомощи и саморегулирования*.

В 1849 г. Шульце-Делич основал первое сырьевое товарищество с целью приобретения материалов для столяров, затем — первое потребительное и производительное общества. В 1863 г. ему пришлось выдержать тяжелую дискуссию с социалистом Ласса-

лем, нападавшим на кооперацию и, считавшим ее «вредной для рабочего класса». В 1864 г. Шульце основал в Берлине Центральный банк немецкого кооперативного общества. В 1867 г. в Германии, благодаря его усилиям был принят Закон о кооперативных товариществах. Идеи Шульце-Делича развил Ф.Раффейзен, давший кооперативному кредитованию новый импульс развития.

«Зачинщиком» кредитной кооперации в России был Чайнов. Как и большинство экономистов социалистического толка, он полагал, что «только Раффейзену удалось найти те организационные принципы, которые придали устойчивости и жизнеспособность делу мелкого кредита»²⁵⁰. Именно Раффейзену Чайнов отводил роль «социального реформатора», организатора-практика, нашедшего формулу конкретного разрешения социальных проблем в деревне, где кредитная кооперация, в ее своеобразном толковании, выступала как форма конкретного воплощения идеалов «социального архитектора». Реформаторов раффейзеновского толка отличала глубокая вера в изобретение некоего могучего универсального средства осуществления социальной справедливости.

«Раффейзен был уверен, что кредитная кооперация, связанная с кооперацией для приобретения (потребительные общества) и для сбыта всего нужного в крестьянском хозяйстве, может решить социальный вопрос в деревне», — отмечал Тотомианц²⁵¹.

Практика продемонстрировала утопичность этой мечты: истинная кооперация никогда не ставила перед собой подобной задачи. Отличительной чертой учреждений Раффейзена являлся ее полублаготворительный, полукооперативный характер. «Общество вспоможения сельскому хозяйству» (1849), как и «Благотворительное общество» (1854), учреждались Раффейзенем с целью оказания помощи нуждающимся. Личные взносы, сбор пожертвований и займы составляли экономическую основу обществ образованных по принципу *взаимопомощи*. Благотворительный характер вызвал охлаждение со стороны учредителей, к нарушению равенства между членами, к личной заинтересованности, и развалу обществ. Общества, опирающиеся на благотворительность, как того хотел Раффейзен, не могли быть долговечными, это было «мертво-рожденное дитя».

Расхождение между Шульце-Деличем и Раффейзенем стало неизбежным. Глубоко религиозный Раффейзен вновь и вновь возвращался к благотворительности, основными условиями образования его обществ стали безвозмездное несение службы в обществе, стремление не к прибыли, а к материальному и моральному подъему слабых, учет, наряду с кредитоспособностью, личных качеств

при приеме. Запрет на распределение чистой прибыли между членами подчеркивал некоммерческий характер предприятий. Позже, в соответствии с законом пришлось допустить приобретение каждым членом одного пая, оплачиваемого процентом. Отвергая необходимость какого бы то ни было паевого капитала, Раффейзен доказывал, что трудоспособность сельского населения сама по себе — вполне достаточная гарантия для обеспечения любых, принимаемых на себя товариществом обязательств, не менее надежная, чем имущество.

М.И.Туган-Барановский отмечал важнейшие принципы раффейзеновских обществ мелкого кредита в деревне: неограниченную ответственность членов, локализацию деятельности обычно в пределах одного прихода, воспреещение одновременного участия в нескольких кооперативных учреждениях, отсутствие по возможности паев²⁵², отсутствие оплачиваемых должностей (кроме бухгалтера), начало личного доверия, круговая добровольная ответственность и производительное назначение.

Заветы Раффейзена

1. Если крестьяне желают получить дешевый кредит на ведение своего хозяйства, они должны объединиться в союз (кредитное товарищество), и, взаимно связавши себя круговой порукой, должны дать своим кредиторам общее обеспечение всем своим достоянием за каждый рубль, полученный в долг.

2. Чтобы этот рубль не пропал за крестьянином, взявши его, товарищество должно зорко смотреть, чтобы рубль этот был затрачен *производительно*, т. е. не был бы растрачен хозяином на еду или одежду, но пошел бы в хозяйственный оборот и мог бы возвратиться с прибылью.

3. Для того чтобы следить за производительным назначением ссуды и нести ответственность за взятые каждым деньги, необходимо, чтобы члены союза все хорошо знали друг друга и кроме своих членов деньги никому не выдавали.

4. Знать каждого члена и его хозяйственное положение, возможно, будет только тогда, когда сам союз и район его деятельности будет невелик и состав его членов — немногочисленен.

5. Мелкий кредит должен быть дешевым кредитом, а дешевым он будет тогда, когда на ссуды будут падать небольшие накладные расходы. Интересы экономии заставляют признать, что работа по союзу должна быть *безвозмездна*, что возможно только при признании должностей правления почетными²⁵³.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Кооперативное воспитание новой личности

«Отрадно и радостно сознавать, что в работе Центросоюза, как и всей кооперации, мы уже имеем колыбель новой русской общечеловечности... В этой колыбели воспитывается совершенно новый тип человека».

Е.Кускова

«Кооперация ставит своей задачей воспитание человека, чтобы перестроить хозяйственную жизнь. В кооперативном строе отдельный человек не только колесико, но движущая сила».

Из записной книжки кооператора

«Гражданину, живущему в социалистическом обществе, необходимо быть "до мозга костей" социалистом, то есть стряхнуть с себя все наслоения капиталистического воспитания; иначе, какой бы социалистический строй не насаждали, все равно из этого ничего социалистического не выйдет, а получится в лучшем случае экономическая анархия, грозящая стране позором и разорением».

Лев Брендстед

«Изобретение социализма означает, что социализм рассматривается как продукт развития человеческого сознания. Человечество дошло до сознания, что социалистическая форма общежития есть

лучшая форма. Успех социализма зависит от того, насколько люди сумеют понять идею социализма. Следовательно, идея социализма должна быть связана с идеей внедрения в сознание людей преимуществ социалистической формы общества».

История русской экономической мысли.
М., 1958. Т. I. С. 686.

Введение механизма социального администрирования требует, с одной стороны, определенного усилия в формировании нового типа личности, воспитания общественного сознания. На это и было направлено так называемое «кооперативное воспитание». С другой стороны, если конечной целью кооперативного строительства, как мыслилось российским теоретикам кооперации, является «не производство богатства, а создание наиболее совершенных человеческих существ», главной ценностью «творческого социализма», то неизбежным становится вопрос — *каков кооперативный идеал*, каков путь к воспитанию «гармоничного человека»? «Самые скромные силы при помощи большого рычага могут выполнить колоссальную работу, таким рычагом является кооперация, а подлежащую выполнению работой, — социально — политическое просвещение масс, — разумеется, просвещение, по необходимости, поверхностное, но все же неотложно-необходимое», — считали российские кооператоры²⁵⁴. На реализацию этой задачи была направлена работа культурно-просветительного отдела, усилия секретариата Московского союза потребительных обществ, его издательская деятельность.

Основу всех утопических течений во все времена составляло учение об обустройстве человечества на новых экономических основаниях: «И Оуэн, и Сен-Симон, и Фурье придумывали, изобретали новый общественный строй, как механики изобретают новую машину. Они верили в превосходство своих изобретений перед всякими другими, и для применения этих изобретений на практике — перестройки всего человечества на новых началах — оставался суший пустяк: растолковать неумелым и невежественным людям, как хорошо им будет жить при новых условиях»²⁵⁵.

Определив путь достижения цели — строительство социализма путем организации коммун-колоний, общественных организаций — кооперативов, Оуэн главным средством в этом деле считал правильно поставленное воспитание. А проблему «уничтожения бедности» он увязывал с «широким вопросом воспитания челове-

чества в духе коммунальных идеалов общежития», со стремлением «из будущих поколений... образовать человеческую расу более совершенную».

Обдумывая принципы социалистического строительства, Оуэн изложил свои взгляды еще в начале XIX в. «Новый взгляд на общество» он расценивал как «опыт о принципах образования человеческого характера», полагая, что «в человеке можно воспитать какие угодно чувства, свойства и какой угодно характер»²⁵⁶.

Н.Г.Чернышевский, как и прочие экономисты социалистического толка, связывал успех развития социализма с развитием человеческого сознания, рассматривая кооперацию, как форму взаимопомощи, а не самопомощи.

Ему вторили последователи. Новые теоретики «кабинетной» системы, несмотря на явный крах проектов социальных реформаторов в Англии, Франции и Северной Америке, обратили на себя внимание в России: осуществление идеи равенства заключалось в *единомыслии* — «союзе и братстве» людей «соединенных в общества, имеющих общий интерес»²⁵⁷. «В кооперативной работе постепенно перевоспитывается человек..., *вырабатывается общественный человек*, заботящийся о других, об обществе, обо всех в дружно работающей кооперации растут солидарность и братство — чувства, без развития которых в людях нельзя себе представить осуществление социализма», — писал В.Хижняков²⁵⁸.

Тотомианц считал Оуэна родоначальником мирного, неклассового социализма, инициатором «социализма убеждений» в основе которого лежит метод воспитания²⁵⁹.

Н.Шелгунов полагал, что утописты — гении, и не их вина в распаде созданных коммун, «виноваты те, кто не дозрел до понимания его учения». Идеино и культурно-просветительные задачи «кроме временных хозяйственных и длительных организационных интересов» всегда были в центре внимания организаторов российской кооперации²⁶⁰.

Идея Оуэна о необходимости «произвести полное изменение в характере отношений человеческого рода», провозглашенная 64-летним старцем на открытом собрании в 1835 г., стала одной из составных идей в утопическом учении о социализме, а перенесенная в мир кооперативной идеологии, составила цель Общества всех классов и всех национальностей: «Полное изменение в характере и отношениях человечества произвести исключительно мирными средствами и путем просвещения, при чем словом и делом должна осуществиться религия милосердия и терпимости по отношению к убеждениям, чувствам и поведению... всех»²⁶¹.

Иначе говоря, духовный интерес выше материального, общественный — выше личного. «Эгоист, преследующий в общественной работе личные выгоды, не должен быть членом кооператива. Действительной целью кооперации является уменьшение до наименьшего предела в нашей экономической организации личного интереса и заботы о прибыли», — отмечалось в отчете правления к ревизионной комиссии Инякинского общества потребителей²⁶², повторявшем идеи Оуэна.

Труд на общество при отсутствии личного интереса, без идеологической обработки сознания. Силу кооперативных учреждений Раффайзен видел не в их уставах, а в характере их участников и в осуществлении воспитательных задач. Кредитные товарищества у Раффайзена — только средство для реформы общественных условий на основании братского христианского общежития. Цель этого общества — нравственное и духовное совершенствование. Цель кооперативного воспитания — обратить в свою веру обывателей. Воспитательная функция — приобщение к теоретическому знанию о будущем. Интересы социализма требовали готовности к жертвенности ради победы «новой» жизни, жаждали ускорить ее приход.

Нравственная опора, «стержень», главный пункт «кооперативной веры не в производстве богатства», а в создании «наиболее совершенных человеческих существ».

«Миссия кооперации — сделать нравственными людей...» (Н.Нельсон)²⁶³.

Пролетариат, как и крестьянство, сам по себе не склонен класть свои жизни на алтарь царства социализма. Это интеллигентские фантазии и утопии. В этой ситуации появляются искусственно создаваемые «ведомые и ведущие».

«Кооперативные знания надо вливать в кооперативные массы бочками», — призывал кооператор-теоретик В.Галевич²⁶⁴.

Важность подобной работы отмечали многие кооператоры, усматривавшие основную задачу кооперативной деятельности именно в изменении психологии масс, создании общественного сознания²⁶⁵. Этим объяснялось их пристальное внимание к воспитанию кооперативного духа в детском коллективе, к подготовке молодых кадров.

Разрыв между реалиями хозяйственной деятельности и идеологией с ее утопическими элементами кооперации был налицо. Жизнь развела по разные стороны теорию и практику кооперации. «Уловки и шарлатанство» изобретателей утопических систем, ставили идеалистические устремления выше реалий жизни. Вмес-

те с тем, мысль об «иной роли» кооперации в социальной политике двигала многими кооператорами-практиками. «Потребительная кооперация есть форма движения трудящихся... потребительная кооперация для своего успеха в повседневной борьбе с капиталом», по мнению Р.Кабо, требовала от своих членов «крайне важных общественных качеств и навыков»²⁶⁶.

Идеологи кооперативной пропаганды рассматривали просвещение в двух направлениях: как кооперативное образование и как кооперативное воспитание, считая основной задачей последнего — прививку идей *взаимопомощи* в самом широком смысле слова.

Российские кооператоры придавали большое значение процессу воспитания. «Намерение дать определенный и обдуманый курс знаний и понятий» нельзя рассматривать без тесной связи «между стремлением к новой системе хозяйственных мероприятий и стремлением к *воспитанию* человеческого характера», потому «преподаватели кооперативных курсов не могут обойти задачу *воспитания* мысли», — писал А.Евдокимов²⁶⁷. «Наиболее совершенный человек в наиболее совершенном обществе — вот наш идеал, как в хозяйственных, так и в педагогических достижениях», — таким было мнение В.Кильчевского²⁶⁸.

Социальный идеализм требовал подведения «научной базы» под обоснование кооперативного идеала: без нового типа мышления, «устремленного в светлое будущее», невозможно было введение механизма социального администрирования и — установления уравнительного социально-экономического строя.

В кооперативном образовании идеологи российского кооперативного движения видели «духовную красоту», уводящую ее участников в страну утопии. «Без кооперативного образования быстро стирается идейная сторона работы — та чарующая красота кооперации, которая к ней привлекает и заставляет людей бросать свое личное дело и всецело отдать себя служению кооперации», — так витиевато рассуждали кооператоры о, казалось бы, банальных вещах²⁶⁹.

В этом смысле российские теоретики кооперации явились продолжателями утопической идеологии западноевропейских социалистов, развивали ее применительно к российским условиям, прилагая много усилий к ее внедрению в обывательское сознание с помощью кооперативной пропаганды и воспитания: «Цель кооперативного воспитания, прежде всего, заключается в том, чтобы сформулировать кооперативный характер и убеждения путем преподавания истории, теории и принципа движения наряду с экономической историей, истории промышленности, поскольку они

имеют отношение к кооперации, и, затем, не менее важная, в том, что бы тренировать и мужчин и женщин так, чтобы они принимали участие в социальных реформах и вообще в гражданской жизни.

Воспитание должно касаться прав и обязанностей людей, как кооператоров, как работников и граждан» (Международный кооперативный съезд. 1911 г.).

«Основной элемент, на котором зиждется кооперативное движение», как полагали кооператоры — сознательная личность. Прообраз будущего «нового» строя, «к которому неизбежно ведет весь ход развития капиталистического общества», уже «маячил» перед ними. Задачи кооперативной деятельности с февраля 1917 г. рассматривались в общегосударственном масштабе: сознательное участие в социалистическом переустройстве общества. Концепцию общественного предназначения кооперации, «как одной из ветвей общественного движения, подготовляющего социалистический строй», выразил А. Меркулов: «В чем содержание любого социального учения, имеющего целью преобразование общественного строя? Цель — достижение царства социальной гармонии, отдаленным маяком для всякого социального реформатора всегда будет служить образ гармоничного человека»²⁷⁰.

Теория кооперативного движения мало изучена. Идеологи движения, они же политики-неудачники, в большинстве своем рассматривали кооперацию в двух ипостасях: как хозяйственно-организационную структуру и как социальное движение целевого порядка. Первая требовала профессионально подготовленных работников для хозяйственной деятельности, как это и было в реальной жизни, вторая — идеологического воспитания личности, устремленной в некое светлое будущее. Однако приходилось признавать и тот факт, что «кооперативное сознание общественных работников» все более направляется на обеспечение имиджа «идейных» руководителей кооперации. Рост тенденции к идеологическому кооперативному образованию наблюдался в связи с вливанием в ее ряды экономистов и политиков социалистического толка, занявших руководящие посты в ее структурах. Идеологический крен от здравого смысла в утопию — это явление мирового порядка. Как заметил Гибнер, никогда не прекращались «настойчивые попытки склонить, приурочить кооперативное движение к тому или иному религиозному или политическому направлению, заставить кооперацию сделаться носителем этих идеалов и, таким образом, использовать ее нарождающуюся мощь для своих целей, с кооперацией, по существу, вовсе не связанных, а часто ей даже противоположных»²⁷¹.

Бюро союза потребительных обществ в 1910 г. выработало (по поручению XXII собрания уполномоченных Московского Союза) специальный тип учреждения, отвечающего «запросам широких народных масс населения» и культурную рабочую силу для государственного строительства». Таким учреждением стал Народный университет им. А. Шанявского — центр популяризации знаний, включивший в свои программы курс политической экономии социализма в духе идей кооперации. Союзное кооперативное совещание констатировало в 1918 г., что «вся кооперативная работа целиком проходит в круге общей борьбы труда за социализм»²⁷².

Подготовка кооперативных работников для *практической* деятельности все более отступала на второй план. Переломным оказался 1917 г. «Социальный идеал» обернулся социальным идеализмом: «Необходимо тотчас же, немедленно, не медля ни минуты, создавать в деревнях, селах, уездных и губернских городах культурные центры распространения агитационной литературы, устройства митингов, подготовки ораторов, выработки приемов агитации и организации демократии. Такими центрами, наряду с партийными организациями и строящимися союзами рабочих и крестьян и в тесном единении с ними, должны явиться кооперативы.

Для осуществления целей просвещения масс и пропаганды политических идей необходимо создание политических органов печати и издательств по социально-политическим вопросам... устройств краткосрочных курсов районного характера по социально-политическим вопросам»²⁷³.

Хозяйственное предприятие (кооперативно-организационная форма) становится одним из средств конкретного воплощения политических целей и идеалов группы политических деятелей, вошедших в руководство кооперативных организаций. «Идеологически настроенные работники» составляли к 1917 г. основной костяк руководителей кооперации — Центросоюза, Совета ВКС, и проч. Кооперативное образование все более принимало идеологическую и политическую направленность. Кооперация рассматривалась, как «большой рычаг», способный выполнить колоссальную работу. Центральным кооперативным учреждениям ставилась задача издания соответствующей литературы и организации лекторских сил, районным союзам — устройство складов литературы и организации краткосрочных курсов по общественно-политическим вопросам (речь о курсах-съездах районного характера). Главная «масса слушателей» состояла из молодежи. Программа строилась из сиюминутных проблем, как некая политическая платформа:

- 1) Учредительное собрание;
- 2) Демократическая республика;
- 3) Аграрный вопрос;
- 4) Рабочий вопрос;
- 5) Национальный вопрос;
- 6) Налоговая система;
- 7) Народное образование.

Апофеоз программы — постановка вопроса «о временной общегражданской организации» на местах ввиду «неупроченности системы местных органов управления». Обратить в «организованную кампанию» политико-просветительную работу — задача всех союзов. И это не было голословным заявлением²⁷⁴. Московский союз издавал серии книг и брошюр политического содержания: «Мы работаем во имя светлой задачи — объединения человечества. Мы достигнем ее нашими собственными усилиями»²⁷⁵.

Итак, задача кооперации, по мнению ее теоретиков, заключается не просто в облегчении материального положения ее участников, «а в достижении высоких идеальных стремлений, воодушевляющих массы населения в их борьбе за светлое будущее»²⁷⁶. На пропаганду этого кооперативного духа идеалистического плана направлено кооперативное воспитание. «Наиболее совершенный человек в наиболее совершенном обществе — вот наш идеал»²⁷⁷.

Приложение 1. Постановление II Всероссийского съезда кооперации о культурно-просветительной деятельности кооперативов. (Киев, 1913 г.)

I. Общие постановления.

1. Необходимо возможно большее участие кооперации в просветительной деятельности и выделение возможно большего количества сил и средств на поднятие народного образования и народного сознания, а посему необходимо обратить особое внимание на развитие хозяйственной деятельности кооперативов, в целях как общей культурно-просветительной работы, так, в частности, и кооперативного воспитания населения.

Для постоянной культурно-просветительной деятельности необходимо при кооперативах и их союзах образование особых комиссий для руководства этой деятельностью, ибо последняя должна находиться в зависимости от местных условий и должна ставить своей целью воздействие на массу населения, сосредоточив внимание на внешкольном образовании, преимущественно на тех фор-

мах его, которые недостаточно или совсем не пользуются поддержкой местных общественных учреждений. При своих культурных начинаниях кооперативы должны иметь в виду не только образовательные, но и воспитательные цели, для воспитания населения в духе солидарности и выработки в нем привычек общественной жизни (кружки, лекции, библиотеки, читальни, книжные лавки, вечерние школы, детские сады, экскурсии, народные дома, разумные развлечения).

2. Воспитание массы населения в кооперативном духе (кооперативные книги, журналы, газеты, открытые письма, иллюстрации, устройство краткосрочных курсов).

Приложение 2. Кооперативные афоризмы²⁷⁸.

Искусство двинуть вперед кооператив состоит в том, чтобы вполне выяснить членам разницу между ними и частным предприятием.

Главным пунктом кооперативной веры является не производство богатств, а создание наиболее совершенных человеческих существ. Человек, живущий только для себя или для своей семьи, ведет неполную жизнь. Чтобы сделать свою жизнь полней, человек должен работать вместе с другими для какой-нибудь возвышенной и благородной цели. (Из речи председателя английского кооперативного съезда в 1889 г.)

Миссия кооперации — сделать нравственными и людей, и экономические отношения (Н.Нельсон).

Все, что вносит единение между людьми, есть благо и красота; все, что их разъединяет, — зло и упорство (Л.Толстой).

Кооперация — новый путь для осуществления заповеди: «люби своего ближнего, как самого себя».

Задача кооперации заключается в том, чтобы борьбу за жизнь заменить союзом для жизни (Дж.Грей).

Мы хотим такую цивилизацию, которая не отбросит большинства и которая не будет созданием и привилегией избранных.

Цель кооперативного движения: жизнь, больше жизни для всех.

В кооперативном строе отдельный человек не только колесико, но и движущая сила.

Кооперация не знает по евангельскому завету «ни эллина, ни иудея», она зовет в свои ряды всех людей — белых, желтых, черных.

Идея кооперации так же широка, как человечество и, следовательно, принадлежит она всем народам.

Счастливое будущее народа созревает в кооперативах.

Та страна первая будет в состоянии разрешить социальный вопрос, которая прежде других сумеет подняться на самую высокую ступень по пути кооперации.

Из всех факторов, которые поднимают трудящихся в материальном, моральном и вообще духовном отношении, ни один не обогащает так много, как кооперативное движение (Дж.Ст.Милль).

В кооперации люди усваивают себе постепенно социалистический принцип в процессе повседневной работы и повседневной жизни.

Наше задание заключается в том, чтобы сформировать новое общество, вместо того, чтобы ждать его появления.

Если вспомнить, что уже сделано кооперацией и что она способна еще сделать, всякий должен придти к заключению, что на кооперацию мы можем возлагать большие надежды в деле улучшения социальных условий, чем на всякую другую экономическую силу (Г. Фосетт).

Чем в большей степени направляют взор на будущее, тем полнее и плодотворнее складывается работа для настоящего.

Каждый член должен поступать так, как будто существование кооператива зависело от личной деятельности.

Необходимо считать судьбу своего общества делом более важным, чем благополучие отдельных членов.

Через кооперацию копейки становятся рублями, а рубли — тысячами и миллионами рублей.

Через кооперацию эти миллионы, вместо того, чтобы исчезать в чужих карманах, дают потребителю возможность направлять производство и распределение.

Интересы всех никогда не должны приноситься в жертву интересам частных лиц. Не покупатели должны служить интересам торговли, а наоборот.

Свобода безделья есть свобода эксплуатации чужого труда.

Никакой отец не может передать сыну в наследство право быть бесполезным для своих ближних. В обществе, где каждый человек по необходимости содержится на счет общества, всякий обязан вернуть обществу такое количество труда, которое оплатило бы его содержание. Всякий не работающий гражданин является паразитом (Ж.Ж.Руссо).

Сознание, что ты являешься деятельной частью большого целого, и что ты содействуешь успеху благородного предприятия,

вот что обнаруживает пропасть, существующую между служащими частных торговых предприятий, с одной стороны, и кооперативных предприятий — с другой.

Только при товарищеском сотрудничестве выборных руководителей со служащими возможен истинный расцвет потребительских кооперативов.

Кооперативы являются школами общественного мира.

Кооперативы во всех станах должны принять все зависящее от них меры для того, чтобы обеспечить и сохранить мир и согласие между народами. (Из резолюции Международного кооперативного съезда)

Невежество самый печальный и дурной вид нищеты.

Ненависть часто возникает оттого, что люди зависят один от другого.

Народ, который имеет самые лучшие школы, если не сегодня, то завтра делается первенствующим народом в мире.

Кооперация — товарищеская работа людей, видящих в своих ближних товарищей и говорящих им: придите, будем работать вместе и справедливо делить заработанное (В.Нил).

Высшие существа размножаются путем соединения, этот же процесс свойственен и общественным организациям.

Только союз вносит порядок и систему в кооперативное дело, он поднимает его на степень национального, т. е. общенародного дела, указывает взорам кооператора широкие хозяйственные и общественные перспективы движения (Г.Мюллер).

Быть счастливым — это, значит, работать в любимом деле.

В числе прочих преимуществ труд имеет то преимущество, что он укорачивает дни, но удлиняет жизнь (Дидро).

Проблема жизни не решается одним смелым ударом; тот никогда не терпит неудачи, хотя бы сегодня казалось, что ему ничего не удалось сделать; в грядущие дни он сам и его дела все еще будут живы, помогая людям в новых стремлениях.

Кооперация вполне заслуживает вызванного ей энтузиазма. Если она разовьется успешно, она произведет благотворный переворот в экономической и социальной жизни; при чем переворот этот будет произведен так, что не оставит за собой горечи и разочарования.

Не в том заключается основная задача потребительных обществ, чтобы покупать кофе, сахар и пр. по низкой цене и распределять полученную прибыль между членами. Нет, задача потребительных обществ та, чтобы в могучей борьбе народов за лучшее будущее играть если не первую, то все же выдающуюся роль.

Если вы хотите заместить торговцев, знайте, что вам удастся лишь при том неременном условии, если вы сами не станете торговцами.

Кооперативы учреждаются не только для того, чтобы приносить выгоды, но они требуют от своих членов также и жертв (Э.Вандервельде).

Потребительное общество, в котором не участвуют женщины, подобно ребенку, вскормленному без матери.

Женщина всегда есть и будет зеркалом того общества, среди которого вращается, так что о всяком обществе всегда можно судить по тому положению, какое занимает в нем женщина.

У частного банка одна забота — лишь бы не пропали деньги, да процент был бы получен; ему безразлично, какое употребление делается из займа. Кредитное же товарищество, прежде всего, требует производительного назначения ссуды.

Кооперативный банк обладает всеми достоинствами и ни одним из недостатков частного банка. Он не только знает своих клиентов, но и его клиенты знают, а обоюдное знакомство — самая надежная почва для взаимного доверия.

Только действие способно пробудить и оживить производительную силу добра и красоты.

Кооперация, которая воспитывает руководителей и развивает самостоятельность, которая научает одних нести ответственную работу, а других добровольно подчиняться во имя свободно избранной цели, образует основу способности народа к организации (проф. Эйленбург).

Кооперативное движение вначале лишь точка, которая медленно расширяется в круг, но, продолжая расти, этот круг постепенно охватывает весь мир.

Все, что в настоящее время известно под именем кооперации, есть только зачаток кооперации.

Кооперация исправляет ошибки настоящего и готовит почву для будущего.

Товарищеское взаимопонимание заменяет в кооперации ожесточенную борьбу и конкуренцию.

Мужество заключается в том, чтобы действовать и отдаваться великому делу, не думая о том, какую награду мир нам уготовил за наши усилия, и получим ли мы вообще какую-нибудь награду (Жан Жорес).

Личная жизнь должна быть проста, но кооперативная жизнь — богата и полна.

Критическая мысль не разрушает, а создает разумную власть.

Сектантство во все времена было губительно для общезития. Без терпимости ко всякому мнению демократическое кооперативное движение немислимо (Д. Холиок).

Всякий член потребительного общества заинтересован в том, чтобы число членов и оборот общества непременно возрастали. Чем больше членов будут пользоваться своими магазинами, тем благороднее будет отношение расходов к обороту.

Потребительное общество представляет собою организованных потребителей, сознающих свою силу и готовность воспользоваться ею (Ш.Жид).

Чтобы верно оценивать значение каждого отдельного шага, мы должны знать и помнить нашу цель.

Цель кооперации — в служении человеку, а не в пользовании им для себя; в умножении его сил, а не в их истощении.

Для того чтобы действовать, не будем ждать разрешения всех сомнений.

Не отречением, не критикой, не иронией строится новая жизнь; нужно подтвердить и нужно действовать.

Собранный потребительными обществами капитал не имеет целью приносить процент, а наоборот — стремится уничтожить процент.

Чем больше кооператоры тратят в своем магазине, тем лучше будут идти дела магазина, и тем лучше он сможет удовлетворять потребности потребителей и их семей.

Всеобщее участие масс всюду, прежде всего, вопрос народного просвещения (Губер).

Ни одно помещение капитала не дает такого высокого и верного процента, как помещение в дело умственного развития членов.

Характерной чертой истинной кооперации является взаимодействие экономических, духовных и нравственных факторов.

Принести труд и культуру в здоровые и правильные отношения друг к другу, это одна из важнейших задач культурного воспитания.

Не многочисленность армии, не мощь орудий, а сила духа дарует победу.

Будущее кооперативного движения в сильной степени зависит от нашей совокупности духовной жизни.

Повышая благосостояние трудящихся масс, как в городе, так и в деревне, кооперация сближает город с деревней крепкими узами общих интересов (В.А.Поссе).

Кооперативная организация дает мелкому хозяйству такие выгоды, которыми не может пользоваться единичное, даже крупное хозяйство.

Высшей задачей прогресса культуры должно быть освобождение человека от случайностей судьбы.

Кооперация должна освободить людей от зависимости человека от неблагоприятных обстоятельств и личного произвола.

Наш путь вперед назначен — мы идем с теми, кто освобождает и пока он освобождает (А.Герцен).

Первая личина тиранов почти всегда демократическая (Сократ).

И самый убежденный кооператор узнает всегда что-нибудь новое на кооперативных съездах.

Нужда — кнут, подгонявший к взаимопомощи.

Кооперация знакомит трудящихся с важностью труда, управления и предприимчивости.

Одна из несомненных чистых радостей есть отдых после труда (Э.Кант).

На двадцать человек, умеющих зарабатывать деньги, приходится лишь один, который умеет их тратить.

Покупатель — король хозяйственного строя, но до сего времени он был ленивым королем, который не царствовал и не правил.

При правильном воспитании человек пробудится к сознанию зависимости своего счастья от счастья других.

Во все времена товарищество было средством, благодаря которому идеи человечества могли торжествовать и с помощью которого люди осуществляли свои намерения.

В наемном доме служат дому, в кооперативном доме служат людям.

Плуг (вместо сохи), рядовая сеялка (вместо горсти), жатка и косилка (вместо серпа и косы), молотилка (вместо цепа), сеялка и сортировка (вместо лопаты и ветра), кредитное товарищество (вместо кулака-мироода), потребительное общество (вместо лавочника).

Будущее кооперативного движения в значительной степени находится в руках служащих и все проблемы, касающиеся положения служащих, должны быть тщательно изучены.

Права всегда приходят сами собой, если люди серьезно относятся к обязанностям.

Только повиновение понятой правде не уничтожает и не возбуждает негодования.

Кооперация идей есть обоюдное образование, где, не опасаясь личных заслуг, все образуют что-то общее.

В организованном объединенном действии, которое приносит в сельскохозяйственную среду кооперация, крестьянство учится главной общественной мудрости — верить только своим силам, опираться на свою самодеятельность.

Кооперативное производство, вызванное организацией кооперативного потребления, обладает наибольшей устойчивостью и жизнеспособностью.

Лучшие учителя кооперации те, которые постигают ее внутреннюю сторону.

Не господствовать, а служить — вот в чем задача кооперации.

Быть свободным значит освободиться от того внутреннего рабства, которое мы же сами и создали.

Когда законы охраняются штыками и пулеметами, тогда их нарушают сверху и донизу.

В рочдельской системе распределения прибыли лежит и формула для решения проблемы об образовании капитала для строительной кооперации.

Истинно кооперативным учреждением является неделимый кооперативный фонд.

Рочдельская комбинация есть социальное открытие, имеющее историческое значение.

Принцип участия в прибыли соответственно сумме закупок дал юному великану — кооперации силу отбросить всякие чужие помочи и пойти самостоятельно. Кооперация открыта для всех, ее свет — для всех. Кооперация не выдвигает перегородок, она не пишет надписей: сюда входа нет!

Язык любви, героизма и кооперации один для всех народов (Ек. Вебб).

Социализм установленный диктаторской властью какого-нибудь правительства, ведет к разрушению общества, бесконечным реакциям, вавилонскому столпотворению и ужасающей нищете.

Всякий человек, с сердцем и умом, знает ныне, что такое кооперация. И все, искренне любящие трудовой народ, понимают, что кооперация с ее многообразными применениями должна, в конце концов, привести к решению того, что называется «социальным вопросом» (Франческо Вигано).

Величайшую идею в жизни современной Англии создала горсточка умирающих с голоду людей²⁷⁹.

Приложение 3.

ГИМН КООПЕРАЦИИ

Зовите всех с собой, к себе и за собой!..
 Кооперация невидимо для глаз,
 Единой общею судьбою
 И общим благом свяжет вас.
 Кооперация, для дней земного рая,
 Все человечество должна объединить,
 От сердца к сердцу простирая
 Свою связующую нить.
 Кооперация — залог иного века
 И на пути своем отважна и сильна;
 В борьбе за счастье человека
 Не остановится она.
 Кооперация — трудны ее задачи;
 Ей в наши злые дни дорога тяжела...
 Но слезы первой неудачи
 Она давно пережила.
 Кооперация — была, и есть, и будет;
 Ее светильники повсюду зажжены;
 Ее призыв повсюду будет
 Сон вековой тишины.
 Кооперация — есть враг богов наживы;
 Судьба трудящихся — ей служит божеством,
 И оттого ее призывы
 Звучат все громче торжеством.
 Кооперация — не выдумка, не чудо:
 Она нужна везде, как пища и вода. -
 Для обездоленного люда,
 Для подневольного труда.
 Кооперация — бескровный меч народа
 И щит работников, и знамя бедняков;
 Пред ней горит свобода
 Сквозь тень нависших облаков

Автор неизвестен. 1900-е гг.

ГИМН КООПЕРАЦИИ

Не меч, а мир, не рознь, а единение
 И радостно творящий труд -
 Вот наш девиз и наше вдохновенье.
 Мы безымянный люд

Мы дорожим успехами мгновенья,
 Мы ценим день за днем,
 И в дальний край освобожденья
 В толпе сплошной идем.
 Придем иль нет — пути судеб безвестны,
 Но чист наш мирный флаг,
 Наш светел путь, заветы честны
 И тверд наш мерный шаг

А.С.Дудин (кооператор),

М.И.Волков (народный учитель). 1912 г.

Из программы курсов Туган-Барановского «Социализм, как новая система хозяйства» (11/24 марта — 1/14 апреля 1918 г.). Университет им. А.Шанявского

Сущность социализма и отличия социалистического хозяйства от других хозяйственных систем. Социализм государственный, синдикатный, коммунальный и анархический. Социализм и коммунизм.

Социалистическое хозяйство будущего. Внешняя экономическая политика социалистического государства. Мировая организация социализма. Муниципальный социализм. *Будущность кооперации в социалистическом государстве.* Социалистические общины. Индивидуальное производство в социалистическом государстве. Город и деревня при социализме.

Ценность и стоимость в социалистическом обществе. Цена. Деньги. Существенно иная природа социалистических денег, чем современных. Функции денег при социализме.

Социалистический строй, как хозяйственная система высшей производительности. Задержка развития производительных сил капиталистической системы хозяйства. Общественные, моральные и интеллектуальные условия осуществления социализма.

Социализм и духовная культура. Социализм и хозяйственный интерес. Духовные интересы социалистического общества. Социализм и свобода личности»²⁸⁰.

Приложение 4. Н.Блинов²⁸¹. Стихи и песни кооперации

НАШ ПУТЬ

С верою крепкою,
 Светлой надеждою

В путь мы идем.
 Мысль единения
 К свету стремления
 Братьям несем.
 Русь благодатная -
 Ширь необъятная
 Ждет уж давно,
 Чтоб мы трудились,
 К свету стремились
 Все заодно!
 Дружной работою,
 Общей заботою
 Жизнь обновить,
 В твердом желании
 Все ожидания
 Осуществить;
 Братьям страдающим,
 Счастья незнающим
 Счастья принести;
 Всем за терпенье
 Дать утешения
 Скорую весть;
 Вот что нам сказано,
 Сердцу заказано
 В вечный закон.
 Светлой отрадою,
 Добрым наградою
 Явится он

ПРОБУЖДЕНИЕ

(РАССКАЗ КООПЕРАТОРА)

Для полезных трудов
 Соберемся тесней!...
 Будем все, как один,
 Друг за друга горой,
 И легко будет нам,
 Жизнь нам будет иной.
 Будет жизнь нам легка
 И работа не в труд...
 Верьге — ж, братья, друзья:
 Дни отрады придут.

ПРИЗЫВ

Только в мирном пути, в единении,
 Слившись с братьями в мысли одной,
 В жизнь внести красоту обновленья -
 Ты найдешь и желанный покой.

НУЖНО РАБОТАТЬ

Братья!.. Сомнения прочь!..
 Мир скоро будет иной.
 Если теперь еще ночь —
 Близо рассвет уж дневной.
 Нужно работать, друзья.
 В духе любви и добра.
 Общий прогресса закон -
 Дружно работать!.. Пора!..

ЕДИНЕНИЕ

Братья — товарищи! Встанемте смело.
 Все друг за друга и каждый за всех;
 Двинемте мощно любимое дело -
 Прочь себялюбие — старый наш грех!
 Все свои силы мы дружно направим
 К светлому, лучшему жизнь изменить;
 Мысль единенья на деле восславим,
 Будем всегда наше дело любить!
 Светлые мысли творцов единенья
 Пусть будут нам путеводной звездой.
 Пусть города, деревушки, селенья
 Дружно стремятся все к цели одной:
 Общими силами — все к единению!
 Верьте: поддавшись единству стремления
 Власть капитала падет!

СМОТРИ ВПЕРЕД

Смотри вперед! В свои верь силы.
 И светлый скоро день придет...
 Оставь сомненья, вид унылый...
 Смотри вперед!.. Смотри вперед!
 Пусть над тобою буря воеет,
 Пусть перед тобою тьма невзгод.
 От скорби сердце тяжело ноет.
 Не унывай!.. Смотри вперед!

В работе трудной, но любимой
Пусть быстро жизнь твоя пройдет,
Но, уходя даже в могилу,
Надейся! Верь! Смотри вперед!

РАССВЕТ

Дружно, братья, за работу!
К единеную путь — любовь...
И утерянное счастье
Завоеем все мы вновь!

К РОДИНЕ (ОТРЫВОК)

Вижу я: люди идут к единению,
В кооперацию дружно несут
Скромные средства свои, сбереженья,
Личный настойчивый труд.
Дух единения, братства, участия
В массе народной растет.
Родина — матушка к свету и счастью
С помощью Божьей идет.
Дай — же нам, Боже, и сил и умения
Братьям на помощь придти;
В дружном на общую пользу стремлении
Дело к благовому концу привести.

ПРИЗЫВ (ОТРЫВОК)

В мирный бой
На защиту культурных идей
Одиночество брось и иди!!
И для общего блага,
Для счастья людей
Жизни личной своей не щади!

Кооперация и интеллигенция

«Для предстоящей работы нужно знание.
Нужно настоящее знание. Знание может
быть только истинным или мистическим.
И основным правилом подхода к знанию
есть подход безо всяких предрассудков и
предвзятых мнений...».

Н. Кондратьев

«В этом дворце — Музее революции —
всякий может проследить победное
шествие русской революции, от
декабристов до Ленина.
И, как введение в историю Великой
революции,
как кровавый отблеск зарницы,
сверкнувшей из глубины
грозных веков, встречаются в музее на
площадке вестибюля
фигуры Степаны Разина и его ватаги».

В. Гиляровский

«Купец должен торговать, вор — воровать,
революционер — сидеть в тюрьме».

Н. Островский

«Духовное состояние интеллигенции не
может не внушать серьезной тревоги».

С. Булгаков

Психоз социального, немедленного переустройства мира овладел российской интеллигенцией²⁸². Подстрекаемые революционными трибунами, подобравшими на задворках европейской цивилизации утопическую формулу эгалитаризма, в паническое нетерпение впадали целые социальные слои (если не вся нация). «К топору зовите Русь!», «Долой самодержавие!», «Пусть сильнее грянет буря!» — вещали буре-вестники всех мастей. «Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит, там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!» (Петя Трофимов, недоучившийся гимназист из чеховского «Вишневого сада».)

Призывы первых русских революционеров вскормили поколение молодых нигилистов²⁸³. Душе россиянина свойственны крайности, слабое развитие «тормозного устройства» — это отмечал физиолог И.П.Павлов. Все до предела, все до края — эта черта характера выражалась в социальном экстремизме. Представители народничества находились во власти социального идеализма, однако это не помешало им проявить себя как течение левого толка. Протест принял крайние формы выражения — от откровенно уголовного (нечаевщина и большевизм), до ухода от реальной жизни (толстовство). Либо разрушительный гнев, либо молитва: третьего не дано, здесь нет места созидательному труду. Человеческие жизни приносились на алтарь страсти к единообразию, грубой уравниловки абстрактного будущего.

Литературная Россия талантливо проиллюстрировала страницы жизни общества середины XIX — начала XX вв. Н.Лесков не придерживался революционно-демократических воззрений, писал о глубоких народных традициях. Знаток народного быта, он не отступил перед идеями «нетерпеливцев», не принял новых этических теорий. Этическая ориентация писателя основывалась на «внеполитических» нравственных представлениях, гуманистическом подходе в социальных вопросах. «Возмутительные» листовки 1862 г., пророчившие большую кровь, отмену частной собственности и брака Лесков называл безнравственным явлением. Героям «разумного эгоизма», преданным делу революции (роман «Некуда», 1864) он предсказывал, в их жизни нет будущего: «Помилуйте, разве с такими людьми можно куда-нибудь идти!» В этом высказывании Лесков руководствовался желанием «показать ничтожное пустомыслие»²⁸⁴.

Жизнь и литература соседствуют во всяком обществе, они связаны между собой гораздо более сильно, чем можно предположить. И известные писатели испытали на себе «раздвоение личности» в поисках «истинного» пути социального переустройства общества и мира, своего рода нетерпение, замороженные простотой достижения цели через насилие. Признав неизбежность индивидуального террора, так просто перейти к террору массовому.

Противоречий и раздвоенности не избежал и Л.Н.Толстой. Политические взгляды уже зрелого человека принимали специфические, порой причудливые формы. В.Маклаков, близко знавший писателя, указывал, что мнение о нем в обществе разделилось. Прежде чем начать «тачать и пахать», на одном из этапов эволюционного воззрения, при известии о покушении на Лауница²⁸⁵, Толстой с досадой произнес: «И, наверное, опять промахнулся... Я вот тоже понимаю, что как будто и есть за что осудить террористов. Ну, вы мои взгляды знаете. И все-таки не могу сказать: это целесообразно»²⁸⁶. Арест же любого террориста Толстой рассматривал как непозволительное насилие, в отличие от убийства государственного чиновника (как правило, отца семейства).

Не на Сенатской ли площади публичным убийством героя 1812 г. Милорадовича, «доблестным» декабристом П.Каховским положено начало открытому политическому террору?

Февральские, а затем октябрьские события 1917 года, продемонстрировали на практике создание и проявление социально-психологической среды, когда «средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных». (В.И.Вернадский. Из дневника. Запись от 2 ноября 1941 г.)

В своих статьях Чернышевский тщетно тужился доказать преимущество коллективного труда, социалистических форм хозяйствования. Жизнь показала, что социализм не обеспечил высшую, по сравнению с капитализмом производительность труда.

Бомбометателями-убийцами, террористами становились студенты недоучки, женщины-фельдшерицы, учительницы, словом, народники-интеллигенты, те, кто по своей природе и избранной профессии должны были трудиться во благо просвещения, науки и здоровья нации. Террористы становились героями времени, их именами по настоящее время названы улицы.

При попустительстве интеллигенции индивидуальный террор в конце концов закономерно перерос в массовый.

В.Короленко отмечал свойство российской интеллигенции легко заражаться чужими идеями, которые могли овладеть ее воображением: «Вечные бродяги и искатели», желавшие политического переворота, прошли путь разных политических течений: от чайковцев до террористов²⁸⁷. «Разные типы русских чудачков» бродили по континентам в поисках таинственной готовой мудрости, вкусив практический опыт общины коммуниста Фрея, строили свою российскую коммуно-утопию «Криницу» и городские «фаланстеры», умирали на баррикадах во имя братской солидарности.

Легионы нигилистов, циников, которые вдруг явились в семьях и на улицах, наводнили города. Образы «своеобразных интеллигентов» остались в судебных политических и уголовных процессах, прессе, литературных образах и воспоминаниях.

«Герои времени», не раз переживали разные фазы российского интеллектуального брожения. Судьба не раз давала им шанс проявить себя на трудовом поприще сообразно их профессиональному образованию. Но, увы, постоянный разлад между мыслью и жизнью не выработал устойчивого равновесия, способности к плодотворному труду. Производительный труд — основа капитала, благосостояния семьи, основа общества. Этому не была обучена интеллигенция. Вот поговорить, пофилософствовать, поразглагольствовать, позвать в светлое будущее, не трудясь, это, пожалуй, ста. Н.Бердяев писал, что «демагогия деформирует душу нашей интеллигенции»²⁸⁸. Нам есть, с чем сравнить Россию: вся культура и вся цивилизация Западной Европы построены на преобразующем воздействии труда, революция сама по себе ничего не создает.

В социальном портрете российского интеллекта не раз отмечались такие черты, как кликушество и готовность к страданиям.

«Вот вы были в Сибири, в тюрьме, в ссылке. Сколько я ни прошу у Бога, чтобы дал и мне пострадать за мои убеждения, — нет,

не дает этого счастья». (Из разговора Л.Толстого с В.Короленко.) Или: «Какая вы счастливая! У вас есть настоящая, невыдуманная работа». (Из беседы Л.Толстого с вдовой нечаевца, умершего на картоне). Также: «Ничто так вполне не удовлетворило бы меня и не дало бы мне такой радости, как именно то, чтобы меня посадили в тюрьму, в хорошую, настоящую тюрьму, вонючую, холодную, голодную...»²⁸⁹.

Нетерпение, отсутствие глубины понимания, неразборчивость в средствах для достижения поставленной цели.

В. Короленко отмечал, что в душе великого писателя переплелись «все злобы и противоречия» нашей жизни. Но только ли у него? «Русская интеллигенция, по большей части люди, которым само образование давало привилегированное положение, как освистанный филистимлянами Самсон, сотрясали здание, которое должно было обрушиться и на их головы»²⁹⁰, — замечал Короленко.

«Я нужен России... Нет, видимо, не нужен. Да и кто нужен? Сапожник, портной нужен, мясник...», — размышлял герой Тургенева. («Отцы и дети»). Недоучка студент Петя, бросивший учебу ради «служения» народу («Вишневый сад»), а не талантливый, но неудачливый доктор Дымов («Попрыгунья») стал героем своего времени. Не тысячи безвестных тружеников — земцев, учителей, врачей, ученых — интеллектуалов, становились героями дня, а нищие, пустые болтуны, находившие поддержку в душах присяжных заседателей на политических процессах, занимали сердца и души обывателей. Отсутствие собственного мировоззрения, мышления, широкого образования, и при этом поспешность и нетерпимость, неумение анализировать обстановку, готовность поспешно принять умозрительную схему, обещающую разрубить, как гордиев узел все социальные проблемы, — вот черты, характеризовавшие большую часть революционно настроенной интеллигенции.

Литературная критика отрицала действительность жизни, погружая нацию в иной поток сознания. Наступала эпоха экспансии в утопию. Один из «проводников» последней — неистовый Виссарион Белинский.

«Этот блаженный человек, обладавший таким удивительным спокойствием совести, иногда, впрочем, очень грустил; но грусть эта была особого рода, — не от сомнений, не от разочарований, о, нет, — а вот почему не сегодня, почему не завтра. Это был самый торопившийся человек в целой России...», — отмечал Ф.М.Достоевский²⁹¹.

За Белинским шли иные.

«То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть», — писал Н.Некрасов.

Л.Толстой, посещая Бутырки, любовался домашней обстановкой одного из интеллигентов, окруженного оборванными и одичавшими детишками и, сидя среди этой «мелюзги», повторял благодушно: «Как у вас хорошо! Как я вам завидую».

Героем дня, вызвавшим восторги писателя, выступал полунцифский философ, многодетный отец, живущий на случайные заработки своего старого отца, сам же не желающий трудиться «из убеждений».

Российского интеллигента всегда раздражало материальное благополучие: «Героический интеллигент не довольствуется поэтому ролью скромного работника..., его мечта — быть спасителем человечества, или, по крайней мере, русского народа»²⁹². Его идеал «абстрактное народное счастье», «его Бог есть народ»²⁹³.

Имеют ли моральное право быть вестниками времени, борцами за народное счастье, вершителями судеб российских, эти «герои времени»? Ради кого раздавались требования социальной революции? Безответственные разночинные реформаторы, мечтатели о счастье всего человечества на деле не проявили способности к производительному труду.

Деграция трудовой этики вылилась в формулу — «наша ненависть — высшая формула добра»²⁹⁴. Любимое занятие российской интеллигенции — критика окружающей жизни при полной неспособности к участию в создании «предпосылок для реализации естественных экономических законов».

В отличие от европейского образованного интеллектуала, российская интеллигенция росла «вне потребности экономического производства». «Экономический материализм утратил свой объективный характер на русской почве, производительно-созидательный момент был отодвинут на второй план», — отмечал Н.Бердяев²⁹⁵. Объект ненависти российской интеллигенции (государственная система, самодержавие) имел личностный характер — серия покушений на царя и государственных служащих тому подтверждение. Россия не выработала стремления и желания двигаться к правовому обществу.

В отличие от Европы, Россия миновала фазу эволюционного развития правовой культуры. Бесчинство и своевластие чиновничьей касты, беззащитность перед государственной властью личности, нежелание или неумение интеллигенции участвовать в совершенствовании государственной системы управления, сделали российскую интеллигенцию вечным возбудителем стихии. Кон-

фликт, возникший между властью и чернью, подогреваемый интеллигенцией, проложил путь к революционной авантюре.

Как отмечал знаток российской ментальности В.С.Гиляровский, Москва жила своей жизнью, московская студенческая среда — своей. Образовательная реформа Александра II (1865) дала профессорскую автономию, общедоступность образования²⁹⁶.

При состоянии «перепроизводства образованной интеллигенции» (с 1861 г. студенческий контингент составляли главным образом разночинцы), недовольство студенческой и преподавательской аудитории стало делом привычным.

Литература сохранила описание студенческой среды разночинцев, своего рода «вечных студентов Трофимовых», так и не окончивших учебные заведения.

«Рассадниками» бессмысленного бунтарства, его гнездом еще во времена Александра II стали Московский университет и Петровская академия. Студенты академии — «молодые люди в простых блузах, красных рубашках, истертых сапогах. Там собиралась передовая молодежь, среди которой были распространены революционные идеи и начинали зарождаться первые революционные кружки»²⁹⁷.

Университетский устав пореформенного периода 1865 г. обеспечил неограниченный доступ в Петровскую академию представителей всех сословий без вступительных экзаменов и специальной подготовки. Вольница царил не только в студенческой среде, но и преподавательской. «Студент-петровец, бородатый, в косоворотке, с суковатой палкой в руке стал в обывательском представлении олицетворением революционера», — писал Чаянов²⁹⁸.

Нечаевское дело 1869 г., ставшее первым открытым политическим процессом (убийство студента И.Иванова в гроте Петровско-Разумовского парка) по сути — уголовное дело.

Гиляровский оставил колоритное описание студенческой среды: «Большинство, из самых радикальных, были одеты по моде шестидесятих годов: обязательно длинные волосы, нахлобученная таинственно на глаза шляпа с широкими полями, иногда — верх щегольства — плед и очки, что придавало юношам ученый вид и солидность. Так одевалось студенчество до начала восьмидесятых годов, времени реакции»²⁹⁹.

«Любимым местом сбора революционного московского студенчества был кабак именуемый “Адом”, по сравнению с которым хитровская “Каторга” казалась пансионом благородных девиц. Из отворенной двери вместе с душливой струей махорки, пьяного

перегара и всякого человеческого зловонья оглушает смешиванием самых несовместимых звуков...

Все пьяным — пьяно, все гудит, поет, ругается... дальше общего зала не ходили, а зал только парадная половина «Ада».

Заходили сюда и косматые студенты, пели «Дубинушку» в зале, шумели, пользуясь уважением бродяг и даже вышибал, отводившим им каморки, когда не находили мест в зале».

«Ад» — место сбора не только нищих и воров, жуликов и проституток, уголовных элементов, но и революционной молодежи³⁰⁰.

«Кошачьи концерты» (вой, крик, ругань, бросание тухлых яиц в неугодных работников прессы) не были новостью для студенческой среды, как и ежегодный студенческий «праздник» — Татьянин день, часто совмещаемый с хулиганскими выходками³⁰¹.

Революционный студенческий дух находил «живой отклик» и поддержку в преподавательской среде, не отличавшейся умеренными взглядами. Оценки и мнения «учащейся молодежи» оказывались «руководящими для старейших», — отмечал С.Булгаков³⁰².

Попытка ввести учебу в рамки цивилизованного образования путем принятия более строгого, чем предыдущий устава (1873) вызвала целую бурю негодования в студенческой среде, частые многлюдные политические сходки. Введение нового устава (на предмет приема в академию из среды окончивших земледельческие училища и средние специальные заведения, детей землевладельцев, крестьян, а также путем вступительных экзаменов, установление экзаменационных сессий), рассматривались как ущемление прав³⁰³. «Детей считали чуть не “солью земли”, в них видели вождей, предназначенных вести нас в обетованную землю. И всего забавнее то, что сами дети вообразили, будто они призваны к этому, будто эта миссия именно по их силам», — отмечал один из идеологов радикального крыла общественного движения в России П.Ткачев в 1876 г. — с гимназической поры не знавший иного общества, «кроме общества юношей, то увлекающихся студенческими сходками, то таинственно конспирирующих, то устраивающих воскресные школы и читальни, то заводящие артели и коммуны, то опять хватающихся за народное образование, за идею сближения с народом, и опять, и опять конспирирующих; я всегда был с ними и среди них — всегда...»³⁰⁴.

Закрытие в 1890 г., и вновь открытие академии, мало, что изменило в настроениях ее обитателей. В 1905 г. Петровская академия вновь излюбленное место революционных встреч деятелей Москвы, собраний в общежитиях не только студенческой среды, возникновения различных легальных и нелегальных кружков.

А.Ф.Фортунатов именовал 1905 г. «лучшим периодом в жизни Петровско-Разумовской школы (то есть Академии — *Авт.*)». На деле учебный процесс из-за участия студентов в революционных событиях был полностью остановлен. Совет Академии, по сути, выразил поддержку происходящим событиям, принял решение «не считать участие студентов в забастовках поступком, подлежащим взысканию»³⁰⁵.

«В глазах здоровой части общества слово «студент» стало нарицательным именем интеллигенции в дни революции», — так писал свидетель тех событий С.Булгаков³⁰⁶.

Он назвал это явление «духовной падокрацией» — величайшим злом нашего общества³⁰⁷.

Правительственная попытка создания в 1900-е гг. сети коммерческого образования посредством устройства новых высших заведений (коммерческих и технических) «в форме политехнических институтов» имела целью создание организации развития интеллекта молодых людей. Однако в нездоровую политическую эпоху и профессура и студенчество отдали дань «натиску и буре». Политехникумы оказались своеобразными маленькими государствами в государстве со своей конституцией, парламентами — Советами старост. Борьба партий, предвыборная агитация, афиши, речи — вопросы, которые более нежели учебный процесс волновали студенческую аудиторию, часто подогреваемую профессорами. А.С.Посников — первый декан экономического факультета Петербургского политехникума — проводил политические совещания на своей квартире. Политических арестантов из числа студентов крайне левых партий руководство Политеха брало «на поруки», погибших во время волнений 1905 г. отпевали и хоронили за счет института, но под красными знаменами под пение «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Ректор политехникума кн. А.Г.Гагарин (монархист, как он сам себя так характеризовал) следовал с революционной толпой за гробом убитого революционера.

В период правления Александра II подобно грибам после дождя появились гимназии, институты и проч. учебные заведения в уездах и губерниях, что отвечало требованиям интеллигенции открыть «народу путь в науку». Но в стране с неразвитой еще экономикой, образование оставалось не востребовавшимся. К началу царствования Николая II в России было уже более миллиона нетрудоустроенных лиц с гимназическим (и даже высшим) образованием, чуравшихся черной работы. Множились ряды недовольных.

«У нас в России работают пока очень немногие. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, не ищет ничего,

ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, учатся плохо, серьезного ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. Все серьезные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют... мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку», — рассуждает герой «Вишневого сада», сын аптекаря, вечный студент 26 или 27 лет. — «Мне еще нет тридцати, я молод, я еще студент... Я предчувствую счастье, я уже вижу его... Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и в первых рядах!»³⁰⁸

Земский врач Солнечногорской лечебницы Московской губ. И.И.Орлов (1851–1917 гг.) писал А.П.Чехову: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики — в них сила, хотя их и мало. Нет праведен порок в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна...»³⁰⁹.

«Распространенное русское интеллигентское свойство — не шибко любить *делать дела*, больше о нем разговаривать, спорить, а если уже и взялся, так не доделывать до конца, прощать себе и другим оставшиеся вершки», — писал А.И.Солженицын, не будучи высокого мнения об интеллигенции.

В 1860-е годы строительству развитых производительных отношений, вовлечению рядового труженика в процесс самодельного и культурного хозяйствования, способствовала отмена крепостного права, просветительная и культурническая программы, появление земств. Реформы Александра II подарили новые возможности для участия интеллигенции в процессе преобразования общества. Однако с русской интеллигенцией случилось своего рода «несчастье», парализовавшее «любовь к истине» (Н.Бердяев), породившее убеждение: «сила русского народа не в экономической мощи».

«Трудовая» интеллигенция культивировала социальный паразитизм, призывала по науке изменить мир, приспособивая европейские учения к архаическим формам хозяйствования, имевшим место в России (община) в политических целях во имя «служения народу»: социализм — высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья, какая только когда-либо вырабатывалась человеческим разумом. Нет для него ни пола, ни возраста, ни религии, ни наци-

ональности, ни классов, ни сословия! Всех зовет он на чудесный пир жизни, всем дает он мир, свободу, счастье, сколько может взять»³¹⁰.

1870-е гг. — время активизации революционных сил; «ученики Чернышевского, Добролюбова, Писарева сплотились в растущую, хотя и неорганизованную силу» (П.Л.Лавров). Освобождение крестьян от крепостной зависимости не усмирило жаждущих борьбы, в погоне за «модой» они были не прочь прослыть за умных и «немножко опасных людей», отсутствие какой-либо цели и каких-либо убеждений, стремление к показному эгоизму.

В 1867 г. вышел роман Тургенева «Дым», написанный «по характеру душевной исповеди». Публикация романа была воспринята «передовыми» критиками, как карикатура на русские *революционные* круги. Согласно их мнению, в условиях русской действительности второй половины 1860-х г. Тургенев не видел тех передовых сил, которым принадлежит будущее. В 1867 г. Тургенев писал Герцену: «Меня ругают все — и красные и белые, и сверху, и снизу, и сбоку — особенно сбоку».

Изображение бесперспективности революционного движения, отрицательного отношения к крестьянской «энергии», вызвало резкую критику Н.А.Некрасова, которая и определила сущность обвинений революционных демократов против Тургенева.

Многие ли современники знали И.А.Гончарова, талантливо и правдиво описавшего существенные процессы русского общественного развития? Гончаров стремился играть роль спокойного, объективного и «нейтрального» наблюдателя общественной жизни. Находясь в центре общественной жизни, Гончаров не дал вовлечь себя в водоворот политической борьбы, оставаясь на умеренно-либеральной позиции: «Умеренным просветителем он остался в стороне от революционных идейных исканий. Гончаров не последовал за Белинским, как «трибуном», провозвестником новых грядущих начал общественной жизни», между ними всегда лежала идейная грань³¹¹.

Романы «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» связаны «одной общей нитью, одной последовательной идеей — переходом от одной эпохи русской жизни к другой — и отражением их явлений в моих изображениях...». Гончарова привлекала неотвратимость смены эпох и их драматизм: дореформенный, пореформенный и послереформенный периоды. Ему была чужда русская общественно-политическая жизнь 1860–80-х гг. с «хождением в народ» и народолюбием, чуждо народолюбие, толстовство, «почвенничество». Один из основных мотивов его произведений — слабое

мерцание сознания, необходимость *труда*, настоящего, не рутинного, а *живого труда*, в борьбе с всероссийским застоєм». Писатель отмечал, что «крайности не в двух-трех нигилистах, а в целом легионе, который вдруг явился в семействах, на улицах — повсюду, наводнил города».

1870-е годы отмечены новыми антинигилистическими романами, не вызвавшими отклика в душах революционных критиков. Это — «Бесы» Достоевского, «На ножах» Лескова. Герой романа Лескова, сторонник авантюристического и эгоистического начала в общественном брожении, противопоставляет себя не только «отцам» общества, но и обществу в целом. «Передовой» герой размышлял не о праве людей, а о своем праве вершить судьбами людей, о способе экспроприировать общество.

В традициях русской истории принятие мифологий чужих народов: аскетизма, жертвенности, страдания. 1860-е годы — «пьяные» годы. Все или ничего, нужна кровь: «Выход из этого гнетущего страшного положения... один — революция, революция кровавая неумолимая, которая должна изменить все, все, без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хоть знаем, что прольются реки крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы», — это из прокламации «Молодой России», выпущенной кружком «Вертепник» Московского университета в мае 1862 г. Добавим к этому «Что нужно народу» (Н.П.Огарев), «Что надо делать войску» (Н.П.Огарев, Н.Н.Обручев), «К солдатам» (Н.В.Шелгунов), «К братьям крестьянам» (Н.В.Шелгунов, М.Л.Михайлов). Разрушительные идеи питали учащуюся молодежь. Каждый день пылало зарево над обезумевшей столицей, начавшиеся пожары в Петербурге распространялись по стране: «Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий..., а выборный старшина».

Лозунг 1870-х гг.: «Подготовьте в России широкое социалистическое движение среди крестьян и рабочих»³¹².

Женева — небольшой швейцарский городок — «геологическое напластование» русских эмигрантов XIX в. Здесь одновременно можно было встретить декабриста Поджио, «совсем сданного в архив»; крайнего радикала и воинствующего публициста Герцена, вокруг которого «бурлила и шумела молодая эмиграция». Как писал современник, «эта партия, считавшая себя представительницей новых веяний, и которую в то же время только с натяжкой можно было уравнивать с социалистической; скорее это была группа нигилистов, потому что, состоя из незрелых юношей и недоучившихся студентов, она не имела определенных политических взглядов, и

вся программа ее сводилась к огульному отрицанию всего прошлого России и заслуг ее прошлых деятелей на пользу общества и народа, а в настоящем — на полное уничтожение всякого государственного и общественного строя...»³¹³.

В Женеве беспристрастный наблюдатель не мог бы отыскать между ними идейную преемственную связь, «пришел бы в недоумение от того хаоса мнений и противоречий, того непримиримого нравственного разлада, какие разделяли этих представителей протеста»³¹⁴. Молодая эмиграция 1880-х гг., ни в грош не ставившая своих предшественников, сильно нуждалась в средствах, была «не способна ни к какому труду», к систематической работе вообще, еще того менее, к выяснению политических и общественных задач времени, «сильная только в своем отрицании всего существующего». Впоследствии эта группа молодых революционеров-эмигрантов вступила в Интернационал, «усвоила учение социализма и стала ближе всего сходиться с Бакуниным и его проповедью анархизма»³¹⁵.

Судьба многих российских революционеров, не перенесших «краха своего дела» в 1880-е гг. завершалась в клинике известного врача-психиатра В.Маньяна во Франции, в которой находили приют многие политические эмигранты. Причина крылась в одном: «Жить идеями, полюбить эти идеи и в то же время не иметь возможности ни осуществлять их вне, ни поддерживать внутренний процесс их развития превратилась в великую пытку для нетерпеливых»³¹⁶.

Разрушительность идей и действий, а не созидательный труд — идеал российской интеллигенции. «Ну, предположим, я попробую открыть школу, заведу образцовую ферму, артельное хозяйство, а вместе с тем заступлюсь вот за такого-то из наших крестьян, волостного судью, которого недавно выпороли в угоду помещику Свечину. Дадут ли мне возможность продолжить?» — размышлял Кропоткин, получивший в наследство тамбовское село Петровское-Кропоткино³¹⁷. Каждодневный труд на благо конкретных людей не по плечу устремленным в революцию; земская служба, помощь бедным крестьянам и священникам слишком мелкое занятие; чтение лекций «баррикадно-революционного характера», призывы крестьян к бунту и походу на Москву для революционеров ближе, чем судьба скромного земского служащего, оказывающего конкретную помощь крестьянам родного села. «Все или ничего» — такова позиция российской революционно настроенной интеллигенции.

Социалистические идеи носились в воздухе. «Цвет России», «лучшие люди из русской интеллигенции» — так именовались раз-

рушители, ушедшие в революцию. Те, кто должен был быть носителем духовных ценностей, ее охранителем, стал ее разрушителем. Налицо явился перелом в общественном сознании людей неглубокой внутренней культуры, с определенным складом мышления, базировавшемся на самоутверждении через разрушение. Сознание творило судьбу: «Судьба диктуется не только обстоятельствами, как мы часто думаем, а образовавшимися смысловыми структурами сознания» (С.Н.Братусь)³¹⁸, когда «само идеологическое настроение общества может создать террор» (Солженицын). Конечная цель революции, этой своеобразной социальной игры — власть. Человек выпадал из этой игры. Массы — вот ее движущая сила, орудие и, одновременно, жертва. Интеллигенция никогда не выражала интересов большинства, потому ей нужен бунт — «раскачивание лодки» — для достижения поставленной цели. Радикальная интеллигенция всегда находила слова для самооправдания: «Случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила любовь к истине... без должной культуры и духовности возникает ложная идеология — на лжи можно построить самые смелые революции»³¹⁹.

П.Ткачев писал Ф.Энгельсу: «Он [русский народ] в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного землевладения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции»³²⁰. Кропоткин полагал, что «сами по себе внешние условия, в которых происходит формирование мировоззрения, как бы благополучно они ни складывались для возбуждения вольнолюбия и протеста, еще не в состоянии объяснить переход на революционные позиции. Это объяснение надо искать в сложном взаимодействии внутреннего мира личности с окружающей средой, и, прежде всего с людьми»³²¹. Не менее страстный революционер Г.В.Плеханов признавал, что «интеллигенция играла в наших революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, проведения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону»³²².

Создавая ячейки будущего нового общественного строя (кооперативные общества, коммуны, артели, товарищества), отдельные радикалы не гнушались и уголовными методами борьбы с государственным порядком. Ум интеллигента, постоянно охваченный демagogией, не позволял отличить представление от реальности.

Нормальное общество возникает из определенного исторического процесса. Либеральная земская интеллигенция объединилась с интеллигенцией социалистического толка, выступавшей

против власти. Ненависть развивалась спорадически — к крепостному праву, самодержавию и, наконец, к власти, как таковой. С получением политических свобод борьба только обострилась. Российская интеллигенция вступила в XX в. с ощущением неизбежности революции.

В парижской эмиграции, в период тяжелых раздумий И. Шмелев писал: «Российская интеллигенция роковым образом не смогла создать крепкого национального ядра, к которому бы тянулось самое сильное, самое яркое по талантам»³²³. Свои итоги социальных потрясений 1917-го подвел и Гриневецкий: «различные политические группы революционной интеллигенции, если и конкурировали между собой, то отнюдь не в прояснении сознания народа, а в утверждении заявленных прав и демагогических призывах»³²⁴.

Логический конец произошедшего был предопределен, «увлеченные демагогией массы, не встречая реального сопротивления, а лишь словесные призывы вождей и руководителей, должны были смести со своего пути, сознавшие, хотя и поздно, свою ответственность группы революционной демократии, что и сделал октябрьский переворот», — заключал Гриневецкий³²⁵.

Я синим пламенем пройду в душе народа.
Я красным пламенем пройду по городам,
Устами каждого воскликну: я — «свобода!»
Но разный смысл для каждого придам.
И враг прочтет: «Пощады больше нет...»
Убийству я придам манящую красоту.
И в душу мстителя вопьется страстный бред.
Меч справедливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе. И он в руке слепца,
Сверкнет стремительный, как молния разящий —
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.

М. Волошин

Гражданская война, ленинская политика и красный террор довершили не только экономический, но и духовный распад общества. Поэт революционных катастроф и социальных потрясений прочувствовал трагедию русской революции.

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогадели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,

Распродали на улицах: не надо ли
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как пугало!

М. Волошин. Ноябрь 1917 г.

Тогда же, безвременно ушедший из жизни Гриневецкий писал, что «моральную ответственность перед народом будет нести вся революционная интеллигенция в целом...». Осознала ли она свою ответственность за гибель России? Вряд ли. Спасательный корабль с бывшими страстными проповедниками, посеянными сорными зернами утопий, чья безудержная демагогия имела трагические последствия для России, благополучно прибыл в Германию. Оставшимся в Совдепии повезло меньше.

В числе многих проблем, ставших перед Россией с февраля 1917 г., самая сложная — «восстановить представления экономики в умах не только темных масс, но и более ответственных слоев населения»³²⁶. Отличительной чертой всех утопических учений является отсутствие экономической целесообразности. «На ходе всей революции Россия должна убедиться, что социальный регресс также неосуществим, как механический»³²⁷, а социализм — не экономическая категория. Лишь подтвержденное практикой теоретическое учение имеет право на жизнь. Без переориентации общественного мнения здесь не справиться: «Отныне... идеология, строившая воздушные замки социального благополучия, должна быть изжита. Малы и даже отрицательны социалистические достижения социальной революции»³²⁸. Реальная власть в феврале 1917 г. оказалась в руках интеллигенции, сумевшей социалистическими и политическими экспериментами разрушить экономику страны за восемь месяцев правления, что убедительно показал Гриневецкий. Упование на систему кооперации как на некую социальную, политическую и экономическую силу — один из видов утопии.

«Россия по-прежнему больна, «болезни» российского общества коренятся в общественном сознании — в традициях, привычках, верованиях и стереотипах, в ценностных ориентациях, предпочтениях и ожиданиях, в настроениях, бытовых «мнениях» и научных знаниях, а также в преднамеренных действиях или неопределенных ошибках политических деятелей, также вытекавших из предыдущего опыта, привычек и традиций»³²⁹.

Россия обольстилась левизной. «Ходить налево» в народе означает — ходить не туда, куда надо. «Левый» — понятие меньшинства. «Левша» Лескова — злоумышленник, подковавший блоху,

т. е. сломавший изощренным способом сложное творение мастеров — механическую игрушку. Отсюда: «правый» — от слова «правда» (большинство), левизна — тип цивилизации, навязываемый большинству.

«Болезнь левизны» все еще владеет российским обществом. Общество не изменится, если изменения не подготовлены экономически, культурно, психологически. Выход из дестабилизации — в меру сил и возможности создавать условия к поступательному и цивилизованному развитию страны. «Полуденный зной проходит, и наступает вечер и ночь, а там и возвращение в тихое убежище, где сладко спится измученным и усталым» (И.С.Тургенев. «Отцы и дети»).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первый Всероссийский кооперативный съезд

«Кооперация является одной из ветвей общественного движения, подготовляющих социалистический строй... сущность кооперации — борьба с торговым, промышленным и финансовым капиталом и постепенное обобществление самых разнообразных отраслей народного хозяйства.

Творчество жизни и эволюционный характер ее изменения — вот сущность кооперации, берущей новые позиции лишь тогда, когда почва для завоевания действительно готова».

А. Меркулов

«Обладает ли кооперативное дело правом политических действий? Да, несомненно, обладает. Никогда политическая кооперация не отворачивалась от подобных выступлений, ибо она только ветвь общего движения трудящихся за свое освобождение».

Из передовой «Союза потребителей» 1917 г.

Приняв и поддержав Февральскую революцию, российские кооператоры ринулись в водоворот политических баталий. Свообразие политической культуры кооперации заключалось в том, что, не допуская «непрерывного участия в политической жизни», — возведения «нового государственного здания...», непосредственный надзор за справедливым выполнением этой задачи» кооперация вверяла эту деятельность «особым уполномоченным — социалистическим

партиям». Предполагая «систематический, планомерный ряд выступлений», кооперация оставляла за собой право идти «особым путем, вне зависимости, вне связи с движением социалистических сил»³³⁰. В результате — политический эклектизм, который еще более запутывал и без того непростую политическую ситуацию.

«Цель политической деятельности» — «железной метлой» выбросить все, что «отравляет жизнь страны, что мешает народному делу». Остается лишь «строго определить» все «разумные приемы».

Мнения о «политической нейтральности», «беспартийности и внеклассовости» утонули в общем хоре революционного радикализма, немногочисленные оппоненты, призывавшие ставить «вопросы широко», отзываться на все требования современности остались не услышанными. Кооперация «должна идти в духе той политики, которую пролетариат ведет в настоящее время». Не предвидя «внезапного наступления социализма, теперь, когда социализм уже наступил.., социалистическому русскому народу, нужна, безусловно, скорая и безотлагательная помощь»: «научить народ... грамоте», и в этом — «одна из первостепенных культурно-просветительных задач кооперации»³³¹.

Кооперация «в вихре» революционных выступлений всегда мгновенно реагировала на политические события времени, «отставая в вопросах кооперативного строительства» (В.В.Хижняков). Эти явления как нигде ярко прослеживались в программах Всероссийских кооперативных съездов.

20 марта 1917 г. Временное правительство приняло «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», а также «Постановление о съездах представителей кооперативных учреждений». Основная и важнейшая черта законодательного мартовского акта заключалась в том, что этим законом взамен разрешительной системы была введена явочная система создания всех видов кооперативных организаций (ст. 4). Это было одно из важнейших приобретений кооперации периода Февральской революции.

Принятие этих законодательных актов позволило кооператорам провести в Москве 25–27 марта 1917 г. Всероссийский кооперативный съезд. Устроители Съезда признавали, что кооперации, игравшей ранее решающую роль в «деле устройства народного хозяйства», предстояло сыграть в «истории Великой русской революции крупную политическую роль как в смысле политического просвещения массы населения, так и в смысле его практической подготовки к новым демократическим формам политической и общественной жизни». Задача Всероссийского кооперативного съезда заключалась в «конкретизации лозунгов Учредительного

собраний и демократической республики, в необходимости дать местным работникам-кооператорам некоторые общие директивы, которые облегчили бы им политические выступления и организационную работу». И это не было просто политической декларацией. Кооператоры признавали свое «организованное участие в... строительстве новых форм жизни и новых экономических отношений»³³².

Программа съезда принята Центральным Кооперативным Комитетом (образован летом 1915 г., ликвидирован распоряжением правительства, вновь создан 28 февраля 1917 г.):

1. Доклад президиума о деятельности ЦКК;
2. Организация Всероссийского Кооперативного Союза (Докладчик В.И.Анисимов);
3. Задачи кооперативных организаций в деле обновления страны. (Об отношении к Временному правительству, к войне, к Учредительному собранию, к организации местного самоуправления). (Докладчики С.Н.Прокопович, В.А.Кильчевский, Э.Л.Гуревич, Н.В.Малолетенков);
4. Участие кооперации в продовольственном деле. (Докладчики А.М.Беркенгейм, В.В.Хижняков и др.);
5. Развитие производительных сил и кооперации. (Докладчики В.Н.Зельгейм, С.Л.Маслов, П.Н.Колокольников);
6. Текущие дела.

На съезд были приглашены представители всех союзов, объединений, комитетов (по два делегата с правом решающего голоса и не более двух — с правом совещательного).

ЦКК в дни предстоящего съезда принял ряд программных обращений к кооператорам России — «К кооператорам России», «К кооперативным организациям», «Товарищи кооператоры».

Съезд принял резолюции по докладам Анисимова, Костина, Хижнякова: о создании Всероссийского кооперативного центра; Положение о Съездах представителей кооперативных учреждений, Совета ВКС (Всероссийских Кооперативных Съездов); одобрил деятельность ЦКК.

Была принята резолюция по докладу Зельгейма — об участии кооперации в вопросе разрешения продовольственного кризиса: заготовки, распределения, закреплении за кооперативными союзами или демократическим земствами заявок и прав на эксплуатацию естественных богатств земельных и природных ресурсов находящихся в районах их действия.

По докладу Кусковой была принята общеполитическая резолюция: о подготовке организованных сил «внепартийной орга-

низации кооперативов» к участию в Учредительном собрании, о немедленном создании в городах и сельских населенных пунктах центров распространения агитационной литературы, об устройстве митингов, подготовке ораторов, выработке приемов агитации и организации демократических структур наряду с партийными организациями и союзами рабочих и крестьян, о стремлении к единству политических и социальных выступлений демократических объединений в Учредительном собрании в борьбе за полную демократизацию всего политического и социального строя, о создании политических органов печати и издательств по социально-политическим выступлениям в целях просвещения и пропаганды, о внедрении кооператоров в самую гущу населения (чтобы «зорко следить за проявлением контрреволюции»), о побуждении центральных кооперативных учреждений на местах к активному вмешательству в дело подготовки народных масс к Учредительному собранию, к собранию культурных и литературных сил к созданию политической литературы, и политической агитации на местах³³³.

По докладу Кильчевского было одобрено решение о всемерной поддержке Совета крестьянских депутатов.

Одобрил Съезд и требование о принятии решительных мер против объединений промышленников, об образовании Министерства труда, опиравшегося в своей деятельности на рабочие организации и рабочих при их помощи.

Съезд выказал всемерную поддержку Временному правительству, приветствовал работу представителей кооперации в правительственных органах: Керенского, Зельгейма, Анисимова, Коробова, Кулыжного.

Принята была резолюция и о содействии кооперативным организациям всеми доступными средствами, в том числе за счет оформления населения в партии и профсоюзы. В целях укрепления «нового политического строя» кооператоры призывали к немедленной реформе земского самоуправления путем принятия декрета Временного правительства.

Кооперативный съезд собрал на свой форум представителей различных политических партий и политических течений. Участников Съезда приветствовал старейший революционер Н.В.Чайковский (в «последние годы ставший кооператором»), а также Е.К.Брешко-Брешковская («с глубокой верой в скорое осуществление идеалов»).

Российская кооперация, как общественное движение, определила свое направление: «вся кооперативная работа целиком проходит в круге общей борьбы труда за социализм»³³⁴. Кооперативы

(ячейки) — содружество всех партий, «внепартийная» кооперация, не будучи членом какой-либо определенной партии, вступала со своей политической программой.

Заявление Туган-Барановского о том, что «социализация земли, как и социализация фабрик, вопрос будущего», «хотя и справедливое по существу», было «не в тоне общего направления съезда»: «Всем хотелось получить что-то сейчас, сию минуту. Нужно было нечто конкретное, возникающее в данный момент».

Приветствуемая и поддержанная кооперативной верхушкой Февральская революция рассматривалась как плацдарм для осуществления политической программы — социализации общественных отношений.

Выступление «вождя кооперативного движения» Зельгейма, прозвучало с позиции государственного подхода, как призыв, как надежда под «широкими парусами демократии» приплыть «к берегам обетованной земли».

1917 год и чрезвычайные съезды российских кооператоров

В сентябре 1917 г. кооператоры созвали в Москве Чрезвычайный съезд (в обстановке «хозяйственного разорения»), на который были приглашены 120 делегатов. Правительство, «призванное осуществлять неотложные задачи органического строительства страны», по словам Прокоповича, оказалось неспособным решить эти задачи. Ответственность за происходящие события кооператоры возлагали на себя, однако на первый план на съезде были выдвинуты политические вопросы: «Никто не может сейчас... уклониться от ответа за то, что делала революционная демократия целых шесть месяцев. Никто. В том числе и кооператоры» (Ек. Кускова).

Участники съезда дали оценку политической и экономической ситуации в стране. Содержание докладов носило явно политический характер. М.П.Авсаркисов в докладе «Национальное правительство и оздоровление экономической жизни» осветил крушение финансовой системы. Товарищ министра продовольствия А.А.Анисимов высказался по поводу продовольственной программы — по вопросу хлебной монополии, о законе, гарантирующем организованное принуждение по сдаче крестьянами хлеба — «целое революционное законодательство». «Политический момент, демократическое совещание и кооперация», — тема выступления

А.М.Беркенгейма. «Участие кооператоров в избирательной кампании в Учредительном собрании и политическая организация кооперация», — на этом сосредоточил свое внимание Чайнов.

Меркулов в своем выступлении отметил, что кооператоры ставят задачу укрепления народовластия, не отступая от принципа партийного нейтралитета.

Ораторы настаивали на созыве Демократического совещания и формировании коалиционного правительства. «Внепартийная организация», как именовали себя кооператоры, открыто становилась на платформу политической борьбы за власть. Прокопович — председатель Совета ВКС, и, одновременно представитель власти (министр продовольствия и торговли), — «признался» в бессилии правительства, «соорганизованного исключительно из социалистических элементов». Вывод гласил: «Нас может спасти только организация твердой власти, которой доверяют все классы».

Основной вопрос съезда: выработка единой программы, единение сил, участие в выборах в Учредительное собрание. Причина чрезвычайного форума — критическое положение Временного правительства, экономическая и политическая обстановка, положение на фронте.

Выступления всех делегатов (Хинчук, Чайковский, Скобелев, Егоров и др.) были пропитаны политикой. «Я — на кооперативном съезде, но я не слышу слова — кооперация. Политика и только политика», — так обрисовал обстановку съезда В.Г.Чертков³³⁵.

Екатерина Кускова обозначила ситуацию более четко: «Быть России в Коммунии или в коалиции». Смысл ее выступления — «борьба с Советами», вырождающимися в коммуны, над которыми «зидется германский штык, так что не разберешь, где кончается уже русский коммунист, и где начинается немецкий шпион»³³⁶. Сельские кооператоры, поддержав мнение Кусковой, потребовали оградить их от воздействия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и всяческих местных революционных организаций, которые мешают наладить какой-либо порядок.

Угроза, вызванная победой большевиков в Советах, остро поставила вопрос об упразднении последних и о создании коалиционного правительства. На политической арене в результате дискуссий на съезде определились две силы, два лагеря: сторонники коалиционного правительства и противники — представители рабочей коалиции во главе с Капцаном и Егоровым. Вопрос об упразднении Советов вызвал острые разногласия. Левая часть утверждала, что большевизм содержит в себе государственно-разумное

здоровое ядро. Капцан выразил протест против предложения об упразднении Советов, поддержав программу Чхеидзе — правительство без кадетов³³⁷.

Заключительный день съезда не принес примирения двум враждующим лагерям. Большевистские элементы кооперации во главе с Капцаном «дали генеральное сражение» тем, кто стоял на позиции коалиции, требуя права самостоятельного политического выступления на Демократическом совещании. Еще один участник съезда, Махновец, резко осудил «реакционное выступление» представителей рабочей коалиции (30 делегатов).

Представители провинции отмечали, что крестьяне в провинции устали от политики, не верят ни правительству, ни Советам, гонят агитаторов, сжигают урны для голосования в земствах. Делегат от Сызрани представил несколько пунктов требований своих избирателей: твердая власть, борьба с хозяйственной разрухой, прекращение бесхозяйственных выступлений, поднятие производительности труда («напряжение»), ответственность, планомерное распределение между городом и деревней, распределение цен на хлеб и товары, недопустимость диктатуры, введение порядка на фабриках и заводах, ограждение от произвола фабрично-заводских профсоюзов, порядок в деревне, освобождение от опеки Советов. Огласив наказ, делегат резко осудил Советы и политические партии: «Мне было приятно слышать, как социалист Скобелев сказал, что он готов поклониться в ножки буржуазии. Скобелев понимает, что с одним социализмом далеко не уедешь. Мы кооператоры, все социалисты, но мы не желаем как овцы, идти за партиями, когда они ведут нас в пропасть».

Делегат Беркенгейм выразил свое мнение о коалиционном союзе: «Буржуазия все равно придет к господству, — в этом исторический смысл революции... На Демократическое совещание, мы кооператоры, пойдем с тем, чтобы звать к коалиции и с буржуазией, и со всеми живыми силами страны сверху донизу».

За поддержку коалиции высказались теоретики кооперативного движения Макаров, Чайнов и Евдокимов, который выдвинул идею национальной демократии — организации на местах новой силы: «Идея национальной демократии, несколько не противоречит идее интернационала... правильное применение этой идеи в жизнь — вот в чем наша обязанность». С.Н.Прокопович просил делегатов ответить на вопрос — как мыслят кооператоры организацию власти? Критикуя власть, кооператоры призывали, однако, подчиняться власти, иначе никакая коалиция будет не действительна. «Равнодушно и не сочувственно» комментируя происходя-

щее, говорил о недопустимости внесения в кооперацию политики раздора В.Г.Чертков.

Съезду предстояло ответить на вопрос — «Идти ли кооперации на Демократическое совещание?». Доклад С.О.Блаванаква (Оренбургско-Туркестанский союз) об участии в Демократическом совещании нашел поддержку на местах:

«Кооперация стремится, главным образом, к организации хозяйственной жизни народа, организации народных сил и средств коллективного производства и потребления. Кооперация, тем самым, подготавливает путь к социалистическому строю».

Выступали как противники, так и сторонники участия кооперации в политике:

«Социалистические хозяйства кооперации представляют себя в виде непрерывной сети трудовых кооперативных организаций, взаимно друг друга дополняющих в производстве и потреблении.

Нашими посланниками в Учредительное собрание будут только социалистически мыслящие люди, ибо кооперация по существу своему и по идеологии социалистична. Поэтому программа и политические требования по всем вопросам существенного и экономического строительства государства не могут различаться от соответственно общих программных требований социалистических партий.

Объединяя лиц с различными оттенками социалистической мысли и, тем самым, являясь социалистически партийной организацией, кооперация выставляет на своем знамени все те принципы, которые являются общими для всех оттенков социалистических мыслей.

...Если кооперация вступит на путь политической деятельности, это, прежде всего, грозит тем, что в ее составе появится несколько партийных групп, которые своими взаимными раздорами уничтожат основной смысл кооперации — начала объединения.

Кроме того, сама кооперация представляет такую огромную силу, что всякой партии захочется привлечь эту силу на свою сторону. И вокруг нее, и внутри нее разгорится страстная, грозящая самыми губительными последствиями борьба. Наконец, этот вопрос столь важен, что его в спешном порядке, путем стремительного обсуждения на съезде, нельзя решить. Нужно, прежде всего, определить отношение к... провинции и дать ей время и возможность для спокойного, исчерпывающего уяснения новой области деятельности».

Съезд избрал делегацию, выработал наказ делегатам Учредительного собрания. Наказ принят от 50 тысяч местных ячеек, более 700 союзных объединений.

Сущность его — образование коалиционного «временного блока кооперативных организаций с социалистическими партиями, стоящими на государственной точке зрения, и теми несоциалистическими группами и партиями, которые стремились к закреплению завоеваний революции и социальных реформ» — выразила политическую позицию кооператоров.

Программа, выработанная съездом делегатам Учредительного собрания, сводилась к пяти пунктам:

1. Необходимо, чтобы все народные сбережения, накопленные в настоящее время в государственных кассах, были пущены в оборот исключительно для поднятия духовного и материального благосостояния трудового народа.

2. Необходимо для усиления состава и средств кооперативных организаций поднять кооперативную мысль и сознание населения, чтобы во всех низших и средних учебных заведениях было введено обязательное преподавание теории и практики кооперации; для подготовки специалистов — работников кооперации необходимо открыть специальные курсы и кафедры при соответствующих высших заведениях.

3. Добиваться условий, обязательных для создания и развития кооперации в сельском хозяйстве, как в области производства, так и в области пользования землей, для чего при разработке аграрной программы необходимо:

а) категорически добиваться уничтожения того порядка землепользования и землевладения, который до сих пор создавал экономические противоречия в нашем сельском хозяйстве и тем препятствовал поднятию уровня трудового сельского хозяйства;

б) необходимо принять все меры к сохранению мелких трудовых земельных хозяйств, предоставляющих им возможность районного самоопределения;

в) на запасных и коалиционных фондовых землях необходимо образовать такой порядок землепользования, при котором безземельное трудовое население было бы обеспечено землей на кооперативных началах, но без нарушения принципа добровольности участия в той или иной кооперативной земельной организации, без прикрепления личности к земле и без обесценения средств сельскохозяйственного производства путем организации порядка пользования землей.

4. Для соединения всех государственных мероприятий, направленных к развитию и укреплению кооперативной мысли и строительства необходимо добиваться учреждения центрального государственного органа по вопросу о кооперации.

5. В интересах успешного устройства и устойчивости народного трудового хозяйства необходимо открытие таможенных дверей для всех предметов сельскохозяйственного производства и продуктов массового потребления в стране.

Приложение 1. Из выступления А.В.Меркулова на II съезде кооператоров

«Отметив во вступительной части своей речи выступление кооперации на путь активной политической борьбы, А.В.Меркулов спрашивал: «Не грозит ли этот новый путь серьезной опасностью?» и отвечал: «Кооперация обязана вступить на этот путь. Это — логическое завершение того пути, по которому кооперация шла ранее. Конечно, кооперация нейтральна, кооперация не должна преследовать какие-либо лозунги, не должна играть в распыление. Она объединяет всех граждан, без различия партий. Но, при всей внепартийности, наша кооперация никогда не была аполитична. Она выставила общие демократические требования, в которых кооперация наталкивалась на все декреты самодержавного строя. Много гонений испытала кооперация. Началось с лекций, курсов. Администрация высылала кооперативных деятелей. Самодержавие видело одного из своих врагов в нашем движении. В наших брошюрах проводилась мысль, что кооператоры должны быть гражданами, велась борьба со старым строем и подготовка нового строя. Но до последнего момента, верная принципу партийной нейтральности, кооперация не вмешивалась активно в борьбу политических партий, не стремилась оказать влияние на власть. Когда над новым зданием Московского Союза Потребительных Обществ взвился красный флаг, то это было знамя Российской республики. Оно было лозунгом кооперации. Когда свершился великий переворот, кооперация поставила первой своей задачей укрепление того порядка, который был завоеван, укрепление народовластия. Припомним решения кооперации, принимавшей участие в укреплении народовластия, — издание брошюр, работу инструкторов, издание специальной политической литературы. И все-таки, в общем и целом, кооперация не отступила от своего принципа партийного нейтралитета. Мы не уклонялись от политической работы. Только в последнее время мы уклонились — и сознательно — от вмешательства в политическую борьбу политических сил. Теперь же кооперация не может не вмешаться. Россия гибнет. Она не на краю гибели, но катится в

бездну. Небывалая хозяйственная разруха, лежат в развалинах целые производства, упала производительность земли, рубль упал и недалеко то время, когда он станет пятаком. Где весна русской свободы? Где солнце свободы?! Давно загородилось оно тучами, осенней слякотью и, к сожалению, грязью...

Чем занимается теперешнее временное правительство? — В течение полугода оно занималось формированием кабинета. Это — единственная работа. За мечтами и хлопотами о создании кабинета у правительства не осталось времени, чтобы укрепить порядок в стране, сохранить за Россией место в ряду великих держав мира. Уже всерьез поднимается речь о расчленении России, и не знаем мы — не подходит ли Россия к последним дням существования как великая держава. Быть может, мы очень скоро лишимся Балтийского побережья, Финляндии, Петрограда, лишимся побережья Черного моря, Тихого океана. Быть может, останутся на месте Симбирск, Волга, Западная Сибирь, но России не будет. Зловещие тени легли над Русской землей. Быть может, в тот самый час, когда кооператоры сидят в этой аудитории на своем съезде, как-то уже принимаются роковые для страны решения. Недалеко, может быть, то время, когда имя «русский» будет синонимом раба, и раба такого, который отвергнул свободу и добровольно надел на себя ярмо. Не может быть иного отношения, когда полки германского императора рвут наш фронт, как паутину в любом выбранном ими месте...

Мы переживаем момент, какого не было и никогда не будет. Это обстоятельство заставляет нас стать *политической силой*. У нас существуют политические партии, совет рабочих и солдатских депутатов, — отражают ли они волю страны? Думаете ли вы, что социалисты отражают волю народа? Люди не делаются социалистами в несколько дней. Я думаю, всем нам достаточно ясно, что советы отнюдь не отражают волю, настроений и желаний народных масс, что эти политические организации скользят лишь по поверхности, не затрагивая глубоко миллионов. Это — игра десятков, сотен, может быть, тысяч лиц, — и только. И так вершится судьба России. Кооперация, которою охватывается приблизительно одна пятая всех имеющих право участия в выборах в Учредительное Собрание, с этим помириться не может, не должна. Мы должны принять участие в активной политической борьбе. Кооператорам, как людям дела, настоятельно необходимо стать тепер же политической силой и приблизиться к власти. Пред нами опасность партийного раскола, который нанес бы ущерб кооперации. Поэтому мы должны очень осторожно выби-

рять содержание наших политических выступлений. Мы вводим общие демократические требования, которые связаны с вопросом спасения страны. Оборона России, спасение от разрухи или от позорного мира, усиление боеспособности армии, защита права, продовольственный вопрос — вопросы, в которых кооперация не может не принять участия. Спасение родины — кооперативная платформа. Ближайший вопрос — о конструкции власти. Чтобы власть была твердой, она должна быть признана всеми кругами страны. Правительство должно быть коалиционным. Своими силами демократия спасти Россию от гибели не может. У нашей демократии нет до сих пор ни технического, ни организационного опыта. К власти должны быть призваны все слои населения. И только тогда, когда мы привлечем к власти все кооперативное население, разделяющее указанную платформу, тогда мы можем быть уверены в завтрашнем дне. Должен быть найден честный компромисс, укрепляющий чрезмерные партийные требования. Об этом мы должны заявить твердо. Требование коалиционного правительства вполне соответствует природе кооперации. Междуклассовое и внепартийное кооперативное движение должно выступить с требованием коалиции...

Выборы в Учредительное Собрание могут оказаться в противоречии со всей Русской землей. Это — страшная опасность. Необходимо, чтобы выборы в Учредительное Собрание отражали подлинный голос страны...

В дни тяжелого кризиса, когда вся Россия стоит перед гибелью, кооператоры должны возвысить свой голос в защиту коалиционного правительства. Иначе будущие поколения спросят нас: «Где были вы, когда Россия катилась в бездну?» Пусть же никто никогда не скажет, что кооперация была «в бегах», когда измученная Россия, дорогая Россия переживала свои, быть может, последние дни»³³⁸.

Приложение 2. А.В.Меркулов. Пределы политических выступлений кооперации

«Именно в силу политической неоформленности всего населения, кооперация выступает на политическую арену. Это выступление — вынужденное. Политические партии очень слабо еще собрали в себя народные массы. А т.к. на счету теперь в критические минуты русской государственности любая организованная сила, то кооперация не может оказываться «в нетях»...

Следует думать, что кооперация, оставаясь внепартийной, но, будучи связана с миллионами граждан подлинными связями хозяйственно-общественных взаимоотношений, действительно отражает собой общедемократические требования и настроения.

При этом можно только пожалеть плечами, когда встречаешь в «Социал-демократе» возражения против того, что... политически бесформенной кооперации представлено на совещании 150 мест. Неужели в данном случае можно серьезно говорить, что советы, например, крестьянских депутатов в большей степени отражают настроение масс, чем широко разветвленная и давно централизованная система?..

Кооперация выступает потому, что в стране нет развитой политической жизни. Ее и не может быть. Долгие годы нужны, чтобы масса могла фактически усвоить и переварить новые политические формы. В нормальное время этот долгий интерес усвоения не грозит особенностями стране. Теперь — иное дело. Кооперация должна оставаться на весах политической жизни вплоть до той поры, пока не будет разрешена основная задача, ею поставленная: во-первых, спасение страны от разгрома или безмерно тяжелого мира, и, во-вторых, восстановление более или менее нормального гражданского правопорядка в стране.

Как только политическая жизнь выльется в сколько-нибудь нормальные рамки, только фактически создадутся постоянные, прочные и сильные политические организации — кооперация отойдет от чуждой ей сферы политических влияний. Но пока на карту поставлено все будущее России — сделать это она не вправе.

Может возникнуть вопрос: идет ли речь о создании особой кооперативной партии? Именно нет. Против этого необходимо высказаться самым категорическим образом.

Но, во всяком случае, в безумную схватку политических страстей Петрограда кооперация обязана внести отрезвляющее и веское слово»³³⁹.

Приложение 3. Речь А.В.Чаянова на Чрезвычайном всероссийском кооперативном съезде 11 сентября 1917 г. (Вечернее заседание)

«Всякой революции сопутствуют три неизбежных фактора: революционная фразеология, революционный фетишизм и революционный жулел. Нас здесь все время стараются запугать словами «Корнилов» и «контрреволюция», однако, расследование

корниловской истории еще не закончено, и никто не знает действительной правды о ней.

Одно, несомненно: кадеты действительно скомпрометировали себя, но это не может служить причиной для отвода их при образовании правительства.

Большевистские газеты утверждают, что к корниловщине причастны социал-революционеры. Однако если бы это подтвердилось, никому, разумеется, не пришло бы в голову лишить с.р. права на участие в политической жизни.

На мой взгляд, бунт бывшего главнокомандующего не имеет серьезной подкладки, иначе с ним было бы не легко справиться. Корниловщину победила не демократия, но психология, ибо за Корниловым не стояло никакой социальной силы, за ним шла только обманутая демократия, которая остановилась, как только для нас стало ясно, что она обманута, что ее ведут для борьбы с революционным правительством.

Если бы в Петрограде действительно царили большевики, я не сомневаюсь, что войска генерала Корнилова дошли бы до Петрограда. Меньшевики не представляют социальной силы, ибо они не выполнили основной задачи, взятой на себя, не сумели организовать демократию. За меньшевиками — не демократическая армия, но демократическая толпа.

Ехать ли нам на совещание? Ответственность перед историей обязует нас поехать, но мы должны это сделать в форме посылки в Петроград делегации от съезда с определенным наказом. Наказ, по моему мнению, должен быть следующий.

1. Демократическое совещание должно быть частным.

2. Никаких голосований на нем не должно производиться, так как не выяснен принцип представительства, не установлены пределы его компетенции.

3. Должна быть создана в России коалиционная власть из лиц, приверженность которых к демократической республике для нас несомненна.

4. Правительство должно быть поставлено в обстановку, где возможна спокойная работа, а для этого должно быть изъято из Петрограда.

5. Ни один класс не должен давить на правительство, поэтому организация «красной гвардии» излишняя, ибо, когда мобилизовано все способное носить оружие население, охрана достижений революции гарантируется в достаточной степени.

6. Политической платформой нашей является декларация наша, изложенная на государственном совещании.

7. Правительство ответственно только перед Учредительным собранием»³⁴⁰.

Приложение 4. Речь А.В.Чаянова на Чрезвычайном всероссийском кооперативном съезде 13 сентября 1917 г. (Утреннее заседание)

«Чтобы определить роль кооперации на выборах в Учредительное собрание, необходимо сделать хотя бы поверхностный анализ социальных сил, участвующих теперь в государственном строительстве России. Тут, прежде всего, нужно отметить чрезвычайную неорганизованность демократии, которая, едва свергнувши самодержавие, разумеется, не могла разом встать на путь действительной гражданской и общественной деятельности.

Обычно политическая жизнь протекает внутри партий. В России партии представляют собой совершенно недисциплинированные толпы, возглавляемые вожаками из среды интеллигенции. Толпы, которые остаются оторванными от своих последователей и не могут потому быть устойчивыми в своих взглядах. Это вынуждает кооперацию, являющуюся хорошо организованной общественной силой, выступить на арену политической деятельности.

Жутко представить себе, что будет происходить в деревне во время предвыборной кампании. Появится огромное количество всяких партийных списков, и пойдет еще больший раздор, нежели сейчас. Кооперация должна избавить деревню от этого ужаса и с этой целью должна попытаться, прежде всего, образовать в центре блок руководящих органов всех влиятельных партий.

Однако такой блок, при наличии большого количества отенков в среде руководящих органов социалистических партий, навряд ли удастся осуществить. Больше шансов на успех имеют такие же блоки, но только местных партийных органов. Можно также кооперации блокироваться с различными революционными организациями и, в первую голову, с советами крестьянских депутатов³⁴¹. Таковы те возможности, которые намечаются для кооперации, когда она пойдет на выборы. Имеется еще четвертая возможность: возможность самостоятельных списков. Но это наименее приемлемая возможность, ибо в данный момент кооперацию нельзя признать в достаточной мере организованной политически»³⁴².

Приложение 5. Кооператоры на Демократическом Совещании.

Одновременно с проходившим в Москве вторым кооперативным съездом в Петрограде собралось Демократическое совещание, в выборах которого приняли участие кооператоры как самостоятельная и независимая общественная организация от имени 5 млн ее членов³⁴³.

Распределение мест по итогам голосования на Демократическом совещании следующее:

Всего мест — 1425

От органов самоуправления — 500

Кооператоры — 150

Советы — 300

Профсоюзы, фронт и тыловые части — 150

Цель созыва Демократического совещания — единение демократических сил. Екатерина Кускова, участница совещания, писала: «Победа демократии над всеми враждебными ей силами возможна лишь в одном случае — если идет она в единении... Второй день совещания показал, что этого единого фронта... у демократии пока нет»³⁴⁴.

От Совета крестьянских депутатов присутствовали: Керенский, Чернов, Авксентьев, Брешко-Брешковская, Маслов, Кондратьев, Чайковский, Пумпянский, Спиридонова и др., всего 38 человек³⁴⁵.

От Земских комитетов — Огановский и др., всего 7 человек, от Всероссийского кооперативного съезда — Чайковский, Беркенгейм, Сазонов, Чаянов, Меркулов, Костин, Анисимов, Смертин, Буханевич, Максимов (Слобожанин), Арсеньев, Милютин, Тутиев, Кускова, Иков, Бронштейн, Тисленко, Колесников, всего 18 человек. От народных социалистов — Хижняков, Чайковский, Анисимов, Пешехонов и др., всего 31 человек.

От фракции большевиков — Зиновьев, Ульянов-Ленин, Садовский; от группы земских представителей — 28, от еврейской народнической партии — 1, от украинского народа, латышей, литовцев, грузин и др. всего — 20, от городской Думы — Пешехонов. Представители кооперации разошлись по разным группировкам в силу политических пристрастий.

Кооператоры стояли на платформе, выработанной Чхеидзе — «Спасение — в единении всех сил демократии» со всеми «жизненными силами». Беркенгейм, представитель от кооперации, огласил резолюцию Чрезвычайного кооперативного съезда: «Власть должна быть свободна от всяких организаций и ответственна пе-

ред народом. Нужен временный блок кооператоров, ценовиков и социалистических партий». «Наша революция буржуазная... Мы идем к закреплению буржуазного строя... мы наиболее компетентные здесь люди, коалиция должна быть повсюду», — такова позиция кооператоров. Однако Демократическое совещание отвергло коалицию с буржуазией, в связи с чем кооператоры объявили, что считают данное совещание частным собранием, а себя «свободными» от принятых постановлений. Левые эсеры (Спиридонова) выступили против коалиции — «долой коалицию», власть народу; Советы (Мартов) были также против коалиции; большевики (Троцкий) — за вооружение рабочих и диктатуру революционной демократии; правые эсеры, меньшевики, национальные партии поддержали коалицию.

В выступлениях (20.IX) приняли участие представители партий: народные социалисты, объединенные социал-демократы, «интернационалисты», правые социал-демократы, а также представители национальных регионов России³⁴⁶. Итоги голосования: за коалицию — 766 (народные социалисты, торгово-промышленные служащие, кадеты), воздержались — 38, против — «интернационалисты».

Раскол на демократическом совещании проходил не только по политическим принципам, но и на уровне национальных амбиций. На притязание делегата фронтовых организаций Украинской рады о том, что Украине нужно «отдать все, вплоть до Таврической губернии», представитель Таврии ответил, что «прежде чем отрезать Таврическую губернию к Украине, надо спросить тавричан»³⁴⁷.

«Гражданская война», начавшаяся на Демократическом совещании, где «с нескрываемой ненавистью и ожесточением» противостояли два фланга — государственники-центристы и левые радикалы — длилась 6 дней.

Большевики «причисляли» кооператоров к ряду «простой слякоти». Церетели, из числа идеологов небуржуазного правительства, предлагал продемонстрировать единство «революционной демократии», т. е. социалистов. Однако идея потерпела крах. Итог совещания оказался, по сути, равен нулю.

Беркенгейм от имени кооператоров провозгласил: «Всеи численностью своей, всей хозяйственной мощью своей мы будем бороться с анархией и контрреволюцией справа и слева... Большевик чувствует это и зорко смотрит за центром». Центр и левая коалиция («хрупкий» Церетели и «фигляр революции» Троцкий) сошлись в непримиримой борьбе³⁴⁸.

Кооператоры держались на позиции коалиции — «За блок из всех политических течений, состоящих на государственной точке зрения, за Учредительное собрание, за формулу Церетели, предусматривающую Предпарламент» как Временный совет республики. Меркулов, активный участник политических дебатов, признавал единственно возможный путь для кооперации — «в качестве отечественной политической силы, принять участие в деятельном создании власти на здоровых началах». МСПО, выступавшее с критикой правительства, выразило протест «против фальсификации мнений трудовой кооперативной мысли России».

Демократическое совещание объявило о создании Предпарламента — Временного Совета Российской республики при Временном правительстве, который должен был функционировать до созыва Учредительного собрания.

Приложение 6. Наказ Всероссийского кооперативного съезда своей делегации на Демократическое совещание в Петрограде

Русская кооперация, объединяющая несколько десятков миллионов трудового населения России, организованная в 50 тысяч местных кооперативных ячеек, скрепленных более чем 700 союзными объединениями, и возглавленная своими центральными органами, в грозный час для государства нашего, подчиняясь велениям своей гражданской совести, долгом своим почитает возвысить свой голос для устройства государственной жизни нашей родины. Всероссийский Чрезвычайный кооперативный съезд, собравшийся для обсуждения предложения петроградских революционных центров принять участие в созыве в Петрограде демократического совещания, постановил:

Считая, что демократическое совещание является частным совещанием организованной демократией, что оно не может по своему составу быть выразителем воли подавляющего большинства народа, огромное значение для выражения всей силы мнения и желания организованной демократии, своим гражданским долгом полагает принять в нем участие.

Представительство кооперации на демократическом совещании должно быть организовано в виде особой делегации, избранной на всероссийском кооперативном съезде и руководящейся настоящим наказом.

Признавая неотложную необходимость создавать твердую государственную власть в центре и на местах, кооперация поручает своей делегации *образовать временный блок из кооперативных организаций в соединении с течениями социалистических партий, стоящими на государственной точке зрения, и теми несоциалистическими группами и партиями, которые стремились и стремятся к закреплению завоеваний революции и социальных реформ.*

Опираясь на указанный блок, должно быть организовано *национальное коалиционное правительство* с привлечением в его состав представителей различных социальных групп, *как революционно-демократических, так и буржуазных*, способных свои личные интересы и интересы своего класса подчинить интересам общегосударственным и лично незапятнанным в мятежных выступлениях против *революционного правительства с какой бы то ни было стороны.*

Правительство это должно быть свободной всякой зависимости от отдельных групп и организаций и ответственно только перед всем народом и Учредительным Собранием.

Ставя основным своим заданием устройство тяжело потрясенной хозяйственной жизни страны и укрепление всех, уже достигнутых революцией, завоеваний, правительство должно *руководиться в своей деятельности основными началами, провозглашенными в декларации демократических организаций, оглашенной на московском государственном совещании.*

Признавая, что в настоящее время русская армия есть вооруженный народ, стоящий на стороне своей свободы и республики, кооперация считает излишним и недопустимым создание всякой иной вооруженной силы, помимо государственной.

Кооперация почитает главнейшей и существеннейшей задачей русской демократической государственности активную оборону страны от временного нашествия, ведомого в единении с созданием передовыми демократиями мира. Этой борьбе мы отдаем все силы, продолжая войну вплоть до достижения мира на началах, объявленных русской революционной демократией.

Поручить своей делегации руководствоваться на демократическом совещании означенными пунктами, кооперация зовёт все живые организационные силы страны к единению, ибо только в этом единение сила и *спасение страны и революции*, и вместе с тем заявляет, что оно всем авторитетом своих многомиллионных масс, всею мощью своей организованности и присущей ей дисциплины и сплоченности, всей тяжестью своего экономического могущества будет всемерно бороться против всех элементов, стремящихся к гражданской войне, откуда бы они ни появлялись.

* * *

В течение 1917 г. кооператоры трижды собирались на кооперативные — чрезвычайные — съезды, которые носили явно политический характер, и тем самым в определенной степени отступали от рочдельских правил.

4 октября 1917 г. Совет ВСК по телеграфу собрал Чрезвычайный Всероссийский Кооперативный Съезд для решения вопроса об участии кооператоров как самостоятельной силы в выборах в Учредительное собрание. На съезде прозвучали доклады: «Кооперация на Демократическом совещании» (А.М.Беркенгейм), «Положение страны, выборы в Учредительное собрание и кооперация» (В.А.Анисимов), «Формы политических выступлений» (А.В.Чаянов). На съезде также выступили Хейсин, Хинчук, Кильчевский, Егоров, Махновец, Кускова, Зельгейм и др.³⁴⁹

Определились две полярные позиции: за участие кооперации как самостоятельной силы в выборах, и против, причем противники аргументировали свою точку зрения разнородностью воззрений кооператоров и их принадлежностью к различным партиям.

Несмотря на расхождение точек зрения, съезд постановил: «Всероссийский Кооперативный съезд, всесторонне обсудив вопрос об участии кооперации в выборах в Учредительное собрание, приглашает кооперативные организации принять самое деятельное участие в избирательной кампании.

Всеми силами стремится, чтобы в состав Учредительного собрания были введены представителями практические работники, знающие хозяйственные и бытовые условия русской жизни.

Всероссийский кооперативный съезд признает, что в грозный час надвинувшейся на Россию смертельной опасности от внешнего врага и внутренней разрухи в Учредительное собрание должны быть избраны преданные Российской республике и демократии люди, способные подчинить личные, групповые, классовые и партийные интересы неотложным нуждам защиты отечества на фронте и в тылу и закрепить завоевания революции...

Принимая участие в выборах в Учредительное собрание, кооперативные организации должны стремиться к объединению всех демократических течений, стоящих за энергичную и напряженную оборону страны и выборы, за водворение законности и порядка в стране силами самой государственно-мыслящей демократии и за недопустимость избрания в Учредительное собрание представителей пораженчества и анархизма».

Кооператоры стояли на точке зрения, что «в Учредительном собрании при заложении совершенно нового фундамента русского государства, должны сказать свое слово не только деятели политических партий, часто приносящие в жертву партийной догме личные знания, способность к индивидуальной работе, к смелому почину, но и общественные работники в других областях, хорошо знакомые с самыми разнообразными сторонами и особенностями хозяйственной и бытовой жизни страны, люди опытные в практическом разрешении политических, культурных и экономических вопросов».

Основные задачи кооператоры сформулировали в декларации, выпущенной на следующий день после съезда особо организованным бюро Совета съезда:

1. Водворение порядка в стране;
2. Защита целостности и независимости Родины;
3. Решение Учредительным Собранием земельного вопроса как первостепенного;
4. Обеспечение землей крестьянина, создание лучших условий труда рабочим;
5. Отстаивание демократического строя при широкой гарантии всех гражданских свобод и при широком развитии местного самоуправления;
6. Право полного самоопределения всех народов России при сохранении единства Российской республики.

Акцент при выдвижении кандидатов делался на «деловых людей», которые по совести и убеждению будут решать дело спасения страны», содействовать объединению всех демократических сил. Позиция эта объяснялась тем, что «фракционность социалистических партий, их банкротство в деле спасения страны, демагогия и оторванность от масс руководителей этих партий» — главные причины, заставившие кооператоров изменить ранее исповедуемым идейным платформам³⁵⁰. Однако это мнение кооперативного руководства не нашло поддержки на местах.

8–9 октября в Твери состоялся губернский кооперативный съезд. Прибывшие на съезд А.Меркулов и Ек.Кускова изложили свои мотивы в пользу самостоятельного выступления. Однако это не нашло поддержки у большинства участников съезда, с недоумением встретивших текст оглашенной телеграммы политического бюро голосовать за кандидатуры Меркулова, Кусковой, Зотова. Съезд собрал преимущественно левых социалистов. Раздавались голоса: «Нас послали голосовать за социалистов-революционеров», «у нас в обществе большинство рабочих, мы будем голосовать за большевиков». Подавляющим количеством голосов прошла резолюция:

«Тверской кооперативный съезд, обсудив вопрос об участии кооперации в выборах в Учредительное Собрание, признал выступление кооперации с самостоятельным списком в Учредительное Собрание недопустимым и практически невыполнимым. Кооперация не является партийной организацией, и наступление ее на выборах в Учредительное Собрание с самостоятельной избирательной платформой может только вовлечь кооперацию в партийную борьбу со всеми ее последствиями. Но, исходя из того, что кооперация обнимает широкие трудовые классы населения, съезд призывает всех кооператоров как граждан голосовать за социалистические партии. Съезд признает необходимость обратить внимание всех кооперативных организаций на усиление их политической просветительной деятельности, направленной к выяснению задач и целей Учредительного Собрания, к ознакомлению широких трудовых масс с программами политических партий, техникой избирательной кампании и т. п., принимая во внимание также, что для спасения страны необходимо напряжение всех экономических сил народа, съезд призывает кооперативы усилить свою хозяйственную деятельность»³⁵¹.

12 октября 1917 г. Ржевский союз кредитных кооперативов, неудовлетворенный решением губернского съезда, созвал районное совещание. Инициаторы совещания преподнесли список «деловых людей», в числе которых были Алексинский, Кускова, Меркулов, готовые ради «спасения» России пойти на коалицию с иными политическими силами. Под списком предусмотрительно собрали подписи. И все же тверская кооперация в массе своей осталась на позиции поддержки списка социалистических партий. Подобный разброд наблюдался и в других регионах России. Во избежание потери голосов, кооперативные организации, выступающие с самостоятельными списками, предлагали использовать все статьи закона, чтобы присоединить остатки голосов к спискам социалистических партий и фракций. В список кандидатов от партии народных социалистов в Учредительное Собрание были выдвинуты: А.П.Левицкий, С.А.Мельгунов, А.Н.Митин, В.А.Мякотин, А.Б.Петрищев, Н.Н.Полянский, А.В.Пешехонов, В.В.Станкевич, В.В.Хижняков, Н.В.Чайковский, В.И.Чернолуцкий³⁵².

Политическая ситуация не стояла на месте. Еще 27 августа большевики, объединив силы с эсерами и меньшевиками, создали «рабочую милицию» для «помощи» правительству — Красную гвардию. 12 октября большевики учредили при Петроградском Совете Военно-революционный комитет (штаб подготовки вооруженного восстания против правительства).

Большевистский переворот и декреты «о земле», «об организации Советского правительства» (25 октября 1917 г.) возвестили «об общем деле» — водворении социализма (диктатуры пролетариата «в виде мощной всероссийской советской власти»).

В ноябре Совет ВКС выпустил обращение «Ко всем Кооператорам России». Совет резко осудил произведенный Октябрьский переворот, вызванную им гражданскую войну, которая могла губительно отразиться на культуре страны, народном хозяйстве и всех сторонах жизни. Прозвучали требования о немедленном освобождении членов Временного правительства, восстановлении законной власти, действительном обеспечении неприкосновенности личности, приостановлении действия законов, придании суду поднявших оружие против завоеванных революционных свобод, созыва Учредительного собрания, избрании его при условиях, которые обеспечивают свободу выборов.

5 января 1918 г. под дружное пение Интернационала открылось заседание Учредительного собрания. Председатель последнего В.Чернов выступил с речью: «Страна высказалась, состав Учредительного собрания — живое свидетельство мощной тяги народов России к социализму!.. Вопрос о земле предрешен: она станет общим достоянием, на равных правах открытым для трудящихся, желающих трудиться... Социализм не есть скороспелое приближение к равенству и нищете, он в деловой планомерной работе».

Большевики разогнали Учредительное собрание спустя два дня.

С января 1918 г. политическая деятельность кооперации сошла на нет, поскольку для всех стало ясным: *при решении хозяйственных задач не может быть борьбы с властью*. Эта позиция превратилась в доминирующую в дальнейшей деятельности кооператоров. Сама власть силой декрета, позже пулей, объявила войну кооперации, а совет ВКС превратился в бюрократический чиновничий аппарат³⁵³. Сила власти была убедительней всех теорий. «Руководимые интеллигенцией, восставшие массы не могли создать ничего конкретного вместо старого порядка» (У.Чемберлен).

Приложение 1. Без названия

Как революция есть уравнение гражданских прав, так социализация есть государственное собирание и распределение между гражданами прав имущественных, находящихся в руках бесчисленных собственников — торговцев, промышленников и землевла-

дельцев, рантье и владельцев вообще недвижимой собственности. Но это собирание имущественных прав вовсе не значит, что его можно собирать механически, «в ближайшее время», это «дело многотрудное», для этого потребуется «работа целого поколения» и «подготовка почвы»...

Необходимо создать культуру восприятия правильных понятий о государственной социализации, как среди пролетариата, так и среди мелких и крупных собственников, ибо последние под влиянием более или менее длительного и систематически проводимого социального воспитания сами пойдут навстречу социализации...

Необходимо учение о социализации, как легальное государственное учение, сделать популярным и проводить его, начиная с элементарных понятий и кончая высшим объемом, через начальную, среднюю и высшую школу.

Создать целый и последовательный ряд переходных ступеней в области капиталистического производства, которые постепенно привели бы последние к безболезненной ликвидации и переходу в производство государственное, как, например, сгуживание промышленности и торговли на принципе принудительного объединения отдельных однородных предприятий в *синдикаты*, а в этих последних — в *тресты*, ибо объединенные в синдикаты и тресты торговля и промышленность легче социализировать и приспособить для государственной работы, чем торговлю и промышленность распыленные. Необходимо постепенное ограничение предпринимательских прибылей до того предела, за которым частная инициатива, уступая разумному государственному воздействию, предпочитает добровольно передать свои права нации. Необходимо регулировать заработную плату, определив минимум ее не по профессиональным признакам, а с точки зрения необходимости и полезности всякого общественно-необходимого труда, чего можно достичь только с постепенным отходом капитала со своих позиций. Необходимо ввести статистический учет национального потребления, чтобы установить, вместо теперешнего хаотического, уровень нормального производства по каждой отрасли промышленности. Необходимо улучшить технологию производства, поднять финансы страны, заявить в международном отношении независимое экономическое положение и пр. Только последовательное и планомерное выполнение этих заданий даст нации возможность вступить на путь рациональной социализации, что, несомненно, потребует продолжительного времени³⁵⁴.

Союзное строительство как система кооперации

«Светлые мысли творцов единенья
Пусть будут нам путеводной звездой...
Верьте: поддавшись единству стремленья
Власть капитала падет!»

Н.Блинов

Кооперация как система хозяйствования, возникшая в Европе в начале XIX в., получила развитие в эпоху господства идей социального реформаторства. Кооперативная идеология, существовавшая на стыках экономического и духовного мировосприятия, привлекала внимание политиков социалистического толка. Кооперативное движение рассматривалось ими как важнейший фактор общественной жизни, новый качественный этап в регулировании социальных проблем.

«Кому это выгодно? — вопрошал еще Чернышевский. — Кооперативные товарищества представляют непосредственную выгоду только людям малосостоятельным — но ведь последних громадное большинство».

«Кооперация подготавливает политический путь к социалистическому строю... Требования общественного и экономического строительства государства не могут различаться от соответствующих общих программ социалистических партий», — писал Чаянов³⁵⁵. Позиция социал-демократа: сделать всех зависимыми друг от друга. «При организации кооперативного потребления и производства данной округи, вряд ли кто-либо может избежать прямого участия в кооперации, раз он потребляет и производит. Наступление такого времени... не утопия», — утверждал Гибнер³⁵⁶.

Задача «кооперативных инженеров»: организовать труд последних, «поднять их продуктивность в работе», осуществить «свой кооперативный проект в строительстве новых форм в области организации человеческого труда эволюционным путем», — продолжал он³⁵⁷.

Вдохновленный манифестом Маркса, идеолог рабочей кооперации В.А.Поссе разработал «Проект пролетарской программы (1903)» — собственную концепцию социализма с идеями бестоварного самоуправления, как идеального будущего, упразднения классов, частной собственности на средства и продукты производства

и передачи их общинам, объединенным в федерацию областных и национальных кооперативных рабочих союзов.

Кооперация объединяла различные политические течения социалистической ориентации. Кускова писала, что российские кооператоры стремились реализовать свои мечты «не только об объединении в мощные всероссийские союзы отдельных видов кооперативов — кредитных, ссудо-сберегательных, потребительных и т.д., но и о соединении кооперативов разных видов» для организации труда в области обмена и производства (всеобщий контроль и учет). Мечта о светлом будущем России и всего человечества проходила, таким образом, под лозунгом «единения всех трудовых элементов», идея кооперации становилась «модной»³⁵⁸. Кооперация определила путь своего социального развития — максимальное обеспечение материальных интересов трудящихся классов: «Потому идейные вожди потребительной кооперации и исповедуют социализм как общепринятую конечную цель развития современного классового общества»³⁵⁹. Кооперация рассматривалась как одна из форм рабочего движения наравне с профсоюзами и политическими организациями, представляющими «три армии, осаждающие одну крепость — эксплуатацию рабочих капиталистическими предпринимателями», — отмечал Прокопович в год пятидесятилетия кооперации³⁶⁰.

Объединение средств в деле социализации общественных отношений нашло отражение в союзном строительстве кооперации. Автор первого Союзного кооперативного устава России (1871 г.) В.С.Козлов, друг и сподвижник Н.П.Баллина по кооперативной работе, делал акцент на необходимости актуализировать идеи коллективизма, на критике частнособственнических инстинктов.

В новую фазу своего развития кооперация вступила в 1896 г. после Нижегородского съезда, где был принят типовой союзный устав. В 1897 г. был образован Московский союз потребительных обществ (МСПО), объединивший 36 обществ, к июлю 1915 г. в него входило 1390 обществ с оборотом 10 343 555 549 руб.

Ранее, в 1886 г. в г. Бердянске возник первый союз кредитных товариществ, состоящий из 4 обществ. К началу 1911 г. он объединял 16 обществ.

Принятие устава положило начало к союзному строительству в России (Киев — 1907 г.; Варшава — 1911 г.; Пермь — 1912 г., и др.) Киевский союз учреждений мелкого кредита, созданный в селе Дзэнгелее Уманского уезда, за 8 лет работы довел свои обороты с 2,5 тыс. до 3 млн рублей. Образовались новые союзы: Союз маслодельных артелей, Союз льноводов, Союз сельскохозяйственных

обществ или обществ по закупке машин и семян. В 1915 г. союзы сельскохозяйственного кредита существовали во многих губерниях (Уфимский, Рязанский, Бессарабский, Подольский, Стерлитамакский, Березовский, Кинель-Черкасский, Николаевский, Бирский, Мелекесский, Царицынский, Донецкий, 2-ой Донской, Верхне-Донской, Южно-Донской, Романский, Переяславский, Донской, Нижне-Донской союзы). Киевский союз потребительных обществ, образованный в 1909 г., был беден паевым капиталом (на 1 января 1911 г. 2654 руб.) В 1911 г. он был вынужден передать свою торговую деятельность Московскому союзу потребительных обществ (МСПО), сохранившись лишь как идейный центр. Впоследствии союз был ликвидирован.

Рано обозначилась потребность в союзном строительстве на Урале, однако, лишь в 1912 г. образовался «Пермский союз потребительных обществ», который объединил 18 обществ. В 1914 г. их насчитывалось уже 40 (оборот 385 063 руб.) В 1915 г. был утвержден устав Уральского союза.

Устав Союза Сибирских маслодельных артелей (потребительный кооператив) утвержден в 1907 г., в 1908 г. открыта 1 потребительная лавка, в 1908 г. — 12, в 1915 г. — 629, оборот склада составил тогда же 10 млн руб. При Вологодском обществе сельского хозяйства в 1912 г. образовался коммерческий отдел, объединивший 59 кооперативов, в 1915 г. их насчитывалось уже 207.

В 1912 г. был создан Московский народный банк — финансовый центр российской кооперации, располагавший 13 отделениями по всей стране и зарубежными агентствами в Лондоне и Нью-Йорке.

«Союз потребителей» писал, что кооперация осознала себя общественным движением, «представляющим и объединяющим интересы широких трудовых демократических масс», проявив себя «в стремлении организовывать общекрепостные союзы»³⁶¹. О создании союзов хлопотали земства, Московское общество сельского хозяйства, военно-промышленные комитеты и другие организации.

Прошедший в 1908 г. первый кооперативный съезд, наряду с принятием рочдельских принципов, признал «общность заданий кооперативов всех видов». В программе кооперативного строительства, изложенной в «Системе кооперации», в которой говорилось о «пересоздании» всего существующего капиталистического строя в «новый» кооперативный, Гибнер начертал схему построения российской кооперации, как системы общественных отношений по мобилизации всей региональной, а затем всероссийской хозяйс-

твенной и представительной деятельности, посредством мирной культурной борьбы («мирной войны») на пути к всеобщему обобществлению труда и капитала. Гибнер говорил о строительстве губернских кооперативных союзов, объединяющих в своей структуре работу профильных объединений, регулирующих хозяйственную жизнь региона (гибнеровская идея «воплотилась» в созданных в 1950-е гг. совнархозах)³⁶².

В 1913 г. на II кооперативном съезде в Киеве, наряду с решением вопроса о необходимости принятия общекрепостного закона, с углублением чисто хозяйственных задач, широкой культурно-просветительной программой, российская кооперация самоопределилась как *форма общественного движения* народных масс («широкое общественное движение, объединяющее интересы трудовых демократических масс»). Кооператоры подстраивали свои планы к организации губернских общественно-кооперативных центров *всей* народно-хозяйственной жизни регионов и страны в целом в лице Центросоюза.

«Утопия сегодняшнего дня становится завтра действительностью, пусть такой «утопией», ближайшим этапом нашего движения будет для нас единый всероссийский кооперативный союз, объединяющий идейно и хозяйственно всю трудовую демократию», — отмечал В.Н.Зельгейм в 1915 г.³⁶³

В числе членов правлений центральных кооперативных союзов находились известные кооперативные теоретики, просветители и агитаторы, статистики, политические деятели.

Жизнь выдвигала организационный вопрос большой важности: в каком направлении должно пойти строительство союзов и объединений? Должны ли они быть по составу и функциям чисто потребительского или смешанного характера?

Из общего числа 514 обследованных потребительных обществ, 276 союзов и объединений относились к чисто потребительским, 154 союза имели смешанный состав и 84 являлись смешанными по составу и функциям. Среди союзных организаций потребительской кооперации преобладал тип чисто потребительских союзов; смешанные же по составу и функциям составляли всего 16,8% общего числа; большее число смешанных союзов приходилось на мелкие районные союзные организации; среди областных смешанных функции можно было наблюдать у 2, среди крупно-районных — у 8 союзов. Смешиванию подвергались по преимуществу функции закупки и сбыта; довольно широкое распространение получало смешение закупки и задач кредитного характера.

Союзы и объединения с числом до 50 кооперативов (мелко-районные), от 50 до 175 (средне-районные), от 50 до 600 (крупно-районные) и свыше 600 (областные) в процентном соотношении представляли собой следующие пропорции:

Мелко-районные союзы — 50,2%

Средне-районные — 36,6%

Крупно-районные — 11,2%

Областные — 2%

Таким образом, в России преобладал тип мелко-районных союзов и объединений потребительских обществ. Расположив союзы и объединения по величине оборотов, получим тот же результат. Общий их оборот за 1917 г. превышал в целом 1,5 млрд руб. при 5 млрд торговом обороте всей потребительской кооперации. Закупки эти союзы осуществляли через Центросоюз, а также через общественные производственные организации, частную торговлю и другие кооперативные организации. Отличительная черта потребительской кооперации — малый оборот капиталов и малочисленность организаций. В среднем в середине 1917 г. на одно объединение приходилось около 20 000 руб. паевого капитала (по данным 74 союзов), запасного капитала (по данным 33 союзов) — 3468 руб. В среднем (по 26 обследованным союзам) валовой доход немного превышал 30 000 руб., чистая прибыль — 13 500 руб. Предполагалось увеличение собственных паевых капиталов, увеличение паев и доведение их до высших пределов, а также увеличение оборотных средств путем вкладов при союзных операциях. Задача для мелких союзов и рядовых потребителей не простая.

Идея союзного кооперативного строительства — явление времени. Незрелость политических партий, отсутствие традиций общественной жизни, борьба Государственной думы за власть нарушили нормальный ход экономического развития, породили идею союзного строительства. Когда же кооперативные союзы возникнут, «то выделят высший орган — и это будет штаб общественных сил России», — так определил задачу кооперации член Госдумы кадет Некрасов. Идея «решительного Союза» породила иные: Земско-городской, Торгово-промышленный, Всероссийский крестьянский союзы готовили под видом кооперативных; зрела идея Всероссийского кооперативного союза (Центросоюза).

Организационный отдел МСПО подготовил *тезисы о союзном строительстве*. «Железная необходимость вызвала рост и невиданное развитие союзного дела», начиналась «подлинная работа по созданию системы кооперативного хозяйства»³⁶⁴. Московский на-

родный банк 23–25 апреля 1917 г. ассигновал средства комиссии по союзному строительству.

В 1917 г. союзы отдельных обществ трансформировались в Союз союзов. Он отказался от обслуживания отдельных кооперативов, за исключением наиболее крупных, и имел дело только с союзами, став именоваться «Союзом потребительных обществ» (Центросоюз). В 1917 г. его оборот превысил 200 млн руб. Увеличился сам аппарат союза, образовав множество отделов и подотделов неторгового назначения, лабораторию по исследованию качества продукции частных фирм и улучшения качества товаров, производимых союзом. Огромное развитие получили все отделы секретариата — центра идеологического руководства Центросоюзом.

Уход сил из кооперации, наблюдавшийся в первое полугодие 1917 г., в условиях бестоварья и нарушения всего хода хозяйственной деятельности, сменился приходом новых сотрудников в кооперативные организации. Центросоюз сделал ставку на расширение собственного производства в области переработки. К 1918 г. он имел 17 собственных предприятий, однако дальнейшее развитие дела тормозилось из-за недостатка средств. Промышленные предприятия поглощали до 14 млн руб., а паевой капитал едва достигал 20 млн руб.

К началу 1917 г. насчитывалось 230 союзных потребительных организаций, к концу года — не менее 425. На 1 марта 1918 г. их количество возросло до 514, из них членами Центросоюза состояли 285 союзных организации (или 57%). К 1919 г. из-за Гражданской войны из Центросоюза вышли 45 союзных объединений.

Необходимо отметить, что в России к 1917 г. сложилось несколько крупных организационных кооперативных центров всероссийского назначения:

1. Совет ВКС (Москва. Поварская, 14) — руководящий и идеологический центр российской кооперации;
2. Центросоюз (Москва. Инструментальный переулок);
3. Всероссийский Совет Рабочей Кооперации (Москва. Воронцово поле, 15) — неторговый центр всей рабочей потребительной кооперации, существовавший с августа 1917, объединял идейно рабочую организацию в хозяйственном отношении, находясь в контакте с Центросоюзом;
4. Московский народный банк (Москва. Большая Дмитровка, 4). Общий финансовый центр всех видов российской кооперации;
5. Всероссийский союз кооператоров по переработке и сбыту картофеля (Москва. 3-я Мещанская, 24);

6. Центральное товарищество льноводов (Москва. Большая Лубянка, 5/17);

7. Центральный кооперативный союз коноплеводов (Москва. Большая Никитская, 48);

8. Всероссийское кооперативное товарищество по производству и сбыту кустарных артельных товаров (Москва. Большая Молчановка, 3);

9. Центральный союз кооперативов по сбыту, закупке и переработке семенных, зерновых и хлебных продуктов — «Кооперативное Зерно» (Москва. Мясницкая, 15);

10. Всероссийский Кооперативный Страховой Союз (Москва. Большая Дмитровка, 4).

Крупную группу составляли союзы кооперативов Москвы и Московской губернии:

Центральное товарищество пловодов и огородников в Москве (Б.Дмитровка, 9);

Московский кредитный союз кооперативов (Тверской бульвар, 10);

Московский союз кустарных артелей «Артельсоюз» (Китайский пер., левое крыло политехнического Музея);

Московский областной союз кооперативных объединений (Тверской бул., 10);

Московский областной союз рабочих потребительных обществ г. Москвы и ее окрестностей (Покровская, 53);

Московское товарищество кооперативов по посредничеству (Б. Харитоньевский, 4);

Московский союз крестьянских молочных товариществ (2-й Мариинский пер., 10);

Московское кооперативное закупочное бюро (Кузнецкий Мост, 6).

Потребительные кооперативы Москвы составляли многоглавные общества, среди них — общество «Кооперация», существовавшее с 1915 г. и объединявшее к 1918 г. 91721 членов (Мясницкая, 47); Московский центральный рабочий кооператив. (Мясницкая, 20); Общество потребителей служащих Московской Казанской железной дороги (Домниковская, 36).

Имелись в Москве 6 домостроительных товариществ, 4 кооперативных издательства, а также кооперативные организации для заготовки топлива, химико-фармацевтическое производство, объединения художников, центральные домовые организации, артели разных видов (строительные, металлообработывающие, по производству одежды, обуви, столярные,

печатников, сельскохозяйственные, смешанного типа), всего более 46.

На примере сложившейся в Москве системы кооперативно-строительства можно предполагать, что подобное разнообразие наблюдалось во всех городах и регионах России без исключения.

Союзы и объединения потребительских обществ были разбросаны по всем губерниям и регионам России и составляли: в Северном — 6,8%, Северо-Западном — 7,6%, Центрально-Промышленном — 21%, Северо-Восточном — 3,5%, Центрально-Земледельческом — 14,6%, Западном — 4,6%, Восточном — 5,2%, Южном — 10,54%, Юго-Западном — 8,9%, Предкавказье — 6,2%, Закавказье — 2,7%, Сибири — 4,3%. Совсем не существовало союзных объединений в губерниях и областях: Батумской, Дагестанской, Закаспийской, Закатальском округе, Самаркандской, Сахалинской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Якутской³⁶⁵.

I Всероссийский кооперативный съезд представителей кооперативных союзов, объединений и комитетов принял политическую и экономическую программы кооперативного строительства, поставил вопрос о созыве международной кооперативной конференции, избрал Совет Всероссийских кооперативных съездов — идейный руководящий центр всей российской кооперации в области ее неторговой деятельности.

В области идейной политики съезд выдвинул следующие программные положения: политическое просвещение народных масс, пропаганда политических идей, распространение агитационной литературы, устройство митингов, подготовка ораторов, выработка приемов агитации и организации демократии, приложение усилий к участию в Учредительном собрании, создание политических органов печати и издательств по социально-политическим вопросам, а также устройство при всех союзах краткосрочных курсов районного характера по социально-политическим вопросам, создание политической литературы, оказание всесторонней помощи Временному правительству в деле организации временных органов управления, особенно приветствовать представителей кооперации в работе министерств.

В области аграрной политики проводилась поддержка советов крестьянских депутатов, Всероссийского крестьянского союза.

Политическая программа предусматривала включение населения в партийные и профессиональные организации.

Экономическая программа включала в себя следующее: под углом зрения своих хозяйственных интересов решать и общегосу-

дарственные задачи (заготовку и распределение продовольствия управами и кооперативами). Этой задаче и должен был служить Центросоюз как централизованный закупочный и распределительный продовольственный орган. (Комиссию по продовольствию при Временном правительстве возглавил Зельгейм, на правах товарищей министров в правительство вошли известные кооператоры).

Создание союзов кооперативов Е.Кускова комментировала так: «Теперь у кооперативов есть множество каменщиков-строителей великого дела, ведь более 12 млн людей возводит это здание. Есть у нее и своя печать, и съезды, и собрания уполномоченных, есть у нее 35 тыс. ячеек... Мы работаем во имя светлой задачи — объединения человечества — и мы достигнем ее нашими собственными усилиями»³⁶⁶.

Развитие производительных сил кооперации направлялось на закрепление за кооперативными союзами и земствами права эксплуатации естественных богатств, находящихся в районах их действий.

А.Меркулов, комментируя *социальную программу* Центросоюза по итогам союзного совещания, проходившего в Москве в 1917 г., писал: «Программа — страничка писчего листа, но страничка большой идейной ценности. На ней, как на банковском билете, можно поставить «водяными знаками» всего одно слово: «социализация», — слово, которое так пугает капиталистов и так волнует рабочий класс. Кооперация, работающая внутри капиталистического строя (и принимающая иногда охранительную окраску этого строя), еще только начинает выкладывать фундамент грандиозного здания социализации, добросовестно кладя в него кирпич за кирпичом. Кооперация еще далеко не захватила всю страну, и некооперированная масса потребителей очень велика, приблизительно, около 8/9 всего населения России... [Этим] затрудняется шествие Центросоюза к конечной великой цели — к освобождению труда из-под власти капитала и организации народного хозяйства на общественных началах. Нельзя также забывать, что если материальные средства Центросоюза велики, то, наоборот, его материальные средства, сравнительно со средствами капиталистов, очень слабы.

Все это отдаляет от нас момент торжества социализма. Но царство социализации, это истинное царство свободы для *всех людей*, царство, чуждое тяжких материальных пут... это царство идет к нам *через кооперацию*. Однако не надо забывать, что идея социализации, в смысле научного обоснования ее эволюционного

развития, весьма слабо проникнута в сознание народных масс... И потому Центросоюз, поставивший в ряд других положений социальной программы как необходимейшие средства к ее осуществлению пропаганду и агитацию, должен развить эти средства...»³⁶⁷.

Главным вопросом совещания оставалось обсуждение нового устава Центросоюза (автор проекта Зельгейм). Основной принцип будущей деятельности Центросоюза, ударивший по карману рядового потребителя — работа исключительно с крупными кооперативными организациями, увеличение вступительных и паевых взносов союзных объединений и отдельных крупных потребительных обществ (не менее 10 тысяч). Делегаты резко возразили против части пунктов устава, говорили о «насилии союзов» по многим вопросам (завышении числа необходимых для вступления членов, направлении их по самовольному указанию в союзы). Широкий протест вызвала сумма вступительных паевых взносов — 250 руб. и по 1 руб. с члена, с пятикратной ответственностью. Выступающие отмечали, «что у каждого объединения есть свои планы, от которых отказаться невозможно», есть свои предприятия (мукомольни, кожевенные заводы, лесопилки и проч.), на содержание которых нужны большие средства. Вступление в Центросоюз большинство выступавших рассматривало с позиции насилия: «Если мы отдадим весь свой капитал в Центросоюз, мы вырвем из-под себя почву. У нас 180 потребительных обществ, на каждое общество в среднем приходится 200 членов или 36 тыс. Мы должны внести в Центросоюз 36 тыс. руб., но у нас пай каждого общества 100 руб., или 18 тыс. руб. По некоторым обществам имеются не один, а 2–3 пая. Весь паевой капитал составит 72 тыс. руб., если будет отдана половина паевого капитала», то общество обессилит, вносить 1 рубль и отвечать в пятикратном размере будет нечем», — отмечал представитель прибайкальского товарищества. «С передачей паевых средств Центросоюзу получится крупный дефицит., юридическая ответственность каждого члена равняется его паевому взносу», — такой была позиция вятского делегата.

Окрик со стороны председателя совещания последовал немедленно: «Мы указываем не на то, что делается, а как должно делаться. Измените, устройте, организуйте так, чтобы средства эти были изысканы. Взносы ваших членов должны быть больше. Паевой капитал — ничто в сравнении с оборотом. Паевой капитал в союзе не имеет значения в сравнении с кредитом. Затем отсрочка уплаты паевых взносов на 3 года даст возможность накопить капиталы на

местах. Накопление паевых капиталов пойдет за счет дивиденда, оборотного — за счет сбережений»³⁶⁸.

Разгорелась настоящая дискуссия: «Реорганизация на местах возможна. У крестьян денег много. Извлечь эти деньги можем. Момент подходящий, и его упускать не нужно» (Темниковский союз).

«Эти деньги мы должны дать Центросоюзу. Деньги есть у нас, и, кроме того, мы получим их с тех масс потребителей, которые в последнее время волной хлынули в кооперацию».

«Паевой капитал ничто. Его нужно отнять и передать Центросоюзу. На местах есть залежи средств, и крестьяне не знают, куда их девать» (Тамбовская губ. Новопавловский союз)³⁶⁹.

Резюмировала все высказанное Е.Ленская: «...Должны сознаться, что для этого никогда не было такого благоприятного момента, как теперь. В деревнях и селах имеется такое количество денег, какого там никогда не было. Эти деньги из чулка не выходят. Кооперативные организации, как пылесос, могут выкачать эти деньги, лежащие непроизводительно. Необходима громадная агитация в этом направлении... Мы знаем, что данный момент — момент усиления мощи Центросоюза, и если его не поддержать, то, что же он будет представлять? Это будет колосс на глиняных ногах».

Важным вопросом союзного совещания стал вопрос «о плановом распределении товаров» (докладчик А.Лаврухин). Считалось, что плановое распределение может положить конец хаосу, *организовав* потребителей. Положение это при остром бестоварье в сельской местности также вызвало острую критику.

В докладе «Об организованных мероприятиях по союзному строительству» (докладчик В.Белюсов) отмечалось, что быстрый рост кооперации объяснялся бестоварьем российского рынка, разнузданной спекуляцией частной торговли, которые безудержно гнали потребителя в кооперацию, потребительные общества организовывались на продовольственной почве «маргариновыми членами». То, что в Европе росло десятилетиями, руководствуясь сознательными принципами, в России шло как обвал, одну из причин автор усматривал в низком культурном уроне населения — «нам нужны интеллигентные работники»³⁷⁰.

Итак, Центросоюз для его организаторов (политизированной верхушки) — «материальная сущность» для легализированной пропаганды социалистических идей и построения «системы кооперации» — «здания социализма». Однако поскольку «идея социализации, в смысле научного обоснования ее эволю-

ционного развития, весьма слабо проникла в сознание народных масс», Центросоюз для осуществления пропаганды и агитации «должен развить эти средства, ...пропаганда и агитация должны выковать кадры кооператоров с отчетливым представлением о кооперации как активной организации, ведущей народные массы к новому миру освобождения труда», — гласила его социальная программа³⁷¹.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Кооперативный закон и его предыстория

Неопределенность правового положения кооперативных учреждений в России сдерживала рост новых форм хозяйственной жизни. Вплоть до Февральской революции в стране не было кооперативного законодательства. В 60-е годы XIX в. право утверждать уставы кооперативов было предоставлено ряду учреждений³⁷². Порядок регистрации производился в соответствии с рангом: местные власти, центральные учреждения, министры и т. д. С 1862 г. утверждение уставов потребительных обществ было предоставлено Министерству внутренних дел, в 1897 г. эта функция была передана губернаторам. Утверждение устава за 15–18 месяцев считалось «неожиданно быстрым сроком». Долгие ожидания, внесения изменений в уставы, зависимость от банков и администрации, — все это являлось одним из существенных факторов, сдерживающих развитие кооперативного движения. Позже, в 1890-е гг., организация кооперативов регулировалась на основании статьи о благотворительных обществах³⁷³.

Толкование уставов и применение их на практике требовало постоянных согласований и юридической помощи. Временные правила 4 марта 1906 г. отделили кооперативные товарищества от торговых и гражданских объединений. Первые собрания российских кооператоров, состоявшиеся в августе 1896 г. на Нижегородском торгово-промышленном съезде (4-й отдел ссудо-сберегательных и промышленных товариществ), решили многие существенные для кооперации вопросы, в том числе и важнейший из них — принятие Положений о союзах учреждений мелкого кредита, обществ потребителей. Был выработан устав потребительных обществ.

Первый кооперативный съезд 1908 г. принял постановления о необходимости издания «общекооперативного закона». Подготовка его проекта была поручена избранному на съезде Комитету.

Всероссийский съезд сельского хозяйства и кредитной кооперации (Петербург, 1912) принял предложенный Комитетом проект закона с некоторыми поправками. К этому времени российская кооперация приобретает заметный авторитет за рубежом.

Второй Всероссийский кооперативный съезд (Киев, 1913) принял проект положения о кооперативных товариществах и их союзах. В 1916 г. Государственная дума одобрила предложенный кооперативный законопроект, однако правительство не утвердило его.

Содержание проекта предлагало следующее:

— выработку основных признаков кооперативного товарищества (переменный состав, переменный капитал; цель — содействие благосостоянию своих членов, а не доставление им прибыли на вложенный в предприятие капитал; средство для достижения поставленной цели — организация разных хозяйственных предприятий, или организация труда своих членов).

— определение кооперативного товарищества как юридического лица в сфере экономической деятельности, а также введение неразрывно связанной с этим явочной системы учреждения кооперативных товариществ.

Мировая практика кооперативного законодательства к этому времени имела немало примеров существования кооперативного закона. Первый кооперативный закон о промышленных и сберегательных товариществах был принят в Англии, на родине кооперативного движения в 1852 г. (поправки — в 1862, 1876, 1893 гг. и последующие годы), этот закон действует и поныне. Во Франции подобный акт был принят в 1867 г. (а затем — в 1896 г.), в Пруссии — в 1868 г. (1889), Общегерманский — в 1889 г. (1896), в Австрии и Бельгии — в 1873 г., Голландии и Румынии — в 1876 г., Швейцарии — в 1881 г., Италии — в 1882 г., Швеции — в 1895 г., Финляндии — в 1901 г.

Министерство торговли и промышленности в период подготовки кооперативного закона внимательно изучало мировой опыт и подготовило обстоятельный обзор современного состояния кооперативного законодательства как в России, так и за рубежом (обзор был подготовлен на базе серьезного аналитического исследования, вышедшего, правда, за одиннадцать лет до этого, под редакцией приват-доцента Петербургского университета И.М.Кулишера³⁷⁴).

Фактор хозяйственного строительства в специфической форме определил характер и главные принципы кооперации. Законодательство Европы главную задачу кооперативного товарищества видело в его хозяйственной функции. Закон, предложенный

кооперативными идеологами, выдвигал на первое место проблемы иного порядка, а именно — роль кооперации в политической борьбе. В этом заключалась суть разногласий кооператоров с правительственными органами.

Первый российский закон о кооперации, столь долго ожидаемый, был принят в марте 1917 г. Первая его статья гласила: «Кооперативным товариществом признается такое товарищество с переменным составом и капиталом, которое, действуя под особой фирмой, имеет целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов путем совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов»³⁷⁵. Важной стороной закона явилась заявительная система образования и открытия всех видов кооперативных учреждений при наличии типовых уставов кооперативных учреждений (ст. 4). Учредители кооперативного товарищества представляли устав в Окружной суд для внесения его в реестр, о чем делалась соответствующая публикация в «Сенатских объявлениях» и отметка на одном из экземпляров устава. При регистрации устава необходимо было ответить на ряд до крайности простых вопросов: указать форму кооперативного товарищества, адрес правления, цель создания товарищества, условия вступления и выхода, условия образования и порядок составления протоколов, срок и порядок составления ревизии и утверждения отчетов, порядок распределения прибыли и убытков, объем ответственности членов товарищества по его обязательствам (ограниченная или неограниченная ответственность и в каком размере), порядок созыва общих собраний, порядок ликвидации дел товарищества.

При регистрации временных товариществ необходимо было указать срок его деятельности, сумму пая, представить образец подписи на документе, на бланке товарищества и фирменный знак.

В дополнение к Положению «О кооперативных товариществах и их союзах» (20 марта 1917 г.) были приняты документы «О регистрации товариществ, обществ и союзов» (24 июня 1917 г.) и «О съездах представителей кооперативных учреждений» (1 августа 1917 г.) с введением, составленным юридическим отделом совета Всероссийских кооперативных съездов, наиболее полно определившим правовое положение кооперации в России. Эти акты ликвидировали помехи в регистрации кооперативных объединений, закрепив явочную систему, упорядочили ее организационную структуру и значительно расширили рамки ее деятельности. Законодательные акты, принятые Временным пра-

вительством, способствовали консолидации кооперативных сил, возникновению отраслевых, региональных и управленческих кооперативных центров, связанных единой идеологической и хозяйственной системой управления. «Кооперативный закон», — с восторгом писала кооперативная пресса, — «пропитан общим взглядом на кооперацию как на движение духовных ценностей; в нем нашел, таким образом, отражение взгляда на кооперативное движение, составляющий особенность, можно сказать, русской кооперативной школы и точно соответствующий стремлениям и чаяниям широких демократических масс, захваченных кооперацией. С другой стороны, с неуклонной последовательностью проведена в законе полная свобода самоопределения кооперативных организаций, начиная с низших и кончая венчающим зданием кооперации центров»³⁷⁶.

Закон о кооперации действовал и после Октября 1917 г., однако его действие сходило на нет по мере принятия большевистских декретов, которые в конце концов привели кооперацию к полному разрушению.

Аграрная программа кооператоров

«Уступка личных выгод общему благу — вот девиз истинно благородного человечества».

Н.Г.Чернышевский

«Частная жизнь, частный интерес, стремление сильнее любых запретов, любых репрессий. С ним не нужно бороться. Это благотворная сила. И общественное благополучие всех целиком зависит от того, насколько широко открыт простор для частных устремлений каждого».

Л.Тимофеев

Скоротечная смена власти, именуемая в советской исторической литературе «буржуазно-демократической революцией» (февраль-март 1917 г.) привела к развалу существующей системы управления страной. Политические партии³⁷⁷, застигнутые врасплох произошедшими событиями, оказались не готовы к решению *созидатель-*

ных вопросов, стоящих на повестке дня, как, впрочем, и Временное правительство, вообразившее себя «спасителем России».

Внимание всех политических партий было приковано к земле, стержню экономики и политики России, гордиеву узлу ее истории, не развязанному и по сей день. Решалась судьба крестьянства — хребта нации.

К началу 1906 г. в России насчитывалось 12 млн крестьянских дворов, из них 4 млн частных собственников, 8 млн общинников. К 1916 г. из общины, благодаря проведению Столыпинской аграрной реформы (завершить которую планировалось в 1924 г.), вышло 6 млн крестьянских хозяйств. В 1917 г. у помещиков оставалось 1/10 всей земли, 80% крестьян владели 90% обрабатываемых земель и 89,3% всех пахот; средний размер крестьянских хозяйств составлял от 12 до 30 десятин. В 1906–1913 гг. площадь обрабатываемых земель возросла до 16%, урожайность — на 41%, экспорт сельхоз продовольствия на 150%, а производство на частных владельческих землях приблизилось к нулю. Сибирь вступила в стадию экономического и культурного развития по американскому типу. Около 1/2 всех крестьянских хозяйств участвовало в кооперативном движении, по масштабам уступая лишь Англии. Резко увеличилось число крестьянских дворов. 1916 г. принес огромный урожай, но война и волнения препятствовали его уборке.

Временное правительство не оставалось в стороне от попыток кардинальным образом решить наболевший российский вопрос. Правительственные меры носили революционный характер. Через три недели после февральского переворота Временное правительство опубликовало основные положения своей аграрной программы (подготовленные министром сельского хозяйства кадетом А.И.Шингаревым). Был образован Главный земельный комитет с отделениями по всей стране. Члены комитета избирались на основе нового избирательного закона.

20 мая 1917 г. комитет опубликовал директиву об общих принципах предполагаемой реформы: «В соответствии с новыми потребностями нашей экономики, с пожеланиями большинства крестьян и программами всех демократических партий страны основным принципом преобладающей земельной реформы должна стать передача всей обрабатываемой земли тем, кто ее обрабатывает». В стране начался стихийный захват земли, солдаты — вчерашние крестьяне — дезертировали из армии.

16 июля 1917 г. Главнокомандующим стал Л.Г.Корнилов, который имел свою программу вывода страны из кризиса. Она предусматривала демобилизацию 4 млн солдат и выделение каждому

из них по 8 десятин земли, что создало бы верную правительству крестьянскую опору в обществе, заинтересованную в порядке, прекращение всякого вмешательства государства в экономические и социальные дела самого многочисленного общественного слоя.

Летом 1917 г., с приходом Керенского в премьеры, эсеры вошли во Временное правительство. Внутри партии эсеров образовалась фракция левых, родственная по взглядам с большевиками. Их лозунги: «Власть Советам!», «Земля крестьянам!». Реализация эсеровской программы «социализации», т. е. изъятия всей земли из товарного оборота и обращения из частной собственности в общенародное достояние, а также «уравнительно-трудового» пользования землей на сновании потребительской нормы и использования собственного труда мало, чем отличалась от большевистской национализации (огосударствления). Программа «муниципализации» — аграрный проект трудовиков (выработанный народными социалистами), отбросила пункт о национализации надельных крестьянских земель. Аграрная программа меньшевиков в целом предусматривала переход всей земли государству.

Политика правительства, направленная на социализацию общественных отношений, вела к развалу всей хозяйственной жизни России³⁷⁸. В августе 1917 г. стал нарастать кризис. Лозунг «Земля крестьянам!» выступал своеобразной санкцией на грабеж частновладельческих имений. Керенский винил В. Чернова и большевиков в провокации и подталкивании событий. Призыв правительства: «Нам следует полностью забыть о прежней администрации...» в итоге обернулся крахом: «Нам, центральному правительству, бессмысленно отдавать приказы, если на местах нет властей, способных их выполнить». С разрушением центральной власти администрация на местах не работала. Комиссары Временного правительства — выходцы из интеллигенции — оказались никудышными администраторами. Политика правительства оказывалась медленным разложением создаваемого им же «экономического равенства» (Г. Плеханов).

13 сентября 1917 г. А. Потресов воскликнул: «Советы умерли. Свершилось. Петроградский Совет рабочих депутатов, как и Московский, стали большевистскими... Советы умерли! Да здравствует новая концентрация демократии — Учредительное собрание».

Как писал американский историк М. Малиа, «поражение двух легитимистических формаций, кадетов и умеренных социалистов, вынуждает нас заключить, что эти две силы в той ситуации... не располагали никакой возможности создать в России демократический, конституционный, парламентский строй»³⁷⁹.

В конце августа 1917 г. наступила пустота: нет реальной власти, нет реального правительства. Последний состав Временного правительства (левые и центр) проповедовал политику, направленную на придание вида законности всем популистским актам, принятым в течение 1917 года, в том числе и декретам, относящимся к аграрной сфере. Общество, «благодаря» позиции министров-социалистов, раскололось и в отношении к этому вопросу.

Всероссийский крестьянский союз призывал оказать поддержку Временному правительству, «отнюдь не допуская самоуправления и посягательства на частную собственность и свободу» (Из воззвания «Ко всему крестьянству»). Союз крестьянских собственников признавал принцип частной собственности и считал, что в государственный фонд безвозмездно должны отчуждаться лишь казенные, кабинетные, удельные, монастырские, духовные и городские земли «для наделения малоземельных крестьян для занятия сельским хозяйством». Частновладельческие — только с уплатой владельцам по оценкам в соответствии с кадастром. Всероссийский съезд землевладельцев объявлял программу социалистов о всеобщей национализации и социализации неосуществимой, как «вредную для развития свободной самодеятельности народа», объявив «неприкосновенность» личности и имущества незыблемыми³⁸⁰. Программа крестьянских собственников нашла поддержку на местах:

«Землевладельцам — собственникам, самостоятельно обрабатывающим землю, земля должна быть оставлена на правах частной собственности в количестве, определенном для каждой местности, причем им предоставляется право обрабатывать эту землю как своим, так и наемным трудом. Отчуждаемые земли, согласно программе, должны поступать в государственный фонд для наделения на правах собственности безземельных и малоземельных крестьян, но не всех, а только тех, кто действительно занимается сельским хозяйством».

Программа объявляла неосуществимой и нежелательной всеобщую национализацию земли или социализацию.

Параллельно с Крестьянским союзом были образованы Совет батрацких и Совет крестьянских депутатов (лидер — эсер В. М. Чернов), которые рассматривались как «организации временные», созданные для поддержки Временного правительства. Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов (август 1917 г.) принял «Примерный наказ» (эсеровская аграрная программа), составленный из пожеланий 242 крестьянских депутатов³⁸¹. «Наказ» содержал пожелания о необходимости новых форм ведения сельского хозяйства, которые должны были отвечать главному и

основному условию — единству народного хозяйства, ибо индивидуальное крестьянское хозяйство, по мнению делегатов, не может быть опорой социалистической промышленности в рамках единого комплексного плана, базирующегося на началах коллективизма: «Вся земля: государственная, удельная, кабинетная, монастырская, церковная, посессионная, майоратская, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно». «Наказ» имел временную силу, до созыва Учредительного собрания.

Позиция левых эсеров совпадала по взглядам с большевиками: власть Советам, земля крестьянам. Большевики доказывали необходимость конфискации помещичьих земель, полной национализации, немедленного перехода земли в распоряжение местных комитетов. В лозунге «Немедленный захват!» большевики солидаризировались с левыми эсерами. Общеизвестно, что социалист признает существование внешнего мира лишь в той мере, в какой тот оправдывает представление о нем. Провозгласив главным пунктом своей программы «свободу», социалист никогда не сможет осуществить ее без преимущественного права для себя, оттого и никакого вида социализм, в отличие от либерализма, не сможет дать свободы.

Социалисты искали способ к проведению в жизнь принципа коллективной собственности на средства производства — главного постулата социализма.

Главным пунктом программы социализации являлась выработка у крестьян *идеологии государственных батраков*.

I съезд Всероссийского крестьянского союза (август 1917 г.) концентрировал внимание на крайней неупорядоченности земельных отношений и особой роли государственных органов в разработке аграрного законодательства, подтвердив приверженность коллективному землепользованию и поставив вопрос об «образовании земельного фонда» как близко осуществимой цели.

В сентябре 1917 г. лозунг большевиков «Брать!» означал «Жечь!». Запылали помещичьи усадьбы — очаги самобытной национальной сельской культуры...

II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября 1917 г.) принял «Наказ» в качестве дополнения к Декрету о Земле, который должен был решить аграрный вопрос до созыва Учредительного собрания (январь 1918 г.).

Советы крестьянских депутатов, являвшиеся по определению В.А.Кильчевского «органом крестьянства на страже нового строя для политико-революционной работы», получили предпочтительную поддержку на мартовском съезде кооператоров 1917 г.

перед союзом крестьянских собственников, поддержав эсеровскую программу социализации земельных отношений.

Совет Всероссийского крестьянского союза выпустил специальную агитационную брошюру, содержащую инструкторские советы по организации Советов крестьянских депутатов, стоявших на позиции национализации земельной собственности³⁸².

Центральный кооперативный комитет 4 апреля 1917 г. принял Постановление «Об отношении к Крестьянскому союзу и советам крестьянских депутатов»: «Постановление не принимать никаких мер по отношению к этому союзу, впредь до того, пока не будет выяснена его деятельность. Пока же в порядке частного совещания с организаторами союза выяснить их план деятельности. Для этого избраны: Хижняков, Малолетенков, Чайнов, Беркенгейм, С.Л.Маслов.

Относительно советов крестьянских депутатов постановлено обратиться к населению с воззванием, текст которого поручено выработать Кильчевскому и Н.Малолетенкову, содействовать образующимся при создании таких советов на местах».

ЦКК руководствовался решением Кооперативного съезда 25–26 марта 1917 г. конкретизировать лозунг Учредительного собрания и демократической республики, «дать местным работникам-кооператорам общие директивы, которые облегчили бы политические выступления и организующую работу, полагая, что устройство всей хозяйственной жизни трудящихся масс будет зависеть от кооперации, от ее организованного участия в общем строительстве новых форм жизни и новых экономических отношений».

В преддверии созыва Учредительного собрания кооператоры выразили надежду, что советы будут полными выразителями воли и интересов народа. Ближайшими своими задачами советы крестьянских депутатов ставили следующие: контроль над решением вопроса о земле через Учредительное собрание, подготовку к собранию (выработку наказов, выборы депутатов), контроль над действиями временных органов власти, связь с другими общественными организациями.

Советы крестьянских депутатов рассматривались как «новые органы, новые соединения, чтобы крестьянин стал хозяином новой жизни в новых условиях». «Новым органам Советам придется устраивать гражданское управление и вести революционно-политическую работу». «Советы», по мысли кооператоров, «должны спаять, как соединительная ткань, все крестьянство сверху донизу и со всех концов». Кильчевский, выразитель по-

зиции кооператоров, писал, что Советы крестьянских депутатов «нужны, чтобы собрать крестьянскую мысль.., чтобы выразить эту мысль.., подать голос с видного и слышного места — они как часовые, чтобы дело свободы и счастья народа не претерпело ущерба». Советы крестьянских депутатов призваны «закрепить завоевания революции, не гражданским управлением, а политико-революционной работой»³⁸³.

Совет ВКС — идеологический центр российских кооператоров в области аграрных отношений — выразил полное одобрение социализации земельных отношений, поддержал советы крестьянских депутатов и «Наказ» 242-х³⁸⁴.

Делегация кооператоров на Московском государственном совещании (12–15 августа 1917 г.) представила Временному правительству следующую программу по решению аграрного вопроса:

- руководство делом устроения земельных отношений должно быть делом единой централизованной власти;
- частичное решение земельного вопроса усложняет и затрудняет местную хозяйственную жизнь;
- не может быть сомнения в целостности решений демократического Учредительного собрания по аграрному вопросу.

«Справедливое стремление трудового крестьянства», по мнению кооператоров, приняло «бессистемные формы все растущего стихийного движения», осложняя поземельные отношения, вызывая столкновения, ставя препятствия к планомерному решению земельных проблем. Кооператоры выдвинули основные принципы, необходимые для урегулирования земельных отношений до Учредительного собрания:

- отвергнуть захваты земли отдельными группами, обществами;
- передать в ведение земельных комитетов земли сельскохозяйственного назначения без нарушения существующих земельных отношений;
- издать инструкции, определяющие права и обязанности земельных комитетов и формы их деятельности, защищая интересы земледельческого населения и сельскохозяйственного производства в целом³⁸⁵.

Временное правительство, «изнасилованное» социалистическими идеями, не решило земельный вопрос. Политические партии возлагали надежды на Учредительное собрание. Начало его работы ознаменовалось пением «Интернационала», упованием на примирение, выступлением В.Чернова, открывавшего его словами о том, что Россия выстрадала социализм. Рукопожатие двух

лидеров (эсера Чернова и кадета Н.Львова представителя земельных собственников) не состоялось.

26 октября 1917 г. Совет крестьянских депутатов опубликовал заявление, направленное против захвата власти большевиками и ареста членов Временного правительства и Всероссийского Совета крестьянских депутатов (С.Л.Маслова, С.С.Салазкина)³⁸⁶.

Большевики обеспечили себе поддержку крестьянской России, воспользовавшись лозунгом и эсеров «Земля — крестьянам!». В декабре 1919 г. В.И.Ленин признался, что «большевики ни слова своего не вставили в «Декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов, которые были опубликованы в эсеровской газете. Большевики фактически украли эсеровскую программу, и позже «Декрет о земле» вошел в «Краткий курс ВКП (б)» как большевистский.

В двухпартийное социалистическое вошли левые эсеры, запятнавшие себя серией кровавых покушений, и большевики, единомышленники эсеров в вопросе о земле (разногласия между ними заключались лишь в представлении о сроках и методах построения социализма).

«Борьба за хлеб» стала повседневным занятием новой власти.

В основу ее аграрной программы легли коллективистские начала, опора на плановое хозяйство, общее управление, систему организованного производства и потребления. Отсюда и трудности сразу двух порядков: как отобрать и как распределить. Задача оказалась для российского социализма неразрешимой на протяжении всей его истории, особенно во второй ее части.

В 1918 г. в брошюре «Диктатура пролетариата» лидер II Интернационала К.Каутский писал, что коллективному сельскому хозяйству в России суждено остаться на бумаге: еще нигде и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному хозяйству. Каутский не подозревал, что «теоретические убеждения» с успехом можно заменить голым насилием. Жизнь крестьян и сельское хозяйство были устроены фабрично-заводскому образу и подобию.

Все аграрные реформы в развитых странах в XX в. приводили к разукрупнению землевладений, росту численности хозяев на земле.

Что такое социалистический строй, за который боролись социалистические партии? Отвечая на этот вопрос, Туган-Барановский писал: «Это — такая система хозяйства, при которой средства производства принадлежат не отдельным лицам или хотя бы группам лиц, а всему обществу, как целому».

Крестьянство и промышленный пролетариат сами по себе не идут к социализму. К социализму вообще никто не идет сам, есть ведомые и ведущие — контролеры общественного производства и распределения, бюрократы, опекуны и проповедники социализма, выработавшие абстрактный образ будущего, отличительной чертой которого является дефицит практических знаний, жизненного опыта. Попытка привить лозунг «Общий труд на общей земле» — интеллигентская доктрина социализма. Российский мужик «никогда, даже в апогее своего безумия, в 1917–1918 гг. не был социалистом». Туган-Барановский «нисколько не сомневался», что «крестьянство не только не стремится к социализму, но что, наоборот, оно всеми своими силами окажет противодействие водворению в сельском хозяйстве России социалистического строя, идеалом нашего крестьянства является его собственное хозяйство с достаточным рабочим инвентарем и с достаточным земельным обеспечением». Трудовому крестьянину было чуждо понятие о коллективной личности, он «не утратил любви к своему крестьянскому хозяйству». Здравый смысл — вот источник его *трудоулой психики*. «Здравый смысл — это неуловимое, но фундаментальное свойство личности, приводящее и обеспечивающее принадлежность к очевидному всеединству человечества, к всединому опыту человечества» (Л. Тимофеев).

Приложение 1. Из постановления правления совета кооперативных съездов от 4 апреля 1917 г.

<...>

6. Об отношении к крестьянскому союзу и советам крестьянских депутатов.

Постановлено не предпринимать никаких мер по отношению к этому союзу впредь до того, пока не будет выяснена его деятельность. Пока же в порядке частного совещания с организаторами союза выяснить их план деятельности. Для этого избраны: Хижняков, Малолетенков, Чайанов, Беркенгейм, С.Л. Маслов.

Относительно Советов Крестьянских депутатов постановлено обратиться к населению с воззванием, текст которого поручено выработать В.А. Кильчевскому и Н.В. Малолетенкову, и согласно постановлению содействовать обращающимся при создании таких советов на местах.

Приложение 2. Резолюции, принятые на первом Всероссийском съезде представителей кооперативных союзов, объединений и комитетов в Москве, 25–28 марта 1917 г.

По докладу В.А. Кильчевского «Об участии кооперативов в обновлении страны»:

1. Поддерживая советы рабочих депутатов, кооперативные организации должны также оказывать поддержку крестьянству, которое должно иметь свои органы для выяснения своей мысли, своей воли и для защиты своих интересов.

2. Органом крестьянства на страже нового строя и для политической революционной работы, должны быть внекооперативные советы крестьянских депутатов.

3. Задачей советов крестьянских депутатов должны быть: а) выяснение аграрного вопроса и указание и отстаивание тех мероприятий, которые могут быть осуществляемы до Учредительного собрания. Только Учредительное собрание властно решать вопрос, кому должна принадлежать земля и на каких основаниях, но мероприятия, не защищающие в корне вопроса, могут быть осуществляемы временной властью; б) подготовка крестьян к Учредительному собранию; в) контроль над действиями временных органов власти и наблюдение, чтобы они не отступали от демократических начал; г) представительство интересов крестьян в комитетах общественных организаций, совета рабочих и солдатских Депутатов.

4. Организация советов крестьянских депутатов должна удовлетворять основному требованию — объединять крестьянство сверху донизу не только для выявления воли и мысли населения, но и для проведения практических мероприятий.

5. Кооперативные организации должны всеми доступными средствами содействовать быстрейшему формированию населения в партии и профессиональные организации.

Приложение 3. Из Постановления 6-го обыкновенного общего собрания акционеров Московского народного банка, состоявшегося 23–25 апреля 1917 г.

По докладу председателя комитета служащих и штатах:

а) ассигновать следующие суммы: ...пострадавшим в борьбе за свободу — 5000 руб.; Московскому совету рабочих депутатов — 10 000 руб.;

<...>

и) утвердить произведенный Правлением расход на сумму 50 000 руб. на выдачу субсидий организационному бюро по созыву съезда крестьянских депутатов, поставив вопрос о дополнительном ассигновании на предварительное заключение Правления, совета и Ревизионной комиссии Банка. По выслушивании заключения этой комиссии постановлено: ассигновать в распоряжение Организационного бюро по созыву крестьянских депутатов 100 000 руб., в том числе переведенные уже 50 000 руб., и просить будущий совет крестьянских депутатов предоставить Банку иметь своих представителей в совете. На случай, если явится необходимость в дальнейшем субсидирование совета крестьянских депутатов, уполномочить на это Правление совместно с наличными членами совета и Ревизионной комиссии и по соглашению по сему вопросу с советом кооперативных съездов.

Приложение 4. А.В.Чаянов. Реальные возможности земельной реформы. Ч. 3.

Переходя к земельному устройству существующих теперь крестьянских хозяйств, мы должны с удовлетворением признать, что видные теоретики эсеровского направления не поддерживают в настоящее время вульгарных форм «социализации» земли, представляющих ее в виде всеобщего черного передела.

Вульгарная форма социализации, как мы уже указывали, представляет собой земельную реформу в виде воли, представляет собой земельную реформу в виде отобранных земель от всех ее собственников — общин, товариществ и отдельных владельцев — и раздачу ее в пользование по трудовым и потребительским нормам, сообразно детально разработанному плану, с периодическим контролем равно пользования и отчуждения по дифференциальной ренте, т. е. полным уравнием условий приложения труда.

Мы ни одной секунды не сомневаемся, что после второй русской революции крупное и среднее землепользование перестает существовать в России, и земли, находящиеся в его распоряжении, перейдут к трудовому хозяйству.

Все же остальное *в той форме, в которой оно изложено*, представляет собой материал для адской мостовой.

Несомненно, что наше Учредительное Собрание декларирует уничтожение частной собственности на землю, но если мы перейдем от декларации к реальной жизни, то мы утверждали — и вряд ли П.А.Вихляев, Н.И.Ракитников, С.Л.Маслов, Н.Я.Быховский

и Н.Д.Кондратьев будут оспаривать, что все трудовое и полутрудовое хозяйство останется на своих местах, никто не отрезет у них принудительно те сверхтрудовые излишки земли, которыми они владеют.

Ибо нет в России теперь такой власти, которая могла бы безболезненно проделать эту операцию с *миллионами хозяйств* как общинных и казачьих, так равно и индивидуальных.

Единственно, что представляется возможным, — это, согласно проекту П.А.Вихляева, обложить сверхтрудовые излишки профессиональным и очень тяжелым налоговым бременем, предоставив хозяевам самим отказаться от этих излишков.

А раз отпадает возможность устроить всероссийский общинный передел, раз нельзя будет дать каждому хозяйству отмежеванный уравнинный с другими участок земли, то уравнительность может выразиться только в разнице обложений.

Для того, чтобы уравнивать труд, прилагаемый на хороших землях, с трудом, прилагаемый на плохих, в полной мере, необходимо взять с крестьянского хозяйства всю дифференциальную ренту.

В этом случае я могу согласиться с Б.Д.Бруцкусом, утверждающим, что у правительства, решившегося на эту операцию над всем крестьянством, «весьма быстро засверкают пятки». Если социально и политически можно отобрать путем налога всю ренту со сверхтрудовых излишков полу трудовых хозяйств, то эта операция невыполнима по отношению ко всей крестьянской земле в целом.

Однако если мы признаем осуществимой организации, уравнительного землепользования по типу всероссийского общинного передела, то из этого еще не следует, — что мы присоединяемся к Н.Н.Чернецкому, утверждающему, что в области земельной реформы государственная власть должны принадлежать только законодательная, но не распорядительная власть.

Мы считаем необходимым две формы проявления распределительной государственной власти.

Во-первых, должно быть расширено право государства на всякие принудительные землеустроительные и мелиорационные действия, границы земельных владений должны стать гибкими в руках организованного общественного разума, устроющего земельную площадь своей родины. Обмен участками, уничтожение чересполосицы, округление границ, проведение мелиорационных каналов должны быть беспрепятственными.

А, во-вторых, государство, организующее свою земельную площадь, необходимо должно изъять землю из товарного оборота

и положить свою руку на мобилизацию земель. Это право вместе с правом — правом, а не обязанностью — принудительного отчуждения любой земли — дает в руки государству полное господство над землями и допускает возможность постепенного обобществления всех земель и попутной организации их территории³⁸⁷.

Приложение 5. А.В.Чаянов. Реальные возможности земельной реформы. Ч. 4.

Если ряд пунктов наших старых аграрных программ отпадает, благодаря социальной и политической возможности воплощения их в жизнь, то некоторые другие приходится пересмотреть с точки зрения интересов всего нашего народного хозяйства в целом.

Ставя своею целью передачу всех земель трудовому хозяйству, мы, озабоченные устройством нашей народно-хозяйственной жизни, должны призадумываться над судьбою наших лесных странств и так называемых специальных хозяйств.

Правильное устроенное лесное хозяйство, разделяющее леса на многие десятки участков, постепенно вырубаемых в 60–80-летием возрасте и вновь искусственно засаживаемых, требует огромных площадей, плана хозяйства, разработанного на десятки лет вперед, и единой воли, осуществляющей этот план руками многочисленных работников, сторожей, лесничих, пильщиков, объездчиков, конторских служащих, приказчиков, ученых лесоводов и других специалистов.

Размеры этого хозяйства и присущая ему сложность разделения труда между многочисленными категориями работников делает его непосильным для трудового хозяйства.

Поэтому при обращении лесов в общенародное достояние они не могут быть распылены между отдельными трудовыми хозяйствами или даже общинами, но должны быть переданы частью в распоряжение целых органов самоуправления, а для лесов, имеющих общегосударственное значение, в распоряжение самого государства.

Совершенно иные причины заставляют нас обратить внимание на племенное животноводство и прочие виды хозяйств, трудящихся не столько большого капитала или многочисленных рабочих рук, сколько глубоких знаний и тонкого искусства.

Таких хозяйств очень немного, их организация складывается из двух элементов: творческого ума, усвоившего весь запас знаний, скопленных человечеством в этой области, исследующего и на-

правляющего хозяйство часто интуитивными путями, и многочисленных рабочих рук, выполняющих задания, данные агрономическим разумом. Громадное государственное значение этих хозяйств не может быть отвергнуто никем, а число руководителей, могущих их вести, ничтожное. Использование их знаний и их искусства заставляет государство вооружать их творческую волю не только их собственными руками, но и потребным количеством других рук — мощным рабочим аппаратом, который позволит использовать ее до конца.

Мы не решаем сейчас спорного вопроса о том, в государственной или кооперативной форме должны быть организованы хозяйства этой категории, и как будет поступлено во время реформы с теми из них, которые сейчас находятся в частной собственности. Ясно только, что хозяйства эти не могут быть построены на трудовых началах.

Есть не мало и других пунктов, очерчивающих реальные рамки будущей земельной реформы. Размеры газетной статьи не дают нам возможности останавливаться на них сколько-нибудь подробно и заставляют нас просто ограничиться перечнем тех мероприятий, которые доступны, по нашему мнению, организованному общественному разуму при сложившейся политической и экономической обстановке.

1. Изъятие земли из свободного товарооборота и передача каждого перехода земель в ведение местных земельных комитетов.

2. Постепенное образование национального земельного фонда, образуемого первоначально путем принудительного отчуждения прочных частновладельческих хозяйств и пополняемого затем обобществлением земель общинных, хуторских и частновладельческих, поскольку это является необходимым при осуществлении плана земельного устройства.

3. Национализация лесов и культурных хозяйств.

4. Прогрессивное обложение земель с таким темпом нарастания податных ставок, который бы делал невозможным развитие капиталистического земледелия.

5. Организация переселения населения из малоземельных районов в рантье экстенсивного земледелия.

6. Разработка и проведение в жизнь широкого плана землеустроительных и мелиоративных работ.

7. Организация государственного финансирования крестьянского хозяйства и его кооперативов, а также ряд других мероприятий аграрной политики.

Вот перечень мероприятий, которые кажутся нам вполне осуществимыми и в то же время вполне достигающими тех целей, которые стоят перед русской демократией.

Мероприятиям этим могут быть даны различные обоснования, им может быть передано различное значение и, наконец, они могут быть по-разному названы, по сути дела все это изменить не сможет³⁸⁸.

Приложение 6. А.В.Чаянов. Основные факторы аграрной действительности.

За последние недели автор этих строк в целом ряде споров и бесед по аграрному вопросу был вынужден убедиться, насколько мало знакомо русское общество с основными цифрами по *одному из наиболее спорных и важных вопросов русской революции*.

Порой хочется крикнуть на весь свет — «Граждане, каждый из нас, желающий думать и говорить по вопросам аграрной реформы, гражданственно обязан, прежде всего, ознакомиться с основными фактами аграрной действительности!»

Сколько лишних утопий и недоразумений сразу отпадает, и насколько серьезнее и реальнее станут наши споры.

Возьмите в руки «Статистический справочник по аграрному вопросу»³⁸⁹, изданный «Лигой аграрных реформ»³⁹⁰ и вы увидите, какие узкие пределы аграрного строительства станут перед нами.

По переписи 1905 года, мы имели в Европейской России наделных крестьянских земель — 138,7 млн десятин, состоящих главным образом из пашни, лугов и выгонов.

Казенных и удельных земель насчитывается 145,9 млн, но из них только 5,2 млн были свободны от леса.

Монастырские и церковные земли составляли всего 2,6 млн, из них удобных земель 1,6 млн дес.

Частновладельческие земли составляли 101,7 млн, но из них свободных от леса было 67,3 млн.

Кроме того, из частновладельческой земли уже к 1905 году было куплено крестьянами, как обществами и товариществами, так ровно и отдельными дворами, 24,6 млн десятин.

Таковы цифры 1905 года. После волны аграрных беспорядков первой революции помещики приступили к ликвидации своих земель, и к 1911 году крестьяне приобрели еще 5,6 млн десятин. Так как за период 1911–1917 г. крестьяне приобрели только через Крестьянский банк 2,6 млн десятин, то мы можем понять, что с

1861 года до начала русской революции из частновладельческого фонда земель было куплено крестьянами более 33 млн десятин.

В итоге мы имеем теперь в руках крестьян:

Надельной земли 138,7 млн дес.

Купленной крестьянами 33 млн дес.

Всего крестьянской земли 171,7 млн дес.

У помещиков, купцов и прочих частных владельцев оставалось к 1917 году всего — 68,7 млн десятин, из которых подавляющее количество составляли леса.

Берем данные сельскохозяйственной переписи 1916 года. Оказывается, что по 49 губерниями из 71,4 млн посевов крестьянам принадлежало 63,7 млн, а владельцам (считая, в том числе, и крестьян, пользующихся широким наймом работников) всего 7,7 млн или 10,8% всей посевной площади.

А из каждых 100 личностей, работавших в сельском хозяйстве, 93 было крестьянских и только 7 владельческих.

Таким образом, из 68,7 млн десятин владельческой земли 7,7 млн составляли посева, добавляя пар и луг, а также земли оккупированных губерний, мы получим около 13 млн десятин, эксплуатируемые владельцами. Есть данные полагать, что около 20 млн десятин пашни и луга сдавались владельцами крестьянам, и, следовательно, 36,7 млн десятин было под лесом.

Если мы примем, что целая четверть крестьянских земель находится под лесом и неудобными землями, то мы получим такое сопоставление баланса пашни, луга и выгона:

В крестьянских руках 120,2 млн дес. или 72,5%;

Владения в аренде у крестьян 20 млн дес. или 12,1%;

Владельческие в эксплуатации 13 млн дес. или 7,8%;

Казенные и удельные 5,2 млн дес. или 1%;

Монастырских 1,6 млн дес. или 9%;

Городов и учреждений 6,0 млн дес. или 6%;

Всего 166 млн дес. или 100%.

Из 101,7 млн дес. частновладельческих земель 60,6 млн были заложены при оценке в 52 752 млн руб., и из них на 1 млн руб. 1915 года числилось ипотечного долга 3280 млн руб., из которых 1268 руб. приходилось на долю Крестьянского банка.

Вот самые важные из цифр. Но для того, чтобы хоть сколько-нибудь разобраться в аграрной программе — необходимо гораздо более глубоко ознакомиться с фактами аграрной действительности³⁹¹.

Приложение 7. Приказ Правителя и Главнокомандующего Вооруженными силами на юге России. 20 мая 1920 г. № 3226. г. Севастополь.

Русская Армия идет освобождать от красной нечисти родную землю.

Я призываю на помощь мне русский народ.

Мною подписан закон о волостном земстве, и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудших, которые вернутся к нам.

Народу — земля и воля в устройении государства!

Земле — волею народа поставленный хозяин!

Да благословит вас Бог.

Генерал Врангель

Обращение

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конце разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасите родину.

Генерал Врангель³⁹²

Продовольственная программа кооператоров

Первая мировая война нарушила нормальный ход хозяйственной жизни страны. Продовольственные трудности становились причиной нестабильной обстановки в городах. Государственное регулирование производства и торговли началось в целях обслуживания нужд армии, оборонной промышленности, а затем перешло и на нужды городского населения. Правительство решилось на меры,

гарантирующие потребительные запросы. Но попытка введения регулирования взаимоотношений производителей и потребителей окончательно дестабилизировала обстановку в стране к началу 1917 г.

Еще в 1915 г. в одночасье не стало овса — встала кавалерия. 15 февраля 1915 г. был издан закон, санкционировавший запреты местного вывоза продовольствия и реквизиции — губернии обросли заставами, произошла «контузия» торговли. Под давлением активной общественности и левых, несмотря на сопротивление Министерства земледелия (министр Кривошеин), были введены твердые цены на хлеб для казенных сделок. Съезды по борьбе с дороговизной рождали разного вида комитеты, которые оказались мертворожденными. Итогом деятельности министерства внутренних дел стали облавы на перекупщиков.

Продовольственные трудности в Германии начались с октября 1914 г., как, впрочем, и в Европе. Однако из всех стран, участников мировой войны, лишь Россия «разрешила себе не думать о продовольствии заблаговременно». В 1913 г. урожай был оценен в 5 млрд руб., в 1914 г. — в 4 млрд 200 млн руб., в 1915–16 г. — по 4 млрд руб. Годовой российский вывоз зерна составил до войны 600–700 млн пудов — наибольший хлебный экспорт в мире. С прекращением вывоза за рубеж с началом военных действий появился ежегодный полумиллиардный избыток. Закрома просто трещали. К 1916 г. не убавилось крупного скота, овец, свиней, прирост жеребят составил 87% — по отношению к 1912 г. Посевная площадь (включая неиспользуемую) превосходила потребности страны в 1,5 раза³⁹³.

Причина нехватки продовольствия крылась в неумении выстроить схему доставки продовольствия из деревни в город и его распределения. Правительственная политика окончательно дестабилизировала обстановку в стране к концу 1916 г. Центральное место в думских прениях заняли поиски виновников положения в стране. Министр продовольствия А.Риттих в своем разъяснении продовольственного положения признал, что оно близко к катастрофическому³⁹⁴. Твердые цены — главная причина продовольственной разрухи. Введенная осенью 1916 г. хлебная разверстка обернулась недоверием к правительству. Твердые цены «прогнозили хлеб с рынка». Разверстка вела к сокращению посевных площадей, которые пойдут под сенокосы, — таков смысл горячих выступлений крестьянских депутатов Думы, выразивших мнение 91% населения России. Их голос не был услышан, вернее, — утоплен в голосах политических болтунов, ставивших главную задачу — свалить пра-

вительство. Шла борьба за власть. «Едиственный выход — «борьба», все в интересах города, «город — артерия государственного творчества» (А.Ф.Керенский).

«Представители вольнолюбивого русского общества, воспитанные в понятиях, прежде всего, *борьбы* классовой и экономической, получили внушительную возможность защитить интересы патриотического городского населения от темных корыстных сил *агратиев* — термин, хотя и пришедший с Запада, но хорошо усвоенный русской интеллигенцией: аграрии — это те, кто владеет землей, но есть, прежде всего, и главным образом помещики, к ним же приходится отнести, больше некуда, и крестьян (4/5 возделываемой земли)... Чтобы не дать помещикам выиграть от хлебных цен — готовы были задушить крестьян»³⁹⁵.

Ораторы из «Прогрессивного блока» в соответствии с «классовым подходом» рассуждали — крестьянам выгоднее продавать по дешевым ценам. Из-за боязни дать нажитья «агратиям» все отдали на откуп городским спекулянтам. Предполагалось насильственно извлекать хлеб из 18 млн крестьянских хозяйств. «Может быть, последний раз рука судьбы подняла те весы, на которых взвешивается будущее России», — сказал А.Риттиха 14 февраля 1917 г., предложив развернутую программу действий. Суть ее состояла в повышении для оплаты разверстки твердых цен на хлеб для оплаты разверстки, которые должны быть ниже спекулятивных. Хлеб, оставшийся после разверстки, должен был поступать в продажу по открытым ценам. Предложение, позже выдаваемое за гениальное экономическое решение недоучившегося провинциального адвоката, не было реализовано — его заблокировала Дума. 23 февраля начался погром булочных, 90 тысяч рабочих бастовали, 28 февраля — всколыхнулись запасные батальоны.

«Правительственный кризис дал толчок движению масс». Государственная Дума — возбудитель общественного беспокойства, штаб февральского переворота — встала «на путь борьбы за власть». В попытке разрешить имевшие место проблемы Временное правительство расширило круг регулирующих центров, изменило их состав, продолжило политику регулирования в хозяйственной деятельности, раздвинуло рамки задач, стоящих перед этими органами. После Февраля 1917-го, *все* народное хозяйство в целом стало предметом забот правительственных органов. Твердые цены прогнали хлеб с рынка, была упущена навигация, хлеб остался на местах, не появился там где он был нужен.

1 марта 1917 г. Центральный Кооперативный Комитет (ЦКК), закрытый правительством в 1915 г., возобновил свою рабо-

ту. С целью урегулирования продовольственного снабжения ЦКК призвал кооператоров не оставаться в стороне от «народного движения» в хозяйственной организации продовольственного дела, снабжения армии и города. ЦКК признал положение продовольственного дела угрожающим и принял ряд постановлений. В числе прочих — обращение к кооперативным организациям и другим работникам на местах о принятии мер к поступлению хлеба на рынок, посылка во все союзы и объединения специальных писем о содействии продовольственному делу, выпуск воззваний, отправка в союзы и объединения телеграмм с теми же предложениями и специальных делегатов в «хлебные» районы. Обращения кооператоров носили чисто декларативный характер: «Во имя свободы, во имя народного счастья усилить подвоз хлеба»; «Организуйте население! Организуйте его в целях доставления продуктов, организуйте его в целях распределения их!». ЦКК придерживался мнения, что «новым народным правительством неотложно должен быть выработан единый и твердый план регулирования продовольственного дела в стране. Он должен быть выработан при участии представителей кооперации и проводим на местах при непрременном их участии».

ЦКК обратился с предложением к правительству обеспечить представительство кооперации в органах, которые будут образованы для регулирования продовольственного дела. Кооператоры считали, что немедленное повышение твердых цен необходимо не только в интересах крестьян-производителей, но и в интересах потребителя. Эти меры «должны быть немедленно учтены для полного обеспечения завоеваний революции». Однако, полагали они, «твердые цены, таксы, карточная система — все это полумеры, которые до конца вопроса не решают... Правильная организация производства, направляемая интересами народа, подчинение частного интереса производителя нуждам трудового потребителя — вот такова должна быть производственная программа нового правительства»³⁹⁶.

Министр земледелия Временного правительства А.И.Шингарев (март-июль 1917 г.) поддержал политику твердых цен на хлеб: «Если хлеб становится государственной собственностью, то государство должно предоставить и необходимые землеробу продукты: мануфактуру, железо, керосин и проч. В полном количестве. Является необходимо нормировать и эти продукты и установить на них цены. Это — вторая очередная задача правительства. И я предвижу, что и в этой области кооперативным организациям придется взять на себя значительную долю труда».

Временным правительством был создан Государственный продовольственный комитет, ядром которого был Торгово-промышленный союз (Гучков, Рябушинский). Продовольственное дело оказалось в руках «прогрессистов», в связи с чем ЦКК принял решение не создавать собственный продовольственный орган при Совете ВКС, а поддержать политику правительства в этом вопросе, создав очередную продовольственную комиссию, которую возглавил товарищ министра земледелия, один из руководителей МСПО В.Н.Зельгейм. В комиссию вошли его ближайшие товарищи по кооперации. В Государственный продовольственный комитет были избраны: от Совета ВКС — С.Н.Прокопович (зам. — Н.В.Малолетенков), от Севера — С.А.Ершов (зам. — Т.Т.Вырво), от Юга — В.Н.Анисимов (зам. — Л.С.Зак).

Шингарев возлагал большие надежды на помощь кооперации в продовольственном деле, поскольку, как считалось, центральные кооперативные учреждения Москвы «дали государству свои лучшие силы для ведения этого дела».

И Всероссийский съезд представителей кооперативных союзов, объединений и комитетов (25–27 марта 1917 г. Москва, университет А.Шанявского) в числе других обсудил вопрос об участии кооперации в продовольственном деле. Докладчиками по этому вопросу выступили А.М.Беркенгейм, В.ВХижняков, В.Н.Зельгейм и др.

Вот что отмечал в своем докладе «Участие кооперативных организаций в продовольственном деле» Зельгейм:

1. Кооперативные организации, как учреждения, наиболее приспособленные для выполнения общественно-хозяйственной работы, обязаны напрячь все свои силы для разрешения продовольственного кризиса;

2. Работа кооператоров должна сейчас в интересах демократии вестись не под углом зрения частно-хозяйственных интересов, а в направлении удовлетворения общегосударственных, т. е. общенародных интересов;

3. Кооперативы и союзы должны принять самое деятельное участие в организации и работе вновь учрежденных продовольственных органов, заботясь при их организации о наиболее полном представительстве в них трудовой демократии, крестьянской и рабочей;

4. Исполнение хозяйственных операций по заготовке и распределению продуктов должно быть возлагаемо продовольственными управами по возможности на кооперативы. При этом, кооперативы, сообразуясь со своими силами, не должны брать на себя те функции, которые в должный момент могут быть выполнены лучше земствами, городскими или частно-торговыми организациями;

5. Кооперативный съезд должен одобрить произведенную Центральным кооперативным комитетом делегацию своих представителей на помощь Временному правительству для заведывания продовольственным делом и гарантировать своим представителям всемерную поддержку в проведении на местах продовольственных мероприятий;

6. Съезду следует обратить внимание на неотложную необходимость увеличения количества продуктов и товаров первой необходимости, поступивших на внутренний рынок, для того, чтобы деревня получила в обмен на хлеб необходимые ей продукты;

7. Для усиления и укрепления хозяйственной жизни страны в интересах демократии и обороны страны считать целесообразным:

а) возвращение из тыловых войсковых частей, а по необходимости и с фронта, активных кооперативных работников;

б) возвращение из армии ратников 1 и 2 разряда старых возрастов;

в) отпуск солдат из запасных тыловых частей на полевые работы.

В мае 1917 г. в Петрограде собрался съезд уполномоченных по продовольственному делу, на котором обсуждались практические меры по проведению на местах закона о государственной хлебной монополии и выработанного министерством плана финансирования закупочных операций. Съезд поддержал эти мероприятия, а также организацию на местах чрезвычайных продовольственных органов — волостных комитетов. В.Н.Зельгейм в своем выступлении вновь призвал к тесному взаимодействию всех органов, регулирующих хозяйственное дело, к твердому и неукоснительному проведению в жизнь закона о хлебной монополии. Съезд внес предложение пополнить продовольственные комитеты представителями Советов солдатских депутатов, краевых совещаний и краевых уполномоченных по продовольственному делу, одобрил проект по финансированию мероприятий из Государственного банка. Расходы по операциям включались в заготовительную цену. Финансирование продовольственных операций городов, земств и кооперативов предполагалось проводить через губернские продкомитеты. Министр продовольствия Временного правительства А.В.Пешехонов поддержал решение съезда, отмечая, что «ныне найден путь прямой, и необходимо приступить к напряженной работе».

Суть государственного плана проведения продовольственной программы заключалась в следующем:

1. Выработка основных начал планомерного регулирования в распределении продуктов первой необходимости;

2. Нормирование цен и труда (законопроект о хлебной монополии, введение государственной собственности на зерновые продукты, их отчуждения и реквизиции), распределение продовольствия и продуктов первой необходимости, создание заготовительно-распределительного аппарата, изменение деятельности некоторых кооперативов (кооперативы не смогут оставаться самодовлеющими хозяйственными организациями, а станут исполнителями хозяйственных функций в государственном масштабе, подчиненными агентами публично-правовых продовольственных органов).

Роль кооперации в проведении хлебной монополии сводилась к следующему:

1. Довести до минимума начала реквизиции хлеба в трудовых хозяйствах;

2. Использовать известный простор в своей деятельности в сторону увеличения или уменьшения нормы реквизиции. II Всероссийский чрезвычайный кооперативный съезд подчеркивал, что закон о хлебной монополии не работал, ширилась частная нелегальная торговля, ибо «монополия не может снабдить всех хлебом, каждый снабжает сам себя». «Как быть? — вопрошал на съезде А.А.Анисимов, товарищ министра продовольствия. — Вернуться к свободной торговле невозможно, т. к. это грозит спекулятивным ростом цен. Но, с другой стороны, мы не в состоянии ввести монополию в действительность, потому что в распоряжении правительства нет средства уничтожения свободной торговли. Закон о монополии — мертвая буква, революционная власть не получила поддержки на местах». Вывод кооператоров и представителей власти: необходим закон, гарантирующий организованное принуждение, «необходимо для упорядочения хозяйственной жизни целое революционное законодательство». Анисимов указывал на эгоизм отдельных классов: «Нужны, видимо, страшные новые потрясения, чтобы сердца наши загорелись, наконец, великой спасающей любовью в Родине». Но продовольственным структурам никто не подчинялся.

Продовольственный кризис продолжал углубляться, как и прогрессирующий развал всей экономики России, потрясенной революционными преобразованиями. Таким, в итоге, был результат социалистических экспериментов, проводимых Временным правительством, наследником IV Государственной думы.

«Хлеб производится одним классом, а он нужен другому классу... Только тогда, когда государственная связь этих классов

ясна, и когда один класс поддерживает другой класс и хочет поддержать его, как своего брата. Только тогда возможно разрешение продовольственной проблемы. Переход к принуждению является, безусловно, необходимым. Он нам нужен, без этого перехода мы не можем спасти ни дела нашей родины, ни дела революции. Продовольственное дело висит на волоске, чтобы крестьяне продолжали давать хлеб, надобно им сказать, что да они братья рабочих, они братья горожанам, и гражданская война между отдельными частями русского государства не должна иметь места. Такова воля, таково постановление наиболее компетентного государственного учреждения в стране», — вот что следовало из выступления С.Н.Прокоповича, министра торговли и продовольствия, председателя Совета ВКС 11 сентября 1917 г. на Кооперативном съезде. В нем шла речь и о создании условий по закупке хлеба у крестьян по твердым ценам, о прекращении анархии на местах и на транспорте, о введении Временным правительством на предприятиях и железных дорогах рабочего самоуправления.

Кооператоры, оставаясь на позиции хлебной реквизиции, отмечали, что запасы громадны, можно вывезти до миллиона пудов, в деревнях имелись хлебные «кладушки», стоящие 10–15, а то и 20 лет нетронутыми. В стране обозначились две реальные ценности: золото и хлеб: «У мужика гвоздя нет для починки телег, подковы дляковки лошади, а смотришь, в городах голод наступает»³⁹⁷. В августе цена рубля упала вдвое, стране с полными закромами угрожал голод. Из Донецкого бассейна звучали крайне тревожные сообщения о катастрофическом положении: Совет съезда горнопромышленников юга России сообщал, что запасов хлеба, особенно в Екатеринославской губернии, осталось всего на 2–3 дня, о бессилии продовольственных органов, об остановке рудников по причине недостатка муки. Положение центра России также было критическим: в Туле острый продовольственный кризис, населению на 10 дней выдано по 5 фунтов полубелой муки на человека, выдача ржаной муки прекращена, другие зерновые продукты в городе вообще отсутствуют, в случае непринятия экстренных мер городу с двухсоттысячным населением грозил голод³⁹⁸.

Один из авторитетных в то время общественных деятелей — Дмитрий Дмитриевич Протопопов — протестовал против циркуляра министерства земледелия о всеобщей системе закупок и распределения хлеба, и о привлечении к решению этой проблемы местной общественности, комитетов и кооператоров. Он предлагал решить вопрос путем облав, застав и обязательных поставок. Другой политик — Стемиковский — пошел далее: «Одних твердых

цен недостаточно. Надо идти по пути реквизиции с разверсткой... Если мы просто перейдем к деловой работе по продовольствию — армия нас не поймет».

Им вторили кадеты. В. Львов: «Мы уже пошли по пути государственного социализма. И нужна общественная *диктатура продовольствия*». Шингарев: «Надо решать — будем ли отстаивать или херить путь государственного социализма? Тут можем рассориться».

Российская интеллигенция считала, что хозяйственную задачу можно решить внеэкономическими средствами. Октябрьский переворот — естественное следствие банкротства интеллигентской идеологии: «Война и революция как бы устранили на время самое понятие и регулирующее влияние экономики из жизни страны, балансирование производства и потребления велось воздействием не на производства, а на распределение, мерами государственного регулирования, с одной стороны, и спекуляцией и контрабандой, представлявшими своеобразие коррективы сдавленного потребления — с другой»³⁹⁹. Причину социально-экономической напряженности Гриневецкий усматривал в отсутствии политических и общественных форм, регулирующих взаимоотношения труда и капитала. Он сделал вывод, что не война повинна в разрухе, а революция, т. к. она получила в наследство неразрушенный хозяйственно-производственный аппарат. Война создала лишь трудности для поставок сырья, топлива, развития и функционирования транспорта. Однако отдельные виды промышленности получили значительный толчок к развитию. Перед революционным правительством стояли две задачи: решительно и целесообразно устранить дефекты, поднять производительность, принять намеченные технические меры. Но увлечение социалистической фразеологией свело все усилия на нет.

Политическая демагогия имела такие последствия, как кризис труда, технический и организационный. Падение производства углубилось в Октябре 1917-го, создав беспрецедентное в мировой истории положение — первый опыт погружения развитого капиталистического хозяйства в хаос. События 1917 г. обнаружили банкротство социалистической идеологии. Отныне, утверждал Гриневецкий, эта идеология, строившая воздушные замки социалистического благополучия, должна быть изжита.

Продовольственную проблему Временному правительству при полной поддержке кооперативной бюрократии (администрации МСПО, Совета ВКС) решить не удалось. Эстафету хлебной монополии приняли решительные большевики, которые считали, что «рассчитывать на социализм крестьян смешно». Позиция но-

воявленных правителей была ясна: «Могучим средством учета и контроля», руками «полновластных Советов» ввести «хлебную монополию». «Это средство контроля... посильнее законов Конвента и его гильотины»⁴⁰⁰.

Делегаты всероссийских союзов металлистов, железнодорожников, пиццевиков, химиков и т. д. принимали резолюции, подвергая резкой критике продовольственную и земельную политику большевистского правительства: «Реквизиция хлеба дает вообще незначительные результаты сравнительно с нормальной ссыпкой... При нынешних условиях сохранение ее явилось совершенно излишним и бесцельным, напрасно раздражало бы крестьянское население и понижало бы охоту его к широкой организации посевов». Делегаты требовали от правительства немедленно, «особым актом воспретить впредь реквизицию у крестьян хлеба и совершенно прекратит деятельность реквизиционных отрядов продармии». Они намечали шаги к поощрению крестьянства, «на которое по-прежнему падает основная тяжесть сельскохозяйственного производства», и добивались от правительства немедленно, «особым, широко публикуемым актом дать категорическое заявление, что верховная советская власть обеспечит крестьянину надлежащее пользование плодами его труда». Речь шла о пересмотре твердых цен на хлеб, благодаря чему были бы «удовлетворены справедливые интересы трудового крестьянства в духе оплаты его трудовых затрат». Уменьшение назначенных центральной властью зерновых и фуражных норм, реквизиции имущества без формального специального предписания центральной власти должны быть запрещены под угрозой строгой ответственности виновных, немедленно пересмотрен вопрос о допустимости конской мобилизации в предстоящий период весенних работ⁴⁰¹.

Так обыватели «выбросили за борт» все элементы продовольственной политики большевиков: войну за хлеб, широкую «самодеятельность» комбедов. Критикуя продовольственное и земельное ведомство, гражданское население предлагало «подвергнуть строжайшему преследованию все органы местной власти, которые будут принудительно побуждать крестьян к вступлению в коммуны», что вызывало большие протесты со стороны крестьян. Признавалось необходимым привлечение крестьянства к обработке земель советских хозяйств крестьянским скотом и инвентарем (т. е. фактически, передача посевных площадей советских имений в землевладение крестьянам). Так, камня на камне не оставалось от плана коммунистического переустройства сельского хозяйства, затеянного сотрудниками Наркомзема в 1919 г.

Еще в 1918 г. левоэсеровский политик и экономист В. Трутовский предложил план *переходного периода*: развития кооперации, строительства ГЭС, госкапитализма, постепенного огосударствления тяжелой индустрии через овладение контрольным пакетом акций. Мысли Трутовского, высказанные в 1918 г., кажется, сплошь состоят из цитат более позднего «экономического гения» нэпа — Ленина.

Новая экономическая политика, введенная после социально-экономического коллапса, унесшего тысячи жизней, принесла повышение твердых цен на хлеб для оплаты разверстки, продажу хлеба сверх разверстки по свободным ценам, что способствовало решению продовольственного кризиса.

«Ничего поучительнее нет дум и мнений былых, давно ушедших с лица земли, людских поколений. Былая жизнь стояла под определенным законом; в ней царила устойчивая и строгая мера. Теперь о том можно вспоминать с горьким сожалением, либо с тихой печалью. Или просто — спокойно отмечать непрестанное движение и изменение судеб человеческих. Новый мир пытается встать — особенно в хозяйственных отношениях — вне твердых правил и необходимых примеров»⁴⁰², — так с ностальгией писала кооперативная пресса в 1919 г., вспоминая былые политические и экономические свободы, казавшиеся ранее тесными. Социальная практика революционных преобразований, подстрекателями и участниками которой явились и сами кооперативные идеологи, обернулась кровавой драмой.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Рабочая кооперация

«Нам не дадут освобождения
Ни цезарь, ни трибун, ни Бог.
Найдем мы сами путь спасенья —
Все будут счастливы, дай срок!..»

Эжен Потье

«Кооперативное движение демократично в самой своей основе, и в этом заключается главная сила кооперации. Объединяя однородные интересы широких масс населения, кооперативное движение в целом не может отклониться от общего пути социального развития, направленного к максимальному обеспечению материальных интересов трудящихся классов. Потому идейные вожди потребительной кооперации и исповедуют социализм как общепринятую конечную цель развития современного классового общества».
А.Н. Рабочее кооперативное движение // Союз потребителей. № 30–31. С. 15.

«Оба движения — политическое и кооперативное — стремятся к одной цели, но делают это каждое по-своему. Таким образом, быть кооператором, значит быть социалистом, стремиться к новому общественному строю, готовить его наступление».

А. Фортунатов

Рабочая кооперация вступила на путь самоопределения и осознания поставленных перед ней задач сразу после окончания русской

революции 1905–1907 гг. Народные низы стояли в стороне от кооперативных идей, носителем которых оставалась умеренная интеллигенция. Марксисты рассматривали кооперативное «толстовство» и профсоюзное движение как один из возможных рычагов воздействия на власть. С переходом кооперативного руководства в руки социал-демократов отношение к кооперации изменилось. Она перестала быть самодовлеющей формой общественно-экономического движения, стремящейся преобразовать сама по себе современное общество. В оценках революционных демократов кооперация становится одной из форм политической борьбы.

Первое рабочее кооперативное объединение в Москве возникло при поддержке и посредничестве МСПО в 1908 г. Ткачи Иваново-Вознесенска образовали в 1906 г. кооператив «Единение — Сила»; в 1907 г. в Петрограде возник «Трудовой союз»; в Екатеринославле — «Работник»; в 1909 г. в Киеве — «Вперед». Движение по созданию кооперативов в среде металлистов и рабочих типографий, железнодорожников началось в 1907–1908 гг.

Подводя итоги рабочего кооперативного строительства, журнал «Союз потребителей» (1923. № 2) отмечал, что «в легальных профессиональных союзах, в рабочих кооперативах, охвативших широкие массы» шла борьба «за идеологическое влияние марксизма на кооперативное движение, борьба против романтически-мещанской идеологии... и экономизма». Это характерным образом отражалось на выступлениях представителей рабочих кооперативов на собраниях уполномоченных МСПО. «Создание специального популярного журнала «Объединение» для обслуживания рабочей кооперации и редактирование последнего марксистами означало уже большие бреши в старой идеологии»⁴⁰³ (изд. с 1911 г., ред. В.Зельгейм).

Печатный орган «Союз потребителей», взявший на себя миссию идейного руководителя всей российской кооперации, писал, что «кооперативы представляют собой хотя и подсобную, но очень важную форму рабочего движения, а потому рабочие должны состоять их членами и принимать в их делах самое деятельное участие — так смотрят на кооператив различные профессиональные и иные рабочие организации, в таком духе высказывались многие рабочие съезды»⁴⁰⁴. Была также высказана мысль о взаимной поддержке профессиональных союзов и кооперативов.

Тема отождествления кооперации с профессиональным и рабочим движением — не новая в кооперативной идеологии, как и размышления об истоках рабочей кооперации. В Германии социал-демократ Гере поставил вопрос о рабочих кооперативах,

вызвав большую дискуссию в печати. Против него ополчились все немецкие кооператоры, в том числе и руководители Центрального союза немецких потребительных обществ: И.Мюллер, Кауфман, Штаудингер и др. Они доказывали, что нельзя говорить о *рабочих* потребительных обществах, надо говорить о *всеобщих* или, лучше, о *народных обществах*. И в России мнение Гере вызвало ряд возражений, т. к. считалось, что цель обществ — объединение потребителей, что потребительная кооперация вообще социалистична, поэтому ее нельзя делить на рабочую и крестьянскую. Ш.Жид, И.Кауфман указывали, что представители всех классов имеют «одно общее свойство — быть потребителями», а потому кооперативы не могут быть классовыми. Кауфман отрицал всякое вмешательство кооперации в политику, видел противоречия в теории нейтральности и в теории классовой борьбы. Мюллер писал, что классовая борьба антисоциалистична, «вместо социалистического духа в рабочем движении царит дух индивидуума и эгоизма», что классовая борьба наполняет рабочий класс фанатической ненавистью, что «лозунг классовой борьбы — это ложная догма».

Большинство руководителей потребительных кооперативов Западной Европы, например, Бельгии и Франции, примкнули к политическим партиям, проигнорировав мнение рядовых кооператоров, что «смешение интересов партийных, профессиональных и кооперативных действует вредно». Российская потребительная кооперация наряду с численным ростом переживала процесс внутреннего расслоения и идейного самоопределения различных социальных групп потребителей: внутри кооперации выдвигалась идея классовой борьбы, всесловной потребительной кооперации противопоставлялась рабочая. К 1913 г. число рабочих кооперативов, по мнению М.Хейсина, составляло 7% от общего числа потребительных обществ. Общее количество потребительных обществ на 1 января 1914 г. выражалось в 10 800, рабочих обществ — 700–750, число членов — 30% общего количества потребителей, оборот рабочих кооперативов — 45% всего оборота потребительных обществ⁴⁰⁵. Цифры эти, однако, многие считали преувеличенными, поскольку точной статистики не существовало.

Начавшаяся мировая война, с одной стороны, способствовала росту кооперации, но с другой, под влиянием революционной пропаганды усилила стремление к обособлению по классовому признаку.

Изменение политических условий, принесенное Февральской революцией, явилось толчком к расширению деятельности рабочей кооперации, к преобразованию зависимых обществ в неза-

висимые объединения. Рабочие кооперативы становились все более классовыми, пролетарскими организациями, причем не только по своему составу, но и по духу. Всероссийский съезд рабочей кооперации, состоявшийся в Петрограде 1–7 августа 1917 г., собрал 207 представителей от 115 отдельных объединений и центральных организаций.

В чем заключались особые интересы рабочей кооперации, побуждавшие ее противопоставлять себя общей потребительной?

Интересы эти были внутреннего и внешнего порядка. Идеологи рабочей кооперации связывали их с общей классовой борьбой пролетариата и рассматривали политические партии, профессиональные союзы и рабочую кооперацию, как три формы рабочего движения. В центральных организациях каждой ветви рабочего движения должно было быть взаимное представительство. Руководители рабочей кооперации (В.Ежов, М.Хейсин, П.Колокольников, В.Поссе) определяли ее стратегию и тактику. В 1906 г. Поссе организовал потребительное общество «Трудовой союз», давшее «крышу» революционным партиям.

Социальная роль рабочих кооперативов должна была проявляться в материальной поддержке рабочего движения. Кооперативы делали отчисления в стачечный фонд для оказания помощи рабочим во время забастовки. Не являясь партией, кооперация в то же время не считала нужным оставаться и аполитичной — эти основные положения выдвинул съезд, определивший идейную платформу рабочей кооперации.

В области хозяйственной деятельности рабочая кооперация являлась одним из существенных слагаемых, составляя на 1 января 1917 г. 10,5% от общего числа членов Центросоюза.

Значение рабочей кооперации не исчерпывалось участием в хозяйственной жизни. Участвуя в собраниях уполномоченных, благодаря своей сплоченности и дисциплине рабочие-кооператоры оказывали идейное влияние на деятельность союза. Делегаты, присутствовавшие на съезде рабочей кооперации, обращаясь к оценке деятельности и социальной программе, отмечали, «что, в общем и целом, МСПО в своей деятельности идет по тому пути, на котором вполне возможно полное, как организационное, так и идейное, единение рабочей кооперации с МСПО». Сходство в позиции позволяло считать рабочую кооперацию составной частью общего кооперативного движения. Однако амбиции участников съезда не совпадали с мнением МСПО в этом вопросе. Съезд поставил вопрос о создании особого центра рабочей кооперации.

«Идеология рабочего движения, связывающая рабочую кооперацию с политическими и профессиональными организациями классовой борьбы пролетариата, может привести к преобладанию центробежных сил рабочей кооперации в общем кооперативном движении, и тогда, конечно, встанет вопрос и об особом хозяйственном центре рабочих потребительных обществ. Русская потребительная кооперация от этого проиграет, а рабочее движение, можно думать, ничего не выиграет», — к такому выводу пришел один из наблюдателей съезда⁴⁰⁶.

Резолюция, принятая на съезде, гласила: «Первый Всероссийский съезд рабочей кооперации рекомендует всем рабочим кооперативам централизовать свои силы путем слияния отдельных кооперативов или путем союзной организации при превращении таковой, в конце концов, в крупные городские кооперативы».

Принятая резолюция подчеркнула выгоды крупного кооператива и отметила наметившиеся в промышленных городах тенденции к объединению рабочих кооперативов в самостоятельные закупочные объединения. В Москве сформировался Центральный рабочий кооператив с числом членов в 150 000 человек и с 26 распределительными магазинами. В Петрограде возникло рабочее общество «Вперед», к концу 1918 г. в его рядах насчитывалось до 50 000 членов, объединенных в 40 отделений.

Первый Всероссийский съезд рабочей кооперации учредил неторговый центр всей рабочей кооперации — Всероссийский совет рабочей кооперации (Москва. Воронцово поле, д. 15), идейно объединивший рабочую кооперацию, не прерывая, однако, и ее участия в хозяйственной работе МСПО.

С сентября 1917 г. Совет приступил к изданию в Петрограде ежемесячного журнала «Вестник Рабочей Кооперации». В состав редакционной коллегии были избраны: В.Ежов (С.Цедербаум), М.Хейсин, П.Колокольников. В его редакции принимали участие также: П.Бронштейн, В.Зельгейм, А.Левин, Е.Ленская, А.Любимов, Л.Якобсон, Л.Хинчук, Г.Трифонов, К.Пажитнов, Н.Орлов, Д.Огородников, В.Майский, П.Матеранский, А.Макровский, В.Однолюбов, К.Шрамченко. Оживилась деятельность рабочих железнодорожных потребительных обществ, органом особого центра стал журнал «Продпуть», издававшийся в Москве с 1918 г.

Там же, в Москве, в конце марта — начале апреля 1918 г. состоялся Второй чрезвычайный съезд рабочей кооперации. Экстренность съезда объяснялась необходимостью определения отношения рабочих кооперативов к большевистскому проекту *о потребительских коммунах*. Этот вопрос занял центральное место в работе

съезда. Проект был согласован с представителями рабочей кооперации, Центросоюзом и ВСНХ. Для всех участников съезда было ясно, что этот проект упразднял кооперацию вообще, низводя ее на роль подсобного органа государственного управления: рабочую кооперацию предполагалось ликвидировать путем слияния ее с всесословной. Большинство участников съезда решительно отвергло национализацию, проектируемую ВСНХ, рассматривая ее как покушение на пролетарскую организацию. Раскол удалось преодолеть путем принятия резолюции, подготовленной Хинчуком и переработанной согласительной комиссией.

Важное место в работе съезда заняло обсуждение вопроса о продовольственной политике. Большинство ораторов указывало, что свобода торговли скрывает в себе большие опасности для пролетарского населения городов. Съезд отверг свободу торговли и признал единственным выходом сохранение хлебной монополии, а также введение других монополий (установление единого общегосударственного плана нормирования продуктов, выполнение плана продовольственными органами без вмешательства в их работу со стороны других организаций, продовольственная политика направляется в сторону привлечения кооперативного аппарата).

На съезде прозвучали доклады о демобилизации промышленности и безработице, о совместной разработке социалистическими и профессиональными организациями программы хозяйственного возрождения России. С этой целью предполагалось, прежде всего, централизовать всю деятельность кооперативов, привлечь в них новые средства в виде вкладов, дополнительных паев и авансов, открытия потребительными обществами производительных отделений, создание фондов нужды и безработицы, открытие кооперативных чайных и дешевых столовых и т.д.

Для создания «твердой почвы под ногами», укрепления мощи рабочих кооперативов прозвучал призыв о создании рабочего банка.

Съезд установил «День рабочей кооперации» — 1 августа.

На съезде присутствовал 231 делегат. Среди них: 47 меньшевиков, 21 большевик, 21 «центровик» социалист-революционер, 2 — левые социалисты-революционеры, 1 — бундовец, 1 — народный социалист, 1 — польский социалист, 1 — анархист, 54 — беспартийных.

На Третьем съезде (декабрь 1918 г.) рабочая кооперация полностью встала на путь сотрудничества с государством в проведении основных линий большевистской политики в области хозяйственных вопросов, «в интересах наиболее полного обобществления и распределения».

Приложение 1. Состояние кооперативного движения на I.I.1917 г.

Типы обществ	Число обществ	Число членов в тыс. и %	Общая сумма продукции в тыс. руб. и %	Оборот в тыс. руб. и %
Всероссийские сельские общества	355	6,1 (39,4%)	13,457 (28,2%)	2,118 (57,5)
Фабрично-заводские, железнодорожные и независимые общества	139	94 (60,6%)	34,152 (71,8%)	1,995 (48,5%)
Итого	494	100,1 (100%)	47,609 (100%)	4,113 (100%)

Приложение 2. Резолюция о потребительных коммунах

Второй чрезвычайный съезд признает:

1. Принудительное введение потребительных коммун неприемлемым для рабочей кооперации, уничтожая ее целиком и растворяя ее во всесословной, а равно и неприемлемо для кооперации вообще, ибо уничтожает сущность кооперации.

2. Планомерное распределение снабжения населения продуктами под контролем и руководством государственной власти может быть выполнено кооперативами и без нарушения независимости, самодеятельности и свободного строительства рабочей кооперации как одной из форм рабочего движения.

3. Исходя из того, что основной задачей рабочей кооперации является вытеснение путем свободного объединения потребителей, частной торговли, потребительная кооперация в лице своих союзных организаций может в определенный срок увеличить сеть своих лавок — распределительных пунктов так, чтобы фактически все население могло бы ими обслуживаться.

4. Ввиду того, что задачей рабочей кооперации является не только вытеснение розничных торговцев, но также завладение общественным аппаратом оптовой торговли, заготовки и производства потребляемых широкими массами продуктов, необходимо и привлечение к оптовой заготовке, закупке, хранению, транспортированию и производству, а также и распределению продуктов между отдельными кооперативами, в полной мере их технических

и организационных возможностей, объединенных кооперативной организацией. Ввиду изложенного, Второй чрезвычайный съезд рабочей кооперации, оставаясь на почве сохранения полной независимости рабочей кооперации, входит в соглашение с государственными органами по регулированию народного хозяйства, которое установлено представителями общей и рабочей кооперации и Высшего совета народного хозяйства.

Приложение 3. О продовольственном вопросе

Ввиду общего расстройстве экономической жизни страны, расстройства транспорта, сокращения посевной площади, сокращения производства продуктов потребления и других причин, продовольственный кризис не только не может быть изжит, но еще больше усугубляется. Для успешной борьбы с ним и для правильного распределения всех продуктов Съезд признает:

1. Всемирная поддержка общего регулирования и нормирования заготовки и потребления продовольственного питания и потребления.
2. Широкое привлечение к заготовкам и распределения по общегосударственному плану кооперативных организаций по мере их сил и средств.
3. Организация продовольственных органов, регулирующих заготовку и распределение с привлечением в них кооперативных и общественно-экономических организаций.
4. Политика органов снабжения должна быть направлена в сторону планомерного развития кооперативного аппарата.
5. Предоставление продовольственным органам самого широкого права в области регулирования заготовки и потребления и в области борьбы со спекуляцией и полного воспрещения всем иным органам и организациям вмешиваться в эту область.
6. Уничтожение многовластия в продовольственном вопросе.

Армейская кооперация. Экономические общества – первый институт социальной защиты российских офицеров

Бытовая неустроенность, квартирный вопрос, низкие оклады, пошив обмундирования на собственные средства, грабеж лавочни-

ков и прочие неблагоприятные факторы, а также стремление улучшить досуг членов своего коллектива путем создания собраний, — все это подвигло инициативную группу офицеров, проживающих и служащих в Петербурге к образованию Экономического общества, с успехом функционировавшего до октября 1917-го.

Начальный период развития российской кооперации характеризовался движением сверху, носил покровительственный характер со стороны высших государственных структур, а также со стороны местной администрации; с другой стороны, организация первых кооперативов шла параллельно с широкой пропагандой кооперативных идей в интеллигентской среде.

Однако кооперация, как массовое общественное движение, ввиду экономической неподготовленности, слабого развития товарно-денежных отношений, низкого уровня культуры и самостоятельности населения на первом этапе своего развития в России терпела неудачи.

Армейская кооперация в силу самой организации заняла особое место и в определенной мере способствовала организационному становлению потребительной кооперации вообще. Армейские экономические общества возникли задолго до появления МСПО, причем при содействии местной администрации.

Некоторый опыт общественного потребления в российской армии имелся и ранее. «Артиллерийский журнал» в 1857 г. сообщал об офицерских казино, имевших место во время Крымской кампании (1853–1856): «Никем не стесняемые сборища для чтения и разговоров, где офицеры, разделяясь на группы, составляют отдельные маленькие общества, связанные общими интересами и дружбой... Кажется, можно сказать безошибочно, что только при добровольных собраниях могут развиваться взаимные чувства притязания и сближения с начальниками... всякая же насильственная мера в отношении никогда не приведет к полезным результатам»¹⁰⁷. Российские офицерские казино, в отличие от французских артелей (table d'hôte), носили добровольный характер.

Первое Экономическое общество офицеров гвардейского корпуса торжественно открылось 14 апреля 1892 г. в Петербурге и к 1898 г. стало самым значительным в России. Появление его не было случайным явлением, т. к. Петербург в этот период являлся центром экономического просвещения и пропаганды кооперативных идей. Начало Обществу офицеров гвардейского корпуса было положено в 1890 г. начальником дивизии, создавшим комиссию с целью выяснения мнения начальников частей по вопросу улучшения материальной стороны жизни офицеров. Комиссия разработа-

ла проект устава общества. В 1892 г. состоялось первое общее собрание, избравшее Правление, которое и приступило к работе.

Создание Петербургского экономического общества послужило началом массового кооперативного движения в армейских формированиях. В 1894 г. по поручению Петербургского отделения комитета сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ в Петербурге были обследованы уже 6 офицерских обществ: Экономическое общество гвардейского корпуса, Общество потребителей моряков «Бережливость», Стрельнинское общество «Польза», Петербургское общество «Бережливость», Общество «Сбережение» при Арсенале, Общество потребителей при Путиловских заводах⁴⁰⁸.

К 1898 г. Петербургское экономическое общество становится самым значительным в России потребительским обществом. Однако, по мнению А. Николаева, оно оставалось еще «совершенно чужим демократическим началом». Демократические принципы общества были «изуродованы» тем, что наблюдательный комитет был представлен генералом, председателем собраний и председателем правления также избирались старшие чины.

В декабре 1897 г. Общество приступило к изданию «Листка Экономического общества офицеров гвардейского корпуса» (выходил два раза в неделю). «Листки» служили средством объединения его членов, публиковали прейскуранты, списки фирм, делающих скидки обществу, информировали членов о состоянии работы в обществе, работе общественных прачечных и товарищества взаимопомощи, о пошиве и ремонте обмундирования, о строительных обществах, устройстве складских помещений, освещали жизнь зарубежных кооперативов.

Общество состояло из членов и годовых подписчиков. В него принимались офицеры Петербургского гарнизона и войск, расположенных в окрестностях столицы, гвардейских частей Варшавы, гвардейской бригады кавалерийского запаса, офицеры, состоящие в гвардейской пехоте, кавалерии и артиллерии, изъявившие желание вступить в Общество, а также офицеры собраний, штабов и управлений указанных войск, по желанию их начальников. Членами собраний являлись также военные и морские врачи, состоявшие при войсковых и армейских частях, отставные и запасные генералы и адмиралы. Временно вступившие в общество платили двойные паи.

Общее собрание офицеров Петербурга видело цель Общества не только в удешевлении жизни путем устройства потребительных лавок, установлении удобных, приличных и дешевых помеще-

ний для временных приездов в Петербург офицеров, мастерских для обмундирования, но и в содействии сближению между собой офицеров, поддержанию между ними товарищеских отношений в духе военных требований и развитию в их среде образования.

При Обществе были открыты библиотеки, общий зал, гостиные, столовая, бильярдная, комнаты для приезжающих, проводились лекции, беседы, балы, товарищеские встречи, обеды, концерты. Общество выполняло своеобразную роль армейских клубов. Здесь работали стрелковый, охотничий, музыкальные, драматический, шахматный и другие кружки, служившие научным или увеселительным целям.

Образование Петербургского экономического общества офицеров гвардейского корпуса положило начало подготовке кадров для системы армейских кооперативных объединений. Обществом при содействии постоянной комиссии по техническому оборудованию при Русском техническом обществе была выработана и учреждена учебная программа. В ведении технического общества находилась учебная часть школы, открытой при Обществе, которая занималась подготовкой учеников к несению службы и работе в Обществе по разным специальностям. Готовились специалисты для работы в мастерских по пошиву обмундирования, магазинах, складах, канцеляриях (бухгалтерский учет, кредитное дело, дело-производство). В школу принимались мальчики с 12 лет на полное обеспечение Общества с ремесленно-торговым курсом обучения, необходимым для соответствующих профессий. Курсы носили подготовительно-профессиональный характер. Курс четырех классов состоял из 12 общих и 4-х специальных предметов.

Общество имело устойчивое экономическое положение, его приход к 1892 г. составил 243 112 руб., а в 1896 г. — 1986 361 руб. По примеру военных обществ, для нижних чинов столичной полиции и пожарных команд, под руководством петербургского градоначальника были открыты потребительные лавки и буфеты.

Во многих округах России также возникли экономические и кооперативные объединения, выпускавшие свои периодические издания («Листки»): Экономическое общество офицеров одесского военного округа (1896 г.); Кавказское экономическое общество офицеров; Экономическое общество офицеров киевского военного округа.

В 1895 г. было образовано Московское военно-хозяйственное общество (с первой половины 1897 г. оно именовалось Экономическим обществом офицеров московского военного округа). Первый год своей деятельности общество завершило с убытком в

250 руб., однако председатель общества подполковник Блатович с успехом преодолел экономические затруднения. Вскоре Общество открыло лавку в летнем военном лагере в Софрино. Была изменена система учета: по предложению члена правления Адамовича разработана система счетов Общества и погашения кредитов.

В июне 1896 г. высшее командование утвердило новый устав Общества и паевую систему. Это оживило его деятельность, кроме того, руководство округа выделило Обществу помещение на территории Кремля. С этого года стали регулярно выходить «Листки» (с февраля 1897 г. — «Листки объявлений Московского военного общества», с мая 1898 г. — «Сбережение»), ставшие, по сути, первым печатным органом всех кооператоров России. «Листки» являлись гласным органом, на их страницах освещалась вся деятельность общества и ежегодная выборность доверенных лиц, публиковались отчеты, повестки, объявления, правительственные распоряжения, анкеты потребителей обществ России, рассылаемые редакцией во все уголки страны, полученные сведения.

В 1896 г. Общество возглавил Н.П. Гибнер, юрист по образованию, помощник военного прокурора Московского окружного суда. Его помощником стал поручик Иванов. В 1898 г. число членов общества колебалось от 828 до 944 членов⁴⁰⁹.

Потребительная цель Общества заключалась в том, «чтобы в его магазинах члены могли покупать нужные им предметы обыкновенного потребления». Но она не считалась конечной. «Удешевить жизнь и дать возможность офицерам сделать из прибылей общества сбережения... возможно только в случае *общего участия в деле*, направленного к усилению и поддержанию его, которое необходимо и для всякого товарищеского предприятия»⁴¹⁰. Успех дела зависел от заинтересованности в нем участников, а «взаимная поддержка и прочная товарищеская связь» военных сделала возможной создание экономических объединений на кооперативных началах.

Выгода подобных союзов к моменту их организации была доказана мировым опытом и общими соображениями организаторов. Настойчивость кооперативной среды для их создания позволила обществам «бороться с равнодушием людей, разъединенных жизнью, сплоченных для осуществления общепольного дела»⁴¹¹.

Армейская потребительная кооперация, как, впрочем, и вся российская, не сразу приняла кооперативную форму, соответствующую мировому пониманию (рочдельские принципы). Процесс этот носил эволюционный характер: вводились паи, выдавались премии на заборный рубль (разбор паев доходил до 8%, в исключительных случаях — до 50%).

1890-е годы — период технического и организационного становления армейских обществ. Общества пользовались поддержкой военного руководства. Военный Совет давал ссуды из фонда офицерских заемных капиталов частей гренадерского корпуса (25 тыс. из 3,8% годовых). Ссуда давала возможность продолжить операции в организационный период, в ожидании утверждения изменений в уставе. Это был трудный период становления обществ, несмотря на поддержку армейского руководства. Опыт показал, что «ни одно общество без громадного риска для себя не может держать цены меньше низких рыночных, легче выдать в конце года 20% скидки, или уменьшить продажную цену на 5%». «Свободных денег в кассе вовсе нет», — такое положение подтверждало правоту рочдельских принципов: продажа товаров должна осуществляться только за наличные деньги по среднерыночным ценам⁴¹².

Офицерский состав Московского военного округа испытывал затруднения не только в вопросах снабжения продовольствием, обмундирования, но и в квартирном, поскольку постоянно росли цены на квартиры превысили квартирные оклады. Военно-хозяйственное общество Москвы организовало помощь в устройстве домов и квартир, используя зарубежный опыт.

К 1890 г. Московское военно-хозяйственное общество стало самым значительным кооперативным объединением в России. Для общегражданских кооперативных объединений этот период характеризовался как ликвидационный. Решался вопрос, быть или не быть военной кооперации в России.

В 1898 г. Московское общество на страницах «Листка» поставило вопрос об учреждении в Москве бюро потребительных обществ для проведения однородных закупок непосредственно у производителей или на биржах. Полковник Гибнер и капитан Ясинский вошли в подготовительный комитет от Московского военного общества. На страницах «Листка» также освещался вопрос о создании общего типового устава для всех потребительных обществ, велась разработка проекта о совместной деятельности в начальный период экономического выживания.

Московское военно-хозяйственное общество выступало в числе других потребительных обществ организатором создания Московского союза (МСПО). Движение к союзному строительству проложило путь для развития тех отношений, которые позже составили насущную потребность всей российской кооперации, возможность более тесной совместной деятельности, основанной на общем паевом капитале и на объединении капитала для оптовых

закупок (согласно принципу «малое общество — малый капитал»). Цель: «Организовать совместную деятельность тех потребительных обществ, которые своими торговыми интересами связаны с Московскими промышленными районами». Гибнеру, уполномоченному от 16 обществ, инициатору образования МСПО, было поручено подготовить соответствующий проект.

IV кооперативный отдел Торгово-промышленного съезда (август 1896 г., Нижний Новгород) подготовил проект устава потребительных обществ, положение о союзах учреждений мелкого кредита, обществ потребителей, промышленных товариществ и съездах их представителей. На съезде была образована постоянная комиссия для выработки проекта союза и плана его организации.

В 1897 г. правительство утвердило проект устава союза, в 1898 г. образовался первый в России Московский союз потребительных обществ (МСПО). 23 октября 1898 г. первое собрание уполномоченных потребительных обществ, вошедших в Союз, объявило полковнику Гибнеру благодарность за проделанную работу и избрало его первым председателем Союза. В состав Бюро вошли Гибнер, И.П.Анофриев, В.Л.Голицинский, В.П.Торгонский. В 1906 г. Гибнер покинул этот пост в связи с переводом на новое место службы, но оставался членом Бюро МСПО.

Московское военно-хозяйственное общество (МВХО) в числе других экономических армейских объединений вошло в состав МСПО и оказывало покровительство Союзу на первом этапе его деятельности, предоставив свое помещение на территории московского Кремля до момента покупки своего дома.

До 1903 г. МВХО публиковало свои известия на страницах армейского журнала «Сбережение», в котором Гибнер выступал в роли единственного и безвозмездного сотрудника во все годы работы на должности Председателя МВХО и МСПО. Труднейший период организации и становления российской кооперации, благодаря усилиям Гибнера, завершился Всероссийским кооперативным съездом (1908), принятием рочдельских принципов как основополагающих в хозяйственной деятельности. Гибнер стал крупнейшим в России практиком кооперативного движения.

Протоколы собраний уполномоченных раскрывают картину становления МСПО. В 1898 (первое собрание Бюро) и 1899 г. (второе собрание Бюро) были приняты важнейшие постановления: об организации совместных закупок и использовании комис-

сионных поручений союзных обществ, установлена комиссия в пользу Союза в размере 2%, подготовлены правила становления паевого капитала, разработаны вопросы о коллективном страховании имущества и лиц Союза, о похоронных кассах, о кредите, об однообразной отчетности потребительных обществ, об обеспечении служащих в обществах и рекомендации служащим, об отношении МСПО с иностранными фирмами и т. д. Был использован хозяйственный опыт, приобретенный Гибнером в Московском военно-хозяйственном обществе.

1900 год можно считать началом издательской деятельности МСПО, когда была издана схема счетоводства и отчетности для небольших потребительных обществ (3-е собрание Бюро), принято решение о закупке товаров оптовыми местами за счет паевого капитала и расфасовки их мелкими партиями, решение о постепенной организации агентуры союза на местах производства товаров или на крупных рынках их сбыта, об организации в Лодзи агентуры для закупок местных мануфактурных товаров, обсуждены вопросы о том, чтобы сделать некоторые общества агентами по закупке товаров местных регионов (например, муки в приволжских районах).

В 1900 г. в Нижнем Новгороде по поводу сотрудничества об организации ярмарочного Бюро состоялось совещание 10 союзных и 26 несоюзных обществ под председательством Гибнера и при участии МСПО.

К 1903 г. МСПО расширил свою издательскую деятельность, приступил к взаимному страхованию от огня, созданию склада, позволившему наладить получение заранее определенных заказов от союзных обществ. В том же году были приняты правила кредитования союзных обществ, положено начало изданию популярной литературы.

В 1904 г. в связи с нуждами военного времени состоялась первая отправка продовольствия в Читу, приобретено собственное помещение для Бюро Союза, началось издание дешевой популярной кооперативной литературы.

С 1905 г. шла работа по организации взаимной ревизии, были установлены ежемесячные закупочные дни.

В 1906 г. принято решение об агентурах и отделениях Союза по всей России (в Твери, Коломне, Одессе, Киеве и др.), об учреждении Секретариата (своеобразного пропагандистского центра). Под руководством Гибнера была проделана вся важная черновая работа, позволившая МСПО стать крупным союзным объединением российской потребительной кооперации.

Военные экономические общества с успехом выполняли поставленные задачи по благоустройству нелегкого армейского быта в мирных и военных обстоятельствах. В годы Первой мировой войны в прифронтовой полосе работали потребительные вагоны-лавки, заготовительные пункты широко развернули работу по закупке продовольственных товаров, занялись производственной деятельностью в нелегких условиях военного времени. Гибнер неоднократно выезжал в зону военных действий. В ноябре 1918 г., в связи с проводимой Советской властью политикой, направленной на раскол кооперативного движения (используя рабочую кооперацию), с целью ее политизации и полного подчинения, собрание уполномоченных московской центральной рабочей кооперации (МЦРК), так называемая Центросекция (созданная параллельно с Центросоюзом под руководством Ногина), подчинила себе аппарат экономических военно-хозяйственных организаций, назначила новое руководство отделом армейских лавок и универмагов (руководители М.И. Томский и И.И. Морозов). А между тем Гибнер, бессменно возглавлявший военно-хозяйственные общества, был отстранен от выборной должности председателя и арестован. В дни празднования юбилея Центросоюза «чувства признательности к неутомимому, бескорыстному, глубоко общественному работнику, так много сделавшему для русской кооперации», дошли сквозь решетку тюрьмы⁴¹³.

В рамках Московского центрального рабочего комитета журнал «Бюллетень» (ранее — орган ВХО), стал руководящим органом военной кооперации Советской власти. Дальнейшая судьба военной кооперации печальна, как, впрочем, и всей российской кооперации.

Национализация Московского народного банка (МНБ) — финансового центра российской кооперации (плановый Декрет 20 марта 1919 г.) продолжила большевистскую политику превращения Центросоюза в распределительный орган, работающий по заданиям Наркомпрода. В начале 1920 г. руководство Центросоюза и «Союза потребителей» были полностью заменены на большевиков. 5 июля 1920 г. Центросекция, а вместе с ней и военная кооперация, вошли в обновленный Центросоюз. В июле 1920 правление Центросоюза приняло постановление о продолжении дальнейшей перестройки кооперации, как организации «единой социалистической хозяйственной системы, создаваемой пролетариатом». Новый состав правления и его совет взяли курс на пропаганду идей III Коммунистического Интернационала в кооперативной среде.

«Единственно правильный» политический лозунг, «указанный опытом коммун» о превращении империалистической войны в гражданскую, усугубил экономическое положение в стране, разделил страну на два лагеря.

Не могло быть и речи о кооперативных формах объединений в новых армейских формированиях в рамках единых потребительных обществ (ЕПО).

К концу гражданской войны Революционный военный совет республики (РВС) совместно с Центросоюзом принял ряд документов в развитие армейских кооперативных объединений, давших нормативно-правовую базу военной «кооперации» (4 октября 1921 г. — «Положение о добровольных военно-кооперативных объединениях»; 15 апреля 1922 г. — «Положение о Губернских военно-кооперативных отделах.»; 30 октября 1922 г. — приказ РВС республики № 2273 «Положение о военной кооперации»).

С окончанием гражданской войны 27 июня 1922 г. состоялся I Всероссийский съезд рабочей военной кооперации, созданный Военно-кооперативным управлением при Центросоюзе. 16 декабря 1922 г. состоялся выпуск сырьевых курсов, организованных учебно-курсовым отделом Центросоюза при институте народного хозяйства им. К.Маркса.

Дальнейшая работа военной кооперации (председатель Военно-кооперативной секции Реввоенсовета — С.Буденный) строилась на основании постановлений I Всероссийского съезда военной кооперации, четко определенной по схеме:

1. «Военно-потребительские общества (ВПО), губернские, гражданские, дивизионные и морские, кооперирующие военнослужащих армии, флота, милиции, а равно и их семьи, согласуют свою деятельность по кооперативной линии с ЕПО (декрет 20 марта 1919 г.) и губсоюдами, а также и с командованием воинских частей.

2. Военно-кооперативные управления (ВКУ) округов (фронтов отдельных армий) руководят и объединяют работу военно-потребительных обществ и являются союзной организацией для последних, согласуя свою деятельность по кооперативной линии с отделениями и конторами Центросоюза и губсоюдами, а по военной с командованием округов (фронта, отдельной армии).

3. Всероссийские военно-кооперативное управление (ВВКУ) — руководящий и объединяющий орган военной кооперации в республиканском масштабе через ВКУ округов.

Свою деятельность ВВКУ согласует по кооперативной линии с Центросоюзом и военной — РВСР.

Первичные военно-потребительные объединения: дивизионные, гарнизонные, морские, губернские⁴¹⁴.

Общий товарный оборот ВВКУ в сентябре 1922 г. — ноябре 1923 г. составил 1 367 060 033 руб. Через кооперацию было закуплено 45% товаров, госорганами — 53%; частными лицами — 2%; распределено: кооперации — 94%, госорганам — 2%, частным лицам — 4%⁴¹⁵.

Военная кооперация производила поставки в армию продуктов питания, ВВК заключило договор с Главхозупромом о поставке обмундирования. Командование армии стремилось наиболее широко использовать производственные и подрядные возможности военной кооперации, в случае взятия ей подряда на поставку, *финансировало* ее в широких пределах. Армейское руководство рекомендовало осуществлять оптовую поставку для армии колониальных товаров (мыло, табак, спички, смазочные материалы), арендовать и открывать соответствующие заводы, брать на себя массовую оптовую поставку их для армии, привлекало военную кооперацию к активной работе по сельскому хозяйству в совхозах, закрепленных за военным ведомством, передало ссуду военной кооперации занаряженного ей по договору негодного и нетабельного имущества. Управлял военной кооперацией большой бюрократический аппарат, доходивший до 10 окружных управлений, двух районных отделов округов при 180 потребительных обществах, 575 лавок, объединявших 466 тысяч человек. В основном, в организационном и хозяйственном плане это были слабые или начинающие общества, вполне крепких здоровых организаций было мало.

Фактическое количество обслуживаемых было гораздо ниже численности состава армии, милиции, ГПУ и моряков. Средства флотской кооперации были вообще велики, она использовала кредиты Центросоюза, Госбанка и Покобанка. В еще худшем положении находилась провинциальная военная кооперация, куда не доходила эта помощь.

Вопрос кредитования, независимости и самостоятельности постоянно являлся предметом сессий ВВКУ и правления Центросоюза. Перенос центра тяжести на государственное финансирование ставил армейскую кооперацию в полную финансовую зависимость от властей, что оказалось для нее убийственным. Руководство придерживалось взгляда, что Центросоюз (финансируемый в свою очередь государством) — источник средств и опыта, от которого не следует отказываться.

Военная кооперация рассматривалась как «серьезный помощник общегражданской кооперации в ее гражданской экономической борьбе», — такой взгляд высказал Центросоюз⁴¹⁶.

В 1924 г. военная кооперация была ликвидирована путем слияния ее с общегражданской.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Наемный труд и кооперация

«Не давай эксплуатировать служащих в кооперативах».

Кооперативные заповеди

Вопрос о положении служащих в кооперации довольно долго и подробно обсуждался на страницах кооперативной печати. Кооператоры старой школы склонны были в теории отрицать *проблемы наемного труда*. Практика жизни показала, что эта точка зрения зачастую приводила к трениям и конфликтам.

Известный публицист А. Чекин на страницах «Вестника кооперации» в 1912 г. называл эту проблему «большим вопросом». Не обошел вниманием это явление и Туган-Барановский, который отмечал: «Рабочий вопрос в кооперативах является... таким же неустроенным явлением, как и рабочий вопрос в пределах капитализма»⁴¹⁷.

Чаянов считал, что вопросы положения служащих в кооперации трактовались исключительно с точки зрения профессионального и рабочего вопроса.

I кооперативный съезд (Москва, 1908 г.) принял по этому вопросу принципиальное постановление: «Как организация трудящихся, кооперативы не могут эксплуатировать своих служащих и рабочих, следовательно, условия труда в них должны быть образцовыми и ни в коем случае не должны быть хуже, чем в частных предприятиях». II Съезд кооператоров (Киев, 1913 г.) конкретизировал это решение, выработав основное положение коллективного договора найма рабочей силы по образцу Московского союза потребительных обществ⁴¹⁸. Съезд признал тарифный договор наиболее желательной формой условий найма служащих в кооперации.

Принятие этого решения было одобрено кооперативным большинством, за исключением так называемых «чистых кооператоров», считавших, что «несправедливо... выставлять требование, раздававшееся на киевском съезде — чтобы условия труда в коопе-

ративах были не хуже, чем в *лучших* капиталистических предприятиях». На страницах печати выступал Туган-Барановский: «Рабочие должны быть поставлены в кооперативных предприятиях в такое положение, которое соответствует положению трудящихся в капиталистических предприятиях с наилучшими условиями для труда или *даже несколько выше*»⁴¹⁹.

Для соблюдения условий договора правление МСПО разработало «Правила внутреннего распорядка» (в магазинах, складах, отделах, конторах), чьи принципы базировались на основе «Коллективного договора». Основные пункты «Правил» должны были отвечать требованиям времени, т. е. обеспечить социальную направленность кооперации. «Правила» включали нормы об образовании пенсионной кассы («пенсионного фонда», п. 63, 64); о приеме и увольнении служащих, а также должностном перемещении при наблюдении органов надзора по особым правилам, ими выработанным (п. 22); об определении размеров оклада жалования служащим, в основу принципа которого положена рыночная оценка в наиболее хорошо поставленном соответствующем предприятии, при условии тарификации цен в сторону увеличения оклада по установленной переоценке оклада в связи с вздорожанием жизни (для этого собирались сведения о рыночных нормах вознаграждения труда) (п. 56).

Правление МСПО поддерживало связь с профессиональными союзами рабочих и служащих. 1 октября 1917 г. состоялся третейский суд по урегулированию вопроса об оплате и об установлении связи с учреждениями, регистрирующими предложения по организации труда (чтобы быть в курсе всех официальных учреждений по вопросам, касающимся наемного труда). Договор о коллективной материальной ответственности служащих магазина и складов заключался отдельно от договора о найме.

Многолаличный кооператив «Кооперация» сделал попытку создать «Отдел надзора», существовавший помимо «Отдела труда». С развитием профессионального движения все шире распространялась коллективизация труда, складывались более доверительные, чем раньше, отношения между наемными работниками и работодателями. В Европе, где было широко развито профессиональное движение, получил широкое применение тарифный договор. В России толчок его развитию дали события 1905 г., когда кооперация стремилась создать приемлемые формы взаимоотношений между нанимателями и работниками на условиях коллективного договора. С начала своего образования общество «Кооперация» поставило вопрос о применении тарифного договора. В апреле

1916 г. была создана специальная комиссия из восьми лиц для подготовки текста договора. В октябре того же года согласительная комиссия подготовила проект договора, который был принят собранием служащих за основу. Контрагентами со стороны служащих при заключении договора выступили московские профессиональные общества: коммерческих и торгово-промышленных служащих и кооперативных служащих.

Коллективный договор вполне отвечал выработанным практикой профессионального движения требованиям. Прием, увольнение и перемещение служащих совершалось органом надзора, составленным на паритетных началах из представителей служащих и правления общества.

Договор заключался на двухлетний срок. Всекие соглашения, противоречащие договору, считались недействительными (п. 6). Надзор за соблюдением договора осуществлял орган надзора (п. 8–10). Прием и увольнение производилось под его наблюдением (п. 22). Договор воспрещал прием на работу несовершеннолетних детей (п. 23), а для подростков устанавливал 6-часовой рабочий день (п. 2), увольнение регулировалось статьями договора (п. 2, 28, 30, 32, 34). Рабочее время устанавливалось договором: для магазинных и складских служащих — 8 час., для остальных — 6 час., для инструкторов — не более 48 час. в неделю (п. 35). Сверхурочная работа не допускалась, кроме складских работ, в этом случае оплата производилась в полуторократном размере или возмещалась путем освобождения на соответствующее число рабочего времени. Работы не производились по праздничным и выходным дням (п. 40). По истечении 11 месяцев работы служащий имел право на месячный отпуск, а прослужив 5,5 месяцев — на 2 недели с сохранением содержания (п. 41). Женщины освобождались от работы с сохранением содержания за 4 недели до родов и в продолжение 6 недель после, в это время отпуск не засчитывался (п. 34). В связи с ростом цен устанавливалась переоценка оклада (п. 56). Для организации медицинской помощи общество делало отчисления в распоряжения служащих (п. 59), которые сами распоряжаются соответствующими суммами, хранящимися на особых счетах (п. 61). Как видно, договор вполне мог удовлетворять и современным требованиям.

МСПО подготовил к изданию серию брошюр «Практические указания для учредителей и руководителей потребительных обществ», где публиковались материалы в помощь наемным служащим. Например: «Инструкция приказчика», «Договор с ответственным приказчиком», «Инструкция для проверки товаров».

О неизбежности привлечения наемного труда в кооперацию писал Д. Протопопов (в связи с вопросом о возрождении русской промышленности и роли кооперации в этом деле). По его мнению, предприятия потребительной, кредитной и сельскохозяйственной кооперации, основанные на наемном труде служащих и рабочих, обладали достаточной эластичностью на случай эволюции и упадка той или иной отрасли производства. «Трудности в этой отрасли кооперативной промышленности не имеют принципиального характера, — утверждал Протопопов в 1919 г., — бесспорным стало теперь положение, что конкурировать с капиталистическим предприятием кооперация может, лишь прибегая к капиталистическому же способу производства. Вопрос здесь другой, — о необходимости достигать такого технического совершенства, которое давало бы кооперации возможность конкурировать в будущем с промышленностью некооперативной...» Затруднения на этом пути представляли «неустановившиеся отношения с рабочими и уменьшение числа квалифицированных рабочих». Протопопов пришел к выводу, что «ввиду вероятной будущей борьбы за рынок с иностранной промышленностью, русская кооперация силою вещей... вынуждена переходить от начальных видов» к промышленной деятельности, которая заключалась в устройстве промышленных предприятий при существующих кооперативных организациях. Архаические артельные формы сходили на нет⁴²⁰. Кооперативная артель, в отличие от других видов кооперации, служащих интересам лиц, пользующихся услугами данного предприятия, представляет, как считал, например, Туган-Барановский, интересы самих рабочих, занятых на предприятиях.

Чаянов в своей работе «Спорные вопросы кооперативного строительства», говоря об острой проблеме положения служащих в кооперации, отмечал и другую сторону этого вопроса: «о значении служащего персонала в деле создания самой кооперации. Кто фактически ведет и кто должен вести, и творить союзное строительство кооперации? Ответ совершенно ясен и прост — выборные органы самой кооперации — правления и советы центральных союзов!» На практике правления в помощь себе приглашали обширный служащий инструкторский персонал, который образовывал инструкторские коллегии, «которые не намерены сводить своей роли к исполнению чьих — либо предначертаний». Чаянов отмечал «организационный антагонизм»: с одной стороны, кооперацию строили выборные органы, пользующиеся для технических нужд услугами наемных служащих, а с другой, каждый из нанятых кооперативных инструкторов, полагая себя кооперативным деятелем,

работающим не в интересах данного союза или общества, а во имя общей идеи, «вовсе не склонен сводить свою общественную работу к исполнению предначертаний правления»⁴²¹.

Многолапочные кооперативы

Начавшийся с 1915 года стихийный рост кооперации был вызван военным временем, разрухой, дороговизной, продовольственным кризисом. К началу 1918 г. число потребительных обществ в России было близко к 25 тыс., число их членов составляло более 10 млн, что превосходило по численности кооперативы всех стран мира. Оборот потребительных обществ составлял к 1917 г. не менее 5 млрд руб.

Типичным типом городского потребительного общества в России были небольшие кооперативы с 1–5 тыс. членов, объединявшиеся вокруг одного распределительного пункта — магазина. Но в городах намечалась тенденция к успешной работе огромных многолапочных кооперативов, насчитывавших подчас десятки тысяч членов.

Важнейшим фактором в жизни потребительной кооперации являлось ее объединительное начало. Опыт хозяйственной жизни показал, что крупное торговое предприятие гораздо устойчивее, нежели мелкое. Обычный тип построения западноевропейской кооперации — большой центральный склад и сеть небольших распределительных отделений; именно эта централизованная форма городской потребительной организации оказалась наиболее приспособленной к борьбе с городским крупным торговым капиталом. Многолапочные кооперативы в России существовали лишь как железнодорожные и фабрично-заводские объединения, которым удалось осуществить централизацию системы управления, заготовки и распределения через свои отделения благодаря однородности потребительской среды, и еще более — поддержке администрации. Многолапочные кооперативы сумели достичь относительно высокой степени хозяйственной централизации.

Опыт создания в Петербурге в 1907 г. многолапочного крупного общества («Трудовой союз») закончился печально. В 1910 г. кооператив, имевший сеть отделений (с десятком тысяч членов) прекратил свое существование в силу внутренних трудностей. Самым крупным среди многолапочных кооперативов в России было

московское объединение «Кооперация», имевшее в 1917 г. оборот более 17 млн руб.

Устав общества «Экономия», который можно отнести к категории многолапочных, был утвержден в 1868 г., а в 1890 г. потребительный кооператив появился при фабрике Прохоровской мануфактуры. Образование в 1898 г. Московского союза потребительных обществ не способствовало массовому движению по созданию таких кооперативов. В 1907 г. насчитывалось всего 8 обществ, в 1912 г. — 33 потребительных общества разнообразного типа. В 1908–1909 г. были предприняты попытки объединения обществ с единым центром, в связи с чем было проведено несколько совещаний представителей московских обществ, образованы две комиссии по торговой и неторговой деятельности, но эти действия не имели существенных последствий. 11 декабря 1911 г. был образован Исполнительный комитет — совещательный орган представителей московских потребительных обществ, был намечен план дальнейшей работы.

Выгодой объединения для закупочных операций продемонстрировала практика совместных операций по закупке мяса на условиях товарищеских договоров. Начавшаяся мировая война ускорила процесс объединения обществ. 12 сентября 1915 г. был утвержден устав уже упомянутого нами Общества «Кооперация», созданного для развития потребительной деятельности.

Первоначальный устав «Кооперации» от 12 сентября 1915 г. несколько отличался от так называемого «нормального устава потребительных обществ»: он предоставлял Собранию уполномоченных право организовывать Совет, который вскоре стал влиятельным органом, без заключения которого ни один более или менее важный проект правления не вносился в Собрание; Совет был включен в число органов управления общества (в ряде новых параграфов устава были определены его функции).

Численный рост членов общества заставил отказаться от общих собраний членов и заменить их районными, вначале явочным порядком, а затем и посредством соответственных изменений устава (в котором было узаконено существование районных организаций общества). Существенное отличие действующего устава от нормального заключалось и в том, что «удовлетворение духовных нужд членов», ранее глухо упоминавшееся в примечании к параграфу 1 устава, было включено в сам текст, тем самым подчеркивалась важность этого направления деятельности.

Кооперация, построенная по типу многолапочного предприятия, объединяет прибыли от розничной и оптовой торговли

и, несмотря на большое количество торговых точек, увеличивает продуктивность труда и сокращает издержки производства, приближает лавку к покупателю, увеличивает оборот. Организация общества «Кооперация» явилась началом мощного процесса возникновения многолапочных кооперативов по всей России (Самара, Саратов, Киев, Одесса, Петроград и др.), оживленным общественным строительством военно-промышленных комплексов, земских, кооперативных организаций и объединений, стремящимся внести в дело производства, снабжения и регулирования организующее начало.

Общество «Кооперация» организовало торговую сеть, которая в 1918 г. почти вдвое превысила оборот московского Союза потребителей, состоящего из 140 мелких обществ Москвы. Оборот «Кооперации» за 1918 г. составил около 90 млн. руб., общество имело 30 магазинов, насчитывало 128 тыс. членов. С ухудшением продовольственного снабжения, от чисто торговых операций оно перешло к собственному производству, приобрело одну из крупнейших и наилучшим образом оборудованную хлебопекарню Москвы (с максимальной производительностью до 2,5 тыс. пудов в сутки), а также малую хлебопекарню производительностью до 100 пудов. С целью расширения сферы производства, в 1918 г. были приобретены переплетно-альбомная и штамповальная мастерские, мастерская по производству посуды, еще одна мельница (помолом в 150 пудов в сутки), развесочная, разливочная, конный обоз. Хорошо поставленная неторговая деятельность позволила все шире разворачивать культурно-просветительную деятельность среди своих членов по районам. С первого года существования общества начал издаваться журнал «Московский кооператор», с 1918 г. — газета «Кооперация» (выходила два раза в неделю); выпускались брошюры, листовки и прочее. Общество открыло библиотеку с 9 филиалами, фонды которых насчитывали от трех до десяти тысяч томов. Культурно-просветительная деятельность общества шла вокруг клуба — «Дома кооператора», при котором действовали библиотеки, кооперативные курсы, лекции, вечера, елки, кружки (музыкальный, хоровой, драматический), ясли, детские сады и площадки. В 1918 г. открылось 10 клубов, к концу года предполагалось открыть 6 домов культуры, детские дома. В каждом районе работала культурно-просветительная комиссия по устройству передвижных выставок и музеев.

В сентябре 1916 г. в Москве объединились 17 обществ, подписав договор о создании «Московского союзного товарищества потребителей обществ». Через три месяца товарищество насчи-

тывало под своим началом 36 обществ, имело оборот в 1 млн руб. К концу 1917 г. союзное товарищество обслуживало 129 обществ со 195 тыс. членов. За 1917 г. оборот составил уже 20 741 000 руб. «Союзное товарищество» строилось как союз рабочих обществ.

12 июля 1917 г. в Москве возник еще один многолапочный кооператив — Центральный рабочий кооператив (ЦРК), который имел отделения и в других городах (Харьков, Самара, Екатеринбург, Николаев). За 10 месяцев работы ЦРК оборот составил 64 083 272 руб. ЦРК не мог долго существовать, поскольку возник не естественным путем, не органически от потребности снизу, и не имея кооперативной базы. ЦРК был создан после захвата Особого продовольственного совета, созданного предпринимателями для оказания помощи рабочим, которые внесли по 15 руб. паевого капитала. Продовольственный совет через районные комитеты снабжал рабочих продуктами. После Февраля 1917-го рабочие создали свой Исполнительный комитет продовольственного Совета, захватив Продовольственный совет с готовым капиталом и имуществом, и вызвав этим недовольство старых московских кооператоров.

Таким образом, в Москве в 1917 г. возникло несколько крупных федеральных центров: общество «Кооперация», ЦРК, Союз рабочих потребительных обществ, а также множество обществ разнообразного типа (общегражданские, профессиональные, национальные, соседские).

В целом ряде российских городов кооперативы возникали на централизованных началах. Харьковское рабочее общество «Объединение» насчитывало к концу 1918 г. 25 тыс. членов, состоящих в 25 отделениях. Тенденцию к централизации выразил еще I Всероссийский съезд рабочей кооперации (Петроград, 1–6 августа 1917 г.): «Всем рабочим кооперативам централизовать свои силы путем слияния отдельных кооперативов или путем союзной организации при превращении таковой, в конце концов, в крупные городские кооперативы». Двойной характер принятой резолюции объяснялся переходным состоянием, переживаемым кооперацией после Февраля 1917 г., когда с централизмом соседствовал федерализм. Федеральное устройство носило исключительный характер, в целом же по стране наблюдалось стремление к слиянию в одно целое.

Движение к созданию многолапочных кооперативов обозначилось и в деревне. В Орловской, Симбирской, Самарской губерниях насчитывалось несколько десятков сельских обществ, действовавших в десятках волостей (общество «Дружба» в Симбирской губернии имело 30 отделений в 8 волостях, общество «Богатырь»

в Самарской губернии имело отделения в 20 волостях, общество «Единение» Самарской губернии имело 30 лавок). В Псковской губернии, сравнительно отсталой в кооперативном отношении, существовали общества, насчитывавшие 2–3 и даже более отделений. Это было новое явление в кооперативной жизни, предшествующий опыт в этом направлении был мал, движению способствовало быстрое и дешевое сообщение по железной дороге, соединяющее с распределительным складом.

К осени 1918 г. в Москве насчитывалось 203 общества различного типа (общегражданские, профессиональные, соседские и проч.) с различным количеством членов. Появление в столь короткий срок такой массы кооперативов, совершенно независимых друг от друга, мешало организованно бороться с дороговизной на едином рыночном пространстве.

Продовольственная разруха, вызванная войной, гнала москвичей в кооперативы, т. к. при массовом бестоварье лишь они обеспечивали хотя бы минимальную защиту от неизбежной спутницы дефицита — спекуляции. Власть «сдавливала» потребление и боролась со спекуляцией путем монополии и твердых цен. В создавшихся условиях несвободного рынка крупные сделки заменились мелкими, носящими спекулятивный характер. Цены не отражали экономических реалий и являлись убийственными для производителей. Вследствие этого к 1918 г. оказались жизнеспособными мелкие, карликовые общества, которым удавалось доставать товары на частном рынке и распределять их между потребителями по ценам ниже спекулятивных.

К середине 1918 г. стихийное кооперативное строительство приостановилось, новая власть перед кооператорами поставила вопрос о централизации движения — создании региональных контрольно-учетных структур распределения.

Декрет от 12 апреля 1918 г. о потребительных обществах пресек стихийный рост кооперативов. В пределах одной территории дозволялось образовывать два кооператива — общегражданский и рабочий, при условии добровольного соглашения между ними. В противном случае власть имела право вмешиваться в процесс.

В мае 1918 г. совещание потребительных обществ Москвы приняло резолюцию, провозглашавшую централизацию и слияние мелких обществ с «Кооперацией». Была избрана специальная комиссия для выработки условий и форм взаимодействия.

17 августа 1918 г. ВСНХ в присутствии делегатов от Центросоюза, Всероссийского совета рабочих кооперативов, Союза

потребительных обществ Москвы, общества «Кооперация», ЦРК, Центрального продовольственного бюро всероссийского железнодорожного союза принял решение о принудительном слиянии. В октябре того же года постановление вступило в силу. В Москве сохранились два общегражданских кооператива во главе с «Кооперацией», и рабочий — ЦРК. Не вошедшим в эти объединения закрывался кредит и отпуск товаров (с 1 ноября 1918 г.) из продорганов, Государственного банка (быв. Народного), из Центросоюза и Народного кооперативного банка. Насильственное слияние болезненно отозвалось в среде кооператоров.

С завершением слияния кооперативов в Москве остались два кооперативных гиганта, на которые возлагалась задача распределения не только среди своих членов, но и всего населения столицы. Наряду с этим изменялся и сам характер потребительных обществ, терялась былая самостоятельность в деле закупки и заготовки, кооперация принимала на себя роль государственного распределителя.

Приложение 1. Статистика роста общества «Кооперация»

Годы	Число членов	Паевой капитал
1916	186 636	232 320
1917	61 897	691 760
1918	91 721	992 420
1919	139 853	1 527 691

Приложение 2. Административные учреждения и отделы общества потребителей «Кооперация»

Председатель правления
 Член правления, секретарь
 Член правления, Зав. неторговым отделом
 Член правления, Зав. торгово-закупочным отделом
 Член правления, Зав. отделом топлива (техническо-хозяйственный отдел)
 Архив
 Бухгалтерия
 Издание бюллетеней
 Бюро по приписке (Подотдел)

Топливный Отдел
 Журнал «Московский Кооператор»
 Газета «Кооперация»
 Касса
 Канцелярия правления
 Канцелярия совета
 Канцелярия органа надзора
 Канцелярия неторгового отдела
 Культурно-просветительский подотдел
 Отдел личного состава
 Мануфактурный подотдел
 Огородный отдел
 Организационный подотдел
 Распределительный подотдел
 Расчетный отдел
 Регистрация членов (подотдел)
 Склад канцелярских принадлежностей
 Статистический подотдел
 Подотдел столовых и чайных с предприятиями
 Товарно-закупочный
 Товарно-учетный отдел
 Транспортный отдел
 Отдел труда
 Учет нормировочных продуктов (подотдел)
 Учет членов отдела
 Финансово-контрольный отдел
 Хозяйственный отдел
 Хозяйственно-технический отдел
 Юридический отдел

<i>Наименования</i>	<i>Количество</i>
Районные комитеты	18
Торговые учреждения	88
Мясные лавки	7
Мануфактурные магазины	3
Книжный магазин	1
Распределительные пункты	21
Склады	6

<i>Наименования</i>	<i>Количество</i>
Мельницы и хлебопекарни	5
Конные дворы и гаражи	6
Столовые и чайные	5
Детские столовые	4

Культурно-просветительные учреждения:

1. Центральные: центральная библиотека, передвижной музей наглядных пособий.

2. Районные:

Мясницкий район — «детский дом» (детский сад, детский клуб, клуб для подростков). Детская библиотека.

Сретенско-Яузский — детская библиотека.

Тверской-Городской — клуб взрослых, детская аудитория, клуб подростков, детский сад.

Арбатско-Пречистинский — клуб взрослых (вечера, беседы), детский клуб.

Якиманско-Серпуховской — библиотека.

Пятницкий — театр и библиотека.

Таганско-Рогожский — клуб, библиотека, читальня, детский клуб, курсы для взрослых.

Богородско-Сокольнический — курсы для взрослых.

Басманно-Лефортовский — клуб взрослых, курсы для взрослых.

Мещанско-Алексеевский — «Дом культуры» (клуб взрослых, кружки юношества, детский сад), общеобразовательные курсы.

Сушево-Марьинский — «Дом кооперации» (клуб взрослых и при нем кружки юношества и кинематографии, библиотека-читальня).

Бутырский — «Дом кооперации» (клуб взрослых, драматический кружок, аудитория для детей, детский сад).

Пресненский — «Дом кооперации» (клуб взрослых, детская библиотека, детский сад).

Кроме того, районы организовывали отдельные начинания (лекции, экскурсии, спектакли, кинематографические сеансы, праздники, в летнее время клубы для детей заменялись детскими площадками).

Московский союз потребительных обществ

«Московский Союз Потребительных Обществ ценен и дорог не только для кооператоров. В цельности Центросоюза есть много таких черт, над которыми не может не размышлять каждый деятель русского общественного движения».

Е. Кускова

«Самые скромные силы при помощи большого рычага могут выполнить колоссальную работу. Таким рычагом является кооперация».

А. Арманд

Несколько поколений российской интеллигенции самозабвенно мечтали о равенстве и братстве, об изобретении чудесного универсального средства, способного избавить общество от всех социальных язв и недугов. В качестве универсального средства интеллигенция рассматривала саму кооперацию. «Наивное сознание, — замечает наш современник С. Носов, — не только счастливое (для его обитателя), но и втайне агрессивное. Если ужасный бред покажется “владельцу” наивного сознания сладкой явью, никто уже ему не докажет, что это не так, никто не остановит его без применения силы на пути утверждения своего бреда как замечательной, желанной действительности»⁴²².

На кооперацию с надеждой созерцали представители многих политических течений, «идея кооперации становилась модной», устойчиво существовало желание пересадить кооперативное движение на русскую почву. «Подготовлена ли почва?» — такого вопроса ни у кого не возникало. Кооперативное дело представлялось делом «совершенно легким, не безвыгодным для участников и привлекательным по своей сущности, а в особенности по своей новизне». Кооперативное движение возникало в результате общественного движения, как одна из его отраслей. Модная идея ассоциации, «интеллигентское дело» — «несчастливая склонность русской интеллигенции к построению воздушных замков» — развивалась под влиянием западных идеалов.

1860-е годы были временем общественной «оттепели»: вопросы крестьянского обустройства и общего развития капитализма в России интересовали и правительство, и дворянство, и нарождавшие

ся третье сословие (выходивших на политическую сцену разночинцев). «Влияние на них западноевропейских идей, а в это время идеи кооперации и социализма там играли большую роль — стоит вне всякого сомнения», — так писал Хейсин. Вырисовывались два подхода к кооперации, две идеологии: либеральная и социалистическая.

Но жизнь оказалась сложнее и многообразнее социальных утопических мечтаний. Искусственное насаждение кооперации в российских условиях «не имело никаких корней в тогдашней экономической и общественной жизни»⁴²³.

Днем рождения российской кооперации принято считать 22 октября 1865 г., когда был утвержден устав первого ссудо-сберегательного товарищества. 23 октября этого же года утвержден устав первого потребительного общества (Рига). За 6 лет — с 1865 по 1870 г. — открылось 76 обществ, 72 из них — в городах. Быстро вспыхнув, движение угасло, не оставив и следа.

С изменением экономических условий, вызванных отменой крепостного права, проведением железных дорог, с увеличением денежных потоков, натуральное хозяйство России стало постепенно трансформироваться и переходить к товарно-денежным отношениям. Однако община, структура бесправия и экономической кабалы, как и прежде, стояла на пути прогрессивного развития России, тормозила инициативу и самостоятельность народных масс.

Официальный взгляд на кооперацию как на социально-экономическое явление выразил Ф. Г. Тернер, рассматривавший ассоциации, как хозяйственный механизм социальной направленности («уравновешивающий элемент»)⁴²⁴. Правительство через земства оказывало финансовую помощь в становлении сельской кооперации. В 1869 г. было принято положение, предоставившее министру финансов (по соглашению с министром внутренних дел) собственной властью разрешать открытие кредитных учреждений.

Для кооперации «первые десятилетия прошли почти исключительно в насаждении отдельных ячеек, в накоплении сил и опыта... Кооперация долгое время шла ощупью, опиралась больше на сочувствие и содействие различных учреждений, чем на собственные силы. Сама идея кооперации была так нова первое время, что ее нужно было «прививать» и навязывать неподвижным гражданам земли русской»⁴²⁵.

Русское кооперативное развитие очень многим обязано Петербургскому отделению Комитета о сельских и ссудо-сберегательных товариществах, история кредитной кооперации тесно переплелась с ним, как с составной частью единого организма, без которого одно не мыслилось без другого.

Петербургское отделение Комитета о сельских и ссудо-сберегательных товариществах при Московском отделении сельского хозяйства открылось 30 декабря 1871 г. У истоков российской кооперации стояли деятели этого комитета — князь А.И.Васильчиков, А.В.Яковлев, Н.П.Колюпанов, Е.Ф.Лугинин, Н.В.Верещагин.

Остатки натурального хозяйственного строя являлись тормозом к развитию новых экономических форм. Добавим к этому ограниченность экономических предпосылок. Крестьяне, записавшиеся в члены ссудо-сберегательных товариществ, насаждавшихся земствами, взявши ссуды, не умели их хозяйственно использовать. Уставы первых кооперативов были во многом несовершенны. Печальный опыт Н.В.Верещагина с его молочными кооперативами — яркий тому пример. Большая часть денежных средств, выделенных земствами, осталась неиспользованными, истраченные — безвозвратно пропали.

В 1895 г. было принято положение об учреждении мелкого кредита как меры содействия со стороны государства, чья политика направлялась на насаждение кредитных товариществ раффайзеновского типа, приспособленных к условиям общины. В 1904 г. учреждается управление по делам мелкого кредита, цель которого — усиление темпов финансирования после введения закона о выдаче ссуд из средств государственных сберегательных касс, создание значительного штата инспекторов мелкого кредита (число которых к 1915 г. превысило 500).

Одной из задач в деле обустройства российской кооперации являлась организация общественного воспитания и поддержки идеи самодеятельности населения. Кооперативное строительство тормозилось недостатком образования в крестьянской среде, отсутствием торгового опыта и общественных навыков, необходимых для ведения хозяйственных дел общца. Внедрение экономических методов искусственным путем не могло не сказаться на кооперативном деле, в основу которого часто ложилась опека при отсутствии инициативы в условиях общины.

Большинство первых городских потребительных обществ было образовано в среде интеллигенции. Кооперативы возникали в результате веры в могучую силу «ассоциации».

Первые кооперативы, не имевшие в основе своей экономических принципов, распались и умирали. 1871–1880 гг. — особый период в истории кооперации. Эти годы характеризовались как «ликвидационные». По свидетельству писателя А.Шеллер-Михайлова, учредителями первых потребительных обществ были в этот период большей частью местные предводители дворянства,

председатели земских управ, городские головы, мировые посредники, исправники. «Чисто делового элемента» почти не было⁴²⁶. Это вызвало скорое охлаждение в среде организаторов, несмотря на большой интерес к кооперации в прессе. Но за периодом неудач и распада кооперативных обществ последовал период оживления. За 8 лет 1898–1905 гг. возникло 1198 потребительных кооперативов, тогда как в 1906–1913 гг. — 9555.

Еще в 1890-е гг. возникли крупные ведомственные кооперативные объединения при поддержке и руководстве со стороны государственных и министерских структур в офицерской и транспортной среде. В 1890-е гг. оживляется деятельность всесословных потребительных обществ. Большинство заводских и фабричных обществ носило спонсорский характер, они были зависимы от администрации. Первое независимое потребительное общество в рабочей среде образовалось в 1908 г. 7 января 1897 г. при Петербургском комитете была утверждена комиссия потребительных обществ. В 1904 г. на смену ей пришел III отдел Петербургского отделения. В 1905 г. правительство разработало и приняло ряд законодательных актов, которые способствовали укреплению и развитию кооперации в крестьянской среде.

В 1896 г. после Нижегородского съезда кооперация вступила в новую фазу — союзное строительство. В 1896 г. создан первый союз кредитных товариществ, состоявший из 4-х обществ. В 1897 г. появился московский союз потребительных обществ, объединивший 36 обществ, к июлю 1915 г. в Союз входило 1390 обществ с оборотом (1914) 10343549 руб. Первоначально сумма паевого капитала в 1899 г. составляла 800 руб., годовой оборот — 31340 руб., в 1917 г. в активе кооперации был 281 союз, 3037 потребительных обществ, 1084 тыс. пайщиков, оборот составил 218 млн. руб. На январь 1919 г. паевой капитал составил — 400 млн руб., оборот — 360698033 руб.⁴²⁷

«Идейные», пришедшие в руководство кооперации, рассматривали ее как «созидательное творчество новых форм жизни», «систему хозяйства и уклад жизни». «Не интересы *потребителя* толкали на путь объединения, а принципы совершенно иного порядка», — такое признание в день 50-летия образования МСПО было не ново. Московский союз потребительных обществ, демонстрируя свои амбиции, двигался к руководству всей российской кооперацией. В 1917 г. МСПО из союза отдельных обществ преобразовался в союз союзов — Всероссийский центральный союз потребительных обществ «Центросоюз» — хозяйственный, организационный и идейный центр всей россий-

ской потребительской кооперации. Пройдя непростой путь, к 1918 г. МСПО «стал одной из наиболее влиятельных социальных и политических организаций в России»⁴²⁸. Тогда же прозвучала формулировка социальных идеалов кооперативного движения в их широком построении: «потребительская кооперация, партийно-нейтральная, представляет собою народное движение в сторону обобществления производства и распределения, в сторону преобразования всего социального уклада». Кооперативная деятельность была связана с самыми широкими общественными построениями: «Над всей этой материальной сущностью светлой, многоцветной радугой развертывалась идейная, просветительская работа Центра... к светлому будущему звали, его съезды давали ощущение реального единения между людьми... Центросоюз нашел рычаг массового движения». Кооперация, таким образом, рассматривалась как рычаг, а Центросоюз — как «главная ось» кооперативного движения.

«Религиозный фанатик кооперации» А.А.Евдокимов в 1906 г. говорил: «Пока мы не отыщем *рычага*, путем которого можно привлечь массы к каждодневной, созидательной, коллективной и нравственно — возрождающей работе, — до тех пор мы будем терпеть аварии и в политической работе. Поэтому нужно дожидаться того времени, — и неустанно работать в этом направлении, — когда деревенский мужик и городской рабочий будут не только почетными гостями или сырым материалом в чужом, малопонятном им интеллигентском деле, но сами возьмутся за общественный плуг и пойдут поднимать им целины народной жизни... Кооперация смотрит в корень. Она не сверху, она внутри, она — рычаг, которым будет повернуто в сторону культурного демократизма и политическое мировоззрения народа...»⁴²⁹.

Первые годы деятельности МСПО теснейшим образом связаны с именем первого председателя Бюро союза, крупного общественного деятеля, обладавшего организаторским талантом, Гибнером, бескорыстно проработавшего в Союзе долгие годы. А.Меркулов отмечал: «Без преувеличения можно сказать, что его работа послужила главной основой, на которой выросло здание Союза». Сочетание в руководителе нового учреждения разнообразных и благородных личных черт «было весьма благоприятно для успешного развития кооперации»⁴³⁰.

Первое учредительное собрание членов МСПО состоялось 23–26 октября 1898 г. в помещении потребительского общества «Взаимная польза», где было избрано первое Бюро в составе: В.Н.Анофриева, Н.П.Гибнера, В.А.Голикова, С.А.Каблукова,

В.А.Тархановского. С 1903 г. Союз начал издавать журнал «Союз потребителей», который, несмотря на ограниченные средства, неуклонно вел кооперативную пропаганду на своих страницах, став «весьма заметным орудием пропаганды идей потребительской кооперации». В 1903 г. журнал «Потребительское общество» выступил с резкой критикой работы Бюро МСПО, которое не всегда открыто и добросовестно исполняло поручения по закупке товаров: «Нет лучшего обеспечения для успеха общественного дела, как широкая гласность и свободный обмен мнений». Несколько «свободное» отношение Бюро к союзной кассе усматривалось на примере финансирования журнала «Союз потребителей», расходы по изданию которого возлагались на общества, пользующиеся посредничеством Бюро при выписке товаров. Расходы на рекламу включались фирмами в цену товара. Взыскание проводилось, по сути, с бедных обществ, поскольку богатые к посредничеству Бюро не прибегали. Редакция журнала призывала Бюро стремиться соблюдать правильную постановку кооперативной работы: «Только тогда Союз будет пользоваться полным доверием, а без такого доверия он — мертвое учреждение, способное создать чью-либо славу, но не славу русского кооперативного движения; учреждение, бесполезное для общего дела, как бы широко оно не развивалось»⁴³¹. Редакция «Потребительского общества» уповала на привлечение к активной деятельности тех обществ, которые не «понимали» деятельность Бюро и беспокоили Бюро «лишь общими фразами, из которых нельзя сделать никаких практических выводов». Деятельность «руководителей далеко не соответствует тем запросам со стороны потребительных обществ, каковые они вправе были ожидать от своего Союза». Журнал упрекал в «неполной искренности в сообщениях о своей деятельности со стороны бюро Союза». Ратуя за гласность и свободу мнений, автор указывал, что темнота — плохое условие общественной деятельности.

В 1906 г. МСПО «выделил» особый орган — «Секретариат», который объединил неторговую деятельность Союза. С годами работа Секретариата разрасталась, усложнялась и, в свою очередь, привела его к распаду. Целый ряд отделов, где первое место занимал инструкторский отдел, «который дает советы в стенах МСПО, проводит на местах инструктирование обществ, участвует в совещаниях, съездах... словом, несет колоссальную организационную и пропагандистскую работу», расширил культурно-просветительскую деятельность. В Секретариат входил и популярно-пропагандистский отдел, который занимался изготовлением кооперативных плакатов, календарей, записных

книжек, популярных брошюр по кооперации, справочных пособий. Секретариат располагал типографским подотделом, книжным складом, редакционным подотделом, который руководил изданием журналов («Союз потребителей», «Объединение» — с 1903 г.), «Маленький журнальчик» («Объединение»), на страницах которого публиковались портреты деятелей коммунистического движения и революционные призывы, служил «могучим орудием кооперативной пропаганды, главным образом, среди трудящихся слоев населения». «В общем, значение секретариата МСПО для потребительской кооперации настолько огромно, что не поддается учету. Несомненно, что с ростом кооперации в России вообще, секретариату предстоит огромная будущность. Он уже теперь является самым крупным идейным центром российской кооперации», — писал журнал «Союз потребителей»⁴³². МСПО содействовал подготовке кадров для руководителей кооперативов и технических работников, через круглогодичные курсы: «Созданию кооперативов должно предшествовать создание кооператоров».

Главный вид торговой деятельности первого периода МСПО (1898–1907) — *комиссионная работа*: союз являлся только посредником между обществами и фирмами, предоставлявшими товары на возможно льготных условиях. Располагая средствами, МСПО устроил собственные склады, и «с этого времени начался усиленный рост Союза, накопление его капиталов, и необычное его развитие». Долгие годы Союз делал ничтожные обороты в 100 000–300 000 руб. в год, много меньше, чем фабрично-заводское общество средней руки. Практикой российской кооперации была наценка на товары, которая определялась в 11–20% их стоимости. Сэкономленные средства к концу года давали возможность распределять прибыль. Средняя наценка на покупную стоимость товаров составляла 13,5%⁴³³.

Делами Союза управляло Собрание уполномоченных и Бюро. Собрание Уполномоченных состояло из представителей союзных потребительских обществ (не более 3-х от каждого) и являлось органом управления Союза.

В 1911 г. Союз открыл под собственной маркой чаеразвочную фабрику, в 1913 г. устроил образцовую кофеобжигальню. В 1914 г. Союзом были приобретены собственные здания, примыкавшие к линии Московско-Курской железной дороги, построено шестизэтажное здание склада.

В 1908 г. в Москве состоялся I Кооперативный съезд, сделавший принципиальное признание общности заданий коо-

перативов разных видов, которое имело большое значение для дальнейшего развития российской кооперации. Решения съезда С.Н.Прокопович рассматривал как «сговор нашей демократии по вопросам кооперативного строительства». Однако необходимо отметить, что не во всем чисто хозяйственные интересы различных видов кооперации, объединенных под одной крышей, совпадали. Факт этот служил тормозом в развитии кооперативов, вел к насильственному регулированию хозяйственной деятельности.

II Кооперативный съезд (Киев, 1913 г.) объявил Московский союз «лидером всей российской потребительской кооперации». Комиссия, избранная съездом, выработала план преобразования МСПО в Союз союзов потребительских обществ. «Кооперативное движение наполнилось социально-политическим содержанием», — отметил Хейсин. Застрельщиком в этом движении выступала потребительская кооперация.

МСПО взял курс на объединение в одном центре оптово-закупочной деятельности с организационной, ревизионной и культурно-просветительной. МСПО, в отличие от западноевропейской кооперации, был задуман и развивался, как единый организационный и оптово-закупочный центр. «Отрадно и радостно сознавать, что в работе Центросоюза, как и всей кооперации, мы уже имеем колыбель *новой* русской общественности... В этой колыбели воспитывается совершенно новый *тип* человека», — констатировала Кускова в 1918 г.⁴³⁴

20-летний юбилей (1918) МСПО (Центросоюза) рассматривался, как «настоящий праздник всех идейных кооператоров», а Центросоюз — как «главная ось» кооперативного движения. «Мы работаем во имя светлой задачи — объединения человечества — и мы достигнем ее нашими общими усилиями». Министр Временного правительства (по сути — его глава, в последние месяцы существования), председатель Совета всероссийских кооперативных съездов, директор первого в России кооперативного института Прокопович так определял место кооперации: «Демократия через кооперативные организации, органы местного самоуправления и представительные государственные органы должна получить право руководства народным хозяйством и общественного контроля»⁴³⁵. 4 августа 1917 г. на основании представленного в министерство внутренних дел ходатайства Временное правительство приняло постановление о передаче потребительских обществ из МВД в торгово-промышленное ведомство. МСПО был переименован в Центросоюз.

Мощное бюрократическое здание управления кооперативным движением увенчал Всероссийский кооперативный союз. В лице Совета Всероссийских кооперативных съездов кооперация получила идейный и руководящий центр.

«День основания Центросоюза является знаменательным, полным огромного значения поворотным пунктом в истории российской общественности... Впервые в России создана была организация, сочетавшая в своей деятельности широту и глубину практического делового размаха с безбрежными идеологическими устремлениями и высоким идеализмом. Впервые наше исконно русское, интеллигентское тяготение к безграничным горизонтам, открытым дорогам теоретической научной мысли, не повисло безнадежно в пустоте, а облеклось в плоть и кровь реального переустройства земной жизни, получило прочные устои, оперлось о мирные плечи городской и крестьянской демократии»⁴³⁶.

«Юбилей Центросоюза, — утверждала Е.Кускова, — давал нам ответ на многие спорные вопросы русского общественного движения». «Характеристика в общем остается верной и до сих пор: политические партии и до сих пор еще не нашли рычага, с помощью которого можно повернуть идеальные цели к их практическому осуществлению. Бесплодно бьемся мы в тисках стихии и утопизма, а после каждого взрыва надежд остаемся почти что с разбитым корытом... И невольно встает беспокойный вопрос: Возможны ли в России массовые движения, которые неуклонно шли бы к цели и достигали практического результата?»⁴³⁷

Подводя итог кооперативного строительства в 1918 г., Союз потребителей писал: «Являясь всероссийским центром огромной отрасли кооперативного движения — первым кооперативным центром России, — московский Союз потребителей Обществ не мог не играть весьма заметной и важной роли, как во всем русском кооперативном движении, так и в общественном движении России».

Приложение 1. Промышленные предприятия Центросоюза до 1923 г.

Годы	Предприятия/Город
1913	Химико-развесочная фабрика
1915	Ящично-столярная мастерская
1916	Спичечная и гуталинная фабрика

Годы	Предприятия/Город
1916	Махорочная фабрика (Сеслов)
1916	Мыловаренный завод (Курск)
1916	Мельница (Евдаково)
1917	Кондитерская фабрика
1917	Мельница (Саратов)
1917	Мельница (Рыбинск)
1917	Кирпичный завод
1917	Фабрика обуви
1917	Перо-пуховый завод
1917	Производство одеял
1917	Картофелетерочный и паточно-варенный завод
1917	Механический завод
1918	Типография
1918	Маслобойный завод (Евдаково)
1918	Мыловаренный завод
1918	Завод «Мыловар»
1918	Крахмало-паточный завод (Пенза)
1920	Торфяные разработки
1920	Щетинные мастерские (Ростов-на-Дону)
1920	Крымские консервные заводы
1921	Колбасно-консервная фабрика
1921	Островский лесопильный завод
1921	Горчично-маслобойный завод
1921	Перо-пуховый завод (Ростов-на-Дону)
1921	Рыбные промыслы
1922	Новая кофейная фабрика
1922	Чугунно-литейный завод (Петроград)
1922	Деревообделочный завод (Петроград)
1922	Войлочный завод
1923	Гвоздильный завод (Ростов-на-Дону)
1923	Мыловаренный завод (Ново-Николаев)

Приложение 2. Московский союз потребительных обществ. Хронология деятельности

1898 г. — Утверждение Положения о МСПО.

1903 г. — Вышел первый номер журнала «Союз потребителей»; МСПО вошел в Международный кооперативный Союз.

1907 г. — Открытие оптового склада МСПО.

1911 г. — Утверждение устава Московского народного банка.

1813 г. — Московский союз открывает первое производственное предприятие — кофеобжигальню.

1914 г. — Открытие Союзом потребительных обществ заводского склада

1915 г. — Заключение коллективного договора между МСПО и его служащими; Приобретение дома Московским Народным Банком; Приобретение МСПО помещений заводского склада в собственность; МСПО приступает к постройке 5-ти этажного фабричного корпуса, арендует кондитерскую фабрику, приобретает табачную фабрику в Сеславине.

1916 г. — МСПО приобретает мельницу в Едакове, спичечную фабрику в Бронницах, мыловаренный завод в Курске, организует засолку рыбы в Астрахани; 31-е собрание Уполномоченных МСПО приняло решение о преобразовании Союза в Союз Союзов.

1917 г. — МСПО приобретает мельницы в Рыбинске и Саратове, кирпичный завод на станции Крюково, парочный, картофелетерочный и варенный завод в г. Зелёцине Нижегородской губ., механическую мастерскую для нужд Союза и организует рыбные промыслы в Кандалякше; МСПО переименован во Всероссийский союз потребительных обществ — ВЦСПО (Центросоюз); Союз кооперативов открыл в г. Ардатове Нижегородской губернии первую в России двухгодичную Высшую крестьянскую школу.

1918 г. — ВЦСПО закончил постройку маслобойного завода при Едаковской мельнице, арендовал крупный мыловаренный завод в Москве, на Мурманском побережье организовал затопку сала и ворвани, траловый лов рыбы, рыбоконсервный завод; Состоялся I Всероссийский кооперативный съезд союзов и объединений; Совет ВКС по решению съезда открыл Кооперативный институт в Москве как центральное кооперативное учреждение.

Приложение 3. Председатели Центросоюза

1898–1905 гг. — Гибнер Николай Петрович.

1906–1912 гг. — Каблуков Сергей Алексеевич.

1913–1919 гг. — Коробов Дмитрий Степанович.

1919–1920 гг. — Лежава Андрей Матвеевич.

1920–1925 гг. — Хинчук Лев Михайлович.

1926–1930 гг. — Любимов Исидор Евстигнеевич.

1931–1932 гг. — Бадаев Алексей Егорович.

1932–1937 гг. — Зеленский Исаак Абрамович.

1937–1938 гг. — Кухтин (имя и отчество не установлены).

1938–1941 гг. — Хохлов Иван Сергеевич.

1941–1945 гг. — Сидоров Николай Павлович.

1945–1954 гг. — Хохлов Иван Сергеевич.

1954–1978 гг. — Климов Александр Петрович.

1978–1983 гг. — Смирнов Алексей Алексеевич.

1983–1987 гг. — Трунов Михаил Петрович.

1987–1990 гг. — Федирко Павел Степанович.

Приложение 4. Структура Всероссийского центрального союза потребительных обществ (Центросоюза)

Центральная контора с экспедицией

Справочный отдел и архив

Организация и ведение собственного производства

Промышленный отдел

Финансовый отдел

Бухгалтерия центральной конторы

Лабазный отдел

Рыбно-бакалейный отдел

1-й Фирменный отдел

2-й Фирменный отдел

Центральный склад

Отдел претензий

Секретариат:

Организационный отдел

Инструкторский отдел

Редакционный отдел

Культурно-просветительный отдел

Статистический отдел

Хозяйственно-издательский отдел

Книжный склад

Типографский подотдел

Приложение 5. Увенчание кооперативного здания.

Естественное развитие кооперативной системы предполагает создание целого ряда разнообразных узлов, скрепляющих в непрерывное целое пеструю и многосложную кооперативную ткань.

Таковыми узлами являются различнейшие союзы и объединения, в которых сплетаются те или иные интересы кооперативных организаций того или иного вида.

В гигантском общественном организме, какой представляет собою наша страна, эти союзы не могут не быть чрезвычайно разнообразны и по своим размерам. Кооперативное дело — точно многоэтажное здание, где над бесконечным множеством первичных ячеек — кооперативов возвышаются все более и более крупные и компактные союзные организации.

Еще до революции кооперативное движение бурным напором своего стихийного роста добилось наряду с общим ростом союзного дела, создания и укрепления нескольких центральных союзных организаций общероссийского масштаба. Здание кооперации уже возведено было почти до самого верха.

Ему недоставало только венца — всероссийской общеккооперативной организации, которая под своею кровлею вмещала бы все кооперативное движение.

Теперь это здание увенчано. Русская кооперация имеет единый общий центр — совет всероссийских кооперативных съездов. Форма организации выработана была применительно к эпохе царизма; но по существу это есть Всероссийский кооперативный союз.

Перед нами — мощная кооперативная организация, где должны сосредоточиться и весь моральный авторитет огромного движения, и вся могучая сила его мнения, соответствующая громадному хозяйственному его значению, и весь опыт российской кооперативной мысли и практики.

В лице совета кооперативных съездов наша кооперация получает необходимый орган, значение которого одинаково велико и в отношении к окружающему миру, и для успеха внутреннего развития. В отношении к внешнему миру кооперация находит в совете съездов мощного защитника своих нужд и интересов и выразителя своих запросов и требований. Но не менее важное значение имеет совет и внутри кооперации, так как только в подобном едином центре могут получить надлежащую разработку и разрешение многообразные вопросы, от которых зависит правильное и здоровое развитие кооперативного дела.

Легче всего может здесь найти разрешение ряд проблем обще кооперативного характера, стоящих перед кооперативным движением в целом; быть может, только здесь поддадутся успешному разрешению и большие вопросы о нормальных взаимоотношениях между различными руслами кооперативного движения, сливающимися в общем всероссийском союзе.

Объем работы совета съездов может быть очень обширен; предстоит согласовать и разграничение работы с другими центральными организациями и с деятельностью местных специальных и общих союзов.

Велики стоящие перед советом съездов задачи. Но в обновлении России имеются условия, достаточные для того, чтобы обеспечить и грандиозный размах, и плодотворность деятельности Всероссийского кооперативного союза⁴³⁸.

Приложение 6. Обороты МСПО — Центросоюза*

Годы	Число п. о.	Складочный паевой капитал в руб.	Торговые обороты в рублях	Прирост или уменьшение в % к предыдущему году**
1899	37	800	31 400	100
1900	68	5200	139 322	+83
1901	85	7900	109 302	+25
1902	110	9650	177 567	+29
1903	131	11 750	260 420	+19
1904	144	12 400	347 304	+9
1905	153	17 656	439 706	+6
1906	166	19 132	290 759	+8
1907	201	27 558	399 978	+21
1908	257	38 568	722 541	+27
1909	354	47 822	1 288 311	+37
1910	393	68 808	1 984 827	+11
1911	549	90 194	3 597 149	+39
1912	776	160 257	5 911 404	+41
1913	1016	225 413	7 985 234	+30
1914	1260	319 479	10 344 549	+24

Годы	Число п. о.	Складочный паевой капитал в руб.	Торговые обороты в рублях	Прирост или уменьшение в % к предыдущему году**
1915	1737	663 158	22 855 407	+37
1916	3167	1 634 053	86 631 616	+82
1917	3317	10 241 047	210 560 157	+4
1918	315 объединенных	ок. 40 000 000	360 698 033	-9,49

* Источник: Известия Центросоюза. 1919. № 17. С. 83.

** Подсчитано нами.

Земледельческая производственная община «Криница»

«Тут все есть, если нет обмана».

Фамусов

«Необходимо считать судьбу своего общества делом более важным, чем благополучие отдельных членов».

«Первая личина тиранов почти всегда демократическая».

Из записной книжки кооператора. М., 1918.

Под сельскохозяйственными кооперативами понимались сельские товарищества по закупке сырья и орудий сельскохозяйственного производства, товарищества по сбыту продуктов, подсобно-производственные товарищества (машинные, опытные учреждения и проч.), а также сельскохозяйственные общества. Эти функции несет на себе и кредитная кооперация, не требующая образования специальных структур. Сельскохозяйственные товарищества способны охватить самые различные стороны крестьянской жизни, влиять на производство продуктов, их переработку и, вообще, на весь хозяйственный уклад деревни.

К производственным кооперативам, представляющим один из типов совместного производства, относятся объединения, созданные для производства каких-либо сельскохозяйственных продуктов — земледельческие производственные товарищества.

Попытки создания подобного рода кооперативов в виде общины, где земля и орудия производства общие имели место во многих странах Европы — в Англии, Франции, Бельгии, России. Организация данных промышленных объединений, несмотря на огромные государственные и частные вложения средств, заканчивалась, как правило, неудачей. Земледельческие производительные товарищества были широко развиты в Италии, где их устройство связывали с деятельностью профессиональных союзов сельских рабочих и Итальянской социалистической партии. В 1912 г. в Италии насчитывалось 82 объединения, 79 из которых объединяло 21 тысячу членов. Быстрое распространение сельскохозяйственных ассоциаций в Западной Европе в начале XX в. российский экономист А.И. Чупров считал «неожиданным». «Коллективное земледелие» — «нашу древнюю поземельную общину» — он рассматривал как фундамент для народной ассоциации.

В отечественной кооперативной литературе нет данных о количестве производительных земледельческих кооперативов, кроме одного определения — «много». Один из них — земледельческая колония «Криница» — просуществовала более 25 лет, поставив тем самым рекорд такого рода, социального эксперимента. Кооперативный справочник 1919 г. сообщал, что «в настоящее время имеется весьма значительное стремление к созданию таких земледельческих кооперативов»⁴³⁹.

Стремление к созданию подобных земледельческих колоний имело место и в России (причем в интеллигентской среде). Западническая и славянофильская русская мысль, занятая вопросами общественного развития, соприкасалась во взгляде на общину, как на исходный момент социалистических преобразований (одни, правда, рассматривали последние со знаком «минус», другие — со знаком «плюс»).

Русские интеллигенты задумывались над вопросом: потому ли существует община, что народ наш проникнут принципами общинного землевладения, или потому народ проникнут этими принципами, т. е. имеет привычку к общине, что живет в условиях коллективного владения землей? (Г.В. Плеханов) «Массовый материал, собранный во время предпринятой земствами колоссальной подворной переписи, охватившей почти 20 млн крестьян в разных уголках страны, показал, что спустя 20–30 лет после 1861 г. у 1/3 крестьян внутри деревенских общин имелась «решительная тенденция к личной земельной собственности»⁴⁴⁰. Крестьянин — практик, шедший от земли, от жизни, не был способен к утопическим фантазиям, искусственно насаждаемым интеллигенцией, и это

продемонстрировали коллективизации, проведенные большевиками. «Община, стало быть, общество, для недоимок хороша, для сбора, для всяких повинностей, а для серьезной работы, для хозяйства она ни к чему, не помогает», — это услышал 8 мая 1890 г. будущий вождь мирового пролетариата В. Ульянов из уст крестьянина Екатериновки П. Нечаева.

В интеллигентской среде наблюдалось смешивание понятий «кооперация» и «община», представляющих совершенно разные по сути явления.

«В России кооперация обладает естественным ростом: здесь она является наследием средних веков...

Мы можем, таким образом, видеть, как в России старые средневековые институты, избежавшие вмешательства со стороны государства, выжили (в неформальных своих проявлениях) до настоящего времени и приобрели величайшее разнообразие форм, приспособляясь к требованиям современной промышленности и торговли», — констатировал П. Кропоткин⁴⁴¹.

Земледельческая община «Криница» — один из эпизодов истории интеллигентских исканий форм идеальной жизни. 1870-е гг. — период народнического самоубеждения в том, «что этот вид земледелия может, при известных условиях, прямо перейти в коммунистическую форму развития», прослеживается в истоках создания «производительной артели “Криница”». Само ее название рассматривалось как источник настоящей жизни. Предыстория ее создания относится к 1879 г., когда группа интеллигентов, приобретя землю в Уфимской губернии, образовала земледельческую общину. Основатель ее, Виктор Васильевич Ерошкин, сын лейтенанта, выходец из аристократической семьи, окончил два факультета Московского университета. Его соратники имели личный опыт в подобного рода мероприятиях. Среди них были, например, выпускница Смольного института, основавшая в своем имении нечто вроде недолго просуществовавшей коммуны; сын священника, занятый разработкой вопроса о земледельческом труде; устроитель трудового общества, и другие убежденные радикалы.

Сущность идеи членов уфимской общины отразила ее программа:

1. Общежитие должно быть основано на началах правды и справедливости.
2. Правда будет осуществляться в жизни, когда каждый без всяких стеснений будет выражать свои сокровенные мысли.
3. Справедливость должна вытеснить личные внутренние побуждения человека, всякий должен думать не о своих правах, об

обязанностях в отношении к другим, права же каждого даются ему другими.

4. Вся психика членов общины воспитывается на этих началах, и совершается нравственное перерождение личности, порядок устанавливается сам собой, и формы общежития, вытекающие из основных этических начал, находятся без труда.

Условия жизни, непривычные для людей интеллигентского склада, совершенно неприспособленных к подобного рода деятельности (девять месяцев суровой зимы и жаркие летние месяцы с комариными тучами, тяжелая физическая работа), подозрительное отношение местной власти заставили коммунаров переехать в Полтавскую губернию. Но и здесь все завершилось обыском жандармов.

Новой точкой отсчета жизни общины стал сентябрь 1886 г., когда коммунары переехали на Кавказ, где в Ливадии на берегу Черного моря были приобретены 164 дес. земли. Формально, все имущество было передано одному юридическому лицу, что позволяло общине действовать самостоятельно на основании договора, утвержденного общим уставом.

Материальную базу общины (капитал) составляли земельные угодья, на которых располагались виноградники, плодовый сад, огород, полевое хозяйство, усадьба, девять каменных домов, хозяйственные постройки, два винных подвала и другие производственные постройки (скотный двор, винодельня, пчельня, птичники), социальные и культурно-бытовые учреждения (баня, прачечная, магазин, клуб, школьные дома, жилые дома для семейных и холостяков — 1–3 человека в комнате). Бюджет общины составлял 10 тыс. руб. в год. В 1906 г. в результате неудовлетворительной хозяйственной деятельности было потеряно четыре дома, две десятины сада, скотный двор, баня, прачечная, часть земли и надворных построек.

Хозяйственная жизнь колонистов определялась идеологическими понятиями ее устроителей. Основу их мировоззрения составляла мозаика из взглядов Фурье, Оуэна, Сен-Симона, Бланка, Маркса. Полагая, что общепринятые правовые нормы не служат объединению людей, а скорее их разъединяют, сеют ложь, коммунары, в попытке отыскать «категорический императив добра», пришли к квазирелигиозным толкованиям общественных отношений. «Великие инженеры новых идеальных форм жизни» верили, что с изменением форм жизни изменится сущность общества и поведение людей («закон права — на смену закону права»).

Вот что писал один из поклонников идей «Криницы»: «Мы стремимся создать для себя и детей наших разумную обстановку жизни, побуждает нас к этому мировой закон совершенствования, или стремление материи к гармонии. Труд только полезный и личный».

Каждое предшествующее поколение является лишь средой, которая служит для достижения морального развития последующих поколений.

Объединяющей идеей поэтому, связавшей нас в единое, должно быть воспитание молодого поколения, практическим результатом которого является самосовершенствование»⁴⁴². Поиск нравственного идеала обратил их взор к религии: «Общая жизнь возможна лишь на религиозном принципе, который побуждает людей свои поступки проводить не через личное хотение, личное я, а через объективный идеал, опирающийся на религиозное сознание»⁴⁴³.

Социальный состав строителей общины был неустойчивым. Активное участие в ее жизни принимало собственно человек 40–50. Всего же за 25 лет ее существования через колонию прошло около двух тысяч человек⁴⁴⁴.

Разногласия, развернувшиеся внутри общины, экономическая нестабильность, «текучесть кадров», продемонстрировали полный крах идеологических принципов строителей общины, как и метода хозяйственного построения замкнутой ячейки. Продолжавшаяся 12 лет глухую борьбу внутри «Криницы», в которой принимало участие подрастающее поколение, можно интерпретировать как коммунистического и кооперативного (умеренно-либерального) начал. Она закончилась острым конфликтом и привела сначала к победе «стариков-коммунистов» и хозяйственному упадку общины, а затем — к *вынужденной* ее перестройке на кооперативных началах.

Экономическая организация колонии, порядок трудовых и личностных взаимоотношений исходил из общинной идеологии, деятельность которой строилась на принципе натурального хозяйства. От последнего колонисты отказались, как от «несовместимого с условиями капиталистической системы», хотя этот шаг рассматривался ими как «допущение временного компромисса».

Три года шла упорная борьба за выживание. Перестройка управления дала положительные результаты, вновь были засажены четыре десятины сада, расширен огород, построен образцовый скотный двор, один жилой дом. Юридический владелец земли (Ратнев), заложив «Криницу», предполагал использовать залоговые деньги для расчета с долгами.

В 1906 г., обремененная долгами, с расстроенным хозяйством, пораженная неурядицами, община избрала ликвидационную комиссию. Два года спустя колонисты погасили часть долга, начали прием новых членов, но, оставаясь перед необходимостью освободиться от залогов, все же приближались к полному хозяйственному упадку.

После 12-летней борьбы были выработаны некоторые промышленные положения, выразившиеся в декларации колонистов об основах организации трудовой и общественной жизни:

1. Основная задача организации труда общества заключается в том, чтобы найти подходящие формы для свободного самоопределения лица, для его развития, для всестороннего труда на пользу — как свою, так и общества; создать такие условия, которые позволили бы использовать способности, знания и силы каждого.

2. Необходимость существования творческих организаций выводится из необходимости коллективного опыта для уяснения тех взаимоотношений, при которых растущие потребности одного лица могли бы быть удовлетворены без нарушения принципа общей справедливости, идеалов братства, так как одна экономическая справедливость не приближала людей к желаемому миру и общему счастью.

3. Вводя более простую, более ясную форму общественной жизни на трудовых началах, колонисты получают не «самодовлеющую единицу», оторванную от всей исторической и политической жизни народа, а, наоборот, единицу, наиболее связанную с окружающим миром бесконечным числом нитей»⁴⁴⁵.

Вопрос о воспитании подрастающего поколения находился в центре внимания колонистов. Дети объединялись в группу с выборным руководителем, со своей самостоятельной работой на трудовом фронте. Умственное развитие подрастающего поколения находилось в прямой зависимости от материальных средств и возможности педагогических сил колонии. Право на получение дальнейшего образования не гарантировалось, впрочем, как и уровень школьной подготовки. Образовательный уровень членов общины ставился в зависимость от возможности пополнения ее новыми членами. Группы из детей старше 8 лет самостоятельно участвовали в общих работах.

Под влиянием молодого поколения колония претерпела в 1912 г. радикальные преобразования: потеряв часть собственности и расплатившись с частью долгов, превратилась в товарищество, действующее на основе договора. В итоге было признано нецелесообразным право колонистов распоряжаться всеми результатами

своего труда. В связи с этим была введена однородная оценка полезного труда, с определением рабочего времени, а также введено понятие о производительном физическом труде.

Ценность труда определялась рабочим часом, максимальное количество рабочих часов в день и минимум обязательных дней в году устанавливалось общим собранием ежегодно. Так, в 1912 г. зимой было положено 7 рабочих часов, весной — 9, летом — в течение 2 месяцев — 10 часов, осенью — 8 часов. Минимум годовых рабочих дней — 250. Работа, требующая продолжительного времени, оплачивалась дополнительно или компенсировалась еще одним оплачиваемым днем.

Интересы общины были направлены на открытие потребительных, кредитных товариществ, на применение машин, организацию. Введение новых правил подтолкнуло поиск формулы обустройства общественной жизни на трудовых началах, и внутреннего уклада жизни, где каждый мог бы проявить себя в желаемом направлении служения общим интересам.

Хозяйственную деятельность колонии составляли две отрасли: производительная (пчеловодство, огородничество, прачечная, кухня — столовая, мастерская, магазин) и непроизводительная (контора, детские и учебные заведения). Отсчет экономического года начинался с 1 октября. Общее собрание колонистов утверждало годовой план работы и сметы, подготовленные руководителями колонии.

Административно-управленческая работа строилась следующим образом. Раз в неделю «заведующие отраслями» собирались на хозяйственные совещания (планерки) для выработки плана и рассмотрения директив, которые передавались общему распорядителю. Система предусматривала свободу перемещения рабочей силы по отраслям. Это позволяло, по мнению колонистов, достигать *равенства заработка и наивысшей производительности труда*. Учет и вознаграждение производились при помощи талонной системы. *Ценность труда определял рабочий час*. Чистый доход всей хозяйственной деятельности делился на число выданных рабочих марок, определенных рабочим часом, при том, что рабочая сила в расчет не принималась.

Работа в непроизводительной сфере регулировалась путем дежурств (3–4х дневных) и принадлежала к числу наименее оплачиваемых. Работа кухни и столовой также регулировалась установленным очередным дежурством (недельным).

Денежная стоимость марки устанавливалась следующим образом: чистый доход всего хозяйства делился на число выданных

рабочих марок. В 1911 г. эквивалент марки составлял 11 коп. В случае убыточности производства эквивалент марки падал, а обмен производился по более низкой стоимости. Таким образом, снижалась цена рабочего часа и балансировался приход с расходом. Рабочий день планировался. В начале рабочего дня колонисты собирались на заранее определенной для этого мероприятия площади, где каждому вручался наряд на работу. Наряд зачитывался распределителем и не допускал возражений по этому поводу. В случае выявления недоработки по какому-либо виду трудоемких работ кем-то из исполнителей на это место выписывался наряд более сильному колонисту, способному полностью выполнить фронт работ, указанных в наряде, а слабый работник перебрасывался на более легкую работу. Таким образом, уравнивалась средняя производительность труда. В конце рабочего дня с помощью талонной системы производился учет выполненных работ. Распорядитель за выполненную работу выдавал талоны: синий, если отработка составляла 2 часа, желтый, за 3 часа работы, белый — за 2 часа, розовый — за два часа работы в конторе. Наименее оплачиваемую работу составляли дежурства по столовой и в детских учреждениях — 1 талон за рабочий день. К концу дня выданные талоны сдавались в контору для учета, там они сортировались и учитывались. Из заработка вычиталась определенная сумма на содержание школы, внешкольное воспитание, общекультурные мероприятия и общие расходы. Дети до 4-х лет получали бесплатное питание, с 4 до 12-ти лет питание оплачивалось одним талоном, с 12 лет — по полному расходу (3 талона). Желающие оставить себе заработок полностью имели право отказаться от услуг столовой, света и помещения.

Оплата труда колонистам гарантировалась регулированием рабочих часов, имеющих одинаковую стоимость вне зависимости от приложения сил, уравнивая сильного работника со слабым. Этим способом исполнялся принцип «справедливости» коммунальной общины. Разнообразие отраслей и право распорядителя перебрасывать рабочую силу на разные виды работ выступало как одно из средств достижения «относительности» в оплате. Предполагалось, что такая форма трудовых взаимоотношений «не отражается на интересах общей производительности». Взаимоотношения в общине обрисовывались по следующей формуле: «хозяйство “Криницы”, как экономического предприятия в целом, никогда не может давать убыток, оборот отражается на зарплате каждого отдельного участника». Таким образом, убыток от всего предприятия переносился на личный заработок каждого члена общины. Баланс прихода с расходом уравнивался снижением цены рабочего часа.

Российский исследователь кооперации К. Канчер относил к категории производственных кооперативов земельные общины — артели, указывая «Креницу» как пример, и отмечая, что «совместное производство и переработка (обработка) продуктов для совместного быта и потребления» — это высшая форма кооперации, приближающаяся к уравновешенному социальному общественному устройству⁴⁴⁶. Однако практика жизни показала, что общество погибнет от экономически непроизводительного труда, а русская интеллигентская мысль, блуждая в потемках утопических представлений о путях коренного улучшения народной жизни, ничего не сможет предпринять для исправления ситуации.

«Креница» — земельная община, регулировавшая весь образ жизни своих членов, по своему характеру была ближе к семье, дворовой или религиозной общине, чем к кооперации, преследующей хозяйственные цели. Борьба двух начал, развернувшаяся в «Кренице» — общинного и кооперативного — очень поучительна. Г. Василевский писал, что учредители отрицательно относились к «механическому пути» внешних социальных форм организации жизни, они видели спасение человечества в усовершенствовании личности, в живом, органическом росте ее самосознания. «Община — вот наиболее желательная форма жизни», в которой личность при поддержке товарищей может отразить все стороны своего духовного бытия, их цель — осуществить реализацию на практике идей такой общины. При содействии единомышленников, воздействуя на самого человека, можно изменять существующий порядок вещей, ликвидируя неравенство в обществе»⁴⁴⁷. Коллективная собственность и коллективный труд — одно из средств для достижения «нравственного совершенствования, устраняющие одну из главных причин розни. Исходя из этого, члены общины ввели коллективную собственность на средства производства (землю), как у государственных крестьян, и одинаковый образ жизни.

Кооператоры же стремились к сотрудничеству в области хозяйственной деятельности, отстаивали свое право на личное самоопределение во всех областях жизни, не помышляли об общинном равенстве и однообразии. Главный стержень кооперации — хозяйственная деятельность, объединяющая людей разных политических и религиозных убеждений, дарований и вкусов. Община, по своей сути, глубоко отлична от кооперативного товарищества, она жаждет поглощения личности.

В. Г. Бажаев, выступая на I Всероссийском кооперативном съезде (1908 г.), отмечал, что главное различие между общиной и кооперацией «заключается в том, что община — союз сословий и в

известном смысле принудительный, тогда как кооператив — союз внесословный и добровольный»⁴⁴⁸.

Что такое кибуцы

«Как хорошо и приятно братьям жить в единстве».

Псалом 133:1.

«Слово “шитуф” на русский язык переводится несколькими понятиями: соучастие, товарищество, общность, близость. На иврите для всех этих понятий достаточно одного слова, и на этом слове основан кибуц».

«Я строю кибуц, и кибуц строит меня».

Джони Бирман

Образование сельскохозяйственных общин, земельных артелей, коммун в 1860–1880-е гг. было связано с интеллигентской политической борьбой, своеобразной культурной игрой народников — с «хождением в народ». Интерес к деревне со стороны интеллигенции, возлагавшей большие надежды на стихийный крестьянский бунт, объяснялся и поиском аудитории для революционной пропаганды. Общины носили недолговечный характер, испытывали внутренние противоречия, не преследовали рациональных экономических целей, представляя собой поселения народников-революционеров. Часто такие поселения были удобным прикрытием для подпольной революционной пропаганды, что не позволяет их относить к сельскохозяйственным кооперативным объединениям⁴⁴⁹.

Община в русской деревне не была исконным народным установлением. В эпоху Петра I, с усилением крепостничества, община рассматривалась как фискальное учреждение, разверстывающее сумму государственного налога на всех членов общины, составлявшее платить недоимки имущих крестьян за неимущих соседей. Идея эта была дорога и близка государственным деятелям, сторонникам общественной собственности. В условиях создания гражданского общества, уважения к свободе личности и к закону, община как коммунальный образ жизни утрачивала свои функции. Но про-

цесс этот не был быстрым. «Осколки» общинного мирозерцания еще длительное время представляли собой препятствие для развития идей частной собственности.

Кибуцы — «закрытые» сельскохозяйственные или производственные общины, чья идеология базируется на социализме: члены общины работают, поддерживают свои семьи, по старости получают социальное обеспечение. За более чем 80-летний период своего существования кибуцы имели определенные успехи, а также претерпели огромные болезненные изменения. Первые кибуцы создавали юные идеалисты, вкладывавшие свои силы в расчистку малярийных болот. Нынешнее поколение их жителей утратило чувство идеализма⁴⁵⁰. Общинники черпают вдохновение в том, чего членам кибуца не доставало ранее — в вере в Бога.

Мессианский кибуц вблизи Иерусалима был основан в 1979 г. и объединяет 30 членов, 30 детей, 20 добровольцев и несколько солдат. В кибуце широко поставлена пропагандистская работа — его ежегодно посещают около двух тысяч человек. Кибуц оборудован просторным конференц-центром, построенным на средства Национального еврейского фонда. Основная прибыль идет от туристов и конференц-центра (более миллиона шекелей).

Отношение к кибуцу неоднозначное. Член кибуца Джон Бирман на вопрос «Есть ли в кибуце свобода?» отвечает: «Кибуц общество добровольное. Не только при вступлении в кибуц, но и в любой конфликтной ситуации между отдельной личностью и кибуцем возникает вопрос выбора... Нет в кибуце ни личности, ни организации, которые в состоянии дать человеку его ощущение свободы — это просто ощущение участника, с каждой лептой которого растет его чувство независимости... абсорбция в климате кибуца, становление чувства принадлежности будет процессом медленным и нелегким»⁴⁵¹.

Время от времени кибуцы переживают изменения, переходящие порой в кризисы. Пертурбации касаются, в первую очередь, общности интересов, одного из главных начал, одного из смыслов существования общины. Кибуц, в глазах ее участников — хор солистов, форма активного существования. Равенство — это создание одинаковых условий для развития всех. Элемент уравниловки, консерватизма — причина разочарования молодежи. Молодежь теряет ощущение пути. Семья для кибуца — большая общественная ячейка, один из факторов жизни, средство воспитания подрастающего поколения. Именно в семьях отмечены большие перемены в сторону либерализации коммунальных правил: дети не ночуют, как прежде,

в детских домах, а возвращаются в семейные квартиры, до службы в армии живут в доме родителей.

Кибуц рассматривается как самостоятельная экономическая единица, но существует благодаря государственной поддержке. Производство, как и все хозяйство, управляется самими его членами. Община развивает свое экономически самостоятельное хозяйство, членствует в поселенческом союзе. Кибуц — это и «фирма», и муниципальное ведомство, и автономная коммуна. У кибуца, таким образом, бесконечное количество функций в самых различных областях жизни. В большом кибуце, например, существуют до 20 комиссий. Члены комиссий выполняют свои обязанности в течение оговоренного срока, до замены их другими членами по принципу ротации. Большинство руководящих должностей исполняются на добровольных началах, за счет личного времени. Переход на общий бюджет, уменьшающий зависимость члена кибуца от общей кассы, упразднил некоторые комиссии (по распределению мебели, по организации поездок за границу).

Законодательный орган кибуца — собрание членов, предоставляющее права и мандаты на выполнение принятых решений. Но активность посещения собраний постепенно падает, что определяет новую форму участия общинников в принятии решений — путем «выработки единого мнения». Для этого существует канал внутреннего телевидения, которым располагает кибуц.

Кибуц обеспечивает своих членов всем необходимым, учитывая, что материальный уровень не должен быть ниже среднего-родского. Экономический кризис последних лет привел к потере внутренней уверенности в среде пожилых членов общины, хотя касса «национального страхования», в которой участвует кибуц, обеспечивает пенсионерам положенное по закону социальное пособие. Национальная миссия кибуца впитала в себя многовековой запас еврейской культуры. Однако, как полагают старожилы, эта миссия в нынешнем Израиле исчерпана, осталось лишь «славное прошлое».

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Политический портрет российских кооператоров

«Кооперативная интеллигенция...
мечтала о государственной деятельности
и проникнута была сознанием своего
государственного призвания».

Л.М.Пумпянский

К концу XIX — началу XX в. в России начинается объединение различных слоев общества по экономическим, политическим, социальным и т. п. интересам под знаменами кооперации. Путь теоретического развития российской кооперации был предопределен вливанием в ее ряды не только представителей революционных течений, но и «коллективным утопизмом» российской интеллигенции. «Особая российская модель» кооперации становится притягательной для многих политических партий, превратив ее в движение российской интеллигенции: «Интеллигенция рвалась к торжеству общественных идеалов всеобъемлющего характера»⁴⁵².

Поражение в революции 1905–1907 гг. внесло раскол в ряды российской интеллигенции. Часть бывших страстных социалистов обратилась к внутреннему миру, совершенствованию личности, «богоискательству»; другая, оставшись на позициях борьбы, ушла в подполье или искала новые формы политической пропаганды. На арену политической борьбы выводились те общественные организации, которые по своей сути были аполитичными. Подобные явления уже имели место: Софья Перовская и ее единомышленница А.Ободовская вели преподавательскую работу в Единоумовской школе, деятели «Союза освобождения» обосновались в Вольном экономическом обществе, где под флагом разработки хозяйственных проблем вели пропаганду либеральных идей. «Митинговая организация» в лице ее представителей (Е.Кусковой,

С.Н.Прокоповича, В.Я.Богучарского, В.В.Хижнякова и др.) сделала ВЭО «ареной борьбы политических страстей при явно «антиправительственной направленности». В.В.Хижняков, человек на посту секретаря общества явно случайный, считавший себя «более революционером», чем экономистом, превратил ВЭО в место встреч с Гапоном, в штаб-квартиру революционных объединений, в место заседаний Совета рабочих депутатов, в поле боя с полицией и место политических разборок с рукоприкладством. Общество утратило свое первоначальное предназначение⁴⁵³. Правительство стремилось направить деятельность общества в научно-экономическое русло, однако встречало сопротивление со стороны ее руководителей и секретаря, чья деятельность привела к дезорганизации и параличу ВЭО.

В 1900-е гг. в российской кооперативной идеологии, в среде руководителей кооперативных центров, пополнившихся представителями политических партий и экономистами социалистического толка обострилась борьба двух течений: либерального и этатистского, приносящая большой вред развитию кооперативной практики. По сути, борьба вылилась за власть над кооперацией через кооперативные центры и общественные организации, оказывавшие ей содействие.

Со всей ясностью эта борьба прослеживается в Петербургском отделении Комитета о сельских сберегательных и промышленных товариществах, в земствах, в МСПО, в структурах ВЭО. В 1905 г. в этих организациях возобладала социалистическая идеология: научно-исследовательские общества оказались под полным контролем деятелей этого политического течения. В знак несогласия с происходящими событиями председатель московского отделения Петербургского комитета о сельских и ссудо-сберегательных товариществах барон Корф и его заместители Покровский и Голубев объявили о снятии своих кандидатур на предстоящих выборах 18 марта 1906 г., председателем был избран П.Н.Исаков, товарищем — Туган-Барановский. Таким образом, была пробита брешь для новой идеологии. Секретарем, «вопреки протестам», с перевесом в один голос при необходимости абсолютного большинства был избран Тотомиянц (на место С.В.Бородаевского). III отдел возглавили Прокопович и Хейсин. В совет московского отделения вошли представители социалистической ориентации, начался новый период его деятельности. «Народ имеет такое правительство, которое он заслуживает», — говорит пословица. Наша кооперация имела тех руководителей, каких она заслужила. И, конечно, когда «кооперативный» народ стал другим, тогда старые идеи должны

были умереть или уступить дорогу новым влияниям и новым веяниям⁴⁵⁴.

Российская социал-демократия ставила своей целью «внедрить социалистические идеи в политическое сознание массы пролетариата». Отсюда — столь пристальное внимание социалистов к кооперации, к этому массовому общественно-хозяйственному движению. Социалистическое движение, в свою очередь, привлекает внимание сотрудников охранного отделения. Неспроста С.П.Мельгунов и В.П.Устинов, проявившие интерес к делам политической полиции, отмечали прямую связь этих явлений. «Все участники, все работники потребительных обществ состояли на учете охранки». И кооперация оправдывала подобное отношение, став «одним из обходных способов использовать легальные возможности». «Стоит ли теперь спорить с этим? Пожалуй, взгляд охранников на кооперативное дело является правильным», — отмечалось в журнале «Союз потребителей»⁴⁵⁵. Два общественных направления: коммунистическое («политическое»), представленное газетой «Искра» и социалистическое («экономическое» — «Рабочая мысль») нашли точку соприкосновения. Оба они выступали за «внедрение социалистической идеи» через общества взаимопомощи.

В 1916 г. департамент полиции Министерства внутренних дел подготовил для местных жандармских управлений записку «О кооперативном движении», в которой говорилось, что «среди возникших повсеместно кооперативных движений сгруппировались представители революционных и левых партий, которые всемерно вовлекают кооперативы на путь политической борьбы». МСПО, позже Центросоюз, в лице руководителей формулировал основные идеологические постулаты российской кооперации. В 1906 г. МСПО создал особый орган — «секретариат», объединивший под своей крышей так называемую неторговую деятельность Союза. Работа секретариата все время разрасталась, усложнялась, он распялся на целый ряд подотделов:

1. Инструкторский отдел (организационная и пропагандистская работа);
2. Пропагандистский подотдел (печатная пропагандистская литература);
3. Типографский подотдел (книжный склад);
4. Редакционный подотдел (издававший печатные органы «Союз потребителей» — с 1903 г., «Объединение» — с 1911 г.).

«В общем, значение секретариата МСПО для потребительной кооперации настолько огромно, что не поддается учету. Несомненно, что с ростом кооперации в России вообще, секретариат

ту предстоит огромная будущность. Он уже теперь является самым крупным идейным центром российской кооперации. Мы работаем во имя светлой задачи — объединения человечества — и мы достигаем ее нашими собственными усилиями», — писала член секретариата Екатерина Кускова⁴⁵⁶. Секретариат рассматривался ею, как «идейный центр, лаборатория кооперативной мысли». «Маленький журнальчик “Объединение”» (главный редактор В.Н.Зельгейм) с тиражом в 25 тысяч экземпляров служил «могучим орудием кооперативной пропаганды, главным образом, среди трудящихся слоев населения». «Объединение», как, впрочем, и часть изданий кооперативных рабочих обществ («Трудовой союз», «Труженик» и др.), звал объединяться «на почве широких идеальных стремлений к единению пролетариата для борьбы с капитализмом, проповедовал связь кооперативов с идеалами рабочего движения».

Обозначилась идеология развития российской кооперации: принцип трудовой *взаимопомощи* Раффейзена, а не Шульце-Делича, начала *самопомощи*, становятся во главу дела «сотрудничества». Такова была и идеология приверженцев общинного мирозерцания таких, например, как И.Х.Озеров и А.И.Чупров.

С развитием экономических отношений, проведением аграрной реформы 1906 г., оторвавшей крестьян от общины, движение укрепляется благодаря принятию государством ряда законодательных актов по кредитной кооперации. В 1907 г. возникают специальные органы содействия — земские кассы мелкого кредита. Множится также число комитетов содействия кооперации при сельскохозяйственных обществах в различных регионах. В 1908 г. I кооперативный съезд в Москве принял рочдельские принципы как основополагающие. Съезд признал *общность деятельности кооперативов всех видов*. Развернувшиеся на съезде дискуссии продемонстрировали «засоренность» кооперативных рядов представителями политических партий, смотревших на кооперацию как на «движение загорается пламенем идейного энтузиазма»⁴⁵⁷.

Осознавая себя как широкое общественное движение, представляющее интересы больших масс населения, кооперация находит свое призвание в организации общероссийских союзов. Создание Всероссийского кооперативного союза рассматривалось, как идея объединения всей «трудовой демократии» (В.Н.Зельгейм). С 1916 г. общественная прибыль МСПО была направлена не только на производительную деятельность, но и на разработку кооперативной идеологии, на пропаганду. Первый этап программы кооперативного строительства с учетом выработанной кооперативной идеологии — создание первичных ячеек (обществ), вторая

ступень — структуризация профильных или губернских союзов, третья — образование Союза союзов. Кооперация рассматривается как новое организующее начало новых условий труда: «Приведение нашей кооперации в самодовлеющую систему — вот ближайшая задача, которая, по нашему мнению, должна сплотить и воодушевить в настоящее время всех друзей кооперации России»⁴⁵⁸. Гибнер полагал, что «будущая организация труда в области обмена и производства» не может быть передана земству или государству, «свое назначение кооперация может выполнить только через свою собственную организацию».

Земству отводилась организационная роль по образованию губернских кооперативных центров, по «превращению этих центров в правильно организованный губернский кооперативный союз». Цель кооперативного союза — «установление и развитие постоянных сношений» между кооперативными учреждениями и «устройство совместной деятельности» кооперативных учреждений⁴⁵⁹. Но главная и первостепенная задача земства — устройство в губернии общекооперативной кассы для сбора частных вкладов и сбережений.

Российские кооператоры мечтали «не только об объединении в мощные всероссийские союзы отдельных видов кооперативов — кредитных, ссудо-сберегательных, потребительных и т.д., но и о соединении кооперативов разных видов»⁴⁶⁰. Звучало принципиальное признание общности всех видов кооперации. В 1913 г. на II кооперативном съезде в Киеве был поставлен вопрос о принятии кооперативного закона. На съезде, с решением чисто хозяйственных задач, широкой культурно-просветительной программой российская кооперация самоопределилась как *форма широкого общественного движения народных масс*. Кооперативная идеология, «объединяющая интересы трудовых демократических масс», сводила свои планы к организации общекооперативных губернских союзов — своеобразных центров всей народно-хозяйственной жизни региона и страны в целом.

Утопия сегодняшнего дня могла стать действительностью уже завтра. Как отмечал Зельгейм, «Пусть такой “утопией” — ближайшим этапом нашего движения — будет для нас единый всероссийский кооперативный союз, объединяющий идейно и хозяйственно всю трудовую демократию»⁴⁶¹. В 1914 г. предпринимается первая попытка создания общекооперативного Комитета, — идея принадлежала МСПО и «центральному кооперативно-политическому центру». В среде руководства российской кооперации утверждался взгляд на нее, как на общественно-демократическое

движение, которому отводилась определяющая роль в «деле освобождения трудящихся от хозяйственной эксплуатации». Российская кооперативная идеология к 50-летию своего существования выступила под лозунгом «единения всех трудящихся элементов».

Застрельщиком и главным действующим лицом, как и на первом съезде, стала потребительная кооперация⁴⁶². Искусственное наполнение кооперации политическим содержанием являлось специфической чертой России. Кооперация рассматривалась под углом зрения социально-экономической политики, а кооперативное движение — как воплощение идей утопического социализма, предназначенного уничтожить существующий строй, заменив его «новым миром».

Создание союзов кооперативов Екатерина Кускова комментировала следующим образом: «Теперь у кооператоров есть множество каменщиков — строителей великого дела, ведь более 12 млн людей возводит это здание, есть у нее и своя печать, и съезды, и собрания уполномоченных, есть более 35 000 ячеек». Стремление к мировому господству — мечта не только социалистов, но и «чистых» кооператоров: «Мы работаем во имя светлой задачи — объединения человечества — и мы достигнем ее нашими объединенными усилиями»⁴⁶³. Мечта о светлом будущем России и всего человечества объединила социалистов под крышей кооперации, под лозунгом «единения всех трудовых элементов».

На 1 января 1914 г. в России насчитывалось более десяти тысяч потребительных обществ. Через 50 лет после основания первого потребительного общества и первого ссудо-сберегательного товарищества, число кооперативных товариществ достигло нескольких десятков тысяч, с 12 млн. членов. Наряду с укреплением хозяйственной деятельности, объединением сил внутри самой кооперации, все более усиливался процесс идейного самоопределения различных социальных групп потребителей под влиянием политических течений. «Внутри кооперации выдвигается идея классовой борьбы. Всесловной и мелкобуржуазной потребительной кооперации противопоставляется рабочая кооперация». Признавая главной задачей устранение посредника и организацию собственного производства, кооперация определила путь своего развития как максимальное обеспечение материальных интересов населения. «Поэтому идейные вожди потребительной кооперации и исповедуют социализм как общепринятую конечную цель развития современного классового общества»⁴⁶⁴.

*Николай Петрович Гибнер (1858–1924)
и его «Система кооперации»*

Николай Петрович Гибнер один из наиболее последовательных деятелей кооперативного движения России, стоявший у его истоков, был страстным защитником рочдельских принципов. Гибнер родился 3 января 1858 г. в семье военного чиновника. В десятилетнем возрасте был определен во II военную Петербургскую гимназию. По окончании курса участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Внимание к общественным вопросам явилось побудительным моментом для поступления в Военно-юридическую академию, где Гибнер получил знания по политической экономии и кооперации. Особый интерес он проявлял к вопросам общественного самоуправления. По окончании Академии занимал должность военного прокурора Московского окружного суда. Благодаря высокой культуре, личному обаянию Гибнер, пользуясь уважением и авторитетом не только в офицерской, но и в кооперативной среде, стоял у истоков создания армейской кооперации и союзного кооперативного строительства в России в целом.

Мы уже писали о том, что социальная незащищенность российского армейского общества, бытовая неустроенность, низкие оклады, обязанность пошива обмундирования на собственные средства вызвали в военной среде движение к образованию офицерских экономических обществ — армейских институтов социальной защиты. По своему характеру на первом этапе их существования эти общества вряд ли можно было именовать кооперативными в полном понимании этого слова (так, состав наблюдательного комитета экономических офицерских обществ назначался высестоящим по рангу офицером). Но в результате упорной борьбы за внесение изменений в устав были установлены кооперативные принципы: выборное начало, паевой взнос. В состав наблюдательного комитета Экономического общества и в Ревизионную комиссию вошел и Гибнер, который с конца 1895 г. занимал уже должность председателя общества.

Первые годы деятельности Московского союза потребителей обществ также теснейшим образом связаны с именем Гибнера, который бескорыстно проработал в Союзе многие годы. «Без преувеличения можно сказать, что именно его работа послужила главной основой, на которой выросло здание Союза», — отмечал А. Меркулов. С 1898 г. на страницах «Экономического листка», изда-

ваемого Гибнером — единственного на тот момент периодического кооперативного органа — ставился вопрос об учреждении московского бюро для производства покупок у производителей на биржах. Это был первый шаг в экономической деятельности МСПО.

Гибнер в числе других уполномоченных от 16 потребительных обществ на Нижегородском всероссийском торгово-промышленном съезде (1898 г.) принял участие в разработке устава Союза. Съезд подтолкнул российскую кооперацию к объединению, отметил ее социальное значение, связь с общественным движением. Устав союза давал широкий простор хозяйственной, организационной и просветительной деятельности кооператоров.

Вряд ли кто-либо сделал более, чем Гибнер для становления и развития кооперативного движения. Его общественную и служебную деятельность в рядах Московского союза невозможно переоценить. Наряду с руководящими административными должностями, Гибнер состоял редактором и главным автором в издаваемых им «Экономических листках». «Листки» Гибнера, по сути, стали школой для «Союза потребителей», к изданию которого Союз приступил с 1903 г.

Протоколы собраний уполномоченных дают картину становления Московского союза потребительных обществ, и лично Гибнера. В числе первых были приняты постановления о совместной организационно-хозяйственной деятельности, коллективном страховании имущества, становлении паевого капитала, единообразной отчетности, обеспечении служащих, подготовки инструкции, отношении Союза с иностранными фирмами, закупке товаров оптовыми партиями за счет паевого капитала и расфасовки их мелкими партиями союзом, постепенной организации агентуры союза на местах, производстве товаров, подписано соглашение с Лодзинской фирмой о закупке товаров. Постановления эти явились результатом аналитической деятельности Гибнера, скрупулезно изучавшего зарубежную кооперацию.

В 1900 г. с целью изучения работы европейских союзов он посетил Германию, Францию, вел переговоры с Гамбургским обществом оптовых закупок на товарной бирже, положил начало зарубежным оптовым экономическим связям. Поездка завершилась подписанием документов о вступлении Московского союза в Международный кооперативный союз.

С окончанием военной службы работа в кооперации составит исключительное содержание жизни Гибнера, он займет должность председателя Московского офицерского экономического общества, члена Бюро союза, председателя совета Московского

народного банка, примет участие в разнообразных общественных комиссиях Москвы, выступит инициатором и учредителем одного из виднейших в России строительных товариществ «Домохозяин», давшего возможность его членам приобретать в собственность квартиры. Как юрист и крупнейший практик, Гибнер приложил свои усилия к разработке Закона о кооперации, в связи с чем подготовил перевод германского кооперативного закона. Отстаивая единство кооперативного строительства, Гибнер писал: «Нам нужно выработать основания общего, желательного для всех, закона о кооперативных ассоциациях, одинаково применимого, в каком бы виде они не явились»⁴⁶⁵.

Служение кооперации не позволило Гибнеру заняться вопросами общественного самоуправления, к которому он испытывал горячий интерес, рассматривая социальное значение кооперации в связи с общественным движением. Меркулов отмечал, что качества личного характера отражались в общественной работе Гибнера: безупречная корректность, скромность, огромный такт, благожелательность, внимание к нуждам и запросам рядовых кооператоров и к тем, кто респал с ним какие-либо вопросы, неизменный организаторский талант и огромная трудоспособность. Этими чертами объяснялось влияние Гибнера на деятельность учреждений, в которых он сотрудничал⁴⁶⁶.

Работа Гибнера в должности председателя Экономического общества офицеров оборвалась в 1918 г., в связи с ликвидацией последнего с присоединением его аппарата к центральному рабочему кооперативу и устранением членов общества от участия в кооперативе.

С приходом к власти большевиков на кооперацию, в том числе военную, обрушился шквал репрессий. Не миновал этой участи и «глубоко привлекательный общественный работник, так много сделавший для русской кооперации». Двадцатилетний юбилей Центросоюза Гибнер встретил за тюремной решеткой⁴⁶⁷. Лишь в декабре 1918 г. он был освобожден из-под стражи и избран председателем Всероссийского хозяйственного закупочного союза (Сельхозсоюз).

Являясь крупнейшим практиком российского кооперативного строительства, Гибнер рассматривал «кооперативное движение как нарождающуюся новую систему организации человеческого труда на основе современных культурных условий жизни современных народов»⁴⁶⁸. Рациональное понимание Гибнером задач кооперации способствовало принятию рочдельских принципов. Являясь наиболее последовательным защитником Рочделя,

Гибнер писал, что одно из условий существования кооперации — «это полное воздержание кооперативных учреждений, взятых как целое, от какой-либо политической окраски, потому “драгоценным” является до сих пор рочдельское правило — “вне политики”». Отстаивая необходимость полной самостоятельности, считал определяющими условиями «соседство кооператоров и совместное, добровольное соглашение их на определенную совместную работу в области производства и обмена ценностей».

Позицию полной политической и социальной нейтральности Гибнер подтвердил в своем письме: «Обществам чужды какие бы то ни были религиозные или политические интересы, следовательно, общества никогда не могут поступить на службу какой-либо партии»⁴⁶⁹. В сущности, он подтвердил ранее сказанное: «Легко установить равенство бедных, но, не строя утопий, трудно указать возможность достижения богатства, и кооперация за это не берется. Ее задача осуществимее — сделать бедных богатыми, дав им лучший заработок и, наконец, каждому “сбережения”, по возможности высокие, чтобы обеспечить тем самым его личную свободу и оборонить от необходимости закабалиться в какую бы то ни было “крепость”»⁴⁷⁰.

В 1905 г., приветствуя политические свободы, Гибнер писал, что «для кооперации создана и в нашем обществе почва, на которой она может пустить корни, воздух, которым она может дышать, светлый горизонт, к которому она может стремиться»⁴⁷¹. «Светлый горизонт», «одушевление», он рассматривал как «импульсы» в деле социального улучшения жизни, соединяя чисто кооперативную деятельность с общественными настроениями⁴⁷². Кооперативный идеал Гибнера слагался из идей широкой демократии и последовательного им служения, свободного кооперативного строительства, независимости от каких бы то ни было влияний извне⁴⁷³. Отвечая на вопросы анкеты Тотомианца, Гибнер писал, что цель кооперации «нравственное совершенствование людей»⁴⁷⁴. При «надобности определить ближе — а что же такое кооперация», при многоплановости мнений в российских условиях, где кооперация не миновала влияния социально-утопических воззрений, когда не легко было получить ясный ответ», Гибнер определял кооперацию как систему самостоятельных и добровольных объединений людей, устраиваемых ими для организации совместной работы в области производства и обмена ценностей при условии оплаты прибыли на вложенный в дело капитал, и личной работы каждого участника, предоставляя капиталу справедливый процент, обуславливаемый денежным рынком⁴⁷⁵.

Гибнер рассматривал кооперацию как «новое организующее начало» для создания новой экономической системы, почвы для будущего, «на которой, при других благоприятных обстоятельствах, все люди равны к неизбежному для них труду и будут в одинаковой степени пользоваться его плодами, сохраняя в то же время наибольшее количество возможной личной свободы и самостоятельности»⁴⁷⁶. Идеалы Гибнера не были лишены влияния утопии. Он, например, утверждал, что кооперативы подготавливают почву, «на которой возможно практическое осуществление уже давно народившихся этических идеалов или, по крайней мере, приближение к ним»⁴⁷⁷. Гибнер верил, что «благодаря новой высшей культуре», зародившейся в недрах старой системы, на смену господствующему капитализму «быстро пробивает себе дорогу новый вид организации труда, не менее продуктивный, чем капиталистический». Капиталистическая, как и предшествовавшие ей системы, сама приготовила себе приемника, расчистила путь новому виду организации труда, «гораздо более культурному и справедливому, отвечающему современной обстановке»⁴⁷⁸.

Кооперация, писал Гибнер, принимает на себя «организующую роль капитала», где капитал не стоит отдельно от работы, а объединен «добровольным соглашением заинтересованных в данной отрасли от работы людей, приобретает характер гибкого общественного учреждения, способного работать продуктивно в нужных обстоятельствах». Иначе говоря, Гибнер представлял кооперацию как организацию труда с подчинением ей частного капитала: «кооперация не желает уничтожения капитала», она лишь подготавливает почву к реформированию экономической системы.

Первое условие организации системы кооперации — концентрация капитала в банках и других кредитных учреждениях с целью его концентрации. Капитал создает систему оборота, благодаря чему достигает успеха в области организации труда. Вторым условием, признаком организации системы кооперации, является образование новой формы добровольных группировок людей в организации производства и обмена, независимые от прежних экономических форм, вне прежних сословных и классовых отношений. Третье условие — самостоятельность и независимость от религии и политики. Пример построения системы кооперации Гибнер видел в английской кооперации, как единственно цельной организации⁴⁷⁹. Там союзы — организационные и координационные центры, советы кооператоров, образованные по округам, создают центральный совет, собираемый дважды в год для обсуждения и планирования. Исполнительная власть проводит свои решения через структуры,

избираемые центральным советом: 1. Служебный комитет (исполнительный орган союзного совета); 2. Финансовый подкомитет (с секретарем во главе) как контрольный орган; 3. Комитет образования; 4. Комитет производства (правильная постановка дела в производительной сфере); 5. Объединенный парламентский комитет (представители союзного совета и кооперативных обществ в парламенте); 6. Соединенный комитет тред-юнионистов и кооператоров, примирительный между слушателями и рабочими; 7. Выставочный комитет (обустройство выставок); 8. Объединенный комитет пропаганды (организационная и ссудная помощь); 9. Международный справочный комитет (участник международных конгрессов, участник международного кооперативного союза).

Рассматривая английскую систему кооперации как образцовую, Гибнер ставил многочисленные вопросы: «Как развить наше кооперативное движение?»; «Как превратить нашу кооперацию из ряда отдельных начинаний в систематическую организацию (систему) применительно к российским условиям (развить энергию и самостоятельность, воодушевить, образовать союзные съезды — очаги кооперативного построения)?»; «Как создавать центры — кооперативные союзы, приложив усилия для образования губернских кооперативных союзов (единых и общих)?».

Структуру кооперативных учреждений Гибнер представлял так:

1. Кредитная кооперация действует через губернский кооперативный банк.
2. Закупочная кооперация — через Бюро кооперативных закупок.
3. Организация для продажи — через Бюро по продаже кооперативных изделий.
4. Организация для ревизии обществ — через Бюро ревизий и обучения.
5. Общесоюзное правление, совет и общие собрания уполномоченных союзных обществ.

Цель кооперативного союза — «установление и развитие постоянных сношений» с международными кооперативными учреждениями и «устройство совместной деятельности»⁴⁸⁰.

Какова же, по мнению Гибнера, фактическая возможность для создания российской системы кооперации и роль государства в этом деле? Основные капиталы кооперативных банков составятся из паевых взносов участников кредита, открываемого Государственным банком. Государственные сберегательные кассы располагали достаточной суммой (более миллиарда) для государственного

кредита «на организацию народного труда». Для обустройства закупочных бюро, как полагал Гибнер, обстановка подготовлена — необходимо лишь поддержать нескольких энергичных кооператоров, готовых приняться за создание упорядоченной системы кооперации.

Учитывая отсутствие общекрестьянского законодательства, как в Англии и Германии, Гибнер предполагал, что при общем дефиците специалистов необходимо создать институт инспекторов по примеру аналогичного института, действующего при Государственном банке.

Общее управление МСПО строилось на чисто кооперативных началах, принятых во всех структурах общества. Важное значение в союзе имели собрания уполномоченных губернских подразделений. Средства союза для отделов составлялись из паевых взносов союзных губернских сообществ в тот отдел, услугами которого желают воспользоваться. Паи (взносы) наращивались из прибылей союза, расходы для общего управления и ревизионной деятельности будут покрываться общими ежегодными взносами.

В отсутствие кооперативного законодательства Гибнер считал, что условия для устройства деловых союзов кооперативными обществами должны соответствовать тем правилам, по которым существуют синдикаты, создаваемые торгово-промышленными фирмами. Он отвергал путь государственного земского «попечения», на который вступили российские кооператоры, и не отказываясь от сотрудничества с земствами, отвергал союз кооперации и земства, рассматривая его как принудительный, основанный на публичном праве. Обширное поле для «планомерной деятельности» государства и земства Гибнер видел в области сельскохозяйственной кооперации, при условии, что совместная деятельность не должна затрагивать «собственной организации» кооперации. В противном случае, «вся будущая организация труда в области обмена и производства может быть передана государству и земству»⁴⁸¹.

Организирующая роль в деле возможного сотрудничества должна принадлежать кооперации. Гибнер возражал против «государственного попечения о народном кредите», организации мелкого кредита на сословных началах, с подчинением органам крестьянской администрации. Продуктивный кредит, по мысли Гибнера, основан на самостоятельности и самоуправлении «заинтересованных в этом кредите групп населения»⁴⁸². Земству отводилась роль организационно-расходная в деле образования губернского кооперативного центра, «превращения этих центров в правильно организационный губернский кооперативный союз». Главная и первоначальная

задача — устройство в губерниях общекрестьянской кассы для сбора частных вкладов и сбережений⁴⁸³. Кооперация может выполнить свое назначение только через свою собственную организацию. Отсюда и важнейшая задача российской кооперации — «приведение нашей кооперации в самодовлеющую систему».

Усматривая организующее начало кооперации, Гибнер отстаивал единство кооперации: «Центр тяжести кооперации, безусловно, не в организации потребления (которое очень слабо), а в обществе производительных товариществ и артелей, сильно поднимающих производительность труда»⁴⁸⁴. Гибнер наивно мечтал, что «в более или менее близком будущем кооперация, несомненно, достигнет своей воли — организует на справедливых началах труд с подчинением его капиталу».

Даст ли новая форма организации труда всем равный достаток и возможность поставить одинаковое умственное развитие, равный досуг к благам жизни? Ответа на это вопрос кооперации не дает: «Будущее человечества определяется не той или другой формой организации его труда, а научными завоеваниями мысли во всех областях жизненных потребностей людей»⁴⁸⁵.

Гибнер представлял кооперацию как экономическую систему, как новый путь в области организации человеческого труда, новое организующее начало, как почву для построения нового общества, где все люди будут в равных отношениях к «неизбежному для них труду» и в одинаковой мере будут пользоваться его результатами: «Для создания почвы... такого будущего трудятся... кооператоры, призывая всех в свои ряды»⁴⁸⁶.

Масоны — кооператоры

«Нельзя не признать, к сожалению, что склонность к политической иллюзии — отличительная черта всех наших русских общественных направлений».

Народная Воля. 1878. № 1

«В подполье можно встретить только крыс».

П.Г.Григоренко

Кто они, деятели российской кооперации, теоретики и практики второй половины XIX — начала XX вв.? Люди разного социально-

го положения (предводители дворянства, представители земских управ, городские головы, мировые посредники и исправники, чиновники — «серая пуговица», офицеры, городские, рабочие, крестьяне, интеллигенты), различной политической ориентации (народники, социал-демократы, кадеты, эсеры). Кооператоры — интеллигенты, «борцы за лучшее будущее», политические агитаторы, перешедшие к практике, где кооперация — «система», средство построения эгалитарных форм отношений.

Идеология кооперации в России изначально находилась под воздействием западно-европейской мысли и утопических построений Баллина, Петрашевского, Чернышевского и других социальных реформаторов, возлагавших на это явление нереалистичные надежды.

Фигура члена Государственного совета, товарища (заместителя) министра финансов Ф.Г.Тернера представляла среди них приятное исключение. По своей должности имел объективный взгляд на социальные возможности, экономическое построение и значение хозяйственной деятельности кооперации.

* * *

С историей российской кооперации теснейшим образом связана история российского масонства. В XVIII — начале XIX в. масонские организации — устойчивая и ведущая сила в политическом развитии России. Они в центре всех политических событий. Эпоха Александра I была отмечена влиянием людей, входивших в масонские ложи, главной задачей которых стало объединение образованной элиты для борьбы с абсолютизмом, за освобождение крестьян. Складывалась, таким образом, своеобразная альтернатива официальной государственной политики при отсутствии условий, необходимых для формирования общественного мнения. Попытка создания юным морским офицером Д.А.Завалишиным при одобрении Александра I первой гласной партии (т.н. «Орден вселенского восстановления»), имевшей целью поднятие нравственности, борьбу со злом, «органическое развитие общества», критику ошибок правительства, злоупотреблений, формирование общественного мнения, способствующего принятию правильных решений», не имела успеха⁴⁸⁷.

В 1890-х гг. в Бельгии в масонскую ложу вошли известные общественные деятели, не чужавшиеся кооперативного движения — Н.Н.Баженов, С.Н.Прокопович, М.М.Ковалевский, чуть позже — Д.И.Шаховской. Масонские общества вели работу по укрепле-

нию связей между лидерами просвещенного земства и городской интеллигенции. Так считал один из виднейших российских политиков и масонов А.Ф.Керенский, объясняя подпольный характер работы не только тем, что до 1905 г. политическая работа могла вестись только нелегально, но и тем, что «общественность крайне недоброжелательно воспринимала всякую организацию, которая во имя достижения общей цели объединяла членов самых различных политических партий»⁴⁸⁸.

После революции 1905–1907 гг. многие члены «Союза освобождения» вошли в тайную масонскую организацию, цель которой была политической: «Работать в подполье на освобождение России». «Все строилось на доверии. Каждая ложа из 5 человек, а затем «конгрессы». Представители лож не должны были знать друг друга, на «конгрессах» встречались члены разных лож, что позволяло судить «о размахе движения и составе». «Движение это было огромное. Везде были «свои люди». Вольно-экономическое и Техническое общество. Оба «были захвачены целиком». Причем еще со времен «Союза освобождения». В первом прочно уселись Богучарский, Хижняков (секретарь) и Прокопович (председатель). Во втором — Лугинин и Бауман. Та же картина была и в земствах». Масонство тайное лишь продолжило эту тактику», — вспоминала Екатерина Кускова⁴⁸⁹.

В 1906 г. в Москве образована масонская ложа «Возрождение», в Петербурге — «Полярная звезда» (13 кадетов, народные социалисты) с филиалами «Северное сияние» (связь с социал-демократами), «Заря Петербурга», «Военная ложа». В 1907 г. Максимом Ковалевским была открыта «Северная звезда». 1909 г. стал годом процветания ложи «Возрождение», которая приступила к реализации идеи создания надпартийной коалиции с меньшевиками. Журнал «Возрождение» (кадетской направленности) издавался на средства масонов. 1906–1910 гг. — период трансформации социального состава масонских лож, их демократизации за счет притока новых политиков (членов Государственной думы). Это был удивительный конгломерат (священники, социалисты-революционеры, эстеты, сектанты и пр.), объединившийся на единой платформе — «взаимной поддержки в борьбе против царского абсолютизма».

В 1910 г. возникла ложа «Великий восток народов России», представлявшая два года спустя широкий спектр общественных и политических сил⁴⁹⁰: «В это же время Верховный совет народов России поручил всем достаточным мастерам лож на территории Российской империи составить список будущего правительства, когда произойдут, наконец, желанные всем перемены». На это

«Достаточный мастер» отвечал, что списки уже давно составлены. В итоге «от начала первой мировой войны и вплоть до февраля 1917 г. в России не было учреждения, профессии, казенного или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов»⁴⁹¹.

В планы «Великого востока народов России» входило создание новых лож, межпартийный информационный обмен. Знарок истории масонства Н.Берберова вспоминала: «Итак — кадры были готовы, в обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союза, адвокаты, военные, земцы, “общественники” созывали друг друга: их день настал. В основном списки тех, кто вот-вот должен был встать у кормила власти, были известны всем посвященным... они ходили по рукам. Посвященными были сотни... старые товарищи по студенческим временам, родственники и свойственники, соседи по родовым имениям, однокашники по корпусу... сочувствующие и молчавшие и стоявшие где-то совсем близко, чтобы в нужную минуту ответить на переключке. Этот “второй слой” был очень значителен... в одном тесном кругу оказались октябристы и “левые”, “умеренны левые” и “социалисты” правого толка. Они объединились вокруг несомненно демократической... программы трудовиков (“народные социалисты”): земская реформа, земские школы, отмена цензуры, не взрывать Зимний дворец, но предложить царю уехать в Англию... Свобода, равенство, братство. И может быть — Республика, потому что нет кандидата на трон! ...Важны имена и места, на которых многих из “арьергарда” застал долгожданный и все-таки неожиданный Февраль»⁴⁹².

В 1915–1916 гг. были открыты несколько новых лож, в том числе и «Думская», численностью до 40 чел., проявивших большую активность. Задачи «Думской ложи» (1915–1917 гг.) были во многом аналогичны задачам Прогрессивного блока (политической группы с левым уклоном). Стояла задача создания левой оппозиции для совместного выступления.

Масоны начала XX века, в отличие от прежних, происходившей из военной, и чиновно-аристократической среды, были интеллигентами. Главной их целью был республиканский строй. В канун Февраля 1917-го на территории Российской империи действовало 28 масонских лож. 1917 г. вообще оказался апогеем деятельности масонских лож, причем общества оставались тайными. С февраля по октябрь 1917 г. основная деятельность масонов была перенесена во Временное правительство и Петроградский совет: «Все наши усилия имели целью установление в России демократии на основе

широких социальных реформ и федерального устройства государства»⁴⁹³.

Активный деятель масонства и кооперации Е.Кускова, на московской квартире которой собирались тайные сходки масонских братьев, писала, что «летом 1918 г. мне было поручено раскрыть суть нашей работы, без упоминания чьих-либо имен, для восстановления истины в том случае, если в прессе когда-либо появятся искажающие материалы»⁴⁹⁴. Большинство экономистов, оказавшихся в масонских ложах, примкнули к кооперации в политических целях. Среди них Е.Д.Кускова, С.Н.Прокопович, А.М.Беркенгейм, В.Ф.Тотомианц, В.В.Хижняков, Е.В.Роберти, С.С.Маслов, А.А.Мануйлов, М.М.Ковалевский, Н.Д.Авксентьев, А.Н.Анцыферов, А.А.Исаев, П.А.Кропоткин, В.Ф.Лугинин, С.Л.Маслов, Н.А.Некрасов, И.Х.Озеров, А.С.Посников, А.Д.Соколов, М.И.Туган-Барановский, И.М.Скворцов-Степанов, Н.В.Чайковский⁴⁹⁵. «Теперь у кооперации есть множество каменщиков, строителей великого дела, ведь более 12 млн людей возводят это здание, есть у нее и своя печать, и съезды, и собрание уполномоченных, есть у нее 35 тыс. ячеек... Мы работаем во имя светлой задачи — объединения человечества — и мы достигнем ее нашими собственными усилиями», — отмечала Кускова в 1915 г.⁴⁹⁶ Речь шла о «Системе кооперации».

«Внепартийные» кооператоры, войдя после Февраля 1917 г. в правительство, выступили приемниками коалиционной программы масонов. Конкретизируя лозунги Учредительного собрания и демократической республики, кооператоры разработали общие директивы для политических выступлений и организационной работы, выработали идеологическую платформу: быстрая организация населения через партии и профсоюзные структуры. «Объединение близких по духу течений в среде русской демократии для совместного достижения определенных целей, строительство совершенно нового государственного здания, для которого нужны умелые каменщики — убежденные борцы за свободу народа» (Прокопович)⁴⁹⁷. Признать единственно возможным для всех кооператоров «блок из всех течений, стоящих на государственной точке зрения», «в качестве ответственной политической силы, принять участие в действительном создании власти на здоровых началах» (Меркулов)⁴⁹⁸.

Предупреждения о том, что кооперация не может быть партией, не были услышаны, Московский союз потребительных обществ оказался на службе политики: «Победила не кооперация, но здоровый центр революционной демократии» (Хинчук)⁴⁹⁹. Чайнов конкретизировал: «Требования кооперации по всем вопросам об-

щественного и политического строительства государства не могут разниться от соответствующих общих программ социалистических партий». «Интеллигенция рвалась к торжеству общественных идеалов всеобъемлющего характера»⁵⁰⁰.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

«Власть народа» («Родина») – газета демократическая и социалистическая

«Кооперативное товарищество издательского дела» возникло на волне Февраля 1917 г. Главным пайщиком Товарищества выступили МСПО и МНБ, взявшие на себя финансирование (капитал в 500 000 руб. был разделен на 10 паев). Цель создания Товарищества организаторы сформулировали в воззвании «Граждане-кооператоры»: «Мы должны выстроить совершенно новое государственное здание, основанное на полной свободе самоопределения личности, национальностей. Для построения этого здания нужны умелые каменщики – убежденные борцы за свободу народа». Насущную задачу Товарищество определило очень «скромно»: «объединение близких по духу течений в среде русской демократии для совместного достижения определенных целей». «Попыткой» такого объединения явилась организация издания в Москве «большой политической газеты» «Власть народа» «для подготовки широких масс населения к политической работе по устройению родины». «Рука об руку с партиями, рука об руку с классовыми организациями рабочих и крестьян, внепарламентская держава кооперативная должна также поднять свое политическое знамя, на котором начертан ее девиз – «В единении – сила». Воззвание подписал редактор С.Н.Прокопович. Постоянные отделы газеты: *Общественно-политический*: Н.В.Валентинов, В.В.Водовозов, Б.Ж.Воронов, Е.Д.Кускова, Л.С.Козловский, С.П.Мельгунов, А.Б.Петрищев, Г.В.Плеханов, А.Н.Потресов, А.Ю.Рапопорт, Н.А.Рожков, А.Ф.Саликовский, Е.Смирнов (Э.Л.Гуревич), Е.А.Фальковский, В.Левицкий (В.О.Цедербаум). *Экономический*: В.И.Анисимов, В.В.Дмитриев, Л.Б.Кафенгауз, Д.В.Кузовков, П.Н.Макаров, П.П.Маслов, К.А.Мацевич, А.И.Минин, Н.П.Огановский, С.П.Прокопович, Л.М.Пумпянский, Н.А.Рожков, А.А.Рыбников, А.В.Чаянов. *Рабочий вопрос*: Л.М.Ар-

манд, А.М.Беркенгейм, В.Н.Зельгейм, А.Е.Кульжный, Н.Н.Куренных, Е.О.Ленская, А.В.Меркулов, А.С.Орлов, Вл.Н.Тукалевский, В.В.Хижняков, Н.В.Чайковский.

В газете обещали участвовать: Л.И.Аксельрод (Ортодокс), А.И.Авраамов, В.И.Анисимов, С.С.Анисимов, Л.М.Арманд, А.Ахматова, Л.А.Бах, А.М.Беркенгейм, М.М.Богомазов, И.Я.Быховский, И.А.Бунин, Ю.А.Бунин, И.П.Белоконский, Н.В.Валентинов, А.М.Васютинский, В.В.Вересаев, Б.А.Витмер, М.В.Винцак, В.В.Водовозов, В.Ц.Волгин, А.М.Винавер, В.А.Герд, М.И.Гернет, Д.И.Голенищев-Кутузов (Илимский), проф. А.В.Горбунов, М.Горький, В.Г.Громсп, М.С.Грушевский, Н.В.Гумилев, А.Б.Дерман, А.А.Дунин, А.М.Долматовский, В.В.Дмитриев, А.Н.Жекулин, М.Д.Загряцков, С.О.Загорский, Д.О.Заславский, Е.А.Звягинцев, А.И.Зелепко, В.Н.Зельгейм, С.А.Ефремов, И.И.Евтихийев, Н.И.Иорданский, В.В.Каррик, Л.Б.Кафенгауз, Л.С.Козловский, Б.А.Кольцов, И.К.Кольцов, В.В.Костин, В.П.Кранихфельд, К.И.Крылов, Д.В.Кузовков, А.Е.Кульжный, Л.П.Куприянов, Н.И.Куренных, Е.Д.Кускова, Лафоп — французский социалист, Е.О.Ленская, З.Ленский, А.Е.Лосицкий, В.Л.Львов-Рогачевский, Н.П.Макаров, В.Е.Максимов (Евгеньев), Н.В.Малолетенков, Н.Н.Малянтович, В.Н.Малянтович, П.П.Маслов, К.А.Мациевич, Д.А.Мегеровский, С.П.Мельгунов, А.В.Меркулов, А.Н.Минин, Н.К.Муравьев, В.Я.Муринов, Муте — французский социалист, М.П.Неведомский, Н.П.Огановский, А.С.Орлов, М.А.Осоргин, В.Н.Перцев, А.Б.Петрищев, А.А.Петров, Г.В.Плеханов, Н.Н.Полянский, А.Н.Потресов, А.С.Пругавин, Л.М.Пумпянский, А.В.Пешехонов, А.Ф.Радванский, Н.А.Рожков, Н.Рыбацкий (Чирков), А.А.Рыбников, Б.В.Савинков (Ропшин), А.Ф.Саликовский, С.Г.Сбитников, Н.А.Севицкий, Т.И.Семенов, Д.Д.Семенов, В.К.Сережников, Е.Смирнов (Э.Л.Гуревич), И.Н.Сторожев, А.С.Тагер, А.А.Тарасевич, Л.А.Тарасевич, А.А.Титов, Е.А.Фальковский, В.М.Фриче, В.В.Хижняков, А.М.Хирьяков, М.А.Цявловский, Н.В.Чайковский, А.В.Чаянов, В.М.Чернов, Е.Я.Черномордик, В.И.Цедербаум (В.Ежов), И.С.Шмелев, Ф.П.Шипулинский, В.Ф.Якушкин, Л.О.Эберлин.

Газета «Власть народа» стала, по сути, политической трибуной вождей российской кооперации, вступивших на путь революционных преобразований. Освещались революционные события в Петрограде (А.Чаянов. «Петроградский кошмар. Впечатления очевидца»), публиковались репортажи Екатерины Кусковой — «Дневники» и «Петроградские письма» — своеобразная хроника трагических событий и революционных выступлений российской интеллиген-

ции, Временного правительства, в состав которого вошли кооператоры. Она же поддерживала постоянную связь с Временным правительством до последних минут его существования.

Темы других публикаций — работа кооперативных съездов, события, связанные с политическими выступлениями кооператоров, сообщения кооператоров с мест, дискуссии, вызванные «пределами политических выступлений кооператоров» (Смирнов Е. «Кооперация и демократия»; Меркулов А. «Пределы политических выступлений кооператоров», «Кооперативная демократия и политика», «Кооперация и выборы в Учредительное собрание» и др.). Самым острым политическим вопросом стало земельное обустройство России.

Приложение 1. Кускова Екатерина. Кооперация и политика // Власть народа. №129. 29.IX.1917; № 131. 1.X.1917

Вчера была опубликована телеграмма, с которой обратились Совет всероссийских кооперативных съездов и группа кооператоров, делегированная в совет демократических организаций к союзам и объединениям. Телеграмма ставит вопрос об участии всей организованной кооперации в выборах в Учредительное Собрание. Этой телеграмме предшествовало собрание видных представителей центральных и местных организаций. Самое решение вопроса представляется экстремному всероссийскому съезду, созываемому на 4-ое октября.

В этот день будет решено останется ли кооперация на своих испытанных и заслуженных экономических позициях или перед ней, как одной из самых организованных сил русской общественности, откроется новое поприще, поприще в высшей степени ответственное и трудное.

Все, кто был на собрании кооперативных деятелей 26/IX, должен отметить необычайную серьезность обсуждения этого возможного вопроса, огромное напряжение и осторожность в выводах и суждениях. Старые деятели кооперации отлично понимают, что от того или иного решения этого вопроса зависит и судьба самой кооперации, и судьбы избирательной кампании, и, наконец, расположение сил в самом Учредительном собрании. Опыт политического выступления кооперации на Московском государственном совещании и на демократическом совещании показал, какое огромное влияние может оказать это выступление хорошо органи-

зованной, единой в своих решениях и действиях, силы на всю политическую атмосферу и на самый исход совещаний.

Можно определенно утверждать, что сплоченная группа кооператоров в 120 человек, единодушно и страстно борющаяся за идею коалиции на демократическом совещании, эту идею помогла спасти и провести в жизнь, что могучая борьба за нее Церетели, Авсаркисова, Гоца, Минора и других социалистов нашла решительную поддержку в группе кооперации. «Селедочники», «капустники» и «дегтярники», как называли кооператоров большевики, пришли на совещание за тем, чтобы встать рядом с ответственными за судьбу родины социалистическими и демократическими силами, и в блоке с ними общими усилиями удержать страну на том пути государственной политики, с которого ее пытаются столкнуть силы центробежные...

Незабвенными останутся эти дни единения дни скорби, надежды и разочарования, пережитые в Александровском зале... Две демократии столкнулись... в смертном бое и жутко было не только ждать исхода борьбы, но и видеть противопоставление двух враждебных сил одной демократической семьи. Свой первый опыт кооперация, «селедочники» и «капустники» — проделали. Они вышли из этого опыта не только не расколовшимися, но еще более спаянными в одном стремлении: тем или иным путем участвовать в спасении Родины.

И самый вопрос об участии в Учредительном собрании не есть для этих кооператоров вопрос о политике или политиканстве, об образовании какой-то особой «кооперативной партии». Нет! Это все тот же вопрос о спасении страны, который погнал их от селедок и дегтя на совещание, который может погнать их и дальше по тому же несвойственному им пути.

В этом новом, пока еще неопределенном, выступлении следует отметить одну черту: выступление делается очень поздно, почти накануне последнего срока подачи списков. Это опоздание следует приписать, конечно, не беспечности или равнодушию к политике деятелей кооперации, а совсем другим причинам. Три — четыре месяца тому назад никому из деятелей кооперации не пришло бы в голову поставить вопрос о самостоятельном выступлении кооперации на политических выборах. Кооператоры достаточно грамотны, чтобы понять, что политическая работа и политические выступления должны даже в интересах простой экономии сил принадлежать партиям, а не экономическим организациям. Тем не менее, этот вопрос возник.

Почему?

На собрании 26 сент. всеми защитниками самостоятельного выступления эти причины были обстоятельно развиты и указаны.

В основе подобного шага лежит глубокая, острая неудовлетворенность работой русских демократических и социалистических партий, проделанной ими за эти шесть месяцев полной свободы. Работа эта была поставлена на ложную почву. Эта неудовлетворенность — удел не только кооператоров. Все население своим бойкотом последних выборов — городских и волостных, когда голосуют всего 15–20%, ясно показывает свое отношение к работе партий. Партии не только не организуют массы, они растеривают и те симпатии, которые им давались в кредит в первые дни революции. Из многих критических замечаний, высказанные на собрании по поводу работы нашей партии, особенно важны следующие:

Во-первых, партии дают массам такие обещания, такие векселя, которые они не в состоянии оплатить. Наиболее чуткие элементы народа это видят, увидели и отходят в сторону от «неправильных и несправедливых вождей».

Во-вторых, партии опрометчиво высказывают такие лозунги, которые вносят раздор в их же собственные ряды. Так, например, меньшевистская организация в своем избирательном воззвании выставила лозунг: немедленное перемирие на всех фронтах. Этот лозунг и морально, и политически неприемлемый для многих членов самой же меньшевистской организации, поставил их в безвыходное положение: за членов других партий им нельзя голосовать как партийным людям; за свою партию недопустимо голосовать из-за лозунга «перемирие».

Исход один — не голосовать ни за кого, — что многие и сделали.

В-третьих, партии составляют свои списки не по признаку вовлечения в них работников на всех поприщах общественной жизни, а по признаку старой подпольщины, засилья комитетов, мало известных широким массам. И в этом случае получается не объединение всех наличных сил, а диктатура немногих, хотя бы и очень ценных людей, но не всегда тесно связанных с текущей общественной работой.

В-четвертых, многих отталкивает отсутствие в партиях определенного и организованного мнения, которому подчинялись бы все члены, как установленному и ясному мнению партии. Когда по самым кардинальным вопросам русской жизни в каждой партии существует по 2, 3 и даже 7 течений (как, например, в вопросе о войне, коалиции и пр.), то партий фактически не существует и их еще только нужно создавать.

В-пятых, многих новых и старых членов отталкивает та невыносимая антикультурная обстановка и те нравы, политиканства, которые разъедают партии и принижают их достоинство и престиж. На этот последний аргумент, мешающий многим и многим русским гражданам слиться со своей партией и плотно примкнуть к ней указывали все как защитники, так и противники самостоятельного выступления кооперации. И как легко вздохнули бы деятели кооперации, если бы хоть отчасти можно было бы устранить эти дефекты партийной жизни.... С какой радостью и готовностью передали бы они политическое строение страны в руки партии. И продолжали бы делать свое привычное дело. Как развивались аргументы за и против самостоятельного выступления кооперации — об этом в следующей статье».

Итак, какие же мотивы заставляют кооператоров ставить вопрос об участии в выборах в Учредительное собрание, т. е. об участии в акте политическом?

Эти мотивы следующие: на первом месте почти поголовная беспартийность...

В деревнях и селах — лишь самое слабое представление о партиях. Процент беспартийных среди не голосующих во много раз значительнее.

Самодержавие мешало развиваться и укрепнуть партиям и дисциплине наиболее прочной, партийной. Поэтому на помощь партиям жизнь выдвигает широкие массовые беспартийные организации — советы рабочих и солдатских депутатов, советы крестьянских депутатов, различные объединения трудовой интеллигенции и т. д. Эти организации в будущем исчезнут и будут заменены партийной сплоченностью. Но сейчас они помогают мобилизоваться тем элементам, которые еще не вовлечены прочно в партийные ряды. Не имея программы, эти организации имеют платформу по текущим очередным вопросам, и на этой платформе организуется общественное мнение беспартийных масс. Не будь на арене политической жизни этих организаций, наскоро сколоченных, но проникающих в самые глубины неорганизованности и оттуда притягивающих к активной работе новые силы — процент и ни в чем не участвующих был бы по истине огромным.

В критические моменты и органы власти и сама демократия обращаются не только к партиям, но главным образом, к организованным группам и объединениям.

Группы и организации самой жизнью выдвигаются на авансцену в помощь и дополнение к партиям. Это положение остается верным и для выборов в Учредительное собрание.

Кооперация за 50 лет своей работы воспитала многих ценных общественных работников. Часть этих известных работников связана не только с кооперацией, но и с другими областями общественной работы, а, следовательно, известна не только кооператорам. Но очень большая часть этих работников в партийные списки не попадет, ибо работа их шла часто если не мимо партий, то, во всяком случае, не в узко партийном русле.

Как же может этот обширный штаб, самым тесным образом связанный с населением, не отдать своих сил Учредительному собранию? Как же может он там не поднять своего голоса...

В последнее время все сильнее и сильнее начинает «оказываться и чувствоваться влияние кооператоров и профессиональных союзов. И на самих этих организациях все больше и больше настигается «налет политики».

Уставшая страна ищет опоры в старых, испытанных в работе, организациях. Снова объединяются города и земства, снова зашевелились и кооперативы.

И было бы поистине политическим самоубийством уклониться в такой острый, великий и до чрезвычайности ответственный момент от задач, навязываемых кооперации самою жизнью.

Двадцать миллионов организованных кооператоров должны сказать свое мнение о положении страны и ее будущем государственно-экономическом фундаменте.

Приложение 2. Смирнов Е. Кооперация и демократия // Власть народа. № 117. 14.IX.1917

Кооперативный съезд закончился. Делегация, на которую возложено представительство кооперации на демократическом совещании, связана наказом, точно формулирующим демократическую позицию съезда.

Основной чертой наказа является то, что кооперация продолжает оставаться на почве декларации, объединившей месяц тому назад на государственном совещании все отряды революционной демократии. Кооперация по-прежнему считает основной задачей для всей демократии спасение родины от внешнего нашествия и революции от всяких покушений на нее, откуда бы они ни исходили; по-прежнему она настаивает на применении совместно разработанной тогда системы хозяйственных и социальных мероприятий; по-прежнему она считает, что революционная Россия должна совместно с нашими союзниками продолжать войну до тех пор,

пока восторжествуют предложенные русской революцией демократические условия мира; по-прежнему, наконец, она считает, что революционная Россия должна совместно с нашими союзниками продолжать войну до тех пор, пока восторжествуют предложенные русской революцией демократические условия мира; по-прежнему, наконец, она считает, что для осуществления всех этих задач необходимо создание сильной национальной власти, составленной из коалиционных начал из представителей всех живых творческих сил страны и ответственной не перед отдельными организациями, как бы мощны они ни были, а перед всем народом в лице Учредительного собрания. Из этой коалиции кооперация считает возможным исключить только тех, кто лично скомпрометировал себя участием в мятеже против республики.

Кооперация остается верной той программе, на почве которой она объединилась с другими отрядами революционной демократии. И если теперь обнаружилось глубокие и резкие разногласия между ней и ее союзниками 12 — 15 августа, то вина в этом падает не на нее, а на тех, кто за этот месяц так далеко ушел от совместно выработанной программы деятельности, кто за этот месяц успел столь основательно позабыть, что стоящие перед нами величайшие национальные задачи могут быть разрешены лишь путем крайнего напряжения всех творческих сил, которыми нация может располагать в момент, когда решается вопрос о самом ее бытии. Кооперация сознает, что мятеж генералов против республики, как и падение Риги и обострившийся развал страны, мог только утвердить демократию в сознании, что спасение страны и революции возможно только на тех условиях, которые так точно и ясно провозглашены, были на государственном совещании Чхеидзе, Церетели и всеми другими представителями объединенной революционной демократии.

Вот почему, когда отдельные группы демократии сошли с того пути, который один только ведет к спасению родины и республики, и, отдавшись во власть демагогии и стихии, увлекаются безумным и преступным планом диктатуры небольшой кучки «слепых вождей», — вот почему кооперация не могла не кликнуть: остановитесь!

Выступление кооперации, как непрерываемо свидетельствует ее наказ, отнюдь не есть объявление войны революционной демократии. Наоборот, это утверждение принципов, завещанных демократии ее великими учителями, — принципов, которыми следуют ее старшие сестры во всех передовых цивилизованных странах, своим выступлением кооперация призывает всю революцион-

ную демократию вернуться на этот путь, единственно верный путь, который намечен, был всего только месяц тому назад.

Кооперация войны не объявляет. Но если бы на демократическом совещании восторжествовали те, кто ослеплен бушующей стихией и преступной демагогией, кооперация, во имя спасения России и республики, вступит с ними в жестокую борьбу, борьбу не на жизнь, на смерть, в полном сознании, что в этой борьбе она отстаивает великое и священное знамя революционной демократии против вольных и невольных изменников общему делу российской и международной демократии. И в этом сознании она будет черпать неиссякаемую силу и энергию, непреоборимую стойкость конца, до победы.

Кооперация в целом остается верной общему революционному демократическому знамени. И вот почему она борется не только против безумцев и преступников большевизма и «интернационализма», но и против тех, кто желал бы оторвать ее от общей демократической армии, обособить ее, организовать ее в отдельную партию.

Своим наказом кооперация в целом заявила, что, идя на коалицию со всеми живыми силами страны, со всеми буржуазными элементами, верными завоеванным свободам, она останется самой собой и отнюдь не намерена сходить с пути ведущего в светлое и лучезарное царство социализма

Приложение 3. Ширман М.Г. Кооперация и социализм // Власть народа. № 116. 13.IX.1917

Растет и все выше подымается к небу могучее здание кооперации.

Но вместе с необъяснимым ростом кооперации, все мучительнее бьется кооперативная мысль в железных тисках острых противоречий нашей современной ужасающей социально — политической действительности.

И под влиянием необычных грозных переживаний все чаще, все тревожнее из рядов миллионов кооператоров рождается один и тот же вопрос: кто же мы, кооператоры? Какова наша социальная и политическая платформа? Какова наша роль в той революционной борьбе, которая с таким напряжением ведется, и каково отношение к политическим партиям, выступающим в этой борьбе?

Процесс построения кооперативного мирозерцания проявляется теперь с поразительной силой в самых захолустных

«медвежьих» уголках кооперативной России. На многочисленных провинциальных съездах и совещаниях при обсуждении вопросов, казалось бы, чисто кооперативного строительства, неожиданно и в самых причудливых формах вспыхивают страстные прения об отношении кооперации к социализму, к политическим партиям, профессиональным и другим общегосударственным организациям. И чаще всего первым и общепризнанным ответом на эти вопросы является признание кооперации одной из форм борьбы за освобождение труда из-под власти капитала.

Кооперация не может быть не социалистической. Она вышла из недр социализма, из пламенных стремлений рабочих, «рочдельских пионеров» к социальной справедливости и социальному равенству. Как социализм во всех его формах, кооперация стремится к передаче средств производства в руки трудящихся, к уничтожению нетрудового дохода.

Вся будничная, и, как часто говорится, прозаическая деятельность кооперации — ведение торговых и банковских операций, — сводится, в конечном счете, к организации народного хозяйства на общественных началах и к устранению бесчисленных посредников между производителем и потребителем, поглощающим миллиарды народного дохода.

Начиная с устройства розничных лавок и магазинов, кооперация переходит путем объединения потребителей к крупным оптовым операциям, вытесняя, таким образом, торговца и оптовика. И, наконец, в своей высшей стадии она переходит к собственному производству, организуя на коллективистических началах свои фабрики и заводы и устраняя фабрикантов и заводчиков. И хотя рабочий вопрос не теряет в кооперации своей остроты, так как кооперация не может изолировать себя от капиталистической среды, в которой она развивается, однако, рабочий вопрос в кооперации носит совершенно иной характер, чем в капиталистических предприятиях.

Конечно, кооперация — не социализм. Конечно, кооператор, как видно уже из сказанного, совершенно не походит на тех социалистов, которые признают основным содержанием своей деятельности захват политической власти, диктатуру пролетариата. Как бы далеко социалист — кооператор не шел по пути сближения с другими социалистами, но теория внезапного крушения капиталистического строя (теория *Zusammenbruch*), в вульгарном понимании этого слова, для социалиста — кооператора останется навсегда чуждой. Она противоречит всей кооперативной идеологии, которая, выражаясь словами известного бельгийского кооперато-

ра — социалиста Анзеела, рассчитывает победить капитализм ковригами хлеба и картошками из складов потребительских обществ.

Именно в связи с этим кооперация в данный исторический момент является крупнейшей общественной силой, и остаться вне революционной борьбы она не может. Жизнь властно требовала от кооперации, чтобы она сказала свое слово, чтобы она бросила на колеблющуюся политическую весы весь свой авторитет, все свое влияние на организованные ею народные массы, чтобы спасти погибающую страну.

И кооперация это сделала. В своем выступлении в лице всероссийского кооперативного съезда она нашла нужные слова, она сказала то, что по своей идеологии должна была сказать. И это выступление, вызвавшее громадное возбуждение в кооперативной среде, несомненно, должно сильнейшим образом содействовать построению кооперативного мирозерцания организованных кооперацией народных масс.

Приложение 4. Меркулов А. Кооперация, как политическая сила // Власть народа. № 113–114. 1917.

Выступление советов всероссийских кооперативных съездов и центральных кооперативных учреждений в связи с демократическим совещанием 12 сентября, знаменует собою появление в кругу политических факторов, определяющих течение государственной жизни России, новой, и притом весьма значительной политической силы — кооперативного движения.

В определенных и решительных выступлениях кооперативные центры высказали взгляд на конструкцию власти, настаивая на необходимости коалиционного правительства и отвергая план тех петроградских социалистических кругов, которые выдвигают идею диктатуры революционной демократии.

Шаг этот, за которым, конечно, должны последовать и соответственные выступления на демократическом совещании 12 сентября и который, надо думать, будет всецело одобрен экстренным всероссийским кооперативным съездом 14 сентября в Москве, не может не иметь очень важного политического значения. Ведь дело идет о выступлении огромного общественного движения, весьма разветвленного, насчитывающего до 50 000 организаций, охватывающего свыше 15 миллионов граждан, имеющего до 700 местных союзных центров и ряд центральных всероссийских учреждений.

Но, несомненно, шаг этот весьма важен и для самой кооперации, так как впервые вводит ее в такой конкретной форме в круг реальных, действенных политических сил. И здесь, естественно, с одной стороны, нападки недоброжелателей кооперации, отрицающих за ней право на участие в политической жизни, с другой же стороны — опасение ее друзей, которые стоят на общепризнанной кооператорами политической нейтральности кооперации.

И в самом деле — не внесет ли вступление кооперации на путь политического раскола в среду кооперативного движения? Ведь она является движением чисто хозяйственным, и как таковое объединяет граждан всех партий и убеждений; и именно этой своей нейтральностью она и сильна, так как при всей пестроте состава кооперации она самым ходом вещей строит огромное хозяйственное, чисто демократическое движение, сущность которого — постепенное обобществление тех или иных отраслей народного хозяйства. Чем больше круг участников кооперации, тем она сильнее, тем значительнее ее завоевания; всякий раскол, порожденный нехозяйственными, привходящими задачами кооперации — величайшее для нас зло.

И, тем не менее, выступление кооперации в данный момент, как политической силы, неизбежно. Оно является для нее категорическим императивом, если хотите — одинаково действительным, как в сфере нравственного долга, так и в сфере интересов хозяйственного порядка.

Следует, ведь, сказать, что кооперация, будучи движением внепартийным и в значительной степени междуклассовым, чуждаясь партийной политики, вместе с тем никогда не была аполитичной. С гордостью вправе она сказать, что была одним из факторов, подготовляющих свержение старого строя. Заповедью для движения был этот яркий лозунг: кооператор должен быть гражданином. Но при этом, неся совершенно явственную политическую окраску и будучи за то так ненавистна самодержавию, кооперация оставалась всегда в кругу общедемократических политических требований. В этом была ее сила. Она объединяла все живые слои населения и не раскалывалась по политическим признакам.

На ту же, в сущности, точку зрения стала кооперация тотчас после переворота, признав своей платформой республику и поставив одною из очередных задач укрепление начала народовластия через свои учреждения. Это было определенно выраженным политическим заданием кооперации, как единения граждан, и это значение выполняла она в меру сил, содействия и политическому просвещению, и политической самоорганизации населения.

И вот, лишь логическим развитием той же точки зрения является теперешнее выступление. И здесь нет выступления кооперации на стороне какой-либо партии; и здесь перед нею — огромная задача обще-демократического характера.

Эта задача — спасение России. Страна тонет. Она — не на краю гибели, а гибнет; с каждым часом разрушаются возможности осуществления укрепления завоеваний революции, разрушается будущее России на долгие годы вперед. В момент, когда страшной угрозой нависла над страной опасность военного разгрома и внутреннего хаоса под пятою победоносного Вильгельма, всякий гражданин, всякая организация, всякое движение обязаны принять участие в спасении Родины. Всякое иное поведение — преступно.

И естественно, что кооперация вступает на эту дорогу; это естественно, тем более что она наиболее связана с гущею населения, чем любое политическое движение. Нечего скрывать: партии существуют лишь на поверхности народных масс, в лучшем случае, — в крупных центрах, — они, захватывая массу, скользят лишь по поверхности ее сознания. Кооперация — наиболее глубинное в России общественное движение.

Вместе с тем основное требование, брошенное ею сейчас на весы политической жизни — коалиционность, междуклассовость власти, — как раз больше всего соответствует ее внутренней сущности, как движения, тоже в значительной степени междуклассового. Именно ей надлежит выступить с подобным лозунгом. Выдвигая платформу: спасение родины, кооперация стоит на прежней почве внепартийной политики, ставящей целью общедемократические интересы. И на тот же путь толкают ее и свои собственные, чисто хозяйственные интересы, так как развитию кооперации разруха власти наносит тяжелые удары, а надвигающееся военное поражение будет иметь неисчислимые для нее последствия.

Суровая необходимость толкает кооперацию на путь политического влияния. Она выпущена к этому. Партийные и классовые организации недостаточны.

Итак, в чисто смертельной опасности для страны, когда одних демократических сил не хватает, чтобы спасти страну, — кооперация выдвигает идею коалиции.

Меньше всего это — партийное выступление. Кооперация остается внепартийной, все ее политические выступления должны быть весьма осмотрительны. Они должны по-прежнему носить общедемократический характер. Но, соблюдая это условие, — кооперация своими выступлениями лишь выполняет свой долг.

То очень сильное впечатление, которое политическое выступление кооператоров произвело в общественных кругах столицы и провинции, лучше всего говорит о значении нового политического фактора.

Судя по многочисленным отзывам и откликам, можно подумать, что позиция, на которую стала кооперация, соответствует взглядам широких и разнообразных кругов демократии. Любопытно, например, что на собрании кооперативных работников Петрограда, где принимали участие представители областных и местных организаций, между прочим, рабочих кооперативов, выступление московских кооперативных центров, как нам передают, в общем, не встретило возражений.

Можно думать, что вокруг основного пункта, в котором сосредотачивается центр тяжести кооперативного выступления, — коалиционного правительства — объединяются все элементы русской общественности, стоящие на государственной точке зрения. Если так, то телеграмма кооперативов может послужить моментом, начинающим новый поворот русской общественной жизни в сторону государственного строительства и постепенного врачевания страшных язв, разъедающих огромный организм потрясенной во всех своих устоях страны.

Но этот же факт показывает, насколько, вообще говоря, осторожно должна кооперация пользоваться новым оружием, которое она взяла в свои руки — орудие политического влияния.

Естественно, что из-за этого орудия внутри самой кооперации может возгореться ожесточенная борьба. Каждая политическая организация получает соблазн использовать это новое орудие в своих видах, и в результате внутри кооперации возможен раскол, от которого жестоко пострадает вся хозяйственная деятельность кооперативного движения, все его завоевания.

Тщательное ограничение кооперации от партийных организаций — неизбежное условие политических выступлений кооперации. И второе условие — ограничение этих выступлений кругом не специфически партийных лозунгов.

Я уже указывал, что основным лозунгом кооперации в ее теперешнем выступлении, ее, так сказать, платформой, является *спасение родины*. Никаких других целей кооперация себе не ставит, выступая на поле политической деятельности.

И из вопросов волнующих теперь политический мир, кооперация выделяет те, с которыми теснейшим образом связано спасение страны.

Требование коалиционного состава власти — именно относится к этой категории, так как является необходимым условием, без которого гибель страны неизбежна в ближайшем будущем. Таково же, например, требование полноты власти в центре и укреплениях его на местах, ибо страна захлебывается в волнах анархии, от которой тяжело страдает, прежде всего, и сама кооперация. И конечно, к этой же категории относятся все вопросы, связанные с обороною страны от нашествия враждебных войск и, прежде всего, кардинальный вопрос о войне и мире.

Как видно, все эти пункты (не говорим здесь о ряде более мелких) действительно имеют в виду интересы всей демократии, и даже больше того — интересы всей России. Меньше всего — это партийные требования. Их решают разным образом представители одной и той же партии; водоразделом между разными общественными группами здесь ни в коем случае не совпадают с границами, разделяющими разные партии.

И следует думать, что кооперация, оставаясь внепартийной, но будучи связана с миллионами граждан подлинными связями хозяйственно-общественных взаимоотношений, действительно отражает собою общедемократические требования и наступления.

При этом можно только пожалеть плечами, когда встречаешь в «Социал-демократии» возражения против того, что «политически бесформенной кооперации» предоставлено 150 мест. Неужели в данном случае можно серьезно говорить, что советы, например, крестьянских депутатов в большей степени отражают настроения масс, чем широко разветвленная и давно централизованная кооперативная система?

Именно в силу как раз политической неформальности всего населения, кооперация выступает на политическую арену. Это выступление — вынужденное. Политические партии очень слабо еще собрали в себя народные массы. А так как на счету теперь, в критические минуты русской государственности, любая организованная сила, то кооперация не может оказываться «в нетях».

Указанными соображениями решается вопрос о пределе политических выступлений во времени, вопрос, который является у кооператора наряду с отмеченным выше вопросом о пределе политических выступлений по своему объему.

Кооперация выступает потому, что в стране нет развитой политической жизни. Ее и не может быть. Долгие годы нужны, чтобы масса могла фактически усвоить и переварить новые политические формы. В нормальное время этот долгий процесс усвоения не гро-

зит опасностями стране. Теперь — дело иное. Кооперация должна оставаться на весах политической жизни вплоть до той поры пока не будет разрешена основная задача, ею представленная: во-первых, спасение страны от разгрома или безмерно тяжкого и для нас, и для грядущих поколений мира, и во-вторых, восстановление более или менее нормального гражданского правопорядка в стране.

Как только политическая жизнь выльется в сколько-нибудь нормальные рамки, только фактически создадутся постоянные, прочные и сильные политические организации — кооперация отойдет от чуждой ей сферы политических влияний. Но пока на карту поставлено все будущее России — сделать это она не вправе.

Может возникнуть вопрос: идет ли речь о создании особой кооперативной партии? Именно нет. Против этого необходимо высказаться самым категорическим образом.

Но, во всяком случае, в безумную схватку политических страстей Петрограда кооперация обязана внести отрезвляющее и веское слово.

Приложение 5. Меркулов А. Крещение новой политической силы // Власть народа. № 126. 26.IX.1917.

Избрание делегатов от кооперативной группы демократического совещания в предпарламент можно рассматривать как начало активной политической деятельности кооперативного движения. Она начинает действовать в формах парламентской борьбы хотя бы в учреждении, являющимся лишь суррогатом парламента.

Выступление это находится в полном соответствии с единодушным мнением подавляющей части русской кооперации и определяется теми настроениями, суждениями и решениями, которые представляют итог Чрезвычайного Всероссийского съезда.

Эффект, произведенный выступлением кооперации на демократическом совещании, надо признать весьма значительным и относиться это в равной мере к обеим половинам, на которые раскололось демократическое совещание, а с ним и вся русская демократия.

Несомненно, сильно повлияла тут определенность и решительность позиции, занятой новой политической силой, а с другой стороны — сплоченность и единодушные кооперативной группы, являвшейся в этом отношении почти исключением в разброде мнений, который обозначился на совещании во всех партиях и группах.

Твердо и решительно от имени русского кооперативного движения кооперативная группа заявила о необходимости коалиционного правительства и твердой власти, и выдвинула на первый план задачу спасения страны, перед которой должны отступить все партийные, групповые и классовые притязания. Она определенно встала на государственную точку зрения, противопоставив себя безответственным демагогическим элементам, в безумном ослеплении толкающим страну на путь общего государственного краха.

И вместе с тем кооперативная группа проявила необычайную — особенно для новой политической силы — дисциплину и сплоченность. Ее выступления были всегда единодушны. В ее среде не было того раскола, который делил пополам решительно все совещание. И никакие усилия не могли расколоть кооперативную группу по партиям, хотя в ее среду входили члены разнообразных партий. Единодушно голосовала группа и при решении основного вопроса о коалиционной власти и иных вопросов; категорически отвергла она притязания партий, чтобы при выборах в предпарламент группа разбилась по фракциям. Да и сама делегация в предпарламент решила опять таки отвергнуть домогательства партии остаться единой группой, хотя в нее сразу входят 15 партийных социалистов (из 18).

Раскол произошел, к сожалению, с представителями рабочей кооперации. Но этот раскол имел место еще раньше, на кооперативном съезде. И характерно, что в то время как вся общеккооперативная группа была единодушна, сама группа рабочей кооперации внутри себя обнаружила разногласия, и значительная часть рабочей делегации голосовала вместе с общеккооперативной группой.

Именно эта уверенность позиции кооперативной группы и ее необычайная сплоченность и импонировали совещанию, в связи с огромной численностью тех образованных кадров населения, на которые опирается кооперация, и от имени которых говорила кооперативная группа.

Немудрено, что выступление кооперации явилось для демагогов полной неожиданностью, вызвало страстные нападки слева — со стороны большевиков и иже с ними. На совещании раздавалось по адресу кооператоров не мало бранных слов: «лавочки», «селедочки», «капустники» — и не хватало только слов непечальных. За совещанием шли и газеты большевистского толка, не исключая даже «Новой Жизни», и целый ряд газет, с нескрываемым раздражением и отчетливым непониманием кооперации и полным

незнакомством ни с историей, ни с современным положением кооперативного движения, пытались затушевать истинное значение выступления кооперации.

Но эта сила и страстность отпора яснее всего говорит о том значении, которое большевистские элементы придают кооперации. Из среды большевиков приходилось слышать досадливые опасения, что «кооперация испортит все дело». Печать применяла всяческие приемы, от «тонкой иронии» до тяжелой артиллерии, палившей обвинениями не более, ни менее, как в корниловщине. Все это совершенно неизбежно. Первые шаги новой политической силы не могут не сопровождаться подобной шумихой со стороны раздраженных противников.

Зато всеобщее сочувствие вызвала позиция кооперации со стороны другой половины совещания, отчетливо понимавшей трагическое положение русского государства и создававшей свою страшную ответственность в это грозное время. Выступление кооперации, как дисциплинированной, сплоченной и занявшей вполне определенную позицию политической силы, несомненно, оказало очень заметное влияние на неоформленные группы и на колеблющиеся элементы, и она стала, пожалуй, в центре намечающегося блока всех здоровых элементов совещания. Здесь сказывается то притягательное влияние, какое всегда оказывает сплоченная и организованная сила.

Вот почему такое всеобщее разочарование вызвало в совещании заявление кооперативной группы перед голосованием формы Церетели о предпарламенте, что группа не закончила обсуждение этого вопроса связанного, несомненно, с некоторым отступлением от наказа, принятого кооперативным съездом, и что если не дано будет время для того, чтобы закончить обсуждение, то группе придется воздержаться от голосования. Несмотря на поздний час, кооператорам дано было время для обсуждения, и тогда после перерыва от имени группы было заявлено, что она будет голосовать с большинством совещания — это вызвало живейшее одобрение.

Итак, кооперация выступила на арену политической борьбы. Совершилось ее крепление как политической силы. Конечно путь этот — опасный для кооперации. Нужна большая осторожность и осмотрительность, чтобы не повредить кооперативному движению.

Но первые шаги кооперации на новом пути были, несомненно, удачны: мы можем быть ими довольны. Кооперация может стать одною из важных и влиятельных сил, способных в своем единении вывести Россию из эпохи расцвета и смуты.

Приложение 6. Меркулов А. Открытое письмо ответственным работникам московского союза // Власть народа. № 130. 1917.

Уважаемые товарищи!

Когда, две недели тому назад, центральные кооперативные учреждения выступили с известной телеграммой Керенскому, Чхеидзе и Авсаркисову, в которой высказалось безусловное убеждение в необходимости коалиционного правительства, вы, группа ответственных работников московского союза потребительных обществ, вынесла на своем собрании резолюцию, осуждавшую образ действий инициаторов телеграммы и указывавшую, что телеграмма «является не голосом рабочей и крестьянской кооперации, а лишь только мнением отдельной группы лиц из числа работников кооперации». Эта резолюция была напечатана в «Известиях Московского СРД» и других газетах.

Теперь, когда закончена первая глава в истории политических выступлений русской кооперации и последняя сыграла существенно важную роль в деле создания коалиционной власти, я считаю долгом, как один из инициаторов телеграммы, ответить на ваше выступление в его основной части, не вдаваясь в подробную его оценку.

Можно быть различных мнений о тех или иных ответственных шагах, предпринимаемых руководящими центрами русской кооперации. Можно решительно оспаривать правильность или целесообразность этих шагов и вести соответствующую борьбу, противопоставляя свое мнение и апеллируя к кооперативному миру.

Но вы не ограничились протестом и выражением своего мнения; накануне Чрезвычайного Всероссийского кооперативного съезда, который одновременно с посылкой телеграммы был созван советом съездов для обсуждения позиции, занятой советом, вы сочли возможным протестовать против лиц, взявших на себя смелость говорить от имени подавляющего большинства кооперативной России.

Какая безграничная смелость нужна, чтобы выступать с подобной самоуверенной оценкой действий выборных органов пяти центральных кооперативных учреждений за несколько дней до съезда!

Но уже не смелость, а только безграничное, для общественного деятеля преступное, легкомыслие могло руководить вами, когда вы позволили себе в той же резолюции употребить выражение

о своем протесте «против *фальсификации* (курсив мой — А.М.) *мнений* трудовой кооперативной России»....

Вы могли быть убеждены, что лучше руководящих центров оцениваете мнение кооперативной России. Но, высказывая свой взгляд, бросать выборным центральным органам кооперации, несущим перед нею огромную ответственность, создавшим специальный съезд, который должен вынести оценку действий этих органов, — бросать им обвинение в фальсификации мнения кооперативной России могут только те, для кого свое слово — пустой звук, которым можно швыряться, как ничтожной безделкой.

Неужели вы, в самом деле, не видели возможности того, что ваше обвинение может обратиться против вас самих.

Многие из вас присутствовали на съезде 11–13 сентября. Скажите, не испытывали вы смущения, когда читались телеграмма за телеграммой со всех концов кооперативной России с выражением полной солидарности с позицией совета съездов? Неужели не бросилась вам в лицо краска смущения при воспоминании о своей непростительной опрометчивости, когда становилось все яснее, что «подавляющее большинство кооперативной России», действительно, разделяет мнение совета съездов и центральных учреждений? И почему до настоящего времени, когда оказалось, что русская кооперация с необходимым единодушием высказалась за коалиционную власть, и за вами оказалось большинство рабочей кооперации, *значительное* меньшинство которой, однако, голосовало с нами, почему до сих пор вы, если только цените свое слово, не взяли своего обвинения обратно? И с чувством глубокого удовлетворения может кооперация сказать вам и Россия: она голосовала вместе со многими, очень многими доблестными гражданами, кто есть гордость русской демократии и поседел в борьбе за свободу...

Я не возвращаю вам обратного тяжелого обвинения в «фальсификации» общественного мнения, ибо с разбором отношусь к приемам идейной борьбы и знаю, что злого умысла у вас не было; но вы сами своим необдуманным выступлением и нанесли себе чувствительный удар.

И для всякого теперь ясно: не вам говорить от имени кооперативной России. Вы утратили понимание живой жизни, тех глубоких процессов, которые переживает страна, а с нею кооперация. Вы — во власти тем глубоко ненормальных и уродливых явлений столичной политической борьбы, которые говорят о полной оторванности крупных центров от подлинных народных масс, и за нестройным шумом столицы, отравленной ядом братоубийственной политической распри, вы не слышите голоса жизни.

Где теперь ваш авторитет, как ответственных работников, к которым прислушивается кооперативная Россия? Вы сами свели его к нулю, ибо нельзя ценить слов тех, кто бросает на ветер слова огромного значения.

Да послужит вам это уроком.

Приложение 7. Резолюция Чрезвычайного кооперативного съезда (6 октября 1917 г.) // Власть народа. № 135. 1917.

Всероссийский кооперативный съезд, всесторонне обсудив вопрос об участии кооперации на выборах в Учредительное собрание, приглашает кооперативные организации принять самое деятельное участие в избирательной кампании, всеми мерами стараясь, чтобы в состав Собрания были введены практические работники, знающие хозяйственные и бытовые условия русской жизни.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Новая экономическая политика и кооперация

«Мы царю по шапке дали —
 Лучше хотим жизнь создать —
 К горнам, наковальням встали
 Счастье новое ковать.
 Много славных коммунаров
 Черный коршун заклевал.
 Но зато не стало баров,
 Тьмы, насилия гнет пал».
 «Красная звездочка».
 Журнал Тульского губкома РКСМ, 1922. № 2.

С октября 1917 г. идеи Маркса, провозглашенные в 1848 г., стали в России государственной идеологией. «Созидательную» энергию правящая партия направила на переустройство общества, «всецело полагаясь на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом современных действий и взаимного обмена мнениями». Пролетариат использовал «свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата»⁵⁰¹.

Идея обобществления, одна из главных стержней политики большевиков, демонстрировала свою силу, начиная с октября 1917-го. Удельный вес обобществления в национальном доходе составил:

1917 г. — 15%.
 1924 г. — 35%.
 1928 г. — 44%.
 1937 г. — 99%.
 1954 г. — 100%.

Английский философ и историк Бертран Рассел в 1920 г., после встречи с вождем мирового пролетариата, характеризовал

В.И.Ленина как «крайне самоуверенного», несгибаемого ортодокса-марксиста, который не мыслил пути в светлое будущее без насилия. Марксист-ортодокс не мог «поступиться принципами». Поэтому и новая экономическая политика была лишь временным отступлением, одним из эпизодов общей стратегии большевиков, маневром для выживания. Принципиально структура власти не изменилась, кооперация (на которую официально делало ставку большевистское руководство) продолжала влачить жалкое существование под «колпаком» у ее идеологов. Не было главного, не было свободы, не было частной собственности, а где нет свободы и частной собственности, там нет и кооперации.

Повторим, нэп рассматривался как некий переходный период для накопления сил. Как долго позволяли большевики проявлять терпение к «буржуазным формам хозяйствования» показало время: в 1921 г. увеличились репрессии против старых кооператоров, капитализм был допущен в пределах, «нужных» для большевизма. Допущение проходило под зорким оком правящей партии: действовали декреты об административной высылке, о внесудебной расправе и др. V Конгресс Коминтерна подтвердил позицию о новой экономической политике, как о временной уступке: «Мы новую экономическую политику рассматривали исключительно с точки зрения ее политической целесообразности, как политическую уступку мелкой буржуазии. Мы не думали, что новая экономическая политика сама по себе целесообразна и рациональна, но считали, что мы должны были ее вести из политических соображений»⁵⁰².

Советская кооперация периода «военного коммунизма» — орган классового распределения потребительных товаров. За кооперацией нэповского периода оставалась неизменной распределительная функция. В 1930-е гг. потребительская кооперация окончательно утратила интерес со стороны пайщиков, превратилась в государственную систему. Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР (сентябрь 1935 г.) закрепило за ней поголовное и повсеместное обслуживание всех жителей сельской местности, — и все это в условиях отсутствия транспорта, связи, дефицита товаров — извечных спутников советского планового способа хозяйствования.

Советская потребительская кооперация, возглавляемая Центросоюзом, построена была по всем правилам бюрократического аппарата, но не выражала интересов рядовых пайщиков, заинтересованных в самостоятельном развитии сельскохозяйственной деятельности.

Центросоюз, а в его лице вся советская кооперация, находился под прессом государственных и партийных структур. Управление им, в лице верхушки аппарата, повторяло общегосударственную модель, где не было места рочдельским принципам. Взаимоотношения «низшего звена» потребительных обществ с руководством строились через систему постановлений и циркуляров.

Изменилась и собственно «самодеятельная» природа самой кооперации. Паевые взносы как изначальный принцип формирования капитала составляли мизерный процент (чуть более 2,2%) оборотных средств. По своим задачам и функциям кооперация перестала быть защитницей пайщиков. Формула кооперации (капитал + труд) не работала. Нарушен был главный принцип деятельности кооперативного предприятия, сами рабочие не являлись пайщиками. Это приводило к юридической неясности: кто же хозяин прибыли — пайщики или трудовые коллективы?

Источники прибыли — торговля, отчисления от прибыли — пополняли оборотные средства. Однако вся система отчислений государству не оставляла никаких перспектив для развития предприятия. Советская потребительская кооперация являлась слабой хозяйственной организацией с абсурдной рентабельностью производства. Расчет с вышестоящими структурами управления обескровил и без того минимальные доходы: выплаты госбанку, вышестоящим союзам в централизованные фонды, отчисления в основной (уставной) фонд съедали все свободные средства. Остатки прибыли после столь грабительской «дойки» уходили на выплату дивиденда, отчисления в фонд стимулирования пайщика (премии), в статью финансирования капитального вложения (строительство, реконструкция, оснащение материально-технической базы торговли).

Пайщики платили за доставляемые им товары в кооперативный магазин (лавку), за так называемые «накидки» на розничную цену товаров, за транспортные расходы по доставке товаров в сельскую глубинку. Удельный вес таких «накидок» на розничную цену доходил до 50%. С отменой «накидок» сельпо и райпо столкнулись бы с такими проблемами, которые неминуемо привели бы их к финансовому краху. Таковы парадоксы так называемой советской кооперации, защитницы интересов политической системы и чиновников — управленцев, а не пайщиков.

Рочдель или Москва?⁵⁰³

«...В нашей судьбине,
что-то лежит роковое».

Н.А. Некрасов

«Все строение нашей теперешней
кооперации насквозь пропитано идеей
диктатуры пролетариата».

Н. Мещерякова

«Права пролетариата священны: это ясно.
Но есть еще права человека, которые выше
всего».

Ш. Жид. «Выбор за Москвой»⁵⁰⁴

Идеи социализации общественных отношений, явившись к нам из Европы в середине XIX в., (фурьеризм, сен-симонизм) заняли одно из центральных мест в общественной мысли российской интеллигенции под именем «ассоциации»⁵⁰⁵.

Термин «кооперация», сменивший определение «ассоциации», вошел в литературу с начала 1860-х гг.⁵⁰⁶ Общеизвестно, что в России отсутствовало единое мнение о понятии кооперации. Сравнительный анализ справочных указателей позволяет проследить трансформацию понятия «ассоциация-кооперация» в связи с политизацией общественных отношений в российском обществе, имевшем достаточно сильные общинные идеологические устои, обусловленные объективными историческими условиями (крепостное право, общинное землевладение, православный менталитет)⁵⁰⁷.

Прокопович отмечал борьбу двух начал — общинного (коммунистического) и кооперативного⁵⁰⁸. Социалист по убеждению, он полагал, что «каждой политической формации свойственны свои особые формы кооперации». России свойственна архаическая ее форма-артель. Маркс писал о докапиталистических формах кооперации, имея в виду коллективный труд, обозначив тем самым классовый подход к этому явлению: каждой формации — своя коллективизация.

Поражение в революции 1905–1906 гг. принесло разочарование части российской интеллигенции. Политические деятели социалистического толка обратили свои взоры к кооперации, нашли «для себя здесь, после разгрома движения, поле важной, содержательной и весьма значительной общественной деятельности»⁵⁰⁹.

Ученые-реформаторы и политики рассматривали кооперацию не только как хозяйственную организацию, но и как «новую социальную силу», создающую «новые социальные отношения» и озаряющую «социальные массы новыми свойствами».

Кооперация рассматривается «как могучее средство, при помощи которого в будущем реализуется социальное общество»⁵¹⁰.

Интеллигенция, «вынянчившая» марксизм, определила и смысл кооперативной политики. Синтез теории социализма с российской кооперацией еще предстоит изучить.

Практика же кооперативного движения, вооруженная рочдельскими принципами, развивалась независимо от идеологических устремлений теоретиков. Ее задача была проще, приземленнее — организация самопомощи для жизни, а не для фантастических устремлений. «Конкретная кооперативная действительность, — сетовал Прокопович — всегда значительно отстает от идеального понятия кооперации»⁵¹¹.

Под влиянием революционных настроений в кооперативном движении наметились разногласия. В 1905 г. Центросоюз, выдвигавший в «идейной пропаганде лишь то, что являлось общим для всей потребительской кооперации... и для всего кооперативного движения в целом», поддержал создание рабочей кооперации в 1-м рабочем районе Москвы. Между тем, рабочая кооперация, взлелеянная Центросоюзом, все более тяготела к политическому рабочему движению, все более поддерживала классовые задачи, все более расходилась с общегражданским кооперативным движением, идеологически отгораживалась от него, противопоставляя свою идеологию общепринятым кооперативным принципам. Стоя на крайне левом политическом фланге, рабочая кооперация искала поддержки в теории и практике рабочего движения.

Принятие рочдельских принципов (1908) не спасло российскую кооперацию от идеологических разногласий, «классово-революционный дух крепко свил себе гнездо в рабочих кооперативах, и они жили обособленной жизнью от «Центросоюза»⁵¹². Меркулов отмечал трения, возникшие между Гибнером и Центросоюзом по вопросу политической нейтральности, которую не всегда выдерживал Центросоюз.

Раскол этот был свойственен не только российской кооперации. Отстаивая чистоту рочдельских принципов, Гибнер писал в 1911 г., что «драгоценным остается рочдельское правило» — но отмечал при этом, что и в Германии, Франции, Италии, Бельгии раскол доходил до открытой вражды, растаскивая кооперацию по политическим и религиозным партиям.

В президиумах собраний и съездов все чаще мелькают лица политических деятелей (Кускова, Прокопович, Хижняков, и др.). На кооперацию с надеждой смотрят представители многих политических партий, сторонники классовой кооперации⁵¹³. Особый интерес вызывает кооперация у социал-демократов. Исключение, пожалуй, составляли лишь кадеты, оказывавшие бескорыстную помощь кооперативам. Кооперация была привлекательна для политических партий ввиду многих причин — она давала средства для легальной агитации, возможность использования ее для социализации общественных отношений, мощный политизированный административно-управленческий аппарат и проч. В итоге кооперация начала вызывать особый интерес у Министерства внутренних дел. Устанавливается слежка за членами РСДРП, занимавшимися политической агитацией в стенах потребительных обществ, формально объявивших о своей политической нейтральности в рамках рочдельских принципов. В преддверии I Всероссийского кооперативного съезда обстановка все более накалялась. Российская социал-демократическая партия сочла нужным использовать съезд кооператоров в своих агитационных целях. Этому вопросу была посвящена специально созданная Московская партийная конференция.

При Петербургском комитете РСДРП была организована профессионально-кооперативная комиссия с целью «выработки мер для внесения планомерности в просветительную работу социал-демократов» в профессиональных и общественных организациях.

Выпущенный от имени организационного комитета кооперативного съезда бюллетень № 2, определил позицию по политическому вопросу, полагая, что «необходимым условием плодотворности работы съезда должна быть полная политическая нейтральность и терпимость». Организаторы съезда, идеологи внеклассовой кооперации, обратились к рабочей группе через представителей партии РСДРП с предложением не срывать съезд, но, увы, не были услышаны. На съезде присутствовало 700 делегатов и 300 гостей. Среди делегатов присутствовали известные деятели РСДРП (Малиновский, Соколов, Лурье, Степанов-Скворцов и др.), эсер Чернов.

Председатель организационного комитета Гибнер, открывавший съезд, произнес краткое слово перед собравшимися, где «в целях объединения съезда рекомендовал исключение из занятий вопросов религии и политики».

Доклады, прозвучавшие в первый день, отвечали интересам съезда. Распорядок работы съезда нарушило выступление

В.А.Поссе «Задачи кооперации вообще и, в частности, в России», закончившееся скандалом⁵¹⁴. По мнению выступавшего, задачи кооперации «не заключаются в одном лишь поднятии экономического благосостояния широких народных масс» — кооперация способствует сплочению для борьбы за политическую свободу пролетариата. Двусмысленная речь, дополненная митинговыми приемами и истерическими воплями, закончилась анархическим выкриком: «Дух разрушения есть дух созидающий!».

По мнению наблюдателя капитана полиции Строева, ответственного за порядок, докладчик, как и весь характер его речи, тон, жестикация, хотел обратить внимание, что «кооперацию необходимо использовать в целях разрушения всего настоящего, в том числе и государственного строя и создания нового строя, обеспечивающего, главным образом, полную свободу пролетариата».

Председатель съезда, профессор Петербургского политехнического института А.С.Посников (товарищем председателя был Прокопович, представитель от ВЭО), игнорировал ст. 12 Закона о собраниях от 4 марта 1906 г., исключавшую пропаганду нелегальных политических партий. Попытка капитана Строева обратить внимание председательствующего на недопустимость подобных митинговых приемов вызвала в аудитории «оскорбительный смех»⁵¹⁵.

На съезде организованная группа рабочих делегатов в составе председателя Московского комитета РСДРП, секретаря комитета и представителей ЦК провела первое политическое выступление рабочей кооперации по линии социал-демократии. Происходившее в аудитории съезда напоминало картину революционного разрушения, которому ранее подверглось Вольное экономическое общество под напором все тех же политических деятелей, оседлавших его организационные структуры (Прокопович, Хижняков, Кускова и проч.).

Наметились две линии: рочдельская (независимая, аполитическая) и классовая, которые сосуществовали рядом не только в области идеологии, но и на уровне реальной борьбы за главенство над Центросоюзом как реальной финансово-организационной структурой. Отзвуки этой борьбы можно проследить на страницах кооперативной печати. Журнал «Союз потребителей» (Издание Секретариата МСПО) — стратег лидера российской кооперации. Журнал «Объединение», также издание Секретариата, идеологического центра Центросоюза (главный редактор В.Зельгейм, из числа недоучившихся студентов) — демонстрировал полное оскудение кооперативной идеологии, все более политизировался, все

более устремлял взгляд в коммуно-утопию. Из номера в номер журнал печатал портреты классиков марксистов, песни пролетариев и «буревестников», международные рабочие гимны. Цель журнала, по мнению его издателей: «помочь разобраться в совершившихся событиях, указать линию поведения, соответственно интересам рабочего класса», а не потребителя⁵¹⁶.

Секретариат МСПО издавал серию популярных брошюр «Библиотека гражданина», которая рассматривалась как своеобразное политическое просвещение. В 1917 г. Тотомианц писал, что появилась угроза, что кооперативные органы вскоре «будут конкурировать и с партийно-социалистическими органами, а затем потеряют свою кооперативную идеологию и кооперативное лицо»⁵¹⁷. Не лучше обстояло дело и на местах. Так, в Сибири, вместо «Обского кооператора» рассылалась газета партии социалистов-революционеров «Земля и Воля», а «Петроградский кооператор» был склонен превратиться в социал-демократический орган. «Экстренно созданный в конце марта 1917 г. съезд кооперативных союзов был кооперативным только по имени, — такое впечатление оставил съезд у Тотомианца. — Ни один кооперативный съезд в мире никогда не занимался столько политикой»⁵¹⁸.

Выступавшая на съезде Кускова говорила о необходимости участия в политической жизни, о подготовке к участию в Учредительном собрании, о посылке агитаторов на места; в то время, когда не хватало простых счетоводов и инструкторов, в кулуарах Союза шла запись в политические партии.

Туган-Барановский, ранее доказывавший, что кооперация не есть социализм, на съезде изменил позицию, заговорил о социалистическом происхождении кооперации, вопреки принятой, даже социал-демократией в Европе, неклассовой точке зрения на это явление. В 1916 г. в книге «Социальные основы кооперации» он разделил кооперацию на «пролетарскую», «крестьянскую», «мелкобуржуазную», усматривая в них классовые противоположности подобно тому, как и в политической области существует антагонизм между рабочими и буржуазными партиями. Необходимость нейтралитета кооперации Туган-Барановский признавал лишь в мирное время⁵¹⁹. «Книга М.И.Туган-Барановского врывается каким-то анархизмом в кооперативную литературу», — писал Тотомианц.

В августе 1917 г. I рабочий кооперативный съезд образовал свой идейный центр в лице Всероссийского съезда рабочей кооперации, на время сохранив хозяйственные связи с Центросоюзом, пока это сотрудничество было выгодно. Если ранее «кооперация привлекала внимание товарищей (большевиков) лишь постольку,

поскольку этого требовала борьба с мелкобуржуазными кооператорами-утопистами», то теперь, когда ставилась задача заменить всеобщую кооперацию классовую, считалось, что «партия должна наметить руководящую линию для всего развития кооперацией»⁵²⁰.

Малолюдное собрание уполномоченных Центросоюза (июнь 1917 г.) сформулировало понятие о социальных идеалах, придавшие в некоторой степени новый смысл кооперации. В широком понимании «потребительская кооперация партийно-нейтральна, представляет собой *народное движение в сторону обобществления производства и распределения*, в сторону освобождения труда и преобразования всего социального уклада», — комментировал «Союз потребителей», подчеркнув тем самым связь чисто кооперативной деятельности с самым широким общественным настроением. Мало подготовленная к обсуждению этого вопроса аудитория жаловалась на тяжелые условия старого режима (не предполагая впереди худшие)⁵²¹.

Ранее, на кооперативном съезде (март 1917 г.) Центросоюз в вопросе введения Временным правительством продовольственной диктатуры поступил собственно кооперативными интересами.

Соперничество идеологий завершилось реальной борьбой за власть внутри Центросоюза, участием всей российской кооперации в выборах в Учредительное собрание. Представители рабочей кооперации на юбилейном собрании уполномоченных потребовали, и в известной степени добились таких организационных форм, которые облегчили ей влияние на дела Центросоюза.

Третий съезд рабочей кооперации (декабрь 1918 г.) выдвинул ультиматум, требуя немедленного введения в Центросоюз представителей рабочей кооперации (в количестве 2/3) для обеспечения руководящего влияния большевиков. Решение это было принято на немногочисленном по составу съезде, в результате фальсификации и подтасовки при голосовании, осуществив, по сути, волю фракции большевиков (их излюбленный прием) и лишив голоса сторонников независимой кооперации⁵²².

С одной стороны, «Союз потребителей» настаивал, что «страсти политической борьбы должны оставаться за пределами кооперации». Центросоюз заверял, что «вся деятельность российской потребительской кооперации всегда твердо держалась принципов рочдельских пионеров», что «потребительская кооперация в России должна оставаться верной своим традициям, блюдя чистоту рочдельских принципов, блюдя свою независимость»⁵²³. С другой стороны, призыв журнала «Объединение» — «На баррикады! На баррикады! — звучит повсюду»⁵²⁴.

В декабре 1919 г. члены редакции «Союза потребителей», протестуя против манипуляций, проводимых властями над кооперацией, покинули редакцию журнала. Командные посты в «хлебном» Центросоюзе, превращенном в распределительную контору, заняли большевики (А.Лежава, В.Ногин, И.Любимов, С.Буденный, Л.Хинчук, О.Шмидт, Н.Мещеряков, А.Сольц, И.Скворцов-Степанов и пр.).

* * *

«Из добровольного объединения потребителей, борющихся против злоупотреблений и эксплуатации торгового капитала, потребительская кооперация идет теперь по пути превращения в организацию *общественной службы* распределения продуктов среди всех членов общества. Потребительская кооперация идет по пути превращения в потребительскую коммуны... Это новая попытка дать принципиальное изложение новой точки зрения на кооперацию...

В эпоху окончательного торжества социализма кооперация как массовая хозяйственная организация, основанная на добровольном участии членов, должна исчезнуть. Удовлетворение почти всех потребностей, которые обслуживают теперь различные виды кооперации, отойдет ко всему обществу, превратится в организацию целого ряда общественных служб...

Элемент *добровольного вхождения* — этот необходимый признак кооперации — исчезнет. Все члены общества должны будут работать, ибо «нетрудящийся да не ест». Все они будут получать от общества необходимые продукты», — так вещал новый кооперативный идеолог Мещеряков⁵²⁵.

Ленинские декреты обеспечили окончательную победу классовой кооперации. На смену «буржуазной и мещанской» и независимой кооперации пришла новая — «советская кооперация». Советский период «подарил» нам новые понятия, такие как «государственно-кооперативная собственность», «ленинский кооперативный план», «колхозно-кооперативная собственность». Налицо было крайнее оскудение идеологии: кооперация рассматривалась как придаток государственно-хозяйственного механизма при полном огосударствлении всех структур и росте влияния административно-командного аппарата.

В период 1918–1929 гг. практически не выходила в свет кооперативная литература справочно-энциклопедического характера. Немногочисленные, но откровенно безликие специализированные справочники этого периода для сельскохозяйственной кооперации

(редактор Хижняков) представляют определенный интерес в плане понимания явления кооперации в новых условиях, под неусыпным контролем постановлений ЦИК, ВЦИК, СНХ. В «Примерных правилах внутреннего распорядка в коммуне» артельный староста дает каждому коммунару дневной «урок», а жизнь членов регламентируется до мелочей, где коммунары получают жилье, стол, одежду, стирку, баню, а платье, белье, обувь и т. п. распределяются между членами коммуны по мере нужды в них и при наличии свободных денег. В этих правилах сказано, что «вещи считаются собственностью коммуны... питание совместное»⁵²⁶.

Кооперация не как цель, а как средство для ее достижения — знаменует полную победу общинной идеологии. При соответствующих политических условиях (диктатура пролетариата) — она «есть социализм»⁵²⁷.

Мысль Прокоповича, что «каждой формации свойственны свои особые формы кооперации», можно продолжить словами классика, согласно которым кооперативные предприятия «не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле и средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу»⁵²⁸.

Советская кооперация утратила все, что было свойственно Рочделю: экономическую свободу и политическую независимость, демократическое начало. Огосударствление — смерть кооперации!

Вспомним еще раз слова одного из самых искренних деятелей российской кооперации, стоявшего у ее колыбели и пережившего ее смерть: «Легко установить равенство бедных, но, не строя утопий, трудно указать возможность достижения богатств и кооперация за это не берется. Ее задача осуществимее — сделать бедных более богатыми, дав им лучший заработок и накапливая каждому “сбережения”, по возможности высокие, чтобы обеспечить тем самым его личную свободу и оборонить от необходимости закабалиться в какую бы то ни было “крепость”»⁵²⁹.

И еще: «Свое назначение кооперация может выполнить только через свою собственную организацию. Если бы допустить противоположное, то мы логически пришли бы к выводу, что вся будущая организация труда в области обмена и производства может быть передана государству и земству, а не определяется самостоятельностью населения, что, очевидно, будет утопией»⁵³⁰.

Необходимое условие существования кооперации — «это полное воздержание кооперативных учреждений, взятых как целое, от какой либо политической окраски»⁵³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Тотомיאну В.Ф.* Теория кооперации. Пг., 1918. С. 42.
- ² *Публицист.* Жизнеспособность кооперативного движения // Вестник кооперации. 1919. № 1. С. 6–7.
- ³ Материалы по союзному строительству потребительной кооперации с 1913 по 1918 г. М., 1918. Вып. 1. С. 217–200.
- ⁴ *Анцыферов А.Н.* Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции. Воронеж, 1907. С. III–IV.
- ⁵ Наш юбилей // Союз потребителей. 1918. № 39. С. 3.
- ⁶ Объединение. 1915. № 19. С. 15.
- ⁷ См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
- ⁸ *Туган-Барановский М.И.* Русская революция и социализм. Пг., 1917. С. 3–7.
- ⁹ *Прокопович С.Н.* Общественная ценность // Союз потребителей. 1918. № 39. С. 36–37.
- ¹⁰ Современник. 1860. № 1.
- ¹¹ Русская идея. 1992. № 1. С. 2.
- ¹² Наш юбилей // Союз потребителей. 1918. № 39. С. 3.
- ¹³ *Макаров Н.* Основные вопросы кооперативной идеологии // Вестник МОСКО. 1919. № 1. С. 4–5.
- ¹⁴ Вестник МОСКО. 1919. № 5–6. С. 3.
- ¹⁵ *Меркулов А.В.* Кооперация, как творческий социализм // Союз потребителей. 1918. № 29–30. С. 5–11.
- ¹⁶ *Меркулов А.В.* Кооперация, как творческий социализм // Союз потребителей. 1918. № 30–31. С. 9.
- ¹⁷ Кооперация (*лат.* — сотрудничество): а) форма организации труда, при которой большое число людей планомерно и совместно участвует в одном и том же или разных, но связанных между собой процессах труда; б) коллективное объединение в области производства и обмена. (См.: Краткий словарь иностранных слов. М., 1987. С. 257).
- ¹⁸ *Яновский Н.С.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины. СПб., 1803. Ч. 1. С. 249.
- ¹⁹ *Кириллов Н.С.* Карманный словарь иностранных слов, входивших в состав русского языка. СПб.; Краткий политико-экономический словарь.

СПб., 1859. С. 139–140; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863–1866. Ч. 1; *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 325–345; Роберт Оуэн // Полярная звезда. 1861. Кн. 1; *Добролюбов Н.А.* Роберт Оуэн и его попытка общественных реформ // Современник. 1859. № 1.

²⁰ *Тернер Ф.* О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1860; *Таль Ф.* Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний: В 3-х томах. СПб., 1863. Т. 1. С. 173; *Берзин И.Н.* Русский энциклопедический словарь. СПб., 1878. Т. 3. Стб. 2; Кооперация. Страницы истории. М., 1996. Вып. 5. С. 318–361.

²¹ Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. 31. С. 158–159.

²² *Розенберг Д.* История политической экономии. М., 1934. Ч. 1. С. 65.

²³ Дефо Даниэль (1660–1730) — один из родоначальников английской прозы, автор более тысячи произведений — стихов, памфлетов, политических брошюр и статей, романов исторического и социального характера, яркий представитель пуританского направления в литературе, где религиозная суровость, назидательность сочетались с прагматизмом, проповедью деловой активности и торговой деятельности. Литература этого направления проникнута просветительскими идеями, прославлением разума, оптимизма, проповедью труда, идеей «естественного человека» здравого смысла. Дефо декларировал исторически прогрессивные стороны буржуазного общества, увязывая их со своеобразным пуританским стоицизмом. Дефо — провозвестник требований нарождающегося в Англии сильного и многочисленного среднего класса, жаждавшего «серьезной реальной правды».

²⁴ Роман «Робинзон Крузо» в двух частях был переведен в России с французского и появился в печати в 1764 г. Автор перевода Я.Трусов. В России роман перекочевал в разряд детского чтения, был воспринят как «выдумка». Вторая часть — «Дальнейшие приключения...» (1719 г.) — рассказывает о путешествии героя в Китай, Дальний Восток, Сибирь (она практически неизвестна отечественному читателю).

²⁵ *Козлова Е.Н.* Кооперативный мир Н.П.Баллина // Кооперация. Страницы истории. М., 1991. Вып. 1. Кн. 1.

²⁶ *Козлова Е.Н.* Что такое кооперация? // Кооперация. Страницы истории. М., 1991. Вып. 1. Кн. 1. С. 31–32.

²⁷ *Гибнер Н.П.* Система кооперации. М., 1911. С. 31.

²⁸ *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. СПб., 1912. С. 85.

²⁹ *Макаров Н.* Основные вопросы кооперативной идеологии. С. 4–5.

³⁰ *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. С. 85–86.

³¹ *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1910. С. 1.

³² *Чаянов А.В.* Спорные вопросы кооперативного строительства // Кооперативная жизнь. 1918. № 1. С. 14.

³³ Там же.

³⁴ *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. С. 18.

³⁵ *Макаров Н.* Указ. соч. С. 5.

³⁶ *Чаянов А.В.* Указ. соч. С. 19.

³⁷ *Тотомиану В.Ф.* Теория кооперации. М., 1918. С. 3

³⁸ *Хейсин М.* Об изучении кооперации // Союз потребителей. 1918. № 24. С. 13–14.

³⁹ Либеральные народники — представители т.н. «трудовой аристократии», т.е. земства.

⁴⁰ *Пажитнов К.* Основы кооперативизма. М., 1918. С. 3.

⁴¹ *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1916. С. 116, 120.

⁴² *Пажитнов К.* Указ. соч. С. 114–115.

⁴³ Вестник кооперации. 1912. № 4. С. 118–119.

⁴⁴ Вестник кооперации. 1911. № 3. С. 64–65.

⁴⁵ *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 67, 70.

⁴⁶ *Пекарский В.Ф.* Теория и практика русской кооперации // Петроградский кооператор. 1918. № 12. С. 5–9.

⁴⁷ *Жид Ш.* Глупость потребителей // Творцы кооперации и их думы. М., 1919. С. 180.

⁴⁸ *Пекарский В.Ф.* Указ. соч. С. 18–21.

⁴⁹ Из устава Международного Союза кооператоров (пункт № 5) // VIII Международный кооперативный конгресс. Гамбург, 1910.

⁵⁰ Отзывы ученых и общественных деятелей... С. 17.

⁵¹ Там же. С. 18.

⁵² Там же. С. 22.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 24.

⁵⁵ Там же. С. 25.

⁵⁶ *Мецефарков Н.* Кооперация, социализм и диктатура пролетариата // Новые идеи кооперации. М., 1919. С. 22–24.

⁵⁷ *Ленглер В.* Уроки кооперации // Новый мир. 1991. № 4. С. 175.

⁵⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 225.

⁵⁹ Там же. С. 229.

⁶⁰ Там же. Т. 44. С. 206–208.

⁶¹ Там же.

⁶² Мелье Жан (1664–1729) — сельский священник. Главное социальное зло усматривал в непропорциональном распределении богатства между людьми. Главная причина зла — частная собственность; религия — выдумка попов. Для уничтожения неравенства призывал к свержению господства тиранов. Справедливый строй — федерация общин, где все члены равно трудятся и равно пользуются предметами труда. Таким образом, Мелье — идеолог крестьянской мелкобуржуазной уравнилельной коммуны, его материализм принял форму воинствующего атеизма. Самую известную работу Мелье «Завещание» (1730) опубликовал Вольтер через год после смерти автора.

⁶³ Диггеры (копатели) — представители радикального общественного движения, выступавшие с лозунгом общности и доступности земли для всех.

⁶⁴ Всемирная история. М., 1958. Т. 5. С. 51.

⁶⁵ Габриель Бонно де Мабли (1709–1785) — французский историк, утопист, в своих работах рисовал картину коммунистического общества, создание которого относил в отдаленное будущее. Его идеал — мелкие коммунистические общины. Проповедник умеренности в потреблении, враг роскоши, Мабли усматривал счастье не в богатстве, а в удовлетворении насущных потребностей.

⁶⁶ Этьенн-Габриэль Морелли (1717–?) — французский утопист, автор утопического романа «Базилиада» (1753), в котором нарисовал картину коммунистического строя в одной из дальних стран. Критиковал крупную собственность как основную первопричину экономических бедствий, социального неравенства, политического деспотизма, паразитизма, безумной роскоши. Идеи Морелли вдохновляли таких пламенных революционеров как Бабеф. Основная идея Морелли — уничтожение частной собственности, возвращение к естественному порядку, обязательный труд, отсутствие торговли.

⁶⁷ Ромм М.Д. Пролетариат и потребительная кооперация // Труды Центросоюза. 1919. Июнь. С. 67.

⁶⁸ Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 116.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 11.

⁷⁰ Розенберг Д. История политической экономии. М., 1931. Ч. 1. С. 245.

⁷¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1950. С. 242.

⁷² Предполагалось, что фаланги — производственно-потребительские кооперативы — составят основу ассоциации.

⁷³ Анненков П.В. Парижские письма. М., 1984. С. 89.

⁷⁴ Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии социализма. СПб., 1903. С. 72.

⁷⁵ Вильбрандт Р. Значение потребительных обществ. М., 1914. С. 20–23.

⁷⁶ Коллин Б. Социальное значение потребительных ассоциаций. СПб., 1870. С. 8, 9, 35.

⁷⁷ Бакунин М.А. Государственность и анархизм // Встречи с историей: Очерки, статьи, публикации. М., 1990. Вып. 3. С. 67–104.

⁷⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 310–311.

⁷⁹ Мюллер Г. Теория классово-борьбы и принципы классового движения. Пг., 1909.

⁸⁰ Пажитнов К.А. Международный кооперативный союз. Омск, 1919. С. 14–15.

⁸¹ Миллютин В.А. Пролетариат и пауперизм в Англии и во Франции // Отечественные записки. 1847. № 1.

⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 9–10, 199.

⁸³ Там же. С. 11.

⁸⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 369–370.

⁸⁵ Ленин В.И.: «По поводу газетной заметки» (1897 г.); «Капитализм в сельском хозяйстве» (1899 г.); «Аграрный вопрос и критика Маркса». (1901 г.); «Революционный авантюризм» (1902 г.); «К деревенской бедноте» (1903 г.); «Последнее слово “искровской” тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания» (1905 г.).

⁸⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 174.

⁸⁷ Там же. Т. 11. С. 370.

⁸⁸ Д-в А. Кооперативное дело под охранным надзором // Союз потребителей. 1917. № 9–10. С. 8.

⁸⁹ Козлова Е.Н. Рочдель или Москва? // Кооперация. Страницы истории. М., 1996. Вып. 5. С. 318–329.

⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–370.

⁹¹ Там же. Т. 45. С. 373.

⁹² Там же. Т. 36. С. 161.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Кооперация // БСЭ. Т. 22. С. 519.

⁹⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. IV. С. 760.

⁹⁶ Яковлев А.В. Об экономическом значении артели в условиях ее развития в России // Труды ВЭО. 1872. С. 177–195.

⁹⁷ До сих пор в кооперативной среде не утихают дискуссии об отношениях кооперации и государства, о месте кооперации в хозяйственной жизни, о главном условии существования кооперации — праве собственности, о наемном труде. Отношение к кооперации вытекает из всей системы взглядов, выдвигаемой тем или другим течением.

⁹⁸ Ромм М.Д. Пролетариат и потребительная кооперация // Труды Центросоюза. 1919, июнь. С. 67.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Туган-Барановский М.И. Русская революция и социализм. Пг., 1917. С. 3.

¹⁰¹ Пумпянский Л.М. Лже-кооперация // На чужой стороне. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 239–251.

¹⁰² Исаев А.А. Артели в России. М., 1881; Маслов С.С. Трудовые земледельческие артели: их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918.

¹⁰³ Воронов В.В. Артель в кустарном промысле. СПб., 1895.

¹⁰⁴ Яковлев А.В. Об экономическом значении артели и условиях ее развития в России // Труды ВЭО. 1872. Т. 2. С. 177–195.

¹⁰⁵ История русской экономической мысли. М., 1956. Т. 1. Ч. 3. С. 686.

¹⁰⁶ Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1998. С. 436.

¹⁰⁷ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. 1939. С. 31.

¹⁰⁸ Анцыферов А.Н. О природе и сущности кооперации // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1926. Вып. 4. С. 9–24.

¹⁰⁹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 286–287.

¹¹⁰ См.: Прокопович С.Н. Проблемы социализма. СПб., 1911; Его же. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1918. С. 21; Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1918; Пажитнов К. Кооперация и ее отношение к профсоюзному движению, политическим партиям и социализму. Пг., 1918; Его же. Развитие социалистических

- идей в России. Пг., 1924; Отзывы ученых и общественных деятелей на анкету В.Ф.Тотомианца. М., 1918.
- ¹¹¹ Кооперативная жизнь. 1913. № 12–13. С. 89–90.
- ¹¹² Жид Ш. Основы политической экономии. М., 1916.
- ¹¹³ Пажитнов К.А. Основы кооперативизма. М., 1917.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1954. С. 395, 399.
- ¹¹⁶ Творцы кооперации и их думы. М., 1919. С. 841.
- ¹¹⁷ Чайнов А.В. Основные идеи и формы организации сельской кооперации. М., 1927. С. 14, 20.
- ¹¹⁸ Хижняков В.В. Что такое кооперация. М., 1925. С. 3–4.
- ¹¹⁹ Туган-Барановский М.И. Очерки по новейшей политической экономии и социализма. СПб., 1906. С. 71.
- ¹²⁰ Меркулов А.В. Кооперация, как творческий социализм // Союз потребителей. 1918. № 29–30. С. 7–9.
- ¹²¹ Николаев А. Теория и практика кооперации. М., 1908.
- ¹²² Кропоткин П. Хлеб и воля. Лондон-СПб., 1902. С. 183.
- ¹²³ Печать и кооперация // Союз потребителей. 1917. № 6. С. 167.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Пекарский В.Ф. Общественные итоги кооперативного пятидесятилетия // Вестник кооперации. 1915. № 8. С. 30.
- ¹²⁶ Морозов К.И. Социализм и кооперация // Вестник кооперации. 1916. № 9. С. 16, 17.
- ¹²⁷ Отзывы ученых и общественных деятелей о кооперации. М., 1918. С. 8, 15, 18, 60, 61, 67, 68.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Теллицын В.Л. И.В.Емельянов и его исследование кооперации // Кооперация. Страницы истории. 1997. Вып. 4. С. 181–203.
- ¹³⁰ Тернер Ф. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1861.
- ¹³¹ Брендстед Л. Задачи городской кооперации // Вестник кооперации. 1917. № 1. С. 43.
- ¹³² Кускова Е. Ответы на анкету В.Ф.Тотомианца // Вестник кооперации. 1911. № 3. С. 64.
- ¹³³ Брендстед Л. Указ. соч. С. 43.
- ¹³⁴ Союз потребителей. 1917. № 9–10. С. 12.
- ¹³⁵ Там же. С. 18.
- ¹³⁶ Там же. № 29–30. С. 5.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Революция и кооперация // Союз потребителей. 1917. № 9–10. С. 3.
- ¹³⁹ См.: Союз потребителей. 1917. № 26. С. 1–2; № 28–29. С. 1–4; № 30–31. С. 19.
- ¹⁴⁰ Социализм и потребительская кооперация // Союз потребителей. 1917. № 21. С. 1–2.
- ¹⁴¹ Своим путем // Союз потребителей 1918 № 11–12. С. 39.
- ¹⁴² Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919.

- ¹⁴³ Известия Совета всероссийских кооперативных съездов. 1917. № 1. С. 4–5.
- ¹⁴⁴ Гриневецкий В.И. Указ. соч. С. 105.
- ¹⁴⁵ Бондаренко Л.А. Содержание кооперативной идеи: 1920–1928 гг. (Из материалов Царицынско-Сталинградского губисполкома) // Кооперация. Страницы истории. М., 1994. Вып. 2. С. 218–227.
- ¹⁴⁶ Кооперация // Большая советская энциклопедия. Т. 22. С. 519.
- ¹⁴⁷ Макаров В.В. Основные вопросы кооперативной идеологии // Вестник МОСКО. 1919. № 1. С. 23.
- ¹⁴⁸ В диссертации «Эстетическое отношение искусства к действительности» Чернышевский указывал, что «первое и общее значение всех произведений искусства... — воспроизведение интересных для человека сторон и явлений действительной жизни», а также — произнесение приговора над явлениями жизни. «Приговор этот выражается в его произведении — в этом новое значение произведений искусства...». (См.: Чернышевский Н.Г. Статьи по эстетике. М., 1938. С. 130–131, 133.)
- ¹⁴⁹ Москвитянин. 1855. № 13–14.
- ¹⁵⁰ Корнилов А.А. Чернышевский и крестьянская реформа // Труды ВЭО. 1910. Т. 1. Кн. 1. С. 31.
- ¹⁵¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 726.
- ¹⁵² Туган-Барановский М.И. Общественно-экономические воззрения Чернышевского // Труды ВЭО. 1910. Т. 1. Кн. 1. С. 4.
- ¹⁵³ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 729.
- ¹⁵⁴ Там же. Т. 4. С. 740.
- ¹⁵⁵ Там же. Т. 5. С. 70, 495.
- ¹⁵⁶ Там же. Т. 4. С. 737–760.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 709–722.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 756.
- ¹⁵⁹ Гакстгаузен Август (1792–1866) — прусский экономист, в 1842 г. получил одобрение Николая I на изучение аграрных отношений в России и субсидию на поездку по стране (с изданием книги). Первые два тома вышли за границей на французском и немецком языках в 1847 г., в 1855 г. — 3-й том, в котором он изложил свой взгляд на русскую крестьянскую общину. Перевод на русский язык и издание книги в России были запрещены. Лишь в 1870 г. вышел 1 том, полностью в России книга не публиковалась. (См.: Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870.) Книга Гакстгаузена использовалась Чернышевским как сборник материалов для обоснования необходимости сохранения общинного землепользования. (См.: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 303–348.)
- ¹⁶⁰ Тенгоборский Л.В. Исследование о производительных силах России. М.; СПб., 1858.
- ¹⁶¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 425–427, 433, 436–439.
- ¹⁶² Там же. Т. 5. С. 711–880.
- ¹⁶³ Там же. С. 152–155.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 432, 433.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 470, 501.

- ¹⁶⁶ Там же. Т. 5. С. 70.
- ¹⁶⁷ Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — историк, публицист, один из лидеров русских либералов 50–60-х гг. XIX в., автор проекта «Записки об освобождении крестьян в России» (1855). Проект близок «Положениям» 19 февраля 1861 г., т.к. поддерживал личное освобождение крестьян с наделом, за выкуп, при сохранении общины.
- ¹⁶⁸ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 120, 135.
- ¹⁶⁹ Там же. Т. 4. С. 347–348.
- ¹⁷⁰ Там же. Т. 5. С. 357–393.
- ¹⁷¹ Вернадский Иван Васильевич (1821–1884) — главный редактор журнала «Экономический указатель», где опубликовал серию статей «О поземельной собственности». Журнал стоял на позиции защиты частной собственности, обвинял «дилетантов в науке» — защитников общины — в невежестве. «Экономический указатель» — защитник «свободы употребления капиталов». Вернадский придерживался мнения, что не следует принимать принудительных мер против разрушения общины, так же как и против искусственного ее сохранения.
- ¹⁷² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 910.
- ¹⁷³ Там же. Т. 6. С. 414–415.
- ¹⁷⁴ См.: Шлоссер Ф.К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи. В 8-ми томах. СПб., 1850–1860 гг. Историей Шлоссера Чернышевский был увлечен со студенческой поры, занимался ее переводом.
- ¹⁷⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 374.
- ¹⁷⁶ Там же. Т. 9. С. 871.
- ¹⁷⁷ Там же. Т. 7. С. 885–889.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 223.
- ¹⁷⁹ Современник. 1860. № 1.
- ¹⁸⁰ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 5–63. (Горлов Иван Яковлевич (1814–1890) — профессор политэкономии и статистики Казанского и Петербургского университетов.)
- ¹⁸¹ Северная пчела. 1860. № 5.
- ¹⁸² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 830.
- ¹⁸³ Роберты де Е. Политико-экономические этюды. СПб., 1867. С. 244–245, 248.
- ¹⁸⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 832–833.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 834.
- ¹⁸⁶ Пажитнов К. Н. Г. Чернышевский, как первый теоретик кооперации в России. М., 1917.
- ¹⁸⁷ Леонтович В.В. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁸⁸ Туган-Барановский М.И. Русская революция и социализм. Пг., 1917. С. 11.
- ¹⁸⁹ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 21–23.
- ¹⁹⁰ Тернер Ф. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1861.
- ¹⁹¹ Там же. С. 42–43.

- ¹⁹² Русанов Н.С. Н.Г.Чернышевский и Россия 60-х гг. // Социалисты Запада и России. СПб., 1909. С. 276.
- ¹⁹³ Там же. С. 291.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 282.
- ¹⁹⁵ Валентинов Н. Попытка узнать Ленина // Слово. 1990. № 11–12. С. 53.
- ¹⁹⁶ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 55.
- ¹⁹⁷ Чичерин Б.Н. Поездка за границу. М., 1932. С. 32.
- ¹⁹⁸ Туган-Барановский М.И. Общественно-экономические воззрения Н.Г.Чернышевского. С. 2.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 13–14.
- ²⁰⁰ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 716.
- ²⁰¹ Тредиаковский В.К. (1703–1769) — русский поэт и ученый. Тяжелый стих и архаическая лексика Тредиаковского вызывали насмешки современников.
- ²⁰² Валентинов Н. Указ. соч. С. 53.
- ²⁰³ Союз потребителей. 1917. № 8. С. 12.
- ²⁰⁴ Вестник МОСКО. 1919. № 1. С. 6.
- ²⁰⁵ Гибнер Н.П. Система кооперации. М., 1911. С. 8.
- ²⁰⁶ Публицист. Указ. соч. С. 6.
- ²⁰⁷ Шульце-Делич Франц-Герман (1808–1883) — немецкий экономист и политический деятель. В 1849 г. выступил с планом «спасения» от нужды пролетаризирующихся ремесленников и рабочих путем создания среди них кредитных, снабженческо-сбытовых, а также и потребительских кооперативов. В 1853 г. издал книгу «Трудящиеся классы и кооперативные общества в Германии», в 1859 г. создал первое кредитное товарищество и провел первый кооперативный конгресс немецких обществ в Веймаре; в 1861 г. был избран секретарем «Всеобщего союза германских товариществ», в том же году избран в прусскую законодательную палату, позднее — в общеимперский рейхстаг. Шульце-Делич — сторонник внеклассовой кооперации, «гармонии интересов» труда и капитала, как и в области теоретической политической экономии, сторонник принципа *самопомощи*. Категорически отвергал помощь государства.
- ²⁰⁸ Раффайзен Фридрих Вильгельм (1818–1888) — идеолог и практик сельскохозяйственной кредитной кооперации, основанной на круговой поручке и сторонней помощи. Полублаготворительный, полukoоперативный характер являлся отличительной чертой учреждений Раффайзена (принцип взаимопомощи).
- ²⁰⁹ Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 432.
- ²¹⁰ Пекарский В.Ф. Нормальная экономика (Теория кооперации). СПб., 1914. С. 77.
- ²¹¹ Кулыжский А.Е. Очерки по сельскохозяйственной и кредитной кооперации. 1900–1918. Пг., 1918. С. 19.
- ²¹² Кулыжский А.Е. Предложение о деятельности Товарного отдела Московского народного банка // Очерки по сельскохозяйственной и кредитной кооперации. 1900–1918. Пг., 1918. С. 45, 49.

- ²¹³ Прения по докладу Д.М.Шорина // Материалы по внешкольному распространению сельскохозяйственных знаний. М., 1917. Вып. 1. С. 78.
- ²¹⁴ *Хижняков В.В.* Земство и кооперация. М., 1914. С. 14.
- ²¹⁵ Отзывы ученых и общественных деятелей о кооперации. М., 1918. С. 17.
- ²¹⁶ *Гибнер Н.П.* Система кооперации. С. 138.
- ²¹⁷ *Гибнер Н.П.* Новый проект организации мелкого кредита // Союз потребителей. 1903. № 14. С. 1–2.
- ²¹⁸ Справочная книга для сельских товариществ. Харьков, 1913. С. 134–135.
- ²¹⁹ Помощь государства // Союз потребителей. 1910. № 8. С. 197.
- ²²⁰ Кооперативный идеал Центра // Союз потребителей. 1918. № 39. С. 40–42.
- ²²¹ Отзывы ученых и общественных деятелей о кооперации...С. 16.
- ²²² Настоящее и будущее кооперации // Союз потребителей. 1910. № 43. С. 955.
- ²²³ См.: ст. Кооперативное законодательство.
- ²²⁴ *Ширман М.* Независимость потребительской кооперации и финансирование ее государством // Союз потребителей. 1917. № 20. С. 3–4.
- ²²⁵ Там же. № 21. С. 3–7.
- ²²⁶ Вестник МОСКО. 1919. № 2. С. 5.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ Государство и потребительская кооперация // Союз потребителей. 1917. № 28. 29. С. 2.
- ²²⁹ *Ширман М.* Указ. соч. С. 3–4.
- ²³⁰ Известия Совета Всероссийских кооперативных съездов. 1917. № 1. С. 4.
- ²³¹ Там же. С. 5–6.
- ²³² Союз потребителей. 1917. № 22–23. С. 23, 25, 26.
- ²³³ *Гриневецкий В.И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919. С. 3–5.
- ²³⁴ *Е.К.* Из кооперативной печати // Союз потребителей. 1918. № 36. С. 22.
- ²³⁵ *В.П.* Не понимают // Союз потребителей. 1918. № 36. С. 21.
- ²³⁶ *Лежава А.* Не путайтесь без нужды в ногах у НЭПа // Сов. секретно. 1990. № 4. С. 4.
- ²³⁷ *Е.К.* Из кооперативной печати. (Печальное зрелище) // Союз потребителей. 1918. № 39. С. 24.
- ²³⁸ *Жид Ш.* Возникновение и развитие социальной экономики в XIX в. // Русская высшая школа общественных наук в Париже. СПб., 1905. С. 208.
- ²³⁹ Там же. С. 208, 195.
- ²⁴⁰ Там же. С. 195.
- ²⁴¹ Из резолюции IV Международного Кооперативного Конгресса. Гамбург, 1910.

- ²⁴² Конгресс Международного кооперативного альянса. М., 1980. (Центросоюз — монопольное объединение всех видов советских кооперативов, будучи членом МКА игнорировал основополагающие кооперативные принципы, противоречившие «доктрине марксизма-ленинизма».)
- ²⁴³ Отзывы ученых и общественных деятелей о кооперации... С. 49.
- ²⁴⁴ *Гибнер Н.П.* Система кооперации. С. 3.
- ²⁴⁵ Там же.
- ²⁴⁶ Формула «Мондрагона» // Правда. 1990. 17 августа.
- ²⁴⁷ *Абовин-Егидс П.* Хождение великой идеи по мукам // Перспективы. 1991. № 4. С. 34.
- ²⁴⁸ *Тереженко В.И.* Организация и управление. (Опыт США). М., 1965. С. 21–22.
- ²⁴⁹ Там же. С. 21–22.
- ²⁵⁰ *Чаянов А.В.* Апостол кредитной кооперации // Союз потребителей. 1918. № 10. С. 1.
- ²⁵¹ *Тотомианц В.Ф.* Раффейзен Ф.Р. // Вестник кооперации. 1910. № 2. С. 106.
- ²⁵² Германское законодательство выступило против этого положения. Раффейзен ввел мелкие пай без права передачи по праву наследства.
- ²⁵³ *Чаянов А.В.* Там же. С. 2.
- ²⁵⁴ *Арманд А.* Очередные политико-просветительные задачи кооперации // Союз потребителей. 1917. № 11–12. С. 13, 14.
- ²⁵⁵ *Туган-Барановский М.И.* Роберт Оуэн. М., 1920.
- ²⁵⁶ Там же.
- ²⁵⁷ *Туган-Барановский М.И.* Общественно-экономические воззрения Чернышевского // Труды ВЭО. 1910. Т. 1. Кн. 1. С. 4; *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 729.
- ²⁵⁸ *Хижняков В.* Что такое кооперация М., 1925. С. 3–4.
- ²⁵⁹ *Тотомианц В.Ф.* Р. Оуэн, его жизнь и деятельность. Пг., 1918. С. 10.
- ²⁶⁰ *Кабо Р.* Железнодорожная кооперация и ее задачи // Пролетар. 1918. № 5. С. 31–32.
- ²⁶¹ *Пажитнов К.А.* Международный кооперативный союз. Омск, 1919. С. 1.
- ²⁶² Доклад правления ревизионной Комиссии Инякинского общества потребителей Рязанской губернии к 1 января 1915. Рязань, 1915. С. 4.
- ²⁶³ Календарь-справочник для членов общества «Кооперация» в 1919. М., 1919. С. 8.
- ²⁶⁴ *Галевич В.* Школьные кооперативы // Вестник кооперации. 1914. № 4. С. 25.
- ²⁶⁵ *Брандстед Л.* Задачи городской кооперации // Вестник кооперации. 1917. № 1. С. 25–26.
- ²⁶⁶ *Кабо Р.* Указ. соч. С. 31–32.
- ²⁶⁷ См.: *Евдокимов А.* Методы освоения лекторов с аудиторией // Организация местных кооперативных курсов. М., 1913. С. 180–196.
- ²⁶⁸ См.: *Кильчевский В.В.* Современное положение, типы и программы Кооперативных курсов // Организация местных кооперативных курсов. М., 1913. С. 45–135.

- ²⁶⁹ М. Духовная красота кооперации // Союз потребителей. 1917. № 5. С. 15.
- ²⁷⁰ Меркулов А. Кооперация, как творческий социализм // Союз потребителей. 1918. № 29–31. С. 9.
- ²⁷¹ Гибнер Н.П. Система кооперации. М., 1911. С. 46.
- ²⁷² Материалы по союзному строительству потребительской кооперации с 1913 по 1918 г. М., 1918. С. 217.
- ²⁷³ Известия Совета ВКС. 1917. С. 6.
- ²⁷⁴ Арманд Л. Указ. соч. С. 13–14.
- ²⁷⁵ Союз потребителей. 1915. № 29. С. 1106.
- ²⁷⁶ Бух Л. Задачи потребительных обществ // Вестник кооперации. 1909. № 3. С. 16–17.
- ²⁷⁷ Евдокимов А. Указ. соч. С. 180–196.
- ²⁷⁸ Календарь-справочник для членов Общества «Кооперация» в 1919 г. М., 1919.
- ²⁷⁹ Афоризмы издавались в виде отдельных плакатов, которые развешивались в конторах, потребительных обществах, складах, библиотеках, народных домах и проч., а также печатались в календарях, записных книжках кооператоров, на обложках журналов, отчетов обществ. Афоризмы, составленные, безусловно, человеком интеллигентского склада, выполняли роль цитатников, служили средством идеологической пропаганды кооперации в своеобразном ее толковании, были рассчитаны на народную аудиторию.
- ²⁸⁰ Вестник шанявцев. 1918. № 3. С. 77.
- ²⁸¹ Билинов Н. Стихи и песни кооперации. Пермь, 1915; *Его же*. Кооперация и самоуправление. М., 1918; *Его же*. Кооперация и женщина. М., 1918; *Его же*. Народные сбережения должны дойти в кооперативы. М., 1918; *Его же*. В защиту кооперации. М., 1918; *Его же*. Сбережение с пользой (об увеличении паев). Харьков, 1919; *Его же*. Кооперация и социализм. М., 1917; *Его же*. Что было искони на Руси — самоуправление или народоправство. М., 1917.
- ²⁸² Интеллигенция — своеобразный продукт российской действительности середины XIX — начала XX в., результат специфических процессов государственной политики, невостребованный временем, претендующий на роль носителя национальной идеологии. Россия — испытательный полигон для умозрительных схем, конструируемых отдельными лицами или группами людей, называющих себя интеллигентами.
- ²⁸³ Впервые термин «нигилизм» ввел в общественный оборот публицист М.Н.Катков (редактор консервативных «Русского вестника» и «Московских ведомостей»). Но свое распространение термин получил после выхода из печати романа И. Тургенева «Отцы и дети» и был неразрывно связан с главным героем — недоучившимся студентом Базаровым, а также — с Марком Волоховым, героем романа «Обрыв» И.Гончарова, прототипами которого были и С.Нечаев, Н.Шелгунов и Ф.Любимов и «отец нигилистов» — И.И.Введенский (1813–1855) — историк, переводчик Ч.Диккенса, печатавшийся в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках» и «Современнике».

Нигилист — герой революционной интеллигенции конца XIX — начала XX в., его лозунг: «Отречемся от старого мира». Нигилизм — презрение к личности. Нигилизм «наложил у нас свою печать на века жизнь интеллигентного класса, а эта печать не скоро изгладится..., придал нашей интеллигенции... своеобразный оттенок... В несравненно менее художественном романе «Что делать?», в начинаниях Чернышевского, будущие революционеры видели лучшие портреты самих себя», — вспоминал П.Кропоткин. (*Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988. С. 83, 286).

²⁸⁴ Лесков Н.С. Собр. соч. Т. 1. С. 18.

²⁸⁵ Лауниц фон-дер Василий Федорович (1855–1906) — государственный деятель, тамбовский губернатор, позднее петербургский градоначальник, убит 21 декабря 1906 г. Речь идет о неудачном покушении весной 1902 г.

²⁸⁶ Короленко В.Г. Собр. соч. М., 1928. Т. 23. С. 52–53.

²⁸⁷ «Чайковцы» — типичные представители русской интеллигенции 1870-х гг. Кружок «чайковцев» распространял сочинения Лассаля, Маркса, Берви-Флеровского среди студентов столичных университетов и в провинциальных городах, став центром социалистической пропаганды среди учащейся молодежи.

²⁸⁸ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1990. С. 13.

²⁸⁹ Короленко В.Г. Указ. соч. С. 42, 48; Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955, Т. 2. С. 226.

²⁹⁰ Короленко В.Г. Указ. соч. С. 52.

²⁹¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1873.

²⁹² Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1990. С. 43.

²⁹³ Франк С. Этика нигилизма // Вехи. М., 1990. С. 182, 175.

²⁹⁴ Искра. 1900. № 1.

²⁹⁵ Бердяев Н. Указ. соч. С. 17.

²⁹⁶ После революции 1848 г. в университеты разрешался допуск только дворянам. Александр II упразднил эту «несправедливость» и к 1860 г. основу студенческого контингента составляли разночинцы.

²⁹⁷ Дояренко А.Г. Из агрономического прошлого. М., 1965. С. 165.

²⁹⁸ Чапнов А.В. Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем. Путеводитель. М., 1925. С. 32.

²⁹⁹ Гиляровский В.С. Москва и москвичи. Ташкент, 1988. С. 184.

³⁰⁰ Гиляровский В.С. Указ. соч. С. 184.

³⁰¹ Там же. С. 109. С трактиром «Ад» связана история первого покушения на Александра II (4 апреля 1866 г). Конспиративные заседания кружка студенческой молодежи — «Организация», образованного в 1863 г. в Москве, проходили в трактире «Ад». Цель кружка — активная борьба с правительством. После выстрела Каракозова девять «адовцев», именовавших себя «смертниками», ушли на каторгу.

³⁰² Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1990. С. 48.

³⁰³ Проект 1871 г. предполагал введение классического образования.

³⁰⁴ Ткачев П. Соч. М., 1975. С. 8, 9.

³⁰⁵ Дояренко А.Г. Указ. соч. С. 135.

- ³⁰⁶ Булгаков С. Указ. соч. С. 49.
³⁰⁷ Там же. С. 47.
³⁰⁸ Чехов А.П. Соч. М., 1963. Т. 9. С. 633–634.
³⁰⁹ Чехов А.П. Соч. М., 1966. Т. 12. С. 274. (Письмо от 22 февраля 1899 г.)
³¹⁰ Земля и Воля. 1878. № 1.
³¹¹ Гончаров И.А. Литературно-практические статьи и письма. М., 1938. С. 293.
³¹² Кротошкин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 297.
³¹³ Белоголовый Н.А. Указ. соч. С. 116.
³¹⁴ Там же.
³¹⁵ Там же.
³¹⁶ Ткачев П.С. Указ. соч. С. 26, 27.
³¹⁷ Кротошкин П.А. Указ. соч. С. 295.
³¹⁸ Братусь С.Н. (1904–1960) – юрист, доктор юридических наук, автор трудов по общей теории права и советского гражданского права.
³¹⁹ Бердяев Н. Указ. соч. С. 12.
³²⁰ Плеханов Г.В. Ткачев П.С. // Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 130.
³²¹ Кротошкин П.А. Указ. соч. С. 5.
³²² Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 118.
³²³ Шмелев И.С. Душа Родины. Париж, 1967. С. 182.
³²⁴ Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы российской промышленности. М., 1919. С. 50.
³²⁵ Там же.
³²⁶ Там же. С. 5.
³²⁷ Там же. С. 35.
³²⁸ Там же. С. 5.
³²⁹ Новоточинов А., Патаки В. Детские болезни переходного периода // Российские вести. 1991, 19 марта.
³³⁰ Политические выступления потребительской кооперации // Союз потребителей. 1917. № 26. С. 5.
³³¹ Союз потребителей. 1917. № 9–10. С. 25.
³³² Боголюбов В. Российский кооперативный съезд // Союз потребителей. 1917. № 9–10. С. 7–8.
³³³ Союз потребителей. 1917. № 11–12. С. 10–13.
³³⁴ Материалы по союзному строительству потребительской кооперации с 1913 по 1918. М., 1918. С. 217.
³³⁵ Власть народа. 1917. № 116.
³³⁶ Там же.
³³⁷ Чхеидзе – Председатель Петроградского Совета, организатор торжественной встречи В.И.Ленина по возвращении в Россию в апреле 1917 г.; Хинчук – председатель Московского Совета.
³³⁸ Союз потребителей. 1917. № 27. С. 13–14.
³³⁹ Власть народа. 1917. № 114. С. 3.
³⁴⁰ Там же. № 116. С. 1–2.

³⁴¹ Комментируя выступление, редактор отметил, что доклад Чаянова был не совсем правильно понят аудиторией и вызвал «страстные прения на общую тему: следует ли кооперации вообще принимать участие в политической жизни». Речь шла о временном и частичном выступлении кооперации на выборах в Учредительное собрание, «против участия в выборах работник кооперации, разумеется, не запротестует».

³⁴² Власть народа. 1917. № 117. С. 3.

³⁴³ 1 сентября 1917 г. разразился правительственный кризис. В политических кругах образовались две коалиции – буржуазная и революционная. Всероссийский ЦИК на 2-м заседании поставил вопрос об объединении сил революционных демократов (большевики, эсеры, меньшевики), о создании объединенного социалистического правительства. ВЦИК, высший «орган революционной демократии», в вопросе о создании коалиции решил устранить от участия в правительстве всех представителей «буржуазной демократии». 3 сентября ВЦИК направил широкому кругу политических и гражданских организаций приглашение к обсуждению ситуации.

³⁴⁴ Власть народа. 1917. № 119. С. 3.

³⁴⁵ Там же. № 121.

³⁴⁶ «Интернационалисты» – профсоюзы, Советы рабочих и солдатских депутатов, левые эсеры, меньшевики.

³⁴⁷ Власть народа. 1917. № 120. С. 2.

³⁴⁸ Там же. № 122.

³⁴⁹ См.: Там же. № 135. С. 3.

³⁵⁰ П.М. Политические выступления кооперации // Союз потребителей. 1917. № 32–33. С. 63.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Съезд народных социалистов // Власть народа. 1917. № 130. С. 4.

³⁵³ Деятельность совета ВКС в 1918 г. М., 1919. С. 23.

³⁵⁴ Союз потребителей. 1917. № 27. С. 16–17.

³⁵⁵ Власть народа. 1917. № 117.

³⁵⁶ Гибнер Н.П. Система кооперации. М., 1911. С. 44.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Союз потребителей. 1915. № 29. С. 985.

³⁵⁹ Там же. 1917. № 30–31. С. 15.

³⁶⁰ Прокопович С.Н. Пятидесятилетие кооперативного движения // Союз потребителей. 1915. № 29. С. 985.

³⁶¹ Союз потребителей. 1915. № 29. С. 996.

³⁶² См.: Гибнер Н.П. Система кооперации. М., 1911.

³⁶³ Союз потребителей. 1915. № 29. С. 997.

³⁶⁴ Тезисы о союзном строительстве // Союз потребителей. 1917. № 21. С. 3.

³⁶⁵ Календарь-справочник для членов Общества «Кооперация». М., 1919. С. 165–174.

³⁶⁶ Кускова Е.Д. Союзы кооперативов // Союз потребителей. 1915. № 29. С. 1006.

- ³⁶⁷ Дунин А. [Меркулов А.] На совещании союзных объединений // Союз потребителей. 1917. № 22–23. С. 12–18.
- ³⁶⁸ Там же.
- ³⁶⁹ Там же.
- ³⁷⁰ Там же.
- ³⁷¹ Там же.
- ³⁷² Свод законов. Т. XIII. Ст. 446.
- ³⁷³ Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. М., 1918. С. 379.
- ³⁷⁴ Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. СПб., 1906.
- ³⁷⁵ Кооперативный закон о кооперативных товариществах и их союзах. М., 1917.
- ³⁷⁶ Союз потребителей. 1917. № 11–12. С. 3.
- ³⁷⁷ Две реальные политические силы: Думский Комитет, по сути дела, и создавший Временное правительство — правое крыло Таврического дворца; Исполком Совета рабочих депутатов (Совет Рабочих депутатов: Н.С.Чхеидзе — председатель, А.Ф.Керенский, М.И.Скобелев — заместители, а также отдельные тов. Ю.М.Стеклов, Н.Д.Соколов) — левое крыло Таврического дворца.
- ³⁷⁸ См.: Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы российской промышленности. М., 1918.
- ³⁷⁹ Малия М. К пониманию русской истории. Лондон, 1985. С. 128–129.
- ³⁸⁰ Московские ведомости. 1917. 1 августа.
- ³⁸¹ Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов. 1917. 19–20 августа.
- ³⁸² Кильчевский В.А. Советы крестьянских депутатов. М., 1917.
- ³⁸³ Там же.
- ³⁸⁴ Союз потребителей. 1917. № 11–12.
- ³⁸⁵ Там же. № 22–23.
- ³⁸⁶ Дело народа. 28 окт. 1917.
- ³⁸⁷ Власть народа. 1917. № 97. С. 2.
- ³⁸⁸ Там же. № 98. С. 1.
- ³⁸⁹ Лига аграрных реформ. Редакционный комитет — П.П.Маслов, С.Л.Маслов, Н.П.Огановский и А.В.Чаянов. (См.: Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1917. С. 32.)
- ³⁹⁰ Лига аграрных реформ была создана по инициативе Вольного экономического общества, Всероссийского кооперативного съезда, Всероссийского земского союза, московского и харьковского обществ сельского хозяйства. Отделения Лиги аграрных реформ существовали в 33 губерниях.
- ³⁹¹ Власть народа. 1917. № 126. С. 2.
- ³⁹² См.: Архив русской революции. М., 1991. Т. 3. Кн. 5–6. С. 11.
- ³⁹³ Солженицын А. Наше наследие. М., 1989. С. 714–716.
- ³⁹⁴ Риттих А.А. — экономист, государственный деятель. С 1905 г. — служащий Министерства землеустройства и земледелия, с 1912 г. — то-

- варищ министра, с 1916-го — управляющий Министерством. В феврале 1917 г. сделал в Государственной Думе доклад о продовольственной политике, вызвавшей негодование общественных демагогов, поддержан крестьянскими депутатами.
- ³⁹⁵ Солженицын А. Указ. соч. С. 715.
- ³⁹⁶ Велли З. Революция и продовольственные задачи // Союз потребителей. 1917. № 9–10. С. 5.
- ³⁹⁷ Союз потребителей. 1917. № 22–23. С. 6–14.
- ³⁹⁸ Там же. С. 38.
- ³⁹⁹ Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы российской промышленности. М., 1918. С. 5.
- ⁴⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 269.
- ⁴⁰¹ Экономический обзор. Крестьяне и рабочие // Союз потребителей. 1919. № 9–10. С. 26.
- ⁴⁰² Союз потребителей. 1919. № 9–10. С. 9.
- ⁴⁰³ Колосов-Соколовский И. Союз потребителей и рабочее движение // Союз потребителей. 1923. № 2. С. 5.
- ⁴⁰⁴ Танин М. Союз или кооператив? // Союз потребителей. 1910. № 42. С. 942.
- ⁴⁰⁵ А.Н. Рабочее кооперативное движение // Союз потребителей. 1917. № 30–31. С. 17–18.
- ⁴⁰⁶ Там же.
- ⁴⁰⁷ Крыжановский П. Об артелях во французской армии // Артиллерийский журнал. 1857. № 2. С. 143–157.
- ⁴⁰⁸ Озеров И. Общества потребителей. Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России. СПб., 1900. С. 207–235.
- ⁴⁰⁹ В экономическое общество офицеров московского военного округа входили офицеры 2-го Гвардейского Перновского полка, 7-го Гренадерского Салючитского полка, 6-го Гренадерского Таврического полка, 1-го Лейб-гренадерского Екатеринославского Императорского Александра III полка, 4-го Гренадерского Несвижского полка, 5-го Гренадерского Киевского полка, Московского Жандармского Дивизиона, 2-го Гренадерского Ростовского полка, 12-го Гренадерского Астраханского полка.
- ⁴¹⁰ Листок объявлений московского военно-хозяйственного общества. 1897. № 1.
- ⁴¹¹ Там же.
- ⁴¹² Там же. № 2.
- ⁴¹³ Союз потребителей. 1918. № 39. С. 23.
- ⁴¹⁴ Там же. 1923. № 2. С. 75.
- ⁴¹⁵ Там же. № 3. С. 65.
- ⁴¹⁶ Там же. С. 64.
- ⁴¹⁷ Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 155.
- ⁴¹⁸ О положении и обеспечении служащих и рабочих в кооперативах // Всероссийский съезд по кооперации в г. Киеве. 1–7 авг. 1913. С. 12.
- ⁴¹⁹ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 157.

- ⁴²⁰ *Протопопов Д.* Возрождение русской промышленности и роль кооперации // Вестник МОСКО. 1919. № 5–6. С. 26–28.
- ⁴²¹ *Чаянов А.* Спорные вопросы кооперативного строительства // Кооперативная жизнь. 1918. № 1. С. 18.
- ⁴²² *Носов С.* Гибель действительности // Новый журнал. 1997. № 1. С. 191.
- ⁴²³ *Меркулов А.В.* Полвека потребительной кооперации // Союз потребителей. 1915. № 29. С. 984, 987.
- ⁴²⁴ *Тернер Ф.А.* О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1861
- ⁴²⁵ *Кускова Е.Д.* Союзы потребителей // Союз потребителей. 1915. № 29. С. 1002.
- ⁴²⁶ *Шеллер-Михайлов А.* Ассоциации. СПб., 1870.
- ⁴²⁷ Известия Центросоюза. 1919. С. 83.
- ⁴²⁸ *Керенский А.Ф.* Россия в историческом повороте. М., 1993. С. 77.
- ⁴²⁹ Союз потребителей. 1918. № 39. С. 34.
- ⁴³⁰ Там же. С. 14, 19.
- ⁴³¹ *Хохлов Г.* Московский союз // Потребительное общество. 1903. № 18. С. 541–549.
- ⁴³² Союз потребителей. 1915. № 29. С. 1010.
- ⁴³³ Продпуть. 1918. № 1. С. 11; № 8. С. 20–21.
- ⁴³⁴ Союз потребителей. 1918. № 39. С. 35.
- ⁴³⁵ Там же. С. 37.
- ⁴³⁶ Наш юбилей // Союз потребителей. 1918 № 39.
- ⁴³⁷ Там же. С. 32.
- ⁴³⁸ Союз потребителей. 1917. № 13–14. С. 2–3.
- ⁴³⁹ Календарь-справочник для членов обществ потребителей в Москве. М., 1919. С. 139.
- ⁴⁴⁰ *В.В. Крестьянская община.* СПб., 1892. С. 151.
- ⁴⁴¹ *Крчин К.* Взаимопомощь среди животных и людей. СПб., 1904. С. 191.
- ⁴⁴² *Хромов М.* Интеллигентская колония «Криница» // Вестник кооперации. 1912. № 2. С. 21.
- ⁴⁴³ Там же.
- ⁴⁴⁴ См.: *Хромов М.* Указ. соч.; *Его же.* «Криница» и ее экономическая организация. К 25-летию колонии «Криница» // Вестник кооперации. 1912. № 9; *Василевский Г.* Интеллигентская земледельческая община «Криница». К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб., 1908; *Его же.* Четверть века «Криницы» // Наше дело. 1913.
- ⁴⁴⁵ *Хромов М.* Указ. соч. С. 18.
- ⁴⁴⁶ *Канчер Е.* Что такое сельскохозяйственная кооперация // Вестник кооперации. 1912. № 3. С. 34–50.
- ⁴⁴⁷ *Василевский Г.* Указ. соч. С. 49, 51.
- ⁴⁴⁸ Труды первого Всероссийского кооперативного съезда. Киев, 1908. С. 378.
- ⁴⁴⁹ См.: *Итенберге Б.С.* Начало массового «хождения в народ» // Исторические записки. 1961. Т. 69; *Гауэнштейн М.Е.* Воспоминания из жизни

- народнических кружков в Казани // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 10; *Лойко Л.* От «Земли и воли» к ВКП (б). М.-Л., 1929; Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.
- ⁴⁵⁰ Жизнь в кибуце – волнующий образ // The Messianic Times. 1993. № 1.
- ⁴⁵¹ *Биран Д.* Абсорбция в кибуце. Я строю кибуц, и кибуц строит меня. Jerusalem, 1989.
- ⁴⁵² *Пумпянский Л.М.* Лже-кооперация // На чужой стороне. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 240.
- ⁴⁵³ *Зелинская Е.И. Хижняков В.В.* // Кооперация. Страницы истории. М., 1995. Вып. 4. С. 139–157.
- ⁴⁵⁴ *Хейсин М.* Начало новой идеологии в Отделении // Вестник кооперации. 1915. № 18. С. 87–89.
- ⁴⁵⁵ Кооперативное дело под охранным надзором // Союз потребителей. 1917. № 9–10.
- ⁴⁵⁶ *Кускова Е.* Союз кооперативов // Союз потребителей. 1915. № 29. С. 1006.
- ⁴⁵⁷ Кооперация. Страницы истории. Вып. 5. С. 318–329.
- ⁴⁵⁸ *Гибнер Н.П.* Система кооперации. М., 1911. С. 138.
- ⁴⁵⁹ Там же. С. 139–145.
- ⁴⁶⁰ *Кускова Е.Д.* Указ. соч. С. 1006.
- ⁴⁶¹ Союз потребителей. 1915. № 29. С. 996.
- ⁴⁶² Там же. С. 999.
- ⁴⁶³ *Кускова Е.Д.* Союзы кооперативов. С. 1006.
- ⁴⁶⁴ Союз потребителей. 1917. № 30–31. С. 15.
- ⁴⁶⁵ *Гибнер Н.П.* Второй кооперативный Всероссийский съезд // Союз потребителей. 1914. № 22. С. 566.
- ⁴⁶⁶ *Меркулов А.Н.П. Гибнер* // Союз потребителей. 1918. № 39. С. 14.
- ⁴⁶⁷ Там же. С. 23
- ⁴⁶⁸ Отзывы ученых и общественных деятелей кооперации. М., 1918. С. 16.
- ⁴⁶⁹ Письмо Н.П. Гибнера на учредительный съезд немецких кооператоров в Дрезден // Союз потребителей. 1918. № 39. С. 21.
- ⁴⁷⁰ *Гибнер Н.П.* Система кооперации. М., 1911. С. 103.
- ⁴⁷¹ *Гибнер Н.П.* Свобода // Союз потребителей. 1905. № 18. С. 517.
- ⁴⁷² Письмо Н.П. Гибнера... С. 21.
- ⁴⁷³ *Гибнер Н.П.* Новый проект организации мелкого кредита // Союз потребителей. 1903. № 14. С. 1–2.
- ⁴⁷⁴ Отзывы ученых и общественных деятелей кооперации... С. 16.
- ⁴⁷⁵ *Гибнер Н.П.* Система кооперации. С. 10.
- ⁴⁷⁶ Там же. С. 9, 104.
- ⁴⁷⁷ Отзывы ученых и общественных деятелей кооперации... С. 16.
- ⁴⁷⁸ *Гибнер Н.П.* Система кооперации. С. 8, 9, 38.
- ⁴⁷⁹ Там же.
- ⁴⁸⁰ Там же. С. 138.
- ⁴⁸¹ Там же. С. 17, 138.
- ⁴⁸² *Гибнер Н.П.* Новый проект... С. 1, 2.

- ⁴⁸³ Гибнер Н.П. Система кооперации. С. 137.
- ⁴⁸⁴ Отзывы ученых и общественных деятелей кооперации... С. 17.
- ⁴⁸⁵ Гибнер Н.П. Система кооперации. С. 100–104.
- ⁴⁸⁶ Там же.
- ⁴⁸⁷ Кооперация. Страницы истории. М., 1993. Кн. 1. Ч. 1. С. 39.
- ⁴⁸⁸ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 62.
- ⁴⁸⁹ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 26–29.
- ⁴⁹⁰ См.: Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны ХХ столетия. Нью-Йорк. 1989. С. 27; Андреев Д.А. Эволюция политической доктрины русского масонства. 1906–1917 // Вестник Московского университета. 1993. № 4.
- ⁴⁹¹ Берберова Н. Указ. соч. С. 161, 154.
- ⁴⁹² Там же. С. 637.
- ⁴⁹³ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 63.
- ⁴⁹⁴ Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962.
- ⁴⁹⁵ Берберова Н. Указ. соч. С. 158–234.
- ⁴⁹⁶ Кускова Е.Д. Союзы кооперативов // Союз потребителей. 1915. № 29. С. 1006.
- ⁴⁹⁷ Известия Совета Всероссийских кооперативных Съездов. №1. 1917.
- ⁴⁹⁸ Власть народа. № 131. 1917. С. 2–3.
- ⁴⁹⁹ Там же. № 135.
- ⁵⁰⁰ Пумпянский Л.М. Лже-кооперация // На чужой стороне. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 240.
- ⁵⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 436.
- ⁵⁰² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 120.
- ⁵⁰³ Москва или Рочдель? М., 1915 г. (См., например: доклад Шарля Жида «Рочдель или Москва», сделанный 28 июля 1914 г. на Международной кооперативной выставке в Генте, и доклад Н.Мещерякова, прочитанный 21 декабря 1914 г. на ту же тему к 80-летию Рочделя в Центральном кооперативном клубе в Москве.)
- ⁵⁰⁴ Москва или Рочдель? М., 1925. С. 18, 36.
- ⁵⁰⁵ Впервые слово «социализм» упомянуто в сен-симонистском журнале «Глобус» в 1831 г.
- ⁵⁰⁶ См.: Козлова Е.Н. Что такое кооперация? Приложение // Кооперация. Страницы истории. М., 1991. Вып. 1. Ч. 2. С. 32–32.
- ⁵⁰⁷ В православной идеологии отсутствует концепция отношения к труду, как источнику капитала.
- ⁵⁰⁸ См.: Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. М., 1913.
- ⁵⁰⁹ Союз потребителей. 1918. № 39. С. 45–47.
- ⁵¹⁰ Николаев А. Теория и практика кооперации. М., 1908
- ⁵¹¹ Прокопович С.Н. Кооперация // Энциклопедический словарь. Гранат. Т. 25. С. III.
- ⁵¹² Егоров И. Центросоюз и рабочая кооперация // Союз потребителей 1913. № 12. С. 269.

- ⁵¹³ См.: «Революционное творчество». Ежемесячный журнал науки, искусства, социальной жизни и кооперации под углом зрения общего анархизма. Гл. ред. Ф.М.Неустоев.
- ⁵¹⁴ Поссе В.А. (1864–1940) — революционный деятель, журналист, издатель, идеолог рабочей кооперации. В 1906 г. совместно с Хейсиным, Малиновским и др. товарищами основал потребительный кооператив «Трудовой союз», который дал крышу революционным партиям. Вдохновленный марксизмом, Поссе разработал в 1903 г. собственную концепцию общинного социализма. Политические взгляды Поссе носили эклектический характер — от Толстого до Кропоткина, Плеханова и Маркса. Общины, организованные Поссе на утопической основе по разработанному им уставу в Петрограде, Одессе, Минске, Воронеже, быстро распались. В 1917 г. Поссе создал «Союз имущественного и трудового равенства». Устав «Союза» объявил войну «буржуазии» «во имя замены общественного строя... строем братства и радостной жизни всех и каждого». В 1930-е гг. — персональный пенсионер, обласканный большевиками.
- ⁵¹⁵ Извинения со стороны А.Посникова все же были принесены.
- ⁵¹⁶ Журнал «Объединение» (1911–1919 гг.) Главный редактор — В.Зельгейм.
- ⁵¹⁷ Кооперативный мир. 1917. № 3–4. С. 5.
- ⁵¹⁸ Там же. С. 3.
- ⁵¹⁹ Там же. С. 116.
- ⁵²⁰ Коммунисты о кооперации // Союз потребителей. 1918. № 34–35. С. 3.
- ⁵²¹ Кооперативный идеал // Союз потребителей. 1918. № 39. С. 40–42.
- ⁵²² Ежов В. Необходимое разъяснение. Письмо в редакцию // Союз потребителей. 1918. № 42. С. 58–59.
- ⁵²³ Коммунисты о кооперации // Союз потребителей. 1918. № 34–35. С. 4.
- ⁵²⁴ Час настал! // Объединение. 1917. № 1. С. 6.
- ⁵²⁵ Мещеряков Н. Кооперация, социализм и диктатура пролетариата // Новые идеи в кооперации. М., 1919. С. 18–20, 50–51.
- ⁵²⁶ Справочная книга для земледельческих артелей, коммун и товариществ. М.; Л., 1925. С. 56–91.
- ⁵²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 161.
- ⁵²⁸ БСЭ. Т. 34. С. 204; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 375.
- ⁵²⁹ Гибнер Н.П. Система кооперации. М., 1911. С. 103.
- ⁵³⁰ Там же. С. 138.
- ⁵³¹ Там же.

Телицын Вадим Леонидович, Козлова Елена Николаевна

Т 31 Российская кооперация: Что это было: Очерки. — М. :
Собрание, 2009. — 336 с. : ил. — ISBN 978-5-9606-0084-2

Настоящая книга посвящена исследованию уникального социально-экономического явления — кооперации. Благодаря кооперации России удалось в конце XIX — начале XX вв. совершить настоящий прорыв в своем развитии — с учетом российской действительности, ментальности и, главное, с учетом ее исторического пути.

В основу книги легли труды российских кооператоров-теоретиков, а также документы, свидетельствующие об успехах кооператоров-практиков.

Для широкого круга читателей.

УДК 338+316/42(47+57)(091)
ББК 63.3(2)6

О Ф О Р М Л Е Н И Е П Е Р Е П Л Е Т А

С.А. Стулов

Подписано в печать 15.09.2009 г.

Формат 60 × 90/16. Гарнитура NewBaskerville.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,00. Уч.-изд. л. 18,20.

Тираж 100 экз. Заказ № 685

Издательство «Собрание»

109559, Москва, Тихорецкий бульвар, 1, стр. 5

Тел. (495) 389-68-88

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов

в ЗАО «Гриф и К»

300062, Тула, ул. Октябрьская, 81а